Л. И. Вавулинская. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЛЕНА: ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КАРЕЛИИ (1944–1949 ГОДЫ) **82**

Н. Л. Пушкарева. «УМА НЕ НАДО»: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНЩИНЕ – НАУЧНОЙ РАБОТНИЦЕ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ **89**

С. Г. Мустяцэ. ЧТО ЗНАЧИЛО БЫТЬ ИСТОРИКОМ В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ **99**

О. Ч. Реут, Т. П. Тетеревлева. «ВАГОН В ГАЛСТУКЕ» ИЛИ «ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРСТВЕННИК»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ **107**

О. В. Змеева, И. А. Разумова. ГЕРОИ – ВИНОВНИКИ – ЖЕРТВЫ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СМЕРТИ И ЗАХОРОНЕНИЯ В СЛУЧАЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ **113**

Аспирантские тетради

Д. В. Блышко. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИЙСКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ТЕЛЕПРОЕКТАХ: ГЕРОИ И ОБЫВАТЕЛИ **124**

С. В. Ваничев. РАДИОВЕЩАНИЕ В КАРЕЛИИ В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1930-х ГОДОВ **129**

И. М. Поташева, С. А. Светов. ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ICP-MS АНАЛИЗ ОБРАЗЦОВ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ ДРЕВНЕКАРЕЛЬСКИХ ГОРОДИЩ **136**

Юбилеи и даты

Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Алексей Степанович Жербин (к 90-летию со дня рождения) **143**

В. Г. Макуров. Афанасий Николаевич Турубанов (к 75-летию со дня рождения) **146**

Елена Григорьевна Сойни (к 60-летию со дня рождения) **149**

Рецензии и библиография

В. П. Кузнецова. «Уведи меня, дорога»: сборник статей памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. 458 с.; ил. **154**

С. М. Лойтер. Борисов С. Б. Русское детство XIX-XX вв.: культурно-антропологический словарь: в 2-х т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. Т. 1. А-М. 832 с.; Т. 2. Н-Я. 832 с. **158**

Правила для авторов **161**

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» **57397**

ТРУДЫ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН. № 4, 2013. Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ISSN 1997-3217

Труды
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4, 2013

transactions.krc.karelia.ru

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 4

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Лобанова. АНТРОПОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ **3**

И. И. Муллонен, О. В. Панченко. КАРЕЛЬСКО-РУССКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ АФОНСКОГО АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА, СДЕЛАННЫЕ В СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЕ (1666–1668 ГОДЫ) . . . **16**

В. А. Бахтина. СОБИРАТЕЛЬ КАК ИНТЕРПРЕТАТОР ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НАБЛЮДЕНИЯ НАД АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ ЭКСПЕДИЦИИ Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫХ «ПО СЛЕДАМ РЫБНИКОВА И ГИЛЬФЕРДИНГА» 1926–1928 ГОДОВ) **31**

Н. Е. Мазалова. РУССКИЙ КОЛДУН: ГЕРОЙ, ЗЛОДЕЙ **41**

А. В. Перегудов. РУССКИЙ ЖАНДАРМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОФИЦЕРОВ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВ) **50**

М. С. Костюхина. ВОЕННЫЕ НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В РУССКОЙ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА **56**

И. В. Синова. РЕМЕСЛЕННОЕ УЧЕНИЧЕСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДИСКУРС ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ **68**

Е. Г. Сойни. ГАРМОНИЯ ТРАГИЧЕСКОГО В ПОЭЗИИ УУНО КАЙЛАСА . . **74**

Карельский научный центр
Российской академии наук

ТРУДЫ

КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4

Петрозаводск
2013

Научный журнал
Труды Карельского научного центра Российской академии наук
№ 4, 2013
Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 4

Scientific Journal
Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
No 4, 2013
RESEARCH IN THE HUMANITIES Series
Vol. 4

Главный редактор
А. Ф. Титов

Редакционный совет

А. М. Асхабов, В. Т. Вдовицын, Т. Вихавайнен, А. В. Воронин, С. П. Гриппа, Э. В. Ивантер, А. С. Исаев, В. Т. Калинников, А. М. Крышень (зам. главного редактора), Е. В. Кудряшова, В. В. Мазалов, Ф. П. Митрофанов, И. И. Муллонен, Н. Н. Немова, В. В. Окрепилов, О. Н. Пугачев, Ю. В. Савельев, Д. А. Субетто, Н. Н. Филатов, В. В. Щипцов

Editor-in-Chief
A. F. Titov

Editorial Council

A. M. Askhabov, V. T. Vdovitsyn, T. Vihavainen, A. V. Voronin, S. P. Grippa, E. V. Ivanter, A. S. Isaev, V. T. Kalinnikov, A. M. Kryshen' (Deputy Editor), E. V. Kudryashova, V. V. Mazalov, F. P. Mitrofanov, I. I. Mullonen, N. N. Nemova, V. V. Okrepilov, O. N. Pugachyov, Yu. V. Saveliev, D. A. Subetto, N. N. Filatov, V. V. Shchiptsov

Редакционная коллегия серии «Гуманитарные исследования»

А. В. Антощенко, И. Ю. Винокурова, А. С. Герд, Н. Г. Зайцева, О. П. Илюха (зам. отв. редактора), Н. А. Кораблев, С. И. Кочкуркина, Н. А. Криничная, Е. И. Маркова, И. И. Муллонен (отв. редактор), А. В. Пигин, Т. Хямюнен, Н. В. Чикина (отв. секретарь)

Editorial Board of the «Research in the Humanities» Series

A. V. Antoshchenko, I. Yu. Vinokurova, A. S. Gerd, N. G. Zaitseva, O. P. Ilyukha (Deputy Editor-in-Charge), N. A. Korablyov, S. I. Kochkurkina, N. A. Krinichnaya, E. I. Markova, I. I. Mullonen (Editor-in-Charge), A. V. Pigin, T. Hämynen, N. V. Chikina (Executive Secretary)

ISSN 1997-3217

И. о. зав. редакцией А. И. Мокеева
Адрес редакции: 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
тел. (8142)762018; факс (8142)769600
E-mail: trudy@krc.karelia.ru
Электронная полнотекстовая версия: http://transactions.krc.karelia.ru

---

© Карельский научный центр РАН, 2013

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 3–15

УДК 902/904

АНТРОПОМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

Н. В. Лобанова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В данной статье приведена попытка сравнительного анализа одного из базовых и самых интересных образов древнего наскального искусства (людей и человекоподобных существ), запечатленных на скалах Карелии, Кольского полуострова, Норвегии и Швеции. Изображения свидетельствуют о богатом духовном мире человека, обитавшего на Севере Европы 7–3 тысячи лет назад. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с их хронологическими особенностями, стилистикой и смысловым содержанием. Автор вводит в научный оборот новые петроглифические материалы, полученные на территории Карелии за последние 10–15 лет.

К л ю ч е в ы е с л о в а : наскальное искусство, антропоморфные образы, Северная Фенноскандия, Онежские и Беломорские петроглифы, Канозеро, Альта, Немфорсен.

N. V. Lobanova. ANTHROPOMORPHIC IMAGES IN THE ROCK ART OF NORTHERN FENNOSCANDIA

This paper is an attempt to perform comparative analysis of one of the basic and most intriguing images of ancient rock art (humans and human-like creatures) portrayed on rocks of Karelia, Kola Peninsula, Norway and Sweden. These images are an indication of the rich spiritual world of the people who had inhabited Northern Europe 7-3 Ka BP. We consider important problems of their chronology, style and meaning. The author introduces new petroglyphic materials collected from the territory of Karelia over the past 10-15 years into the scientific discourse.

K e y w o r d s : rock art, anthropomorphic images, Northern Fennoscandia, Onega and White Sea petroglyphs, Kanozero, Alta, Nämforsen.

Наскальные изображения – очень сложный для понимания вид исторических источников, который, в частности, отражает определенные грани мировоззрения древних обществ. На территории Северной Фенноскандии можно выделить пять крупных и наиболее значимых для науки концентраций наскальных изображений: Республика Карелия (восточное побережье Онежского озера, низовья р. Выг), южная часть Кольского полуострова (оз. Канозеро, расширение р. Умба), северная Норвегия (Финнмарк, Альта-фьорд), северо-восточная Швеция (Немфорсен, р. Онгерманельвен). Они отделены друг от друга существенными расстояниями – более тысячи километров между крайними южной и северной точками и свыше 700 км между восточным и западным пунктами, расположенными на одной широте (рис. 1). Время существования этих памятников в целом определяется эпохой неолита – раннего железного века. Длительность традиции наскального искусства (в 3,5–4 тыс. лет) особен-

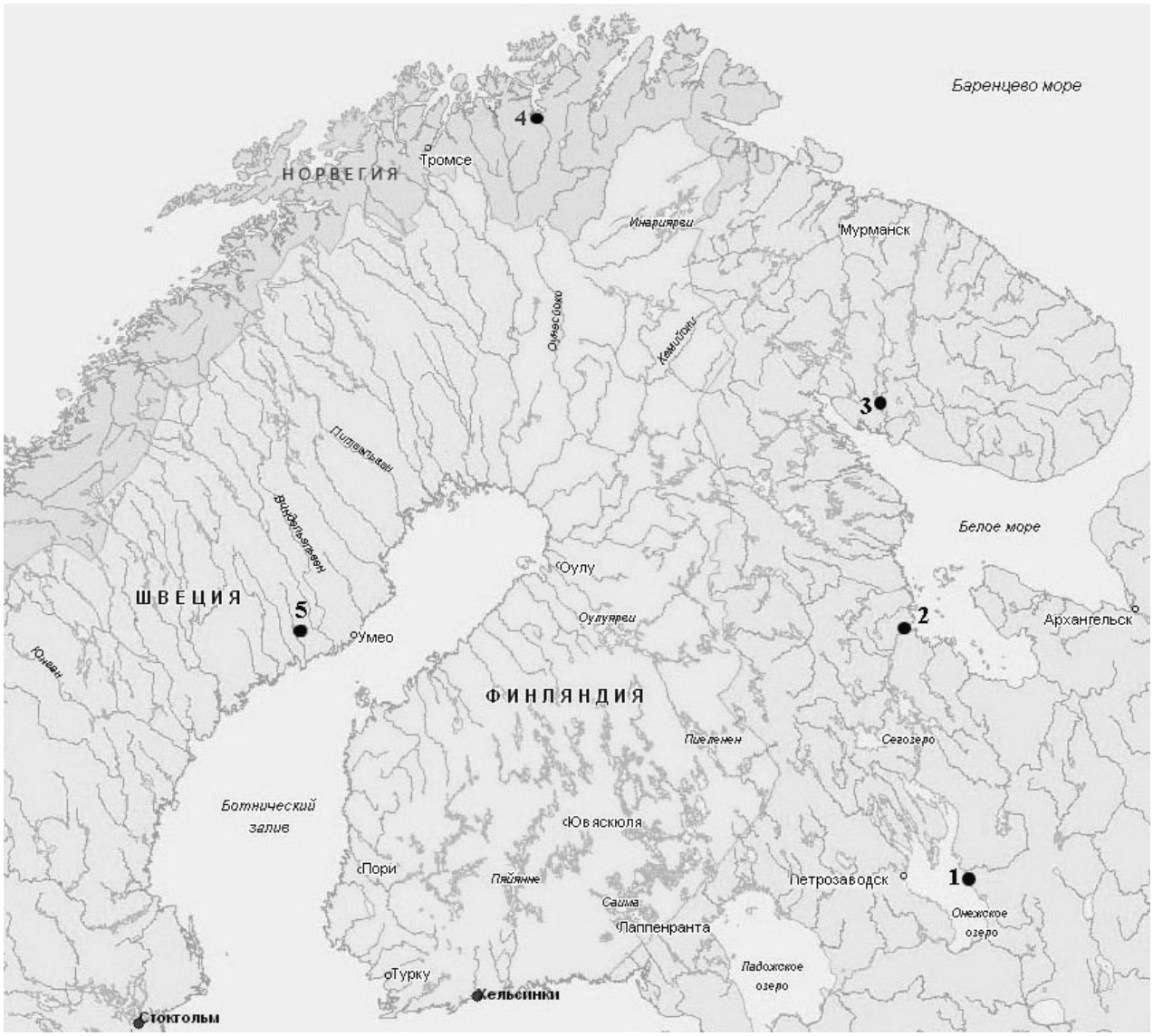


Рис. 1. Местоположение памятников наскального искусства Северной Фенноскандии: 1 – Онежские петроглифы; 2 – Беломорские петроглифы (низовья р.Выг); 3 – петроглифы Канозера; 4 – петроглифы Альты; 5 – петроглифы Немфорсена

но характерна для Альты и Канозера [Helskog, 1988; Колпаков, Шумкин, 2012], примерно три тысячи лет функционировали петроглифы Немфорсена [Forsberg, 2000. P. 58]. Хронологические рамки наскальных изображений Карелии намного у́же – они ограничиваются эпохой неолита (скорее всего, существовали менее тысячи лет) [Лобанова, 2007, 2010]. Разнообразие образов, сюжетов и способов выбивки говорят о культуре населения, которое занималось охотой, рыболовством, собирательством, строило жилища и лодки разных конструкций, изготавливало глиняную посуду, орудия труда, а также практиковало религиозные обряды, происходившие, по всей вероятности, непосредственно на территории наскальных комплексов.

Каждому локальному очагу наскального искусства Северной Фенноскандии присущи индивидуальные особенности, в то же время имеются и сходные черты. Сходство продиктовано, прежде всего, близкими природными условиями и хозяйственными занятиями. Можно говорить и о близости системы восприятия окружающего мира людьми на этой обширной территории. На всех рассматриваемых нами памятниках круг базовых образов в общем схож: животные (лесные и морские), птицы, люди, лодки, знаковые формы. Своеобразие обусловлено временем создания, идеологическими и эстетическими предпочтениями, техническими приемами и художественной манерой, а также уровнем мастерства древнего художника. Образцы наскального творчества За-

полярья (Альта, Канозеро) по многим показателям демонстрируют большую степень близости между собой, чем с карельскими памятниками [Колпаков, 2007. С. 18–19]. Вместе с тем прослеживается явная линия культурных контактов и влияний между населением, выбивавшим и почитавшим наскальные рисунки по р. Выг и на восточном побережье Онежского озера. Данный вывод подтверждается и совсем свежими открытиями, сделанными в этих местах [Лобанова, 2010. С. 18–19; Георгиевский, Лобанова, 2012].

История изучения рассматриваемых нами наскальных рисунков насчитывает не менее трех сотен лет и еще не закончена. Совершенствуются методы поиска и документирования, в результате почти ежегодно пополняется корпус петроглифических источников, уточняются данные об их природном и культурном контексте. За последние два с половиной десятилетия открыты и исследованы такие крупные скопления петроглифов, как Кофьорд в Норвегии и Канозеро на Кольском полуострове, Лебединый Нос на Онежском озере. Целенаправленные усилия карельских археологов позволили уже в нынешнем столетии пополнить сведения почти обо всех группах петроглифов Карелии и выявить новые группы. Возросший корпус источников повышает исследовательский потенциал, дает определенную возможность более глубокого и полного анализа и понимания актуальных вопросов, связанных с хронологией, стилистическими особенностями и смысловым содержанием этого столь своеобразного и во многом уникального «окна» в духовную жизнь обществ охотников-рыболовов-собирателей.

На большинстве памятников наскального искусства мира присутствуют антропоморфные изображения. Они устойчиво существуют в различные эпохи, являясь одним из важных мотивов и, пожалуй, самым интересным, поскольку такие фигуры чрезвычайно разнообразны, часто необычны, с элементами фантазии, гиперболизации или стилизации. Семантику их очень трудно распознать, если вообще когда-либо удастся это сделать. Более понятными нам кажутся реалистические фигуры людей и композиции с их участием, почти всегда отражающие самые напряженные, кульминационные охотничьи моменты, особенно типичные для Беломорья и в значительно меньшей степени, но все же свойственные памятникам наскального искусства и других территорий – Канозеро, Альта, район Бесова Носа.

В той или иной степени антропоморфные персонажи, выбитые на скалах Северной Европы, подвергались описанию и анализу [Hallström, 1938, 1960; Савватеев, 1970, 1973; Helskog, 1988; Poikalainen, 2000; Rajupuu, 1990; Simonsen, 2000; Forsberg, 2000; Stolyar, 2000; Жульников, 2006; Lahelma, 2008]. В трудах исследователей представлены различные варианты интерпретации образов людей и человекоподобных существ, в основе которых, как правило, лежит этнографический и мифологический подход. Сведения о верованиях саамов XVII–XVIII вв., эпос «Калевала», записанный в XIX в., нередко служили источниками для интерпретации петроглифов Карелии [Линевский, 1939; Лаушкин, 1967, 1969]. Однако если данный метод и может быть в какой-то мере использован для памятников наскального искусства позднего времени (эпохи железа и Средневековья), то когда речь идет о неолитическом и энеолитическом времени, этнографический контекст вряд ли поможет. Кроме того, зачастую осмысление и истолкование изображений базируется на неточной источниковой базе, что уводит мысль исследователя совсем не в ту сторону. В этой связи одна из первоочередных задач – точное и детальное документирование петроглифов с помощью современных комплексных приемов: изготовление адекватных подлиннику копий (в том числе рельефных) и вербальных описаний, фотофиксация, создание электронных баз данных, публикация полных каталогов памятников [Лобанова, 2010].

Перейдем к конкретному рассмотрению имеющихся по нашей теме материалов.

Петроглифы Онежского озера, впервые открытые для науки еще в середине XIX в. [Grewingk, 1855; Равдоникас, 1936], сосредоточены на гладких скальных плоскостях мысов и островов восточного побережья (всего 24 пункта), насчитывают около 1200 отдельных фигур. В их числе 1033 идентифицированы, остальные представляют собой неопределенные выбивки, включая фрагментированные. Доминируют орнитоморфные (изображения водоплавающих птиц); знаков (так называемые солярные и лунарные) – в 2,5 раза меньше, затем идут животные и на четвертом месте по количеству – антропоморфные фигуры. В данную статистику не включены схематические (в виде вертикальных столбиков) изображения людей в лодках, их более 200. Люди и антропоморфные существа – одна из самых поразительных и важных черт тематики памятника. На 2012 г. зафиксировано 93 изображения в 13 пунктах (как крупных, так и небольших), что составляет 9 % от общего числа идентифицированных выбивок [АКНЦ РАН, ф. 1, оп. 6]. Северные группы петроглифов, функционировавшие, судя по всему, в более позднее время, чем другие, таких фигур практически не содержат; они име-

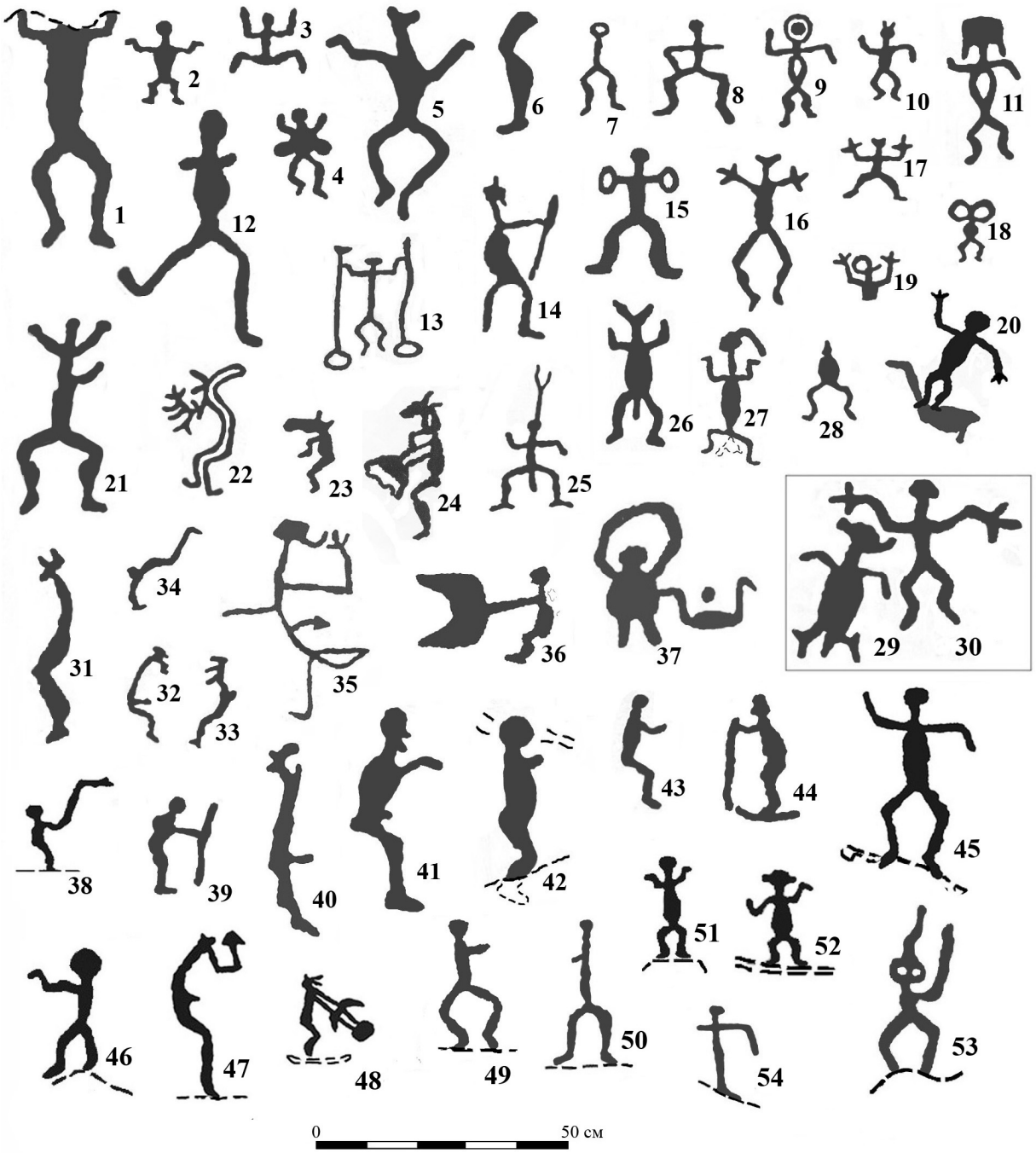


Рис. 2. Антропоморфные образы на скалах Онежского озера. Фиг. №№ 1, 5, 8, 12, 21, 34, 38, 41, 44, 49, 53–54 публикуются впервые. Прорисовки автора

ются только на Лебедином Носе [Poikalainen, Ernits, 1998]. Более половины фигур людей (49) сосредоточено на двух мысах – Пери Носе III и Карецком Носе.

Антропоморфные образы на скалах Онежского озера (рис. 2: 1–51; рис. 3: 1–2) различаются размерами (от 10 см до 2,5 м), способом показа – анфас или в профиль, выбивкой – сплошь или только по контуру (такие фигуры крайне редки, иногда встречаются отдельные контурные элементы – голова или туловище), наличием или отсутствием дополнительных атрибутов в руках. Признаки пола подчеркнуты довольно редко: 16 фигур с фаллосами, у четырех обозначена женская грудь и одна, возможно, с вульвой. Самые редкие антропоморфные фигуры – это те, которые не имеют голов (2), нижней части туловища, обеих рук (10) или показаны с одной рукой (6). Несколько образов совмещают в себе сразу фас и профиль. В профиль изображено 42 человека, обычно небольших размеров – 18–30 см

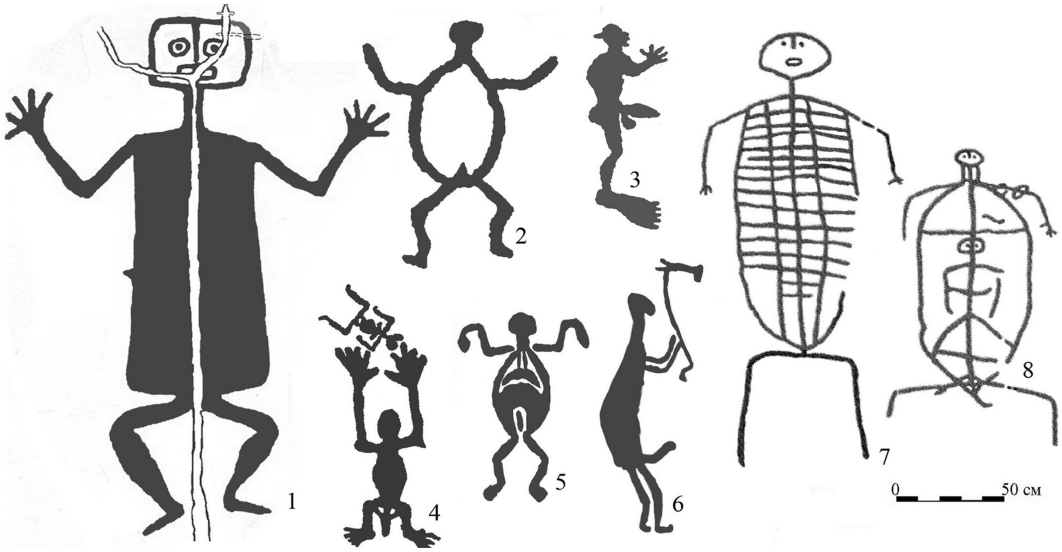


Рис. 3. Крупные антропоморфные образы: 1–2 – Онежское озеро; 3 – р. Выг; 4–6 – Канозеро; 7–8 – Альта. Фиг. №№ 1–3 – прорисовки автора; 5–6 – по [Колпаков, Шумкин, 2012]; 7–8 – по [Helskog, 1988]

(см. рис. 2: 38–44). Среди них как достаточно реалистические образы, так и сильно стилизованные, упрощенные, с нарушенными пропорциями, фантастические или усложненные, где сочетаются признаки человека и животного (лося), птицы (лебедя), а в одном случае это даже человек-лодка (см. рис. 2: 40).

Антропоморфные персонажи, особенно с рогами на голове или в звериной маске, чаще всего рассматриваются исследователями как мифические существа или люди, участвующие в тотемистических ритуалах. Отмечается также, что, возможно, рогатые фигуры указывают на более высокий статус таких персонажей [Helskog, 1988; Autio, 1998].

У профильных фигур нога обычно согнута в колене, показана ступня, часто сильно выделена икра. Большинство их – без половых признаков. Антропоморфных изображений, показанных анфас, несколько больше (54). Они тоже разнообразны, сильно варьируют в размерах – от 10 см до 2,5 м. Поза таких фигур весьма типичная – раскинутые в стороны руки и ноги, согнутые в локтях и коленях. Некоторые (общим числом 7) имеют одну руку, которая согнута в локте и поднята вверх, а другая, наоборот, согнута и опущена вниз. Аналоги имеются за пределами Карелии, например, в Альте, на Канозере. Преобладают изображения людей с поднятой правой рукой (7), и только одно имеет поднятую левую руку. У одиннадцати фигур подняты обе руки, лишь одна – с опущенными руками (близкие им аналоги представлены на Залавруге).

По-разному показаны и головы антропоморфных существ (см. рис. 2: 7–11, 35, 52–53): то круглые (9), то поперечно-овальные (6), то квадратные (3). Иногда вместо головы показаны два круга. Головы нескольких фигур имеют странные дополнения – отростки, направленные вниз или в стороны, иногда с загибом. Встречаются очень оригинальные образы: люди с рогами (3), с кружками или с так называемыми «жезлами» в руках (см. рис. 2: 10, 13–15, 25–26). Людей с непонятными предметами в руках 13 (см. рис. 2: 13–15, 24, 36, 38–39, 47–48). В одном случае это стержни (жезлы или веслообразные фигуры), в другом – кружки, иногда лунарный или солярный знаки. Имеется единственная фигура лыжника с палкой в руке (см. рис. 2: 44). Один раз выбито изображение ноги человека, согнутой в колене (см. рис. 2: 6). У некоторых фронтальных фигур выделен пол: обозначен фаллос, грудь, подчеркнут живот. Нередко на руках показано по три пальца (10 фигур) (см. рис. 2: 16–17, 19–20, 30, 35), что считается признаком сверхъестественных существ. То же самое можно увидеть на Залавруге, на р. Поной, среди наскальных образов Финляндии и Скандинавии. Интересно, что подобная деталь у антропоморфной фигуры, датируемой возрастом в 10–11 тыс. лет, недавно зафиксирована в Бразилии в пещере Lapa do Santo (см. http://www.nbcnews.com/id/46488427/ns/technology_and_science-science). Обращает на себя внимание и серия фронтальных антропоморфных образов, ступни которых упираются в трещины, что, безусловно, было сделано намеренно (см. рис. 2: 45–53).

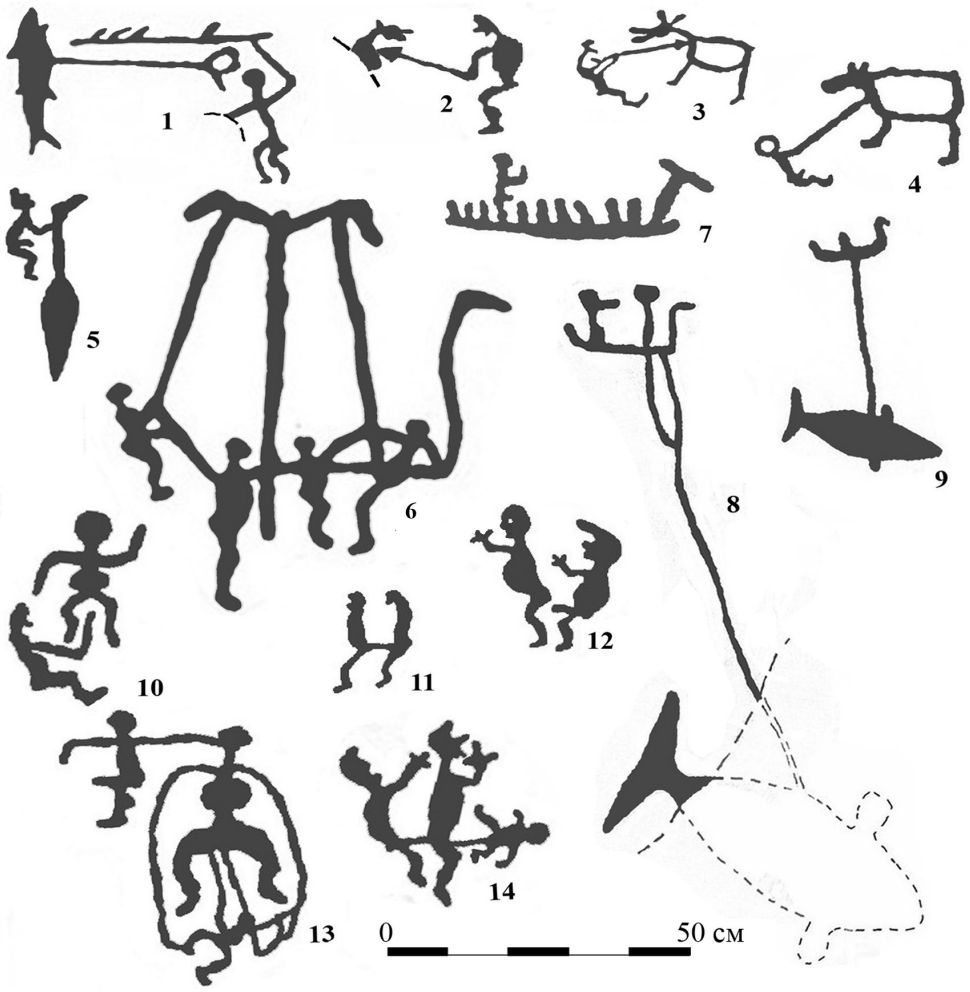


Рис. 4. Композиции онежского наскального комплекса. Прорисовки автора

Уникален так называемый Онежский Бес – гигантская силуэтная фигура геометризированных очертаний с пятью растопыренными пальцами рук, тоже связанная с трещиной (см. рис. 3: 1). Отдельные ее черты можно встретить, например, на Пери Носе III – среди небольших изображений с квадратной или подквадратной головой (см. рис. 2: 11). Этот образ вызывал особый интерес исследователей, стимулировал особенно оживленные дискуссии по поводу его семантики и времени появления [Bednarik,1991]. Нет смысла вдаваться в детали предложенных гипотез и споров ввиду слабости аргументации, отметим лишь одну деталь фигуры Беса – по-разному обозначенные глаза, – на которой в последнее время чаще всего акцентируется внимание при интерпретации. Наличие «слепого» и «зрячего» глаза у Беса ведет некоторых исследователей к широким археологическим и мифологическим аналогиям, которые они с завидной легкостью находят в петроглифах Сибири и Северной Америки, в культуре многих малых народов Севера и т. д. [см., например, Жульников, 2006, с. 29–31]. Однако достаточно внимательно изучить черты лица изображения, чтобы понять, что первоначально оба глаза у него были выбиты одинаково – в виде контурного кружка с широкой точкой посредине, как и у соседней гигантской фигуры налима. Правый глаз фигуры был намеренно испорчен металлическим инструментом намного позднее, в XX веке, уже, видимо, в послереволюционное время. Наши наблюдения подтверждаются копиями, выполненными британским археологом М. Беркиттом в 1914 г. [Burkitt, 1921, табл. XLIII]. Другая крупная (явно женская) антропоморфная фигура, условно названная первооткрывателями Шальской Венерой, известна на мысе Лебединый Нос (см. рис. 3: 2). Она имеет аналогичную позу, но подокруглую голову и контурное яйцевидное туловище, т. е. весьма схематична. Пальцы на руках не обозначены.

Обращает на себя внимание очень небольшое количество композиций с участием людей; как правило, они имеют отношение к теме продолжения рода (рис. 4: 10–14). Две сцены совокупления найдены на Карецком Носе и Пери Но-

се. Первая крайне условная, у людей даже руки не обозначены. Вторая гораздо более реалистическая и живая. То, что ее участники не обычные люди, подчеркивается тремя пальцами на руках. Аналогичные сюжеты изредка встречаются и на беломорских скалах (Ерпин Пудас III и на безымянном островке, группа 4), а также в числе петроглифов Кольского п-ова. На Эрмитажной скале (мыса Пери Нос III) имеются две очень любопытные сцены деторождения и еще одна, трактуемая многими исследователями как процесс дефлорации (см. рис. 4: 10). Аналогов двум первым композициям нет среди петроглифов Беломорья, тогда как третья имеет близкие параллели на Старой Залавруге (рис. 5: 31).

Отметим еще уникальную многофигурную сцену на полуострове Кочковнаволок, где четыре человека, выбитых в профиль, несут большую и странную конструкцию, увенчанную головами лебедей (рис. 4: 6).

Промысловые сцены в онежском наскальном комплексе редки – всего четыре, но все они довольно выразительны: одна запечатлела ловлю с помощью гарпуна крупной рыбы из породы осетровых, которая сейчас не водится в озере, охоту с лодок на белуху, остальные связаны с охотой на волка, медведя и лося с применением копий (рис. 4: 1–4, 8–9). Такое оружие, как лук со стрелами, отсутствует. Примечательно также, что отражена только индивидуальная охота, больших коллективных композиций, столь характерных для Беломорья и Канозера, здесь нет. Представляет интерес и бесспорная композиция (вряд ли охотничьего характера, скорее отражающая какой-то значимый мифологический сюжет) с участием человека и животных, запечатленная в темно-сером пятне на мысе Пери Нос III, включающая пять фигур. Исследователями она трактуется весьма неоднозначно, разночтения есть даже в определении некоторых фигур животных [Линевский, 1939; Лаушкин, 1959, 1962].

Петроглифы Беломорья стали научным достоянием благодаря исследованиям А. М. Линевского, В. И. Равдоникаса и Ю. А. Савватеева [Линевский, 1939; Равдоникас, 1938; Савватеев, 1970]. Расположены отдельными группами на больших и малых островах в дельте р. Выг (всего 11 пунктов), многие из них изобилуют антропоморфными образами. В целом их свыше 350 среди более двух с половиной тысяч идентифицированных петроглифов (14 % от общего числа). Если же иметь в виду экипажи лодок в количестве 1140, то таких мотивов получится более 50 %. Залавруга (Старая и Новая) вместе образуют крупнейшее и одно из самых интересных скоплений наскальных изображений в Северной Европе. Они выделяются не только обилием рисунков, но и широтой тематики, яркими художественными достоинствами наскальных полотен. Предполагается, что здесь находился долговременный центр духовной жизни неолитического населения, где происходили наиболее важные события. По мастерству исполнения многие петроглифические композиции Залавруги являются бесспорными шедеврами мирового наскального искусства, в особенной степени сцены с участием людей.

Вместе с тем изображения людей на беломорских скалах не столь разнообразны и загадочны, как на Онежском озере (хотя единичные фигуры с зооморфными признаками представлены, рис. 5: 4–6). Они за редким исключением профильные, небольшого размера (10–20 см), на полусогнутых или (редко) на прямых ногах, но удивительно выразительные, реалистические. Наблюдается попытка передать детали лица – нос, бороду – и головные уборы. В. И. Равдоникасу даже показалось, что отдельные человеческие фигуры Залавруги довольно пластичны, они передают объем (в развороте туловища, изгибе очертаний, дополнительном внутреннем рельефе) и производят сильное художественное впечатление [Равдоникас, 1938. С. 31, 34].

Антропоморфных образов анфас всего девять: шесть на Залавруге, один на острове Ерпин Пудас (человек-белуха) и две маленькие фигурки людей-белушат (тюленей) на скале Бесовы Следки (см. рис. 5). Две из них – с поднятыми вверх руками в позе пляшущих человечков – находят близкие параллели в онежском комплексе. Еще два персонажа из группы Старой Залавруги (выбиты неподалеку друг от друга, меньшее изображение обнаружено автором в 2006 г.) весьма любопытны: у них расставлены ноги, руки с трехпалой кистью опущены вниз (см. рис. 5: 1–2). По мнению В. И. Равдоникаса, такие фигуры могут символизировать смерть, тем более что рядом помещено изображение змеи – символа подземного мира [Равдоникас, 1938. С. 45, табл. 2, 17, 54]. Там же в нижней части наскального полотна обособленно выбито не совсем обычное изображение как бы идущего мужчины с двумя ногами и закругленной рукой, касающейся лба. Оно профильное, но с развернутым положением туловища, придающим некий объем фигуре (см. рис. 5: 35).

Подавляющее большинство антропоморфных изображений Беломорья – это активно действующие охотники на морских и лесных животных, лыжники, персонажи, участвующие в каких-то шествиях и враждебных столкновениях (очень динамичные батальные сцены представлены только на скалах Залавруги, подобных им в других беломорских группах и на других объектах наскального искусства Север-

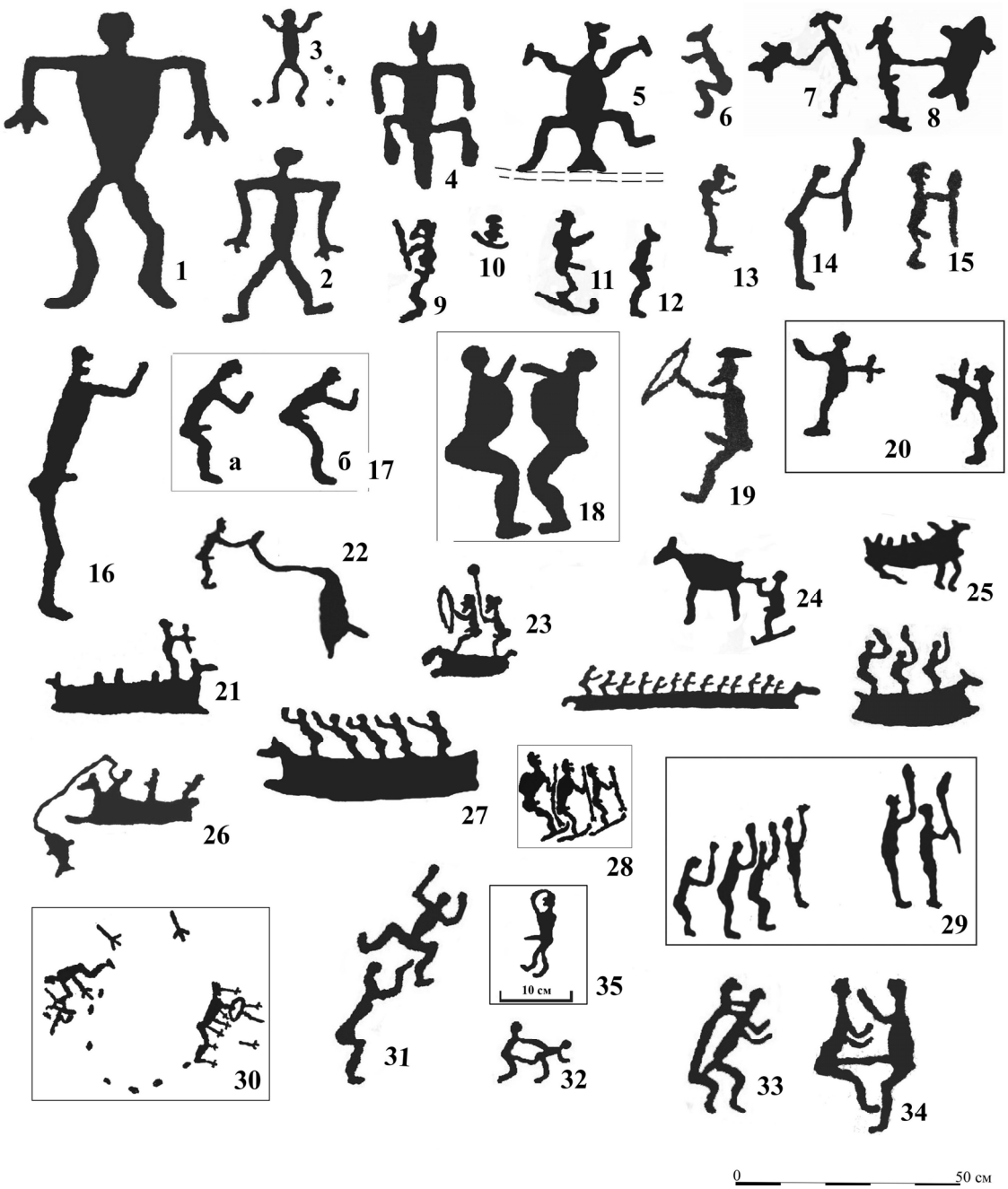


Рис. 5. Антропоморфные образы Беломорья. Фиг. №№ 3, 14, 17б, 20, 26, 27, 29 публикуются впервые. Прорисовки автора

ной Фенноскандии нет), а также отдельные бытовые сюжеты (рис. 5–6). В руках людей луки со стрелами или копья, лыжные палки, изогнутые или утолщенные на конце предметы. Встречаются также одиночные персонажи без предметов в руках (Старая Залавруга, группа XV Новой Залавруги). В этих случаях у них руки согнуты и подняты вверх (см. рис. 5: 3). Не исключено, что это танцующие люди.

Мужские половые признаки (фаллосы) показаны у 75 фигур (обычно в процессиях, охотничьих и батальных сценах), больше всего на Старой и Новой Залавруге. На самом деле мужских фигур намного больше, видимо, пол не всегда считали нужным подчеркивать. Так, например, в группе IV Новой Залавруги в сцене охоты на белуху с большой лодки только один человек из двенадцати (кормчий) – с фаллосом (см. рис. 6: 1). Трудно считать, что прочие участники охоты – женщины, тем более что у многих других есть бороды – выступы на лице.

Как и на Онежском озере, среди петроглифов Беломорья имеется один довольно крупный образ человека (Беломорский Бес), уникальный

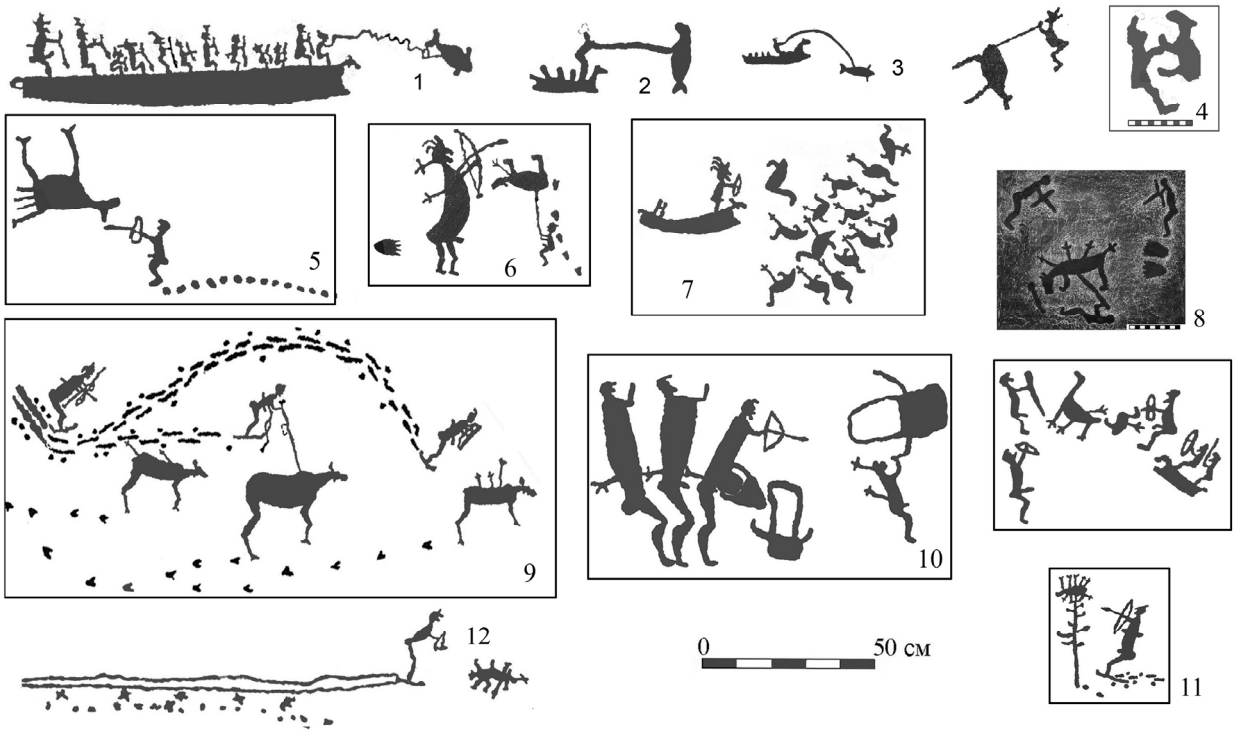


Рис. 6. Сюжеты Залавруги. Прорисовки и копия автора

по своим характеристикам (см. рис. 3: 3). У него мощное тело с горбатой спиной, по пять пальцев на руке и ноге, огромная ступня и гипертрофированный фаллос с более слабым рельефом, чем остальная фигура. Похоже, что эта часть тела добавлена позже. Четко выделены черты лица, непонятный отросток на голове. На груди поперечно-овальная выпуклость, чуть заглаженная (сердце?). Явных женских образов среди беломорских петроглифов мало; можно указать на яркую динамичную сцену, видимо, ритуального танца двух беременных женщин, обращенных лицом друг к другу (см. рис. 5: 18). Похожее по очертаниям (но частично утраченное) изображение можно найти на центральном мысе Бесова Носа (см. рис. 2: 42). Еще более удивительное сходство (как будто все фигуры были высечены одним мастером) прослеживается между онежской и беломорской сценами дефлорации. В них угадываются женские образы (см. рис. 4: 10; рис. 5: 31).

Сравнивая петроглифы Карелии, можно сказать, что северные рисунки больше отражают реальность в отличие от изображений онежского наскального комплекса, где чаще всего нет прямого отражения человеческой деятельности, оно более сложное, метафорическое, со значительными элементами фантазии.

Петроглифы озера Канозеро открыты в 1997 г., исследуются вплоть до настоящего времени [Лихачев, 2011]. Расположены в южной части Кольского полуострова на трех островах (Горелый, Еловый и Каменный), а также на материке (скала Одинокая). Исследователи предполагают, что нахождение новых изображений здесь все еще возможно. На 2012 г. зарегистрировано не менее 1200 отдельных выбивок в 18 группах [Колпаков, Шумкин, 2012. С. 16, 290], т. е. количественный ресурс данного наскального комплекса сопоставим с онежским. Но, как уже отмечалось выше, здесь присутствуют разновременные материалы, выделены не менее пяти последовательных периодов петроглифической деятельности, имеющих свои технические и стилистические характеристики [Шумкин, 2004. С. 378].

Антропоморфные изображения этого памятника также представляют исключительный интерес. Они являются одним из ведущих мотивов (после лодок и следов), выявлены во всех крупных группах петроглифов. Без учета экипажей лодок насчитывают 146 фигур (12 % от общего числа), отличаются своеобразными признаками и многочисленными деталями, не характерными для других объектов наскального искусства Севера [Колпаков, Шумкин, 2012. С. 291–297] (см. рис. 6). Среди них очень мало показанных в профиль (11). Каждый такой персонаж держит в руках какой-то предмет – топор в виде лосиной головы, копье, лыжную палку, рогатину, удочку (рис. 7: 24–26). Но луки и стрелы отсутствуют. Как и на Онежском озере, чаще всего на скалах

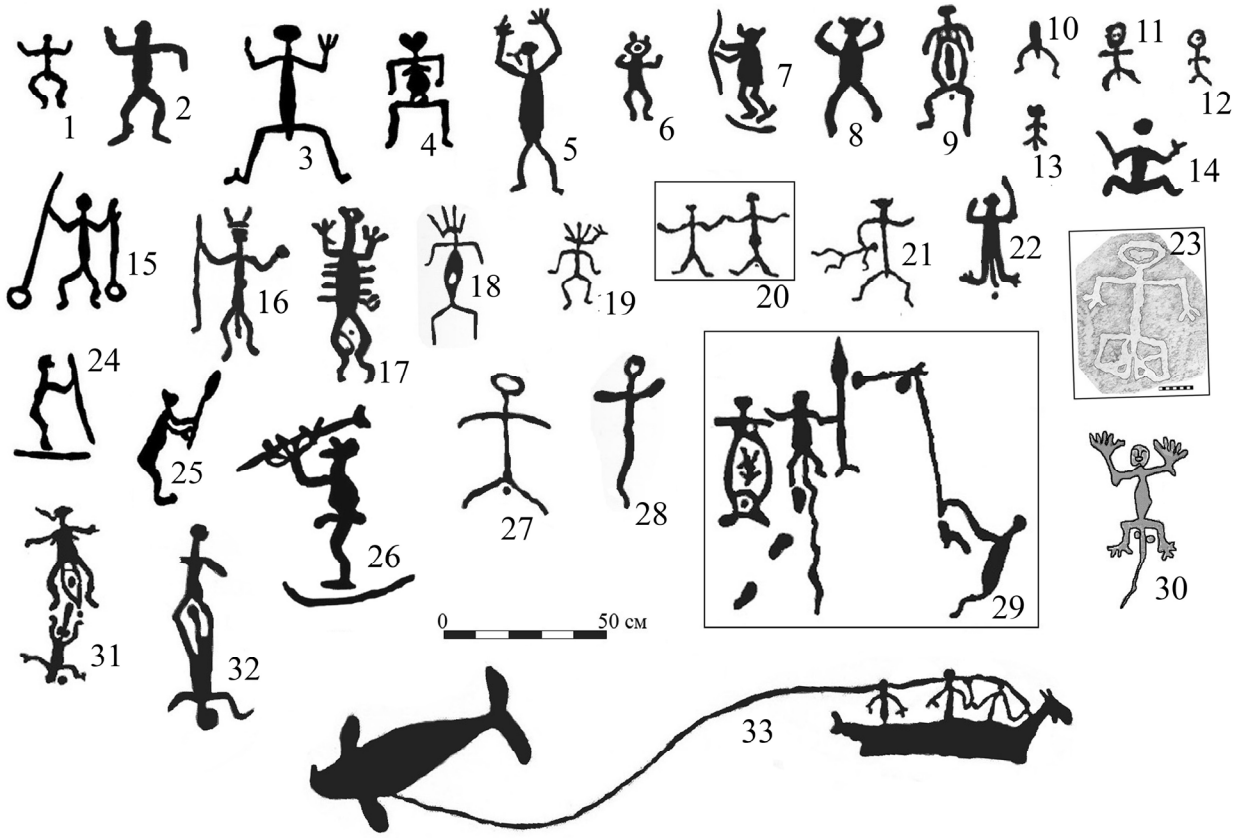


Рис. 7. Антропоморфные образы и композиции Канозера. Фиг. №№ 1–22, 24–30 даны по [Колпаков, Шумкин, 2012]; 23 – копия автора

выбивали фронтальные фигуры (рис. 7: 1–23, 29–30). Они отличаются большим разнообразием общих очертаний и мелких деталей, помещенных внутри фигуры или примыкающих к ним снаружи. Тут и «хвосты-фаллосы», тестикулы, вульва, женская грудь, непонятные отростки и т. д. Именно наличие ярко выраженных черт половой принадлежности относится к числу особенностей канозерских человекоподобных образов (см. рис. 3: 5–6). В целом пол можно определить более чем у трети фигур. Мужских не менее 37, женских примерно 20, в том числе изображения беременных (см. рис. 7: 29, левый персонаж). В руках женщин каких-либо предметов нет. Отметим и другие специфические черты некоторых антропоморфных образов: медвежья (?) форма головы, наличие пальцев не только на руках (от двух до шести), но и на ногах (см. рис. 7: 7–8, 3, 5, 30). Не менее интересны и довольно сложны для понимания композиции с людьми, отражающие, вероятно, тему продолжения рода (по определению исследователей – «бес с бабой» (см. рис. 3: 4; рис. 7: 31–32); как отмечается ими, данный сюжет занимает важнейшее место, но не находит пока параллелей ни в этнографии, ни в фольклоре [Колпаков, 2007. С. 19]), охоту на китов с лодок (рис. 7: 33).

Петроглифы Немфорсена изучаются более 200 лет [Hallström, 1960; Forsberg, 2000]. Памятники расположены на двух островах и материковой части у порогов на реке Онгерманельвен, ландшафты которой несколько напоминают низовья р. Выг. Г. Халльстрем зарегистрировал здесь 162 более или менее изолированных скопления, объединенных в 60 более крупных групп и включающих 1750 фигур. Из них 375 неясные или необъяснимые, а еще 300 представляют собой линии, незаконченные фигуры или их фрагменты. Какая-то часть петроглифов вообще исчезла. Исследователь допускает, что раньше их было более двух тысяч [Hallström, 1960. P. 128–139]. На данном памятнике выделяются различные хронологические слои, в целом, вероятно, охватывающие рамки эпох неолита – поздней бронзы. Всего Г. Халльстремом идентифицировано 1770 фигур. Изображения людей (87 без учета гребцов в лодках) на третьем месте после фигур лосей и лодок, но на них приходится лишь 5 % от общего числа. Они показаны в двух вариантах: линейные и с ромбовидными туловищами [Forsberg, 2000. P. 65] (рис. 8). Типичны изображения людей с так называемыми косами в руках, т. е. с орудиями (оружием) различных типов [Hallström, 1960. P. 320–324]. Большинст-

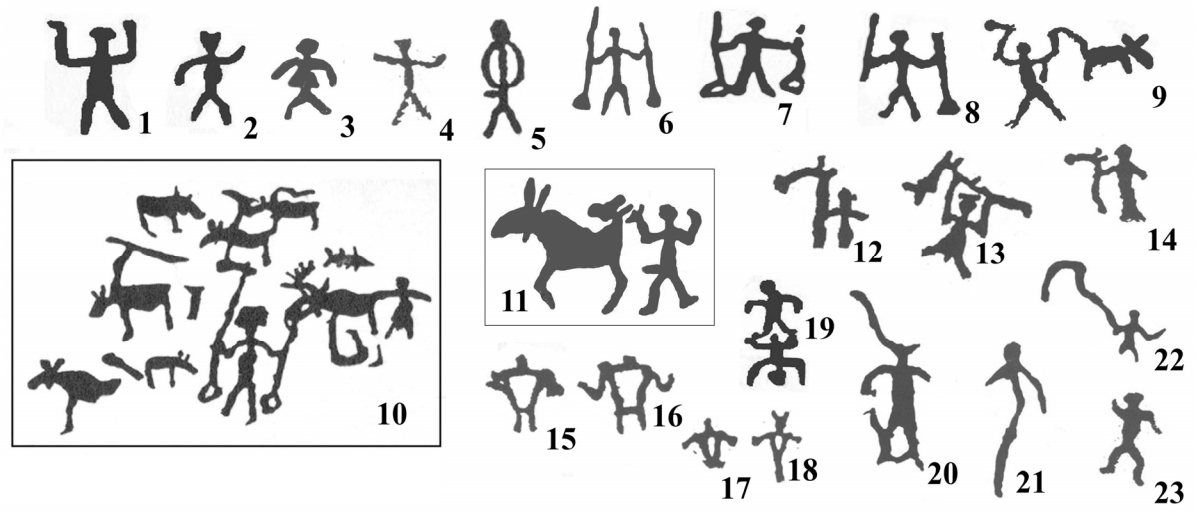


Рис. 8. Антропоморфные образы и композиции Немфорсена. Прорисовки по [Hallström, 1960]

во отличаются весьма простыми и примитивными очертаниями. Многофигурные композиции с людьми на памятниках Немфорсена редки, а детально разработанные сюжеты реалистического и иного характера практически не представлены.

Петроглифы Альты известны с начала 1970-х годов. Это крупнейший на севере Европы памятник, основные группы находятся в Хьеммелюфт и Кофьорде [Helskog, 1988]. Петроглифы Кофьорда расчищены от почвы в 2003–2004 гг. Самые ранние выбивки Альты датируются примерно 4200 г. до н. э., а самые поздние — примерно 500 г. до н. э., хотя некоторые исследователи считают, что они появлялись здесь вплоть до 500 года н. э. [Simonsen, 2000]. Зафиксировано около шести тысяч отдельных изображений, статистические данные о количестве антропоморфных у нас отсутствуют (полной публикации петроглифических

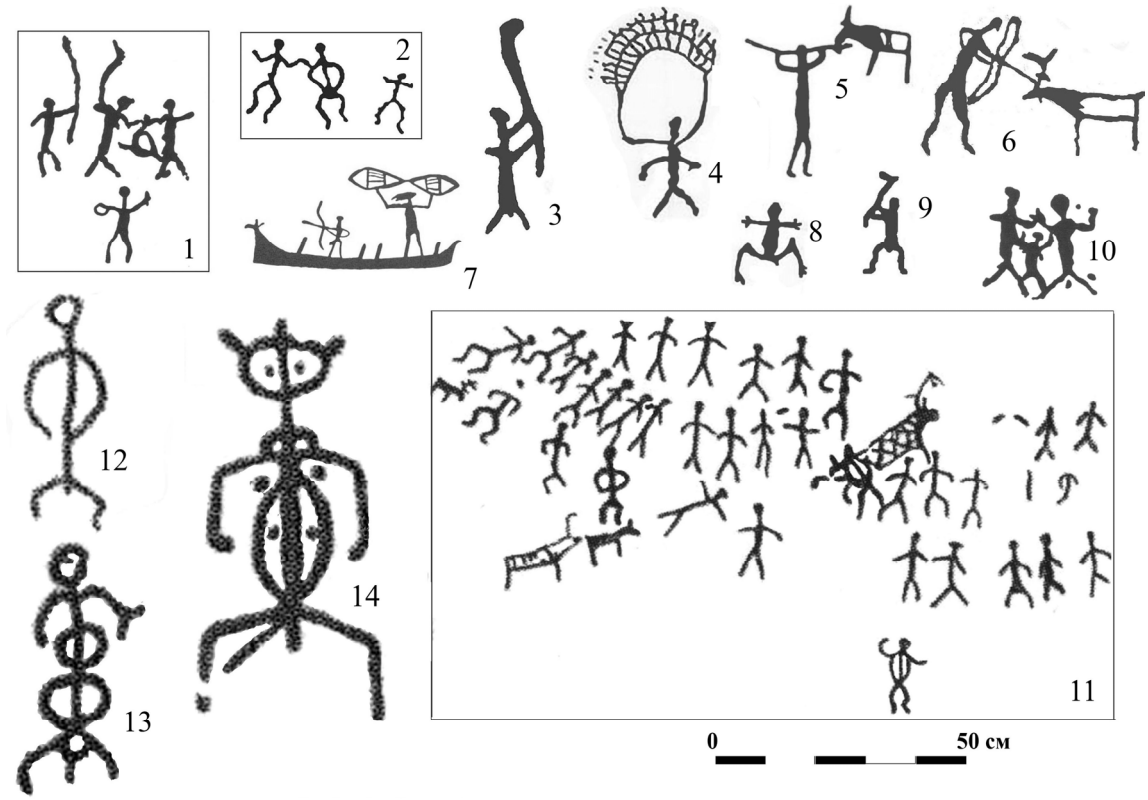


Рис. 9. Антропоморфные образы и композиции Альты. Прорисовки по [Helskog, 1988]

материалов Альтафьорда еще нет). Но они, бесспорно, являются одним из основных мотивов, хотя в процентном отношении их, наверное, меньше, чем на памятниках северо-запада России. Выделено два типа изображений людей: линейные и более реалистические силуэтные (рис. 9). Первые напоминают схематичных человечков, которых обычно рисуют дети. Они, как правило, показаны анфас с раскинутыми в стороны руками. Головы круглые, как силуэтные, так и контурные. Профильные фигуры довольно типичны, держат в руках палки, шесты, топоры с лосиными головами и луки со стрелами. Различаются мужские и женские образы. Они находят аналогии на вышеописанных памятниках наскального искусства, правда, в меньшей степени на карельских и в большей – на комплексе озера Канозеро, но в основном более примитивны по своим очертаниям. Поздние изображения людей заметно отличаются от ранних (см. рис. 3: 7–8). Наиболее выразительны сцены из повседневной жизни и показ религиозных ритуалов (см. рис. 9: 1–10).

Основные выводы

Наскальное искусство древних эпох содержит в себе уникальную информацию творческого мышления человека; в нем нередко отражены иррациональные элементы, еще более затрудняющие наше понимание и интерпретацию данного явления. Функции таких памятников могли быть самыми разными и неоднозначными, но, скорее всего, с петроглифами были связаны какие-то периодические действия культового характера, которые проводились летом и о смысле которых можно строить малодоказуемые гипотезы и предположения.

На крупных локальных очагах наскального искусства Северной Фенноскандии образ человека, несомненно, стоит в центре внимания, в особенной степени на территории Карелии и Кольского полуострова. Нами проанализированы около тысячи антропоморфных изображений. В их числе нередки сходные и даже идентичные фигуры, но это не всегда свидетельствует о прямых контактах населения и заимствованиях наскальных традиций. Скорее можно говорить о сходстве общего порядка, поскольку похожие изображения людей встречаются в любом уголке планеты.

Наскальные рисунки Карелии являются однокультурными и более или менее одновременными памятниками со сходными сюжетами, заимствованиями и определенным влиянием друг на друга. Тем не менее свойственные им яркие особенности и художественные предпочтения позволяют отличать один памятник от другого. Другие рассмотренные нами объекты наскального искусства (Кольский п-ов, Северная Скандинавия) имеют протяженную историю формирования и функционирования, содержат различные культурные и хронологические наслоения, которые еще требуют детального изучения и анализа. Сопоставление материалов тех и других памятников должно идти с учетом хронологии и конкретной их специфики.

Сюжетный анализ композиций с участием антропоморфных изображений дает представление о повседневной жизни древнего человека, о его мировоззрении, связи с животными, природой и космосом, позволяет выявить лишь общую мировоззренческую основу населения североевропейского региона. Наиболее детально проработанные и качественно выполненные реалистические композиции с участием людей представлены среди петроглифов Белого моря. В меньшей степени они отражены на Канозере и в Альте, почти не представлены в Немфорсене. Вместе с тем содержательная сторона антропоморфных образов, несмотря на обилие опубликованных данных, все еще остается самой сложной научной проблемой.

Источники и литература

Архив Карельского научного центра РАН (в тексте – АКНЦ РАН).

Георгиевский И. Ю., Лобанова Н. В. Каменная книга Севера. Петрозаводск: Петропресс, 2012. 96 с.

Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Колпаков Е. М. Петроглифы Канозера: типологический анализ // Наскальная летопись Канозера. Кировск, 2007. С. 18–19.

Лаушкин К. Д. Онежское святилище // Скандинавский сборник, 4–5. Таллин. 1959. 1962.

Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.

Лихачев В. Рисунки Канозера. Открытие, изучение, сохранение. Апатиты, 2011. 126 с.

Лобанова Н. В. Проблемы документирования петроглифов Карелии // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2010. № 4, вып. 1. С. 4–23.

Лобанова Н. В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 1 (29). С. 127–135.

Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936. 213 с.

Равдоникас В. И. Наскальные изображения Белого моря. М.; Л., 1938. 167 с.

Савватеев Ю. А. Залавруга, ч. 1. Л.: Наука, 1970. 444 с.

Савватеев Ю. А. Изображения людей в петроглифах Карелии // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.; Новосибирск, 1973. С. 284–300.

Шумкин В. Я. Наскальные изображения Кольского п-ова как часть монументального творчества Фенноскандии // Невский археол.-историогр. сб. СПб., 2004. С. 371–382.

Autio E. Shamans or something else. Horned Anthropomorphic Figures in Finnish Rock-Paintings // Adoranten. Tanum, 1998. P. 60–65.

Bednarik R. A new method to date petroglyphs // Archaeometry 34, 1991. P. 279–291.

Burkitt M. The Prehistory. Cambridge, 1921.

Forsberg L. The social context of the Rock Art in Middle Scandinavia during the Neolithic // Myandash. Rock Art in the ancient Arctic / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. 288 p.

Grewingk C. Über die in Granit gerityten Dildergrupprn am Ostufer des Onega-Sees // Bulletin de la Classe des sciences historique, philosophique et politique de l' Academie des Sciences de St. Petersburg, 12. 1855.

Hallström G. Monumental art of Northern Sweden from the Stone Age. Nämforsen and other localities. Stockholm, 1960. P. 401.

Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. The Norwegian localities. Stockholm, 1938. P. 544.

Helskog K. Helleristninger I Alta. Spor etter ritualer og dagligliv I Finnmarks forhistorie. Alta: Alta Museum, 1988. 133 c.

Lahelma A. A touch of Red. Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // ISKOS 15. Helsinki, 2008.

Pajupuu K. Ihmisaihe Äänisen kalliopiirroksissa // Joutsenen kynällä. Äänisen kalliotaidetta 4000-2000 EKR. Tartu, 1990. P. 39–48.

Poikalainen V., Ernits E. The Rock Carvings of Lake Onega: the Vodla region. Tartu, 1998. 431 p.

Poikalainen V. Prehistoric Sanctuary at Lake Onega // Myandash. Pock Art in the Ancient Arctic / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. P. 242–287.

Stolyar A. Spiritual Treasures of Ancient Karelia // Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. P. 128–173.

Simonsen P. North Norwegian Rock Art // Myandash. Rock Art in the ancient Arctic / Ed. Antero Kare. Rovaniemi, 2000. P. 8–49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лобанова Надежда Валентиновна
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: nlobanova@sampo.ru
тел.: (8142) 760336

Lobanova, Nadezhda
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: nlobanova@sampo.ru
tel.: (8142) 760336

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 16–30

УДК 811.511

КАРЕЛЬСКО-РУССКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ АФОНСКОГО АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА, СДЕЛАННЫЕ В СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЕ (1666–1668 ГОДЫ)*

И. И. Муллонен[1], О. В. Панченко[2]

[1]Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
[2]Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Статья посвящена важному для истории карельского языка источнику – рукописным карельско-русским словарным записям XVII века, обнаруженным в библиотеке Соловецкого монастыря в конце XIX в. Несмотря на анализ, предпринятый Й. Микколой и Н. А. Мещерским, памятник далеко не исчерпал заключенный в нем потенциал для исследования. В статье уточнено время написания памятника и установлен его автор – афонский архимандрит Феофан, заточенный в Соловецком монастыре в 1666–1668 годах. Раскрыты также некоторые обстоятельства создания списка. Предложено новое прочтение ряда слов рукописи – как ее русской, так и карельской части. Выявлены языковые особенности, позволяющие верифицировать карельскую диалектную основу списка и, таким образом, описать некоторые характерные признаки карельского языка XVII века в Поморье.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельско-русские словарные записи, памятники карельской письменности, Афон, Поморье, Соловецкий монастырь, Головленкова тюрьма.

I. I. Mullonen, O. V. Panchenko. KARELIAN-RUSSIAN LEXICAL NOTES OF ARCHIMANDRITE THEOPHANES OF ATHOS WRITTEN IN THE SOLOVKI PRISON (1666–1668)

The paper is devoted to a source essential for the Karelian language – hand-written Karelian-Russian lexical notes dated to the 17th century, discovered in the Solovetsky Monastery library late in the 19th century. Although previously analysed by J. Mikkola and N. Meshchersky, the source still holds much potential for studies. The paper specifies the time of writing and the author of the notes – Archimandrite Theophanes of Athos, who was held prisoner in the Solovetsky Monastery in 1666–1668. Some circumstances in which the list was produced have been disclosed. A new way to read some words in both the Russian and Karelian parts of the manuscript is suggested. The linguistic traits that allow to verify the Karelian dialect basis of the list and thus describe some characteristic features of the 17th century Karelian language in Pomorje have been identified.

K e y w o r d s : Karelian-Russian lexical notes, monuments of the Karelian script, Mount Athos, Pomorje, Solovetsky Monastery, Golovlenkov prison.

---

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

Первые печатные издания на карельских диалектах появились в России в начале XIX в. и представляли собой литературу церковного содержания. Ранние же рукописные памятники письменности, включающие фрагменты карельских записей, единичны, и в силу этого каждый из них становился предметом самого пристального внимания исследователей. Это в полной мере относится к открывающим ряд берестяным грамотам № 292 XII–XIII вв. с записью заклинания от молнии [Арциховский, Борковский, 1963; Елисеев 1959] и № 403, датируемой XIV в., в которой сохранился краткий глоссарий из пяти пар карельско-русских соответствий, записанных новгородским сборщиком дани в Кирьяжском погосте Водской пятины [Арциховский, 1963; см. Laakso, 1999; Хелимский, 1986 со ссылками на предшествующую литературу].

В последующие века в документах оседали карельские географические названия и личные имена [Saarikivi, 2008]. Во второй четверти XVII в. записаны уникальные тексты десяти карельских заговоров. На основе отраженных в них языковых особенностей тексты интерпретируются одними авторами как людиковские [Баранцев, 1984], другими как карельско-вепсские [Мызников, 2009]. Этот источник ждет еще дальнейшего исследования. К тому же XVII веку относятся русско-карельские словарные записи, которые сохранились в одном из списков т. н. «Азбучного (Алфавитного) патерика» библиотеки Соловецкого монастыря [Соловецкое собр. РНБ, № 648/706]. Вывезенная в Казань в середине XIX в., рукопись была описана проф. И. Я. Порфирьевым [Описание…, 1885. С. 186–188].

На это описание, включавшее в качестве примера фрагмент словаря, обратил внимание известный финский славист Й. Миккола, коротко прокомментировавший карельскую часть списка в 1901 г. [Mikkola, 1901]. Позднее, получив в распоряжение полную копию записи, он опубликовал сделанную им расшифровку документа, в которой, как сообщает, ему не удалось разобрать четыре слова [Mikkola, 1932]. Там же он обратил внимание на две особенности карельского говора, отраженного в списке: обусловленная позиционно дистрибуция свистящего s и шипящего š, а также отсутствие палатализации перед i. Более детальный анализ языковых особенностей в статье Й. Микколы отсутствует, как не ставится и вопрос о конкретных диалектных истоках карельских записей.

Последнее по времени обращение к рукописи было предпринято Н. А. Мещерским, который выправил целый ряд погрешностей предшественников, высказал свои соображения об авторстве и времени создания рукописи [Мещерский, 1961. С. 16–22].

Несмотря на то что материалы не могут быть названы, прибегая к словам Н. А. Мещерского, «ни совершенно новыми, ни абсолютно неизвестными», они еще далеко не исчерпали заключенный в них потенциал для исследования. В данной публикации предложено новое прочтение ряда слов рукописи – как его русской, так и карельской части, либо не расшифрованных вовсе, либо прочтенных с погрешностями нашими предшественниками. Установлено авторство и уточнено время написания памятника, а также некоторые обстоятельства его создания. Выявлен ряд языковых особенностей, позволяющих верифицировать карельскую диалектную основу списка.

Кто был составителем карельско-русских записей XVII в.?

И. Я. Порфирьев высказал предположение, что записи могли быть сделаны одним из старших представителей соловецкой братии «для переговоров с прислугой из карел» [Описание…, 1885. С. 188]. Н. А. Мещерский развил эту идею, предположив, что составитель записей мог быть соловецким монахом, приставленным для руководства юношами-«годовиками», которые приходили на Соловки из русских и карельских сел Поморья, чтобы потрудиться здесь по обету один или два года: «Он, без сомнения, был грамотным русским человеком. Но он также понимал и карельскую речь, так как записал ее без существенных ошибок, правильно как со стороны звучания, так и со стороны смысла» [Мещерский, 1961. С. 21–22].

При этом ни И. Я. Порфирьев, ни Н. А. Мещерский не обратили внимания на то, что карельско-русские записи на переплетных листах сделаны тем же почерком, каким выполнена запись в конце текста этой книги, оставленная одним из ее читателей: «Феофанъ архимандрит» (рис. 1), за которой следуют стихи из 33-го псалма («Многи скорби праведным…»).

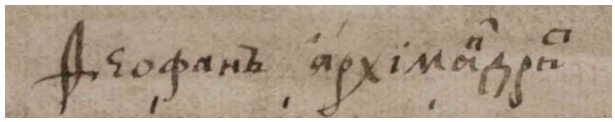


Рис. 1. Запись архимандрита Феофана в конце книги [Сол., № 648/706, л. 272 об.]

Отметим, что и в самом тексте книги сохранилась еще одна читательская запись архимандрита Феофана, умело спрятанная между строк: «Феофанъ архимандрит Святой горы, // в заточении сѣдя, чтохъ сию книгу». Эти слова аккуратно вписаны в пробелах рукописного текста, первоначально остававшихся незаполненными [Сол., № 648/706, л. 222 об.–223 об.].

Что же заставило его скрыть свою запись между строк (в буквальном смысле)? Известно, что в 1666–1668 гг. «архимандрит Святой горы» Феофан находился на Соловках в заключении, и ему было запрещено иметь перо и чернила. Очевидно, поэтому он и постарался скрыть свою запись от случайного взгляда.

Помимо этих двух автографов Феофана в соловецкой рукописи нами обнаружено еще несколько его автографов в следственном «деле» Феофана, сохранившемся в архиве Посольского приказа [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а], и в другом его «деле», связанном своим происхождением с архивом Кирилло-Белозерского монастыря [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71]. Его рукой написано также послание к патриарху Никону, хранящееся в Отделе рукописей ГИМ [Челобитная архимандрита Феофана…]. Все они выполнены одним и тем же почерком, совпадающим с почерком составителя карельско-русских записей на переплетных листах «Азбучного патерика» [Сол., № 648/706, л. 273 об.–274]. Хотя сама манера письма в этих случаях несколько разнится (послания написаны скорописью, в словарных записях преобладает полуустав), тождество почерка в них не вызывает сомнений.

Таким образом, карельско-русские записи в соловецкой рукописи середины XVII в. могут быть достоверно атрибутированы «архимандриту Святой горы» Феофану.

Как афонский архимандрит Феофан оказался на Соловках?

Кем же был святогорский архимандрит Феофан? Зачем приехал в Россию? Как оказался на Соловках?

Ответы на эти вопросы содержатся в работах целого ряда исследователей, занимавшихся изучением истории Русской Церкви XVII в. [Леонид, 1883; Из рукописей Е. В. Барсова, 1886; Макарий, 1996; Каптерев, 1914; Фонкич, 1977, 1994; Чумичева, 1998; Панченко, 2010–2011].

Вкратце история приезда Феофана в Россию такова. По происхождению Феофан был малоросс (или «белорусец», как тогда называли православных жителей Речи Посполитой), «уроженецъ черкасскихъ казаковъ» [Каптерев, 1914. С. 191–192, прим. 2]. Образование получил в одной из православных коллегий на Украине или в Молдавии (скорее всего в Яссах). Там он выучил латинский и греческий языки. Кроме того, он хорошо владел турецким, молдавским и польским языками [Панченко, 2010–2011. С. 460]. Лингвистически одаренный, он и на Соловках взялся за изучение карельского языка.

Начало его церковной карьеры было связано, по-видимому, с Молдавией. В конце 50-х гг. XVII в. он служил в Яссах при дворе молдавского господаря Стефана Лупу, был его духовником («крестовым попом»).

Уйдя через некоторое время на Афон, Феофан стал архимандритом одного из святогорских монастырей, именуемого Констамонит.

Чтобы пополнить скудную казну своей обители, Феофан отправился за милостыней к православным правителям Молдавии, Валахии и России.

Посетив Молдавию и Валахию, он получил щедрые пожертвования деньгами и льготами на земли, обрабатываемые его монастырем. На Украине он побывал в Бучаче у Анны Потоцкой, дочери молдавского господаря Иеремии Могилы, вышедшей замуж за коронного гетмана Речи Посполитой Станислава Потоцкого. Будучи православной, она приняла Феофана как духовного отца, доверив ему свои помыслы в таинстве исповеди. Через некоторое время, когда Феофан оказался в России, известие о том, что он был духовником жены гетмана Потоцкого, сыграло роковую роль в обвинении его в шпионаже в пользу польского короля.

В Москву Феофан приехал в июле 1663 г. и поселился в Никольском монастыре «Большая глава» (подворье афонского Иверского монастыря). В документах Посольского приказа и Иверского монастыря сохранилось описание внешности Феофана. Он был «ростом не мал, лицом полон, а бороды и усов по природѣ нѣт» [Леонид, 1878. С. 551–552]. Человек он был весьма одаренный: пел на клиросе, писал иконы, резал кресты, играл на цимбалах [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 14; ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 41]. Отличался умом и предприимчивостью, характер имел смелый и решительный, был красноречив. Ко времени прибытия его в Россию ему исполнилось 35 лет.

Приезд его в Москву был связан с тайной дипломатической миссией. Он должен был встретиться с патриархом Никоном и передать ему грамоту от 20 афонских монастырей, выразив тем самым поддержку патриарха монастырями Святой горы и признание его законным главой Русской Церкви. Миссия Феофана была сопряжена с определенной опасностью, поскольку расходилась с желанием российского государя удалить Никона с патриаршего престола.

Главным исполнителем царской воли был митрополит города Газы Паисий Лигарид, приехавший в Россию на год раньше, чем Феофан. Будучи прекрасно образован (окончил коллегию св. Афанасия в Риме), он сумел найти обоснование для низложения патриарха Никона и взялся организовать для этого собор с участием восточных патриархов.

Архимандрит Феофан преследовал прямо противоположную цель. Желая помочь Московскому патриарху, он хотел дискредитировать его противника, митрополита Газского, и с этой целью привез Никону книгу, изданную Лигаридом в Риме, которая прямо свидетельствовала о его службе папскому престолу [Лавровский, 1889. С. 714–715].

Патриарх Никон жил в добровольном изгнании в Воскресенском монастыре, именуемом Новый Иерусалим. Чтобы увидеться с ним, Феофан должен был обратиться за разрешением в Посольский приказ, дьяки которого, однако, никого из иноземцев к патриарху не допускали. Тогда Феофан, склонный к принятию авантюрных решений, решил отправиться в Новый Иерусалим без разрешения.

Никон торжественно встретил посланца Святой горы, умыл ему ноги и почтил милостыней. Феофан, в свою очередь, преподнес ему мощи священномученика Власия, привезенные из монастыря Констамонит, и вручил грамоту от 20 афонских монастырей [РГАДА, ф. 52, 1663 г., оп. 1, д. 8, л. 4–7]. Наедине он передал ему книгу, разоблачавшую тайное униатство Паисия Лигарида. Никон не замедлил сослаться на нее в своих «Возражениях на вопросы боярина Стрешнева и на ответы митрополита Паисия» [Макарий, 1996. С. 422].

О поездке Феофана в Новый Иерусалим вскоре стало известно в Посольском приказе, где его заподозрили в шпионаже. Феофана вызвал глава приказа дьяк Алмаз Иванов и сделал ему строгий выговор за пренебрежение к царской власти, назвав его для острастки соглядатаем и лазутчиком [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 8, л. 2–3].

Возможно, этим бы выговором дело и кончилось, если бы в него не вмешался Паисий Лигарид, стремившийся опорочить своего опасного соперника. Он распустил слух, что Феофан является польским шпионом и что в Москву он приехал для сбора сведений о «государевых ратных людех».

В условиях войны с Польшей слухи о шпионаже Феофана казались вполне правдоподобными. Для их проверки в Посольском приказе на Феофана завели «дело». Все в его поведении стало вызывать подозрение – и то, что он легко сходится с людьми, служит в приходских церквах, отпевает покойников (по мнению посольских дьяков, все это делалось им для сбора сведений о «ратных людях»), и то, что настойчиво просит отпустить его на Афон (чтобы поскорей передать выведанные сведения польскому королю). На их возражение, что ехать сейчас невозможно, так как под Киевом стоят «польские и литовские люди, и ляхи, и татарове», Феофан необдуманно отвечал, что ему «польские и литовские люди, и татарове не страшны» [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 11]. Своим заявлением он окончательно убедил подозрительных москвичей в том, что он польский агент.

И хотя никаких конкретных доказательств вины Феофана найти не удалось, в Посольском приказе решили взять его под стражу и выслать на время расследования обстоятельств его «дела» в Кирилло-Белозерский монастырь. Когда Феофана пришли арестовывать, он, схватив чужое платье, попытался бежать, но стрельцы его догнали. В отчаянии он только рукой махнул и сказал пророческие слова: «Пошел я на Соловки».

В Кирилловом монастыре архимандрит Феофан оказался на положении почетного ссыльного. Получал содержание, достойное его сана, служил в архимандричьем облачении, дружил с влиятельным старцем Матфеем Никифоровым. Обучал греческим распевам кирилловских клирошан. Читал книги, хранившиеся в монастырской библиотеке. В одной из них – греческой Псалтыри, написанной Максимом Греком, – перевел запись старца Максима и сделал приписку о себе, сравнив свое заточение с судьбой знаменитого святогорца [Фонкич, 1977, 1994].

Тогда же Феофан написал по просьбе Матфея Никифорова два сочинения об Афоне – «*Рассказ о святогорских монастырях*» [Леонид, 1883; Seemann, 1976. С. 461] и «*Изложение богослужебного устава Святой горы*» [Панченко, 2010–2011. С. 466–467].

Прожив в Кирилловом монастыре почти два года и не дождавшись освобождения, Феофан решился на побег. Толчком к этому послужил вызов в Москву его спутника – келаря Вассиана Грека, которому предстояло возвратиться с казной их обители на Афон, и слух о том, что самому Феофану «свободы не будет», что после отъезда келаря его «закуют».

В ночь на 7 октября 1665 г. Феофан выломал окно задней кельи, перелез по веревке через крепостную стену и бежал из монастыря. Шел по ночам, ориентируясь по звездам, так как понимал, что днем его будут искать.

Но безоглядный побег его окончился неудачей. Через 10 дней его поймали в 80 верстах от Кириллова монастыря и возвратили на место ссылки. Теперь его действительно заковали в кандалы и посадили в тюрьму. Для достижения своей цели Феофан был способен на многое. Как доносили о нем после поимки его власти Кириллова монастыря: «Человѣкъ он лютой, не в крѣпи ему быть нельзя» [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 24].

11 декабря 1665 г. по повелению царя Алексея Михайловича его отправили в Соловецкий

монастырь с наказом держать там «в крепи» (в оковах) до особого указа [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 91].

Зиму он провел в Сумском остроге, на берегу Белого моря, а весной 1666 г. его доставили на Соловки. Здесь его поместили в Головленкову тюрьму, отличавшуюся особой строгостью содержания, и запретили выдавать бумагу и чернила. Вероятно, поэтому один из его автографов, относящихся к первому году заключения на Соловках, выполнен киноварью. Это так называемая «Печать царя Соломона», изображение которой сохранилось в рукописной Псалтыри с восследованием (Сол., № 769/879) [Панченко, 2010–2011. С. 470–472].

В первый год пребывания Феофана на Соловках о снисхождении к нему просил в письме к русскому государю собор афонских монастырей [Гиббенет, 1884. С. 889]. Но просьба эта не была выполнена. Проведя два года в соловецкой тюрьме и утратив надежду на освобождение, Феофан решился бежать. Зная, что на материке ему придется иметь дело с жившими в Поморье карелами, он стал изучать карельский язык. Учителем его, по-видимому, был кто-то из его соузников.

За те два с половиной года, которые архимандрит Феофан провел в соловецкой тюрьме, в жизни этой обители произошел целый ряд знаменательных событий, в результате которых сама монастырская братия перешла в разряд государственных преступников.

Произошло это после того, как соловецкие монахи, твердо хранившие преданность «старой вере», отказались признать решения Поместного собора 1666–1667 гг. и не приняли нового архимандрита, присланного царем [Материалы для истории раскола..., 1878. С. 117–122]. После этого Патриарх Иоасаф II и восточные патриархи, участвовавшие в церковном соборе, отлучили мятежных монахов от церкви, а царь Алексей Михайлович лишил Соловецкий монастырь всех промыслов и объявил о его блокаде. Наконец, летом 1668 г. противостояние достигло высшей точки: братия отказалась повиноваться указу царя о выдаче новых монастырских властей, выслала вон царского стряпчего И. А. Волохова и не пустила в монастырь стрельцов, которые ежегодно несли в крепости военную службу.

Наблюдая за происходящим в мятежном монастыре, находясь среди монахов, отлученных от церкви и объявленных врагами царю, Феофан должен был остро переживать несправедливость своего положения заключенного, безвинно томившегося по ложному доносу. В соловецком «бунте» он мог видеть оправдание своему стремлению бежать с Соловков.

По-видимому, его взгляды разделял и один из его соузников – новгородский поп Сысой Андреев, который также пострадал за верность патриарху Никону (в декабре 1664 г. он доставил Никону письмо от боярина Зюзина) [Гиббенет, 1884. С. 114; Дело о патриархе Никоне. 1897. С. 181–190]. Другим его сокамерником был разбойник Андрей Веревкин, у которого за преступления были отсечены левая рука и обе ноги по лодыжки [Чумичева, 1998. С. 61].

В ночь на 1 октября 1668 г., на Покров, они втроем – Феофан, Сысой и калека Андрей Веревкин – «проломав тюрьму», захватили карбас и бежали из Соловецкого монастыря. Побег они совершили в самое опасное для плавания время. Их карбас попал в шторм, и беглецы утонули в бурных волнах Белого моря [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32].

Через три месяца жители Кеми нашли на Шуерецком острове тела архимандрита Феофана и Андрея Веревкина и обломки их судна. Тело третьего спутника унесло море. Останки беглецов доставили в Соловецкий монастырь и там похоронили [Чумичева, 1998. С. 61].

Так закончилось жизненное странствование афонского архимандрита Феофана, составителя одного из древнейших памятников истории карельского языка.

Кто был информантом Феофана?

Среди ссыльных узников, содержавшихся в соловецких тюрьмах, карелов не было. Сохранился список всех сосланных на Соловки «опальных людей» (13 человек), которых в июне 1669 г. монастырские власти выслали с Соловецкого острова в Сумский острог. (Поводом для высылки их как раз послужил недавний побег Феофана.) Среди них были греки, москвичи, малоросс и один монах из Чебоксар, но карелов среди них не было. [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 33–34].

Зато немало было их среди сумских и кемских стрельцов, которые в летнее время несли на Соловках воинскую службу: охраняли крепость от нападения с моря и, вероятно, сторожили заключенных. В зимнее время они жили с семьями в Сумском остроге и в Кемском городке, получая от монастыря хлебное жалованье. Но летом 1668 г. соловецкие иноки стрельцов в монастырь не пустили.

И все же трое из них в сентябре 1668 г. оказались на Соловках в качестве арестантов. Их захватил в море отряд соловецких «мятежников» под предводительством монаха Аники Пушкаря. Пленников доставили в монастырь и разместили по тюрьмам. Вот как впоследствии рассказал об этом один из них, по имени Силка Аверкиев:

«Въ нынѣшнем де во 177-м [1668] году въ сентябрѣ мѣсяце по государеву (*титул*) указу от стряпчего Игнатья Андрѣевича Волохова посланы были изъ Сумского острога 4 человѣка сумскихъ стрелцовъ для государева дѣла в Кемской городокъ. И, ѣдучи морем, на Выжской губѣ наѣхали на нас из Соловецкого монастыря въ дву судах старец Аника да с ним мирских людей с 26 человѣкъ с ружьем, с пушками и с мушкеты, и почали стрелять. И нас поимали и связали руки назад и свезли в Сороцкую волость. И тамо на промыслу рыбу побрали, и нас с рыбою свезли в монастырь. И привезши на Бабью коргу, били нас батоги до полусмерти, а говорили: “Не помогут де вам нынѣ ни архимарит, ни стряпчей. А толко де сами онѣ попадут нам в руки, и им от нас то же будет”. И в монастырѣ держали нас по тюрмам и за караулом, и до заморозу. А товарища нашего, четвертаго человѣка, выслали вон из монастыря…» [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 14].

Возможно, кто-то из этих троих, оказавшись в Головленковой тюрьме в сентябре 1668 г., незадолго до готовившегося ее узниками побега, и стал тем информантом, от которого архимандрит Феофан записал нужные ему слова и выражения карельского языка. Ведь среди жителей Карельского берега, которого он надеялся достичь, было немало карелов.

Какой из карельских говоров нашел отражение в записях Феофана?

Поморье попадает в сферу интересов карелов северного Приладожья в первые века второго тысячелетия н. э. Письменные документы XV века донесли память о «пяти родах корельских детей», которые имели угодья на западном побережье Белого моря и продавали их новгородцам.

О пребывании карелов в Поморье рассказывается и в Житии Зосимы и Савватия Соловецких, созданном в конце XV – нач. XVI в. (в тексте оно датировано 1503 г.). Согласно этому литературному памятнику, на рубеже 20–30-х годов XV в. и позднее, в середине XV в., поморские карелы безуспешно пытались выселить с Соловецкого острова пришедших туда первых монахов, будучи уверены, что этот остров является их «отеческим наследием».

Нестабильность обстановки в северном Приладожье, на коренной территории корелы, вызванная растущим противостоянием России и Швеции, приводит в XVI и особенно в начале XVII в. к усилению потока карельских переселенцев в западное Поморье и формированию тут разветвленной системы карельских поселений [История Карелии, 2001].

В контексте нашего документа внимание привлекают Кемь и Сумская волость, поскольку именно Кемь и Сума, пожалованные Марфой Борецкой в начале 70-х годов XV в. Соловецкому монастырю, всегда были опорным пунктом для связи с Соловками. В конце XVI века здесь были построены деревянные крепости – Сумский острог и Кемский городок – для защиты монастыря с суши.

Хотя русская составляющая в населении обеих волостей начала формироваться уже в те отдаленные столетия, западное побережье Белого моря продолжало оставаться традиционным карельским этноязыковым ареалом. Еще в первой половине XX века в непосредственных окрестностях Кеми располагалась карельская Подужемская волость (подужемский говор), карельские деревни сохраняются и по сей день в составе бывших Маслозерской, Тунгудской и Шуезерской волостей (т. н. тунгудский говор) к югу от нижней Кеми.

Логично полагать, что и в 60-е годы XVII в., когда Феофаном были сделаны словарные записи, карелы были основным населением Карельского берега Белого моря и проживали в селах Поморского берега. При этом те языковые фрагменты, которые представлены в его словарных записях, содержат характерные особенности, свойственные карельским говорам, бытующим в Поморье и квалифицируемым как южные (тунгудский) или переходные (подужемский) говоры собственно карельского наречия.

К сожалению, из-за ограниченного материала указать конкретный говор не представляется возможным. В то же время предположение Н. А. Мещерского о том, что автору рукописи «приходилось иметь дело с карелами – уроженцами разных сел» [Мещерский, 1961. С. 22], следует уточнить: сел, входивших в единый диалектный ареал.

Основные дифференцирующие фонетические признаки южных/переходных современных собственно карельских говоров обобщены П. М. Зайковым [Zaikov, 1987]. Так, на фоне северных говоров их отличает звонкость согласных g, b, d в середине слова, которая отчетливо просматривается и в тексте анализируемого документа: лавда (lauda), кивґа (kiugoa), таґана (tagana), сярґи (särgi), таґла (tagla), свистящий s в начале слова в позиции перед гласными переднего ряда (siibi, silitä, säynä) и соответственно шипящий š перед гласными заднего ряда (šuola, šule, šulga, šyyvä). На последнюю особенность обратил в свое время внимание Миккола [Mikkola, 1932. С. 103].

Среди характерных особенностей той части южных собственно карельских говоров, которые прилегают к низовьям Кеми, – твердый характер звука r перед i (rihma). Этот признак

четко дифференцирует их от прилегающих с юга паданских и части ругозерских говоров, которые характеризуются палатализацией (ŕihma) [Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997. Карта 110]. Названный признак просматривается на письме по крайней мере в одном слове документа: рыкатъ ‘rikat’, мн. ч. от rikka ‘мусор’.

В соответствии с фонетическими особенностями в середине слова между огубленным гласным и i в словах с заднерядной огласовкой в словарных записях выступает шипящий ž (vuoži), в той же ситуации после неогубленного гласного используется другой по качеству звук – свистящий z (kazi). После i произносится свистящий s (risti, paissa). Шипящий š закономерен в сочетаниях št (vašta, jäleštä, oraštat) и kš (tulukšet, juokši, veneäkši). Из этого ряда выпадает, однако, форма karlaksi (<karjalaksi) ‘по-карельски’ с незакономерным свистящим.

В целом последовательно представлен самый значимый признак фонетической системы собственно карельского наречия – чередование ступеней согласных. Из общего ряда закономерных сильно- и слабоступенных вариантов выпадает только глагол ѡпашта^{т} (*oraštat), в котором сильный тип основы вступает в противоречие с позицией закрытого слога, требующего слабой основы, т. е. должно быть oraššat. Поскольку к данному слову есть и другие вопросы (в частности, несоответствие лица в карельском оригинале и его переводе), можно предполагать, что в ходе диалога между автором записи и его информантом ошибочно оказалась воспроизведена сильная ступень основы.

Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что тот собственно карельский говор, который отражен в записях архимандрита Феофана, сделанных в 60-е годы XVII века, исключительно близок к современному состоянию, во всяком случае, по тем позициям – прежде всего фонетическим, в меньшей степени грамматическим и лексическим, – которые отражены в документе. За прошедшие 350 лет изменения минимальны.

Данный вывод не нов для исторического языкознания. Он подтверждается значительной близостью собственно карельских говоров, распространенных, с одной стороны, в средней Карелии, с другой – в верхнем Поволжье (т. н. тверские, новгородские и тихвинские говоры). Столь удаленные территориально группы карелов сформировались на основе того карельского миграционного потока, который продвинулся в XVII веке из Северного Приладожья и на север – в Карелию, и на юг – в Верхневолжье. Утратив возможности для непосредственного общения уже несколько столетий назад, языковые коллективы сохранили тем не менее значительное языковое единство. Записи архимандрита Феофана выявляют лишь частные детали в языковом развитии. К примеру, в основе *венегекши* восстанавливается карельский оригинал *venäγäkse ‘по-русски’ на месте современного более краткого veńakši.

Среди графических особенностей применительно к карельской части словаря наиболее интересны те случаи, которые связаны с передачей звуков, не имеющих аналогов в русской фонетической системе. Внимание привлекает определенная нестабильность в воспроизведении переднерядного карельского ä, в которой, впрочем, просматривается общая тенденция: в тех случаях, где в карельском оригинале происходит палатализация звука, предшествующего ä, в русском тексте используется ѧ: нюбл ѧ – nyblä, ке^{л}л ѧ – käellä, и^{л}л ѧ – iellä, шу́в ѧ – syyvä, с ѧрґи – särgi, пид ѧ^{в} – pidäy. Если же ä не вызывает палатализации, ему соответствует в русском графема «а» (вирита – viritä, сирита – silitä, са́вн ѧ – säynä).

Несвойственные русскому языку долгие гласные укорачиваются: си́би (siibi), ги́ри (hiiri), ги́ли (hiili), шу́в ѧ (šyyvä). Нехарактерный для русского языка восходящий дифтонг uo передается одиночным гласным: тушъ (tuohuš), шола (šuola), ву́жи (vuoži), ло́да (luoda). В свою очередь, в нисходящих дифтонгах au, äy, ou, ey, iu конечный лабиальный гласный преобразуется в *в*: гавґи (haugi), са́вн ѧ (säynä), пид ѧ^{в} (pidäy), туловъ (tulou), л ѣневъ (lieney), кивґа (kiugoa).

Стоит отметить, что в отражении перечисленных особенностей автор словаря укладывается в правила интеграции, известные в районах традиционного прибалтийско-финско-русского контактирования на устном уровне и отраженные многократно в заимствованных из карельского языка в русские говоры Карелии лексемах и топонимах [см. подробнее Kalima, 1919; Мызников, 2003]. Иначе говоря, письмо в данном случае фиксирует закономерности восприятия звучания карельских оригиналов.

В списке в целом последовательно представлены геминированные согласные: ка^{н}н^{ʹ}на (kanna), гук^{ʹ}ка (hukka), ка^{т}тыла (kattila) и др., хотя есть пара исключений, например, а̋но (anna), па^{и}ка (paikka), связанные, конечно, с отсутствием в оригинальной русской фонетической системе данных согласных.

Несколько замечаний о лексических особенностях карельского языка XVII века, зафиксированных словарными записями. В целом в них от-

разился общекарельский лексический фонд, яркие диалектные маркеры отсутствуют. Следует, однако, обратить внимание на некоторые утраченные уже карельскими говорами лексемы.

В свое время осталось не понятым Й. Микколой слово *лода* (Миккола передает его как *луда*) – не только потому, что он не сумел прочесть русское соответствие *миса*, но и в связи с тем, очевидно, что карельское *luoda* в значении ‘толстая деревянная тарелка, миска’, заимствованное когда-то из рус. *блюдо* [SKES, статья luotanen], оказалось полностью вытесненным более современным вариантом bl’uodo. Еще одно забытое слово *сталца* в паре со *ста*^{в} отражает бытовавший в собственно карельских говорах термин *stalttša* (< *stauttsa) ‘став, деревянная чашка, иногда миска, кружка’, особенно применительно к личной посуде, используемой старообрядцами [KKS]. Слово является русским заимствованием, зафиксированным у Даля в виде *ставъ*, ***ставец*** (именно этот вариант должен восстанавливаться в истоках карельского слова), *ставчик* ‘деревянная точеная чаша, глубокое блюдо, общая застольная миска’ [Даль]. Важно, что оно бытовало когда-то в Поморье, в начале XX века его удалось застать (в лексике сказок) в поморских говорах как *ставецёк* ‘деревянная чашка, употребляемая при еде холодных жидких кушаний: болтушки, редьки с квасом, рыбы, крошенной в квас, и т. п.’ [Дуров, 2011].

В словарной паре *ва*^{и}*ву*^{н} – *приста*^{в} русский перевод имеет семантику ‘сторож, надзиратель, «приставленный» к заключенному’. Исходя из него, следовало бы прочесть карельский член пары как *valvoja ‘наблюдатель’. Хотя это слово не фиксируется словарями карельского языка, оно может быть без проблем образовано по присущей карельскому словообразованию модели отглагольных имен производителей действия от глагольной основы valvo- ‘наблюдать, стеречь’. Однако поскольку написание не дает возможности предложенного прочтения, приходится полагать, что слово услышано или воспроизведено неверно.

Наряду с отдельными словами в рукописи присутствует целый ряд глагольных словосочетаний, собственно, коротких фраз с переводами, превращающих словарные записи в своего рода двуязычный разговорник. Некоторые из них легко прочитываются, будучи оформлены соответствующим образом: *пюги перти* (pyyhi perti) – *паши избу* или *вирита тули* (virita tuli) – *зажґи ого*^{н} и др.

В других случаях исходное словосочетание просматривается в самом порядке расположения слов: *оу*^{л}*ло*^{ш} (ulloš) – *вынеси*; *ка*^{н}*н*^{ї}*на* (kanna) – *вонъ*; *рыка́тъ* (kanna ulloš rikat ’вынеси вон мусор'). Слова *а̏но* (без перевода) и *шу́вꙗ* (šyyvä) – *ѣ*^{с}*ти*, расположенные рядом, образуют фразу anna šyyvä ’дай поесть’, точно так же, как соседние *ѡви* (ovi) – *двери* и *шула* (šule) – *затвори* формируются во фразу šule ovi ‘закрой дверь’.

Не исключено, что устойчивую связку представляют собой соседние слова *стари*^{к} – *ву́кконе* (ukkone) и ^{а}*ва*^{н}*га*^{не} (без перевода): *ukkone vanhane, букв. ‘старичок старенький’, образованное по принципу сочетаний, свойственных фольклорным текстам, типа Ukkoine Väinämöine ’старичок Вяйнямейнен’ в тексте заговора или ukkoine gryhnäine 'старичок грешничек' в тексте одной загадки [KKS, статья ukkoine].

Потенциально материал указывает, кажется, на то, что и некоторые другие слова списка – это расписанные на составляющие словосочетания.

Нельзя обойти вниманием случай с несовпадением личных форм в паре *опаштат* – *оучу*. Составителя записей, надо полагать, интересовала форма 1-го лица («я учу»), которую он и хотел услышать от своего информанта; а тот, согласуясь с ситуацией, назвал ему этот глагол в форме 2-го лица: opaštat ’ты учишь’. Это классическая ситуация взаимного недопонимания людей, говорящих на разных языках.

Отражение в словарных записях реалий тюремного быта

Анализ лексического содержания словарных записей говорит о том, что их составитель сгруппировал слова в тематические ряды, связанные с названиями предметов домашней утвари, одежды, животных, рыб и т. д. В одном из тематических рядов представлены «формулы общения», в двух других нашли отражение реалии тюремного быта и замысел Феофана о побеге (см. табл.).

Тематические ряды слов, представленные в записях Феофана.

Тема	Словарные статьи на л. 273 об.:
«время зажечь огонь»	вирита ту́ли – зажґи ѡго^{н}; тушъ – свеча; ва́га – во́скъ; ке́лло – ко́локъ^{л}; тулу́кшѧ^{т} – ѡ^{г}ни́во; таґла – тру^{т}; и̏сѧ ту^{л}да – высічъ ѡ́гнѧ
«уборка помещения»	ва́шта – вѣ́никъ; пю́ги пе́рти – паши избу̀; о̀у^{л}ло^{ш} – вы́неси; ка^{н}н̑на – во́нъ; рыка́тъ – ме^{т}во
«одежда»	па^{и}ка – пла^{т}; ню́блꙗ – пу́ґо^{в}ка; рипута – повѣ́сь
«направление»	ꙗлешта – назад; ѡ^{и}ꙗ́ла – направо; вазма^{л} ке^{л}лꙗ – налѣ́во
«ведро»	ве^{д}ро – ре^{н}ґи; дно̀– по^{г}ꙗ; обру^{ч} – ва^{н}ны
«посуда»	ка́^{т}тыла – коте^{л}; па́да – ґоршо^{к}
«древесный материал и изделия из него»	брьвно – ги́ржи; кро́влꙗ – ка́ты; до^{с}ка – лав́да

Тема	Словарные статьи л. 274:
«птица»	си́би – крыло; шу^{л}ґа – перо
«животные»	ка́зи – ко́шка; ко^{и}ра – соба́ка; гукк̇а – во^{л}къ; лиси́ца – ре́бо; ги́ри – мышь
«церковь»	кири^{к}ко – церковь; ри^{с}тѝ – кре^{с}тъ
«побуждение к действию»	ки́рюта – пиши; сирита̀ – погла^{д}; ношꙋ́ша – подо^{и}ми
«печь, посуда, соль»	оу̑го^{л}е – ги́ли; кивґа – пѣщъ; ло́да – ми́са; шола – со^{л}; сталца – ста^{в}
«емкость»	ро́ве – коробка
«изучение карельского языка»	ѡпашта^{т} – оучу; мага^{т} – оу̑мѣешъ; ка́рлаѯи – по-корѣлску; венеге́кши̇ па^{и}сѧ – по-руску
«употребительные глаголы»	ла́нґи – оупа́ла; пидꙗ^{в} – надоби; ма́та – спа́ти; лѣневъ – бу́де^{т}
«формулы общения»	юмала а̑пу^{х} – Богъ на́ помо^{ч}; те́рве̇ – здоро^{в}; аву^{т}та^{в} и^{л}лꙗ – [*помогает*] напере^{д}; а̑но шу́вꙗ – [*дай*] ѣ^{с}ти
«тюремное заключение»	ва^{и}ву^{н} – при́ста^{в}; лу́кку – замо́къ; ава́нь – клу^{ч}; шула – затвори̇; ѡви – двери; еккуна – ѡкошко; ли^{н}на – горо^{д}; таґана – [*позади*]
«побег»	пи́рти̇ – изба; ла́са – пу^{с}ти̇; іо^{к}ши – [*убежал*].
«речная и озерная рыба»	щу́ка – гавґи; агве^{н} – ѡку^{н}; сꙗрґи – плотица; са́внѧ – ꙗзи; лагна – лещъ
«время, старость»	ву́жи – го^{д}; стари^{к} – ву́кконе ^{а}ва^{н}га^{не}

Реалии тюремного быта отразились, прежде всего, в двух начальных рядах слов, объединенных темами «зажжения огня» и «тюремного заключения». Известно, что Головленкова тюрьма, в которой сидел Феофан, считалась на Соловках одним из самых мрачных застенков. Построенная внутри крепостной стены, она не имела окон. Жизнь узников, лишенных дневного света, протекала при свете лучины или свечи. Вероятно, поэтому для Феофана столь важны были слова и выражения, связанные с темой огня: вирита ту́ли – зажґи ѡго^{н}; тушъ – свеча; ва́га – во́скъ; ке́лло – ко́локъ^{л}; тулу́кшѧ^{т} – ѡ^{г}ни́во; таґла – трут; и̑сѧ ту^{л}да – высічъ ѡ̑гнѧ. Упоминание в этой парадигме слов ке́лло – ко́локъ^{л}, вероятно, связано с тем, что огонь в камере зажигали по сигналу колокола, доносившемуся с часовой звонницы.

Предметный мир соловецкой тюрьмы отчетливо отразился и в другом ряде слов, объединенных темой «тюремного заключения»: ва^{и}ву^{н} – при́ста^{в}; лу́кку – замо́къ; ава́нь – клу^{ч}; шула – затвори̇; ѡви – двери; еккуна – ѡкошко; ли^{н}на – горо^{д}; таґана – [*позади*]. Как установил археолог В. А. Буров, исследовавший устройство Головленковой тюрьмы, камера, в которой, скорее всего, был заключен Феофан, представляла собой глухое помещение размером 3 на 3 метра, высотой 2,3 метра, находившееся внутри «*города*» (крепостной стены). Стены камеры были сложены из валуна; валунным было и ее основание, что исключало возможность подкопа [Буров, 2000. С. 35–42].

Тяжелая кованая дверь в камеру запиралась на засов. Узкий проход (шириной 0,47 м, высотой 1,4 м и длиной 1,3 м), через который, лишь согнувшись, с трудом можно было протиснуться, соединял камеру с караульным помещением. Доступ в него преграждала еще одна железная дверь, запиравшаяся на *замок*. В караульной нес службу «*пристав*» (тюремный сторож).

Из караульной был выход в тюремный дворик, огороженный бревенчатым частоколом. В стене камеры на высоте около полутора метров от пола имелось узкое отверстие-«продух» (воздуховод), закрывавшееся маленьким слюдяным окошком. Ширина «продуха» составляла 18 см, высота 28 см, длина чуть более 1 метра [Буров, 2000. С. 35–36, 42]. Возможно, именно это окошко нашло отражение в словарной паре *еккуна – ѡкошко* в группе слов, посвященных теме «тюремного заключения».

С реалиями соловецкой тюрьмы, вероятно, был связан еще целый ряд слов, включенных в тематические группы «печь», «посуда», «одежда», «церковь», «уборка помещения», «формулы общения», «рыба» и т. д. (см. табл.). Как установили археологи, в караульном помещении рядом с камерой, в которой сидел Феофан, имелась *печь* (об этом свидетельствуют найденные там изразцы XVII в.). В стене самой камеры было сделано отверстие для деревянного желоба длиной около двух с половиной метров, по которому остатки пищи выводились наружу. Изучение их показало, что основу питания заключенных составляла *рыба* [Буров, 2000. С. 34–39]. *Посуда*, в которой ссыльным грекам и украинцам приносили пищу, по-видимому, была на Соловках предметом особого внимания. Считая их «неправославными» (крещены без полного погружения), соловецкие старообрядцы чуждались есть с ними из одних сосудов и выделили для них отдельную посуду – те самые «*горшки*», «*ставцы*» и «*мисы*», которые упомянуты в записях Феофана [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 36].

Особый интерес представляет ряд слов, связанных с темой «побега»: *пи́рти̇ – изба*; *ла́са – пу^{с}ти̇*; *іокши – [убежал]*. Отсутствие перевода последнего слова (говорящего непосредственно о побеге) выдает потаенную мысль Феофана, которую он, очевидно, побоялся доверить бумаге. С подготовкой к побегу, по-видимому, связана и другая группа слов, с которыми Феофан надеялся обратиться к ко-

му-то из местных жителей на берегу и попросить его о помощи: *юмала а́пу*^{х} – *Богъ на́ помо*^{ч}; *те́рвѐ – здоро*^{в}; *аву*^{т}*та*^{в} *и*^{л}*лꙗ* – [*помогает*] *напере*^{д}; *а̏но шу́вꙗ* – [*дай*] *ѣ*^{с}*ти*.

Орфографические особенности записей Феофана

Остановимся теперь на орфографической стороне записей. Основные особенности письма Феофана были охарактеризованы в статье Н. А. Мещерского [Мещерский, 1961. С. 20–21]. Говоря об употреблении гласных букв, он указал, в частности, что буквы «ѡ» и «оу» всегда пишутся в начале слова, а буквы «о» и «ук» – в середине или конце (*ѡго*^{н}, *ѡбру*^{ч}, *ѡкошко, ѡку*^{н}, *ѡви, ѡ*^{и}*ꙗ́ла, ѡпашта*^{т}; *оуго*^{л}*е, оучу, оумѣешъ, оу*^{л}*ло*^{ш}).

Далее Н. А. Мещерский отметил, что буква «я» в начале слов обычно пишется как йотированная «а» (ꙗ), а после согласных – как «юс малый» (ѧ). С этим замечанием, однако, трудно согласиться, так как йотированная «а» встречается в обеих позициях: и в начале слова, и после согласных (*ꙗзи, ꙗлешта, кро́влꙗ, ке*^{л}*лꙗ, по*^{г}*ꙗ, и*^{л}*лꙗ, сꙗрґи, пидꙗ*^{в}). Что же касается буквы «юс малый», то она, действительно, пишется только после согласных (*тулу́кшѧ*^{т}, *исѧ ту*^{л}*да, венеге́кшѝ па*^{и}*сѧ, са́внѧ*).

Характеризуя написание гласных «е» и «ѣ», Н. А. Мещерский отметил, что обе буквы пишутся в соответствии с орфографической традицией. Единственное отклонение от нее он обнаружил в слове *надоби* (где на месте «ѣ» стоит «и»). По его мнению, в этом написании проявился «севернорусский диалект» автора словарных записей. Укажем еще один аналогичный пример: в словосочетании *высічъ огня* (императив 2-го лица ед. ч.) на месте «ѣ» также написана «и». По-видимому, в обоих случаях следует видеть отражение природного языка архимандрита Феофана, который, как уже сказано, был малороссом. В то же время написание слова *св**е**ча* с гласной «е», действительно, может быть объяснено орфографической традицией старопечатных изданий, в которых на месте «ѣ» в безударных слогах обычно пишется «е» [Колесов, 1980. С. 186; Галинская, 1985. С. 44].

Главной особенностью орфографической системы составителя словарных записей является использование двух различных букв «г» – «***г** обычной*» (в виде «молоточка») и «***ґ** с крючком*». Первая используется для передачи гортанного придыхательного звука [h], вторая – для обозначения взрывного заднеязычного [g].

На эту особенность также обратил внимание Н. А. Мещерский, который дал ей следующую характеристику: «В записи встречаются два совершенно разных по начертанию письменных знака: один – близкий к обычной букве “г”, но с несколько удлиненной влево и вниз горизонтальной черточкой; другой – также близкий по начертанию к той же букве, только вытянутый кверху и загнутый влево над строкой. Первый знак находим как в начале слова, так и в середине, например, в русских словах “годъ”, “богъ”, “город”, “огонь”, “огня”, “огниво”, “погляди”. Этот же знак читаем в карельских словах *венегекши, лагна, вага, агвен, пюги, пог’я, гиржи, гукка, гири, гили.* Этот знак должен соответствовать придыхательному согласному звуку “h”. Второй знак читается главным образом лишь в середине слова перед гласными. Он виден в русских словах “зажґи”, “ґоршок” и в карельских словах *ланґи, ренґи, шулґа, кивґа*; оба знака читаются в карельском слове *гавґи*: первый знак – в начале слова, второй – в середине, перед гласной буквой “и”. В русском слове “пуґовка” первоначально был написан первый знак, а затем исправлен на второй. Очевидно, данный знак соответствует заднеязычному взрывному согласному звуку “г”» [Мещерский, 1961. С. 20–21].

К сказанному Н. А. Мещерским можно добавить следующее. Благодаря тому, что мы знаем теперь имя автора записей и основные вехи его биографии, становится ясно, что с двумя буквами «г» он познакомился, скорее всего, еще в школе. Обе буквы входили в азбуку церковнославянского языка, с которой начинается «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619 г.). Первая из них – «*обычная **г***» (или «глагол») – использовалась для написания исконно славянских слов. В произношении жителей Юго-Западной Руси она звучала как фрикативный звук [h]. Вторую букву – «***ґ** с крючком*» (или «гамму») – Мелетий Смотрицкий заимствовал из греческого алфавита для передачи взрывного [g] в словах, заимствованных из древних языков, греческого и латинского: ***ґ**рамматика, ло**ґ**ика, орфо**ґ**рафиа, Оди**ґ**ітрїа*.

«Грамматику» Мелетия Смотрицкого, изданную в Евье, изучали в школах Малороссии и Молдавии. В то же время в России было распространено московское издание «Грамматики» (1648 г.), в котором буква «***ґ** с крючком*» была исключена. В орфографической системе московского извода она оказалась ненужной, поскольку у великороссов не было противопоставления фонем /g/ и /h/. Не имея фрикативного звука [h], они вполне обходились одной буквой **г** («глагол»), но использовали ее для передачи взрывного звонкого заднеязычного звука.

Для архимандрита Феофана, обученного орфографии в малороссийской школьной тради-

ции, естественным было использование обеих букв «г». Благодаря этому он сумел корректно передать различие согласных [h] и [g] карельского языка. По сути, его записи представляют собой довольно точную транскрипцию карельских слов с помощью средств кириллического алфавита. Фрикативному [h] в них соответствует кириллическая буква «*г*» (или «глагол»), а заднеязычному [g] – «***ґ** с крючком*» (или «гамма»). При этом в двух случаях Феофан допустил ошибку, написав слова *кивга* (*kiugua*) и *сгарги* (*särgi*) с обычной «г». Но заметив свою оплошность, он исправил «глагол» на «гамму»: *кивґа*, *сгарґи*.

Отметим еще несколько орфографических особенностей письма Феофана. Слово *брьвно* написано им, по-видимому, в соответствии с орфографической традицией, а слова *колокъл* и *клуч* – в соответствии с их произношением. Феофан охотно использует выносные согласные буквы (г, й, д, т, л, в, н, к, с, ч, ш, х), но на письме они не всегда ясно различаются. Вероятно, поэтому при копировании слов с черновика он иногда сам допускал в них ошибки: *тру*^{а} (вместо *тру*^{т}), *ва*$^{\prime\prime}$*ву*^{и} (вместо *ва*$^{\prime\prime}$*ву*^{и}). Обращает на себя внимание нехарактерное использование выносных гласных «*а*» и «*е*» в карельском слове ^{а}*ва*^{и}*га*^{не} (*vanhane*).

В большинстве слов – карельских и русских – проставлены ударения. В русских словах, начинающихся с гласных, имеются диакритические знаки. Слова *плотица* и *спати* написаны с лигатурой «*ти*».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В предшествующих публикациях текста карельско-русских словарных записей XVII в., выполненных Й. Микколой и Н. А. Мещерским, некоторые слова были переданы с ошибками, а несколько «темных мест» остались непрочитанными. Кроме того, в публикации Мещерского был перепутан порядок следования листов соловецкой рукописи (сначала помещены словарные статьи с л. 274, а затем – с л. 273 об.). В связи с этим текст карельско-русских словарных записей был подготовлен нами заново.

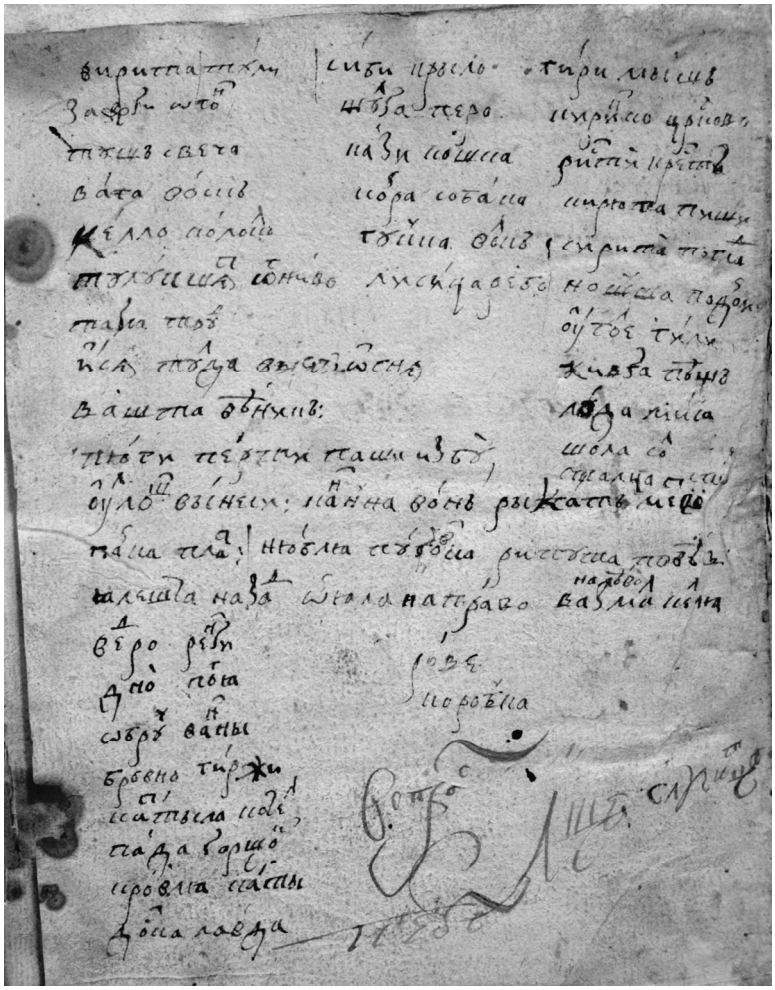


Рис. 2. Сол., № 648/706. Карельско-русские записи архимандрита Феофана на л. 273 об.

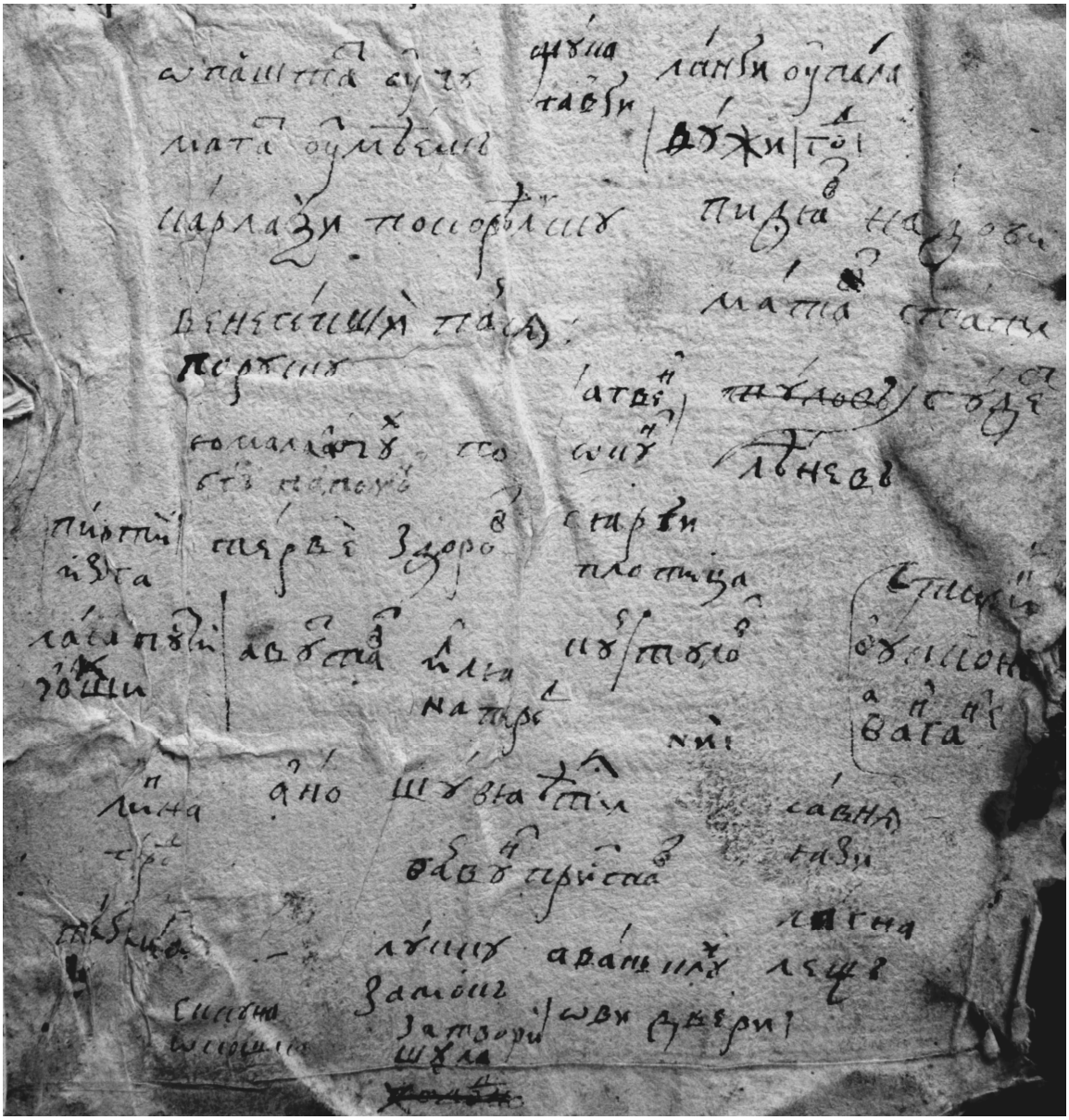


Рис. 3. Сол., № 648/706. Карельско-русские записи архимандрита Феофана на л. 274

Публикацию предваряем кратким описанием соловецкой рукописи, в которой эти записи сохранились.

Описание рукописи Соловецкого собр., № 648/706

РНБ, Сол., № 648/706. Патерик Азбучный с добавочными статьями. XVII в. (сер.). 4°. 274 л. Полуустав, почерк одной руки. *Филиграни*: 1) «кувшинчик» одноручный под полумесяцем, на тулове литеры I/GO – типа: Хивуд № 3603 (1646 г.); 2) «лилия» в гербовом щите под короной – типа: Дианова, Костюхина. № 921 (1646 г.); 3) герб «Страсбургская лилия» – типа: Гераклитов. № 170 (1647 г.). *Переплет:* доски в коже с тиснением, в среднике – «птица неясыть». Переплет разбит, корешок оторван, застежки утрачены. На корешке – наклейка XIX в. с надписью: «Патерикъ Скитской. № 648».

Содержание. Л. 1–174: Патерик Азбучный в двух частях; л. 175–272: добавочные статьи (в основном из «Лавсаика»); л. 272–272 об.: апокрифический рассказ о крещении Иоанна Крестителя и пророка Захарии; л. 273 об. – 274: карельско-русские словарные записи афонского архимандрита Феофана, сделанные в 1666–1668 гг.

Записи. На л. 1 (почерком кон. XVII в.): «По милости Божии и великихъ московских святителей Петра, Алексѣя, Ионы и Филиппа, скорых помощниковъ и теплых заступниковъ и молѣбниковъ ко Съпасу о душахъ нашихъ». На л. 222 об. – 223 об.: «Феофанъ архимандри[т] Святой горы»; «в заточении сѣдѧ, чтохъ сию книгу». На л. 272 об.: «Феофанъ архима[ч]дри[т]», «Многи скорби праведнымъ и от всѣхъ ихъ избави[т] ѧ Господь, хранитъ Господь всѧ кости и[х]» (Пс. 33).

Лит.: Описание рукописей Соловецкого монастыря. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

КАРЕЛЬСКО-РУССКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ АФОНСКИМ АРХИМАНДРИТОМ ФЕОФАНОМ В СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЕ (1666–1668 гг.)

// (л. 273 об.)

1-й столбец

1. вирита ту́ли (*virita tuli*) – зажґи ѡго^{н}
2. тушъ (*tuohuš*) – свеча
3. ва́га (*vaha*) – во́скъ
4. ке́лло (*kello*) – ко́локъ^{л}
5. тулу́кшѧ^{т} (*tulukše*^{т}*t*) – ѡ^{г}ни́во
6. таґла (*tagla*) – тру^{д} [1]
7. и̏сѧ ту^{л}да (*ise tulda*)[2] – высічъ ѡ́гнѧ
8. ва́шта (*vašta*) – в҃ни́къ
9. пю́ги пе́рти (*pyyhi perti*) – паши[3] избу̀
10. оу^{л}ло^{ш} (*ulloš*) – вы́неси; ка^{н}на (*kanna*) – во́нъ;[4] рыка́тъ[5] (*rikat*) – ме^{т}во (?)[6]
13. па^{и}ка (*paikka*) – пла^{т}; ню́бля (*nyblä*) – пу́ґо^{в}ка[7]; рипута (*riputa*) – пов҃сь
16. ѣлешта (*jäleštä*) – назад; ѡ^{и}ѣ́ла (*oigiella* > *oijella*) – направо; вазма^{л}ке^{л}лѣ (*važemmella keällä*) – нал҃во
19. ве^{д}ро – ре^{н}ґи (*rengi*)
20. дно̀ – по^{г}ѣ (*pohja*)
21. ѡбру^{ч} – ва^{н}ны (*vanneh*)
22. брьвно – ги́ржи (*hirži*)
23. ка́^{т}тыла (*kattila*) – коте^{л}
24. па́да (*pada*) – ґоршо^{к}
25. кро́влѣ – ка́ты (*katto*)
26. до^{с}ка – ла́вда (*lauda*)

2-й столбец

27. си́би (*siibi*) – крыло
28. шу^{л}ґа (*šulga*) – перо
29. ка́зи (*kazi*) – ко́шка
30. ко^{и}ра (*koira*) – соба́ка
31. гук^{к}ка (*hukka*) – во^{л}къ
32. лиси́ца – ре́бо (*rebo*)

3-й столбец

33. ги́ри (*hiiri*) – мышь
34. кири^{к}ко (*kirikkö*) – церковь
35. ри^{с}тѝ (*risti*) – кре^{с}тъ
36. ки́рюта (*kirjuta*) – пиши
37. сирита̀ (*silitä*) – погла^{д}
38. нош҃ша (*nošša*) – подо^{и}ми
39. оу́го^{л}е (*hiili*) – ги́ли
40. кивґа[8] (*kiugoa / kiugua*) – пѣщъ
41. ло́да[9] (*luoda*) – ми́са
42. шола (*šuola*) – со^{л}
43. сталца (*stalttša* < **stauttsa*) – ста^{в}(?)

(Добавление внизу листа)

44. ро́ве (*roveh*) – коробка

// (л. 274)

1-й столбец

45. ѡпашта^{т} (*opaštat*) – оучу[10]
46. мага^{т} (*mahat*) – оу́м҃ешъ
47. ка́рлаґи (*karjalaksi*) – по-кор҃лску
48. венеге́кшѝ па^{и}сѧ (*venäyäkse paissa*) – по-руску
49. юмала а́пу^{х} (*jumala apuh*)[11] – Богъ на́помо^{ч}
50. те́рвѐ (*terveh*) – здоро^{в}
51–52. аву^{т}та^{в} и^{л}ѣ (*avuttau iellä*) – … [12] напере^{д}
53–54. а̏но шу́вѣ (*anna syyvä*) – …[13] ҃^{с}ти
55. ва^{и}ву^{н} (*vaivun*[14]) – при́ста^{в}
56. лу́кку (*lukku*) – замо́къ
57. ава́нь (*avan* < *'avain*) – клу^{ч}
58. шула (*šule*) – затворѝ[15]
59. ѡви (*ovi*) – двери
60. еккуна (*ikkuna*) – ѡкошко

2-й столбец (слева от 1-го)

61. пи́ртѝ (*pirtti*) – изба
62. ла́са (*lase*) – пу^{с}тѝ
63. іо^{к}ши (*juokši*) – …[16]
64. ли^{н}на (*linna*) – горо^{д}
65. таґана (*tagana*) – …[17]

3-й столбец (справа от 1-го)

66. щу́ка – гавґи (*haugi*)
67. агве^{н} (*ahven*) – ѡку^{н}
68. сѣрґи[18] (*särgi*) – плотица
69–70. ку^{и} туло^{в} (*kui tulou*) – …[19]
71. нѝі (*nii*) – …[20]
72. са́внѧ (*säynä*)[21] – ѣзи
73. лагна (*lahna*) – лещъ

4-й столбец

74. ла́нґи (*langi*) – оупа́ла
75. ву́жи (*vuoži*) – го^{д}
76. пидѣ^{в} (*pidäy*) – надоби
77. ма́та[22] (*moata*) – спа́ти
78. л҃не́вь[23] (*lieney*) – бу́де^{т}
79. стари^{к} – ву́кконе (*ukkone*) ^{а}ва^{н}га^{не} (*vanhane*)

---

[1] Описка (правильно: тру^{т}).

[2] Форма императива.

[3] В значении ‘мети’.

[4] Перепутаны значения карел. слов (правильно: ulloš – вонъ, kanna – вынеси).

[5] Буква «к» написана поверх «п»; первоначально было: *рыпать*.

[6] Последние две буквы нрзб.

[7] Буква «ґ с крючком» написана поверх первоначальной обычной «г».

[8] То же.

[9] Буква «о» написана поверх «у»; первоначально было: *луда*.

[10] Форма русского слова (1-е л. ед. ч.) не соответствует форме карельского (2-е л. ед. ч.).

[11] За этим выражением следует начало какого-то слова, оставшегося недописанным: *по…*

[12] Перевод 1-го слова отсутствует (ср.: avuttau 'помогает’).

[13] То же (ср.: anna syyvä 'дай поесть’).

[14] Исходя из русского перевода, должно быть **valvoja*.

[15] Первоначально было переведено русским словом «*холодно*», потом это слово зачеркнуто.

[16] Перевод отсутствует (ср.: juokši – ‘убежал’).

[17] То же (ср.: tagana 'сзади, позади').

[18] Буква «ґ с крючком» написана поверх первоначальной обычной «г».

[19] Перевод отсутствует (ср.: kui tulou – ‘как будет?’).

[20] То же (ср.: nii – ’да’).

[21] Форма ед. ч. (säynä ‘язь’).

[22] Первоначально было: *матав* (с выносной буквой *в*, которая потом зачеркнута).

[23] Первоначально было написано *ту́ловъ*, потом зачеркнуто и испр. на *л҃не́вь*

Источники и литература

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. Грамота № 292. С. 120–122.

Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963. С. 103–104. Грамота № 403.

Баранцев А. П. О людиковском языковом памятнике начала XVII века // Совет. финно-угроведение. 1984. № 4. С. 298–303.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki, 1997. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 97).

Буров В. А. Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб., 2000.

Галинская Е. А. К истории фонемы «ять» в одном из севернорусских говоров конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 9. «Филология». 1985. № 5. С. 41–46.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2.

Даль В. Словарь живого великорусского языка в четырех томах. М., 1989–1991.

Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 453 с.

Елисеев Ю. С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Т. 18. Вып. 1. С. 65–72.

Из рукописей Е. В. Барсова: Дело об архимандрите Афонской горы Феофане, приезжавшем в Россию за сбором и заподозренном в шпионстве 1664 г. // ЧОИДР. 1886. Кн. 1. Отд. V. С. 16–30.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. 943 с.

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. М., 1914. С. 191–192.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Лавровский Л. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского // Христианское чтение. 1889. С. 714–715.

Леонид (Кавелин), архим. Акты Иверского Святозерского монастыря (1582–1706) // РИБ. СПб., 1878. Т. 5. С. 551–552, № 207.

Леонид (Кавелин), архим. Рассказ о святогорских монастырях архимандрита Феофана (Сербина), 1663–1666. СПб., 1883.

Макарий (Булгаков), митроп. История Русской Церкви. 2-е изд. М., 1996. Кн. 7. Т. 12. С. 227–229, 421–422.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. Т. 3. Акты, относящиеся к истории Соловецкого мятежа. М., 1878.

Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVI – начала XVII в. // Прибалтийско-финское языкознание. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л., 1961. С. 16–32.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. СПб., 2003.

Мызников С. А. О некоторых особенностях вепсско-людиковских заговоров олонецкого сборника // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Уралистика. СПб., 2009. С. 98–103.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Сост. И. Я. Порфирьев, П. В. Знаменский, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев и др. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

Панченко О. В. Магический квадрат, или Приключения святогорца в России (из истории русско-афонских связей XVII в.) // Variante loquella: Alexandro Gavrilov septuagenario / Hyperboreus; Studia classica. Vol. 16–17. 2010–2011. С. 453–476.

Соловецкое собрание Российской национальной библиотеки, № 648/706. Патерик Азбучный с добавочными статьями. XVII в. (сер.). 4°. 274 л. (В тексте – Сол., № 648/706).

Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 252–259.

Челобитная архимандрита Феофана к патриарху Никону из Кириллова монастыря // ГИМ. Синодальное собр. грамот. № 1070.

Чумичева О. В. Соловецкое восстание (1667–1676 гг.). Новосибирск, 1998.

Фонкич Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб. 1994. С. 40–41.

Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М. 1977. С. 45–47, 49.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki. 1919. SUST XLIV.

Karjalan kielen sanakirja. I-V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997. (В тексте – KKS).

Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä // Virittäjä. 1999. № 4. S. 531–555.

Mikkola J. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta // Virittäjä. 1901. S. 101–102.

Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo // Virittäjä. 1932. S. 101–104.

Saarikivi J. Finnic personal names on Novgorod birch bark dokuments // Topiks on the ethnic, linguistic and cultural making of Russian North. Studia Slavica Helsingiensia 32. 2008. S. 196–246.

Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Münich, 1976.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981. (В тексте – SKES).

Zaikov P. Karjalan kielen murreoppia. Petroskoi, 1987. 128 s.

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов (в тексте – РГАДА).

Дело о приезде в Москву Афонския горы Констамонитова монастыря архимандрита Феофана для испрошения милостыни // РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. (Сношения России с Грецией). Оп. 1. 1663 г. Д. 8. 12 л.

Дело о ссылке в Кириллов монастырь под начало Афонския горы Констамонитова монастыря архимандрита Феофана // РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. (Сношения России с Грецией). 1663 г. Д. 9а. 102 л.

Переписка Кирилло-Белозерского монастыря о пребывании в монастыре Афонского Констамонитова монастыря архимандрита Феофана и келаря Вассиана, о побеге Феофана и о ссылке его в Соловецкий монастырь // РГАДА. Ф. 196 (Собр. Ф. Ф. Мазурина). Оп. 2. Д. 71. 69 л.

Расспросные речи стрельцов Силки Аверкиева с товарищами от 19 июня 1669 г. // РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1669. Д. 5. Л. 14–15.

Челобитная соловецкой братии И. А. Волохову с извещением о высылке «опальных людей» от 16 июня 1669 г. // РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1669. Д. 5. Л. 33–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Муллонен Ирма Ивановна
главный научный сотрудник, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: mullonen@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 784496

Панченко Олег Витальевич
старший научный сотрудник, к. фил. н.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, Россия, 199034
эл. почта: pankow@mail.ru
тел.: (812) 3281901

Mullonen, Irma
Institute of Language, Literature and History, Karelian
Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: mullonen@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 784496

Panchenko, Oleg
Institute of Russian literature, Russian Academy of Sciences
4 Makarov embankment, 199034 St. Petersburg, Russia
e-mail: pankow@mail.ru
tel.: (812) 3281901

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 31–40

УДК 389

СОБИРАТЕЛЬ КАК ИНТЕРПРЕТАТОР ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НАБЛЮДЕНИЯ НАД АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ ЭКСПЕДИЦИИ Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫХ «ПО СЛЕДАМ РЫБНИКОВА И ГИЛЬФЕРДИНГА» 1926–1928 ГОДОВ)*

В. А. Бахтина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

В статье рассматриваются актуальные вопросы фольклорной текстологии, возникающие при подготовке к изданию собраний русского устного народного творчества, в первую очередь эпоса. В. А. Бахтина изложила свои наблюдения, возникшие в процессе трудоемкой работы с архивными материалами экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В статье анализируются отличающиеся записи разных собирателей одного и того же совместно прослушанного текста, методика записи в полевых условиях, подразумевающая помимо обычных способов ручной записи группой собирателей и так называемую «двуслойную запись», а также вопросы фиксации контаминированных текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : текстология фольклора, фиксация текста, интерпретация фольклорного текста, собирательская методика, коллективная запись, аутентичный текст.

V. A. Bakhtina. THE COLLECTOR AS AN INTERPRETER OF THE FOLKLORE TEXT (OBSERVATIONS ON THE ARCHIVAL MATERIALS FROM THE EXPEDITION BY B. M. AND YU. M. SOKOLOVS “IN THE FOOTSTEPS OF RYBNIKOV AND HILFERDING” 1926–1928)**

Topical problems of folklore text studies involved in the preparation of collected volumes of Russian oral folklore, first of all the epic, for publication are considered. V. Bakhtina shared the observations she made during the effort-consuming work with the archival materials from the expedition “In the footsteps of Rybnikov and Hilferding”. The discrepant records by different collectors of the same text they listened to together, the technique of recording in the field, which implies that so-called “double layer” recording is used in addition to the common manual recording by a team of collectors, as well as the problems of recording contaminated texts are considered.

K e y w o r d s : folklore textualism, text recording, folklore text interpretation, collecting technique, team recording, authentic text.

---

* Статья предоставлена для публикации дочерью В. А. Бахтиной Н. В. Голиковой.
** The paper was submitted for publication by V. A. Bakhtina’s daughter N. V. Golikova.

В последние годы в связи с реализацией таких крупных издательских проектов, как «Свод русского фольклора» [Былины, 2001–2003], полное собрание записей А. В. Маркова [Беломорские старины, 2002], переиздание былин А. Д. Григорьева [Архангельские былины, 2002–2003], продолжение серии «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока», выход крупных коллекций, ставших итогом собирательской деятельности последних десятилетий [Смоленский, 2003], актуализировались теоретические проблемы фольклорной текстологии, которая, в силу специфики самого объекта, всегда носила не только практический, но и критический характер, поскольку в идеале ориентирована на наиболее точное или аутентичное воспроизведение фольклорного текста (словесного, музыкального) в печатном издании.

Не будучи самостоятельной научной дисциплиной, она выработала свой понятийный аппарат, пришла к некоторым общеметодологическим установкам. К их числу относится, в частности, признание значимости и ценности каждого отдельного варианта вне зависимости от частотности фиксаций одного и того же текста, в том числе от одного сказителя, и вне зависимости от качества с точки зрения полноты и художественного совершенства; приоритет полевой записи перед беловым (перебеленным) текстом; требование максимально точной передачи диалектной и устаревшей лексики, фонетической специфики, индивидуальных особенностей исполнителя; его и слушателей размышлений и реплик в процессе исполнения и прочих функционально-бытовых данных.

Вместе с тем текстология фольклора относится к дисциплинам сугубо конкретного характера и требует от исследователя, не нарушая вышеуказанных общих принципов, вырабатывать самостоятельные решения. Текстолог фольклора, а также собиратель и расшифровщик не может не быть одновременно и интерпретатором, поскольку, готовя фольклорный текст к публикации или прочитывая его с записи, он выступает и его познавателем, его исследователем и его толкователем. Личность текстолога и собирателя входит в непосредственный процесс интерпретации, причем не меньше, чем интерпретируемые данные. Всякий раз при расшифровке возникает диалог с текстом, а он, как любой акт понимания, всегда носит личный характер и в качестве такового имеет и свою цену, и право на существование. Но всем актам человеческого понимания или интерпретации свойственна известная доля относительности, они не могут и не должны быть абсолютно идентичными.

Свою роль играет множество факторов как общекультурного, так и личностного характера: уровень предварительного знания обследуемой традиции и ее диалекта, культурный багаж собирателя, его умение и степень сосредоточенности при письменной фиксации устного текста и т. д. Приведу один пример. В 1928 г. В. И. Чичеровым, С. П. Бородиным и Ю. А. Самариным (запись последнего не обнаружена) была зафиксирована песня литературного происхождения «Было дело под Полтавой» от О. И. Дмитриева (Рагнозеро, 1928 г.). Работа собирателей распределялась следующим образом: С. П. Бородин писал стихи до цезуры [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 10, тетр. № 3], В. И. Чичеров – окончания стихов после цезуры [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 34, тетр. № 4, л. 229]. Но последний стих оба собирателя записали полностью. У С. П. Бородина он звучит так: «В седло царское впилась», а у Чичерова: «В шляпу царскую впилась». Поскольку С. П. Бородин с особым вниманием должен был записывать начала стихов, с большой долей уверенности можно говорить, что именно его запись передавала текст исполнителя, а В. И. Чичеров чисто механически (автоматически) повторил оригинал песни, принадлежащей поэту второй половины XIX в. И. Е. Молчанову, у которого пуля попадает именно в шляпу.

Споры между несколькими собирателями в процессе восприятия и последующей расшифровки одновременно прослушанного ими текста неизбежны и закономерны. Отличающиеся записи одного и того же совместно прослушанного текста в тетрадях разных собирателей, с чем мне пришлось постоянно сталкиваться при подготовке неизданных материалов экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга», – это данность, с которой не только необходимо считаться, но и воспринимать как явление нормальное. Каждый вариант записи, как и вариант текста исполнителя, обязательно должен учитываться текстологами.

На вопрос, можно ли считать вариантами различающиеся между собой записи разных собирателей одного и того же фольклорного произведения одновременно от одного исполнителя, теоретическая текстология уже дала отрицательный ответ. С. Н. Азбелев пишет по этому поводу: «Устный текст и его запись имеют различия, но запись – не есть новый вариант. Не является новым вариантом, естественно, и опубликованный текст, отличающийся от записи, послужившей его оригиналом» [Азбелев, 1966. С. 272]. По-видимому, в том и другом случае правомерно употребление термина «вариант записи».

Значимость в фольклорной текстологии фигуры собирателя неоднократно заявлена исследователями. Так, Б. Н. Путиловым была отмечена прямая зависимость точности записи от применяемой в полевых исследованиях собирательской методики: «Запись былины не может быть уподоблена авторской рукописи, ибо она приходит к нам в интерпретации собирателя. Степень и границы точности, с которой записана былина, колеблются довольно сильно, методические правила и приемы работы собирателей различны» [Путилов, 1966. С. 222]. С. Н. Азбелев, размышляя о понятии фольклорного текста, замечал, что любое исправление, внесенное в текст перед публикацией, т. е. любая редакторская правка, исправляющая даже заведомо очевидные ошибки, уже рождает другой текст, другим текстом является и любая письменная фиксация оригинала [Азбелев, 1966. С. 267]. О фигуре собирателя как посредника «между исполнителем и читателем» писала Т. Г. Иванова, справедливо указывая, что представления собирателя «о точности фиксации», его «способы фиксирования», его «понимание диалекта, строфики песенных форм» сказываются на тексте, который представлен читателю [Иванова, 1991. С. 6].

Таким образом, мы должны с необходимостью прийти к выводу, что все интерпретации (в нашем случае варианты записи) суть относительны. Ни при каких обстоятельствах добиться абсолютно точной и окончательной интерпретации невозможно, и следует смириться с мыслью, что мы всегда имели, имеем и будем иметь дело с относительно аутентичными текстами и что наши сведения об этих текстах и наше понимание их не могут быть полными и объективно точными.

При методике коллективной записи, применяемой братьями Соколовыми, один и тот же текст прослушивался одновременно несколькими собирателями, но фиксироваться ими мог по-разному: только начальными стихами, серединой стихов, окончанием стихов, иногда, если успевали, полными стихами. Несовпадения стихов, переходы границ «своей территории», создававшие путаницу при сведении текстов, были при такой записи обычным явлением. При этом число сведенных в полевых условиях записей различалось: текст мог быть сведен единожды, в тетради только одного участника записи, но иногда он сводился в тетрадях двух и даже четырех собирателей. Встречались факты одновременной полной записи всего текста всеми присутствующими членами экспедиции, если необходимость разделения труда отпадала вследствие неторопливой манеры исполнения, повторения каждого стиха дважды, передышек певца и т. д. Естественно, в таких случаях невозможно определить, кому адресовать те или иные разночтения – местной традиции, семейной традиции, лично исполнителю или собирателю.

Обратимся к конкретным наблюдениям. Сразу оговорю, что оставляю в стороне многочисленные несовпадения в записях типа «цоканья», «чоканья»; букв «е», «ё», «о»; окончаний «ого»/«ово», «ова»; «его»/«яго» в прилагательных и существительных, наличия/отсутствия частиц и междометий, разницы в географических названиях и написаниях имен, полных и кратких прилагательных; наличия/отсутствия ударения в словах и другие фонетические, грамматические, синтаксические различия не потому, что ими можно пренебречь или они не важны при фиксации устного текста, а потому, что подобные расхождения присутствуют (в большей или меньшей степени) абсолютно во всех записях. Остановлюсь на более проблемных случаях, требующих корректировок с позиций современных подходов.

В статье использованы материалы полевых записей экспедиции, сборник «Онежские былины», а также никогда ранее исследователями не привлекавшиеся текстологические заметки Ю. М. Соколова, сделанные им в процессе подготовки к изданию собранных в экспедиции эпических текстов. Экспедиционный архив можно разделить на две части. Первая часть, составляющая основной экспедиционный багаж, – былины, частично исторические песни и баллады – начала готовиться к изданию сразу по завершении экспедиции в 1928 г., но вышла спустя годы в 1948 г. [Онежские былины, 1948]. Вторая, до недавнего времени пассивная часть, состоящая из эпических (духовные стихи, исторические песни, баллады), обрядовых, драматических, лирических жанров, никогда не публиковалась и не привлекалась для исследовательских работ. В настоящее время первый том («Эпическая поэзия») этих материалов находится в производстве. Второй том – условно названный «Обрядовый фольклор, драматические и лирические жанры» – в процессе подготовки [Неизданные..., 2007, 2011. – *Прим. ред.*].

В последние годы к экспедиционному архиву Соколовых обращались фольклористы Пушкинского Дома В. И. Еремина и В. И. Жекулина, осуществляющие критический пересмотр текстов былин для Свода русского фольклора и изложившие некоторые свои текстологические наблюдения в специальной статье [Еремина, Жекулина, 1991. С. 54–68]. Проанализировав сведенные тексты из полевых тетрадей участников экс-

педиции, они выделили несколько типов, распределив их исходя из степени идентичности и точности фиксаций в тетрадях отдельных собирателей. При этом ими отмечены как уникальные редкие случаи абсолютного тождества в записях разных собирателей (при подготовке не опубликованных ранее текстов мне такие случаи не встретились), так и настолько небрежно произведенные сводки текстов, что потребовалось прибегнуть к процедуре осуществления новой сводки. Это, естественно, современными текстологами воспринималось как дело весьма щепетильное и при тяжелых физических и умственных затратах могло породить только весьма приблизительную продукцию (т. е. текст, далекий от аутентичного). Замечу, что мне к подобной процедуре пришлось прибегать значительно чаще, поскольку многие духовные стихи, не имея перспектив попасть в книгу в те годы, остались в полевых тетрадях не сведенными.

Полностью соглашаясь с выводами ленинградских коллег и понимая, что нам не остается никакого другого выхода, как довериться сведенным текстам, которые были сделаны самими участниками экспедиции и чаще всего непосредственно в полевых условиях, замечу все же, что, по признанию Ю. М. Соколова, эти сводные тексты рождались в сложных спорах, в результате компромиссных решений и, стало быть, могли не во всем соответствовать исполненному тексту. Если пройти заново путь от первоначальных полевых фиксаций в тетрадях собирателей, учитывая разделение труда как необходимое условие коллективной работы, до сведенного текста, итога этих коллективных усилий, то обнаружатся нестыковки стихов, расхождения, иногда значительные. Выбор каждый раз какого-то одного варианта записи и игнорирование другого или других не обеспечивает, увы, полной уверенности в точности конечного продукта.

Приведу несколько примеров. В духовном стихе «Трудник» от А. Ф. Чуркина (Водлозеро, 1928 г.) в записи Б. М. Соколова [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 26, тетр. № 2, л. 241] Богородица, явившаяся труднику в пустыне, осветила его «свецей», в записи же С. П. Бородина [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 2, л. 112–113 нов. пагин] – «свитцем» (т. е. треножником с лучиной). В балладе «Илья Муромец (Князь Роман)» от Т. Г. Каличевой (Пудога, 1928 г.) стих 49 в записи В. И. Чичерова таков: «Ты сорвись-сорвись, золотая цепь» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 34, тетр. № 3, л. 55 об.–57 об.], а в тетради С. П. Бородина: «Разорвись-сорвись, золотая цепь» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 374–376 стар. пагин, л. 91–93 нов. пагин]. Стихи 38–39 баллады «Илья Муромець (Ром/ан/жену губил)» от А. А. Соловьевой (Пудога, 1928 г.) в полевой тетради Б. М. Соколова записаны следующим образом: «Да в новой горнице да бело моитсе, // В новой горнице да одеваетсе» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 26, тетр. № 1, л. 17–18 об. нов. пагин]; в тетради В. И. Чичерова: «Да в новой горници да бело моетсе, // Бело моетсе да одеваетсе» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. № 1, л. 29–33]. Стих 62 у Б. М. Соколова: «Пиво циженые да не поёныи»; у В. И. Чичерова и в перебеленном тексте [ГЛМ ФА, ф. 241 (доп.), текст № 93] выглядит несколько иначе: «Как пиво не циженыи да гости не поёныи» и т. д. Ответить на вопрос, кто из записывателей точнее передал текст, невозможно.

Нередки примеры сращения строк, изменения глагольных форм, перестановки стихов и слов и т. д. Например, записи духовного стиха «Алексей человек Божий» от А. Б. Сурикова (Кижи, 1926 г.) С. П. Бородиным [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 1, л. 143–155 стар. пагин] и Ю. М. Соколовым [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 27, тетр. № 1, л. 189–198] содержат множество разнохарактерных разночтений, каждое из которых имеет приблизительно одинаковые шансы претендовать на близость к оригиналу:

Запись Ю. М. Соколова	Запись С. П. Бородина
«Ой, не было у него отплодья	«Ай, не было на землю отплодия»
Не было на землю отродья».	
«Отвенцялись»	«Обвенцялись»
«Не воскушаёт…»	«Не скушаёт…»
«Не испиваёт…»	«Не спивает…»
«Снимаёт от правой руки злачен перстень»	«Снимае с руки злачен перстень. От правой руки тут снимае»

Поэтому, на наш взгляд, информация о местонахождении первоначальных неполных записей в тетрадях собирателей (до осуществления ими процедуры сводки) должна присутствовать в комментариях к каждому тексту.

Приводимые далее примеры, продолжая наблюдения питерских исследователей, дополняют их, в том числе данными о проводимой Ю. М. Соколовым редактуре готовящихся к изданию материалов.

В недавней дискуссии, возникшей после выхода в свет первых томов Свода русских былин, в частности, была вновь затронута методика экспедиционных записей А. М. Астаховой, которая, в целях получения наиболее точной фиксации текста, практиковала иногда «двуслойную запись»: сначала былина записывалась ею «с пересказа», а затем записанный текст правился в процессе исполнения «с голоса». Последний текст публиковал-

ся. О недопустимости такой методики с точки зрения современной текстологии, о необходимости расслаивать подобные записи и давать два варианта – один пересказанный, а другой пропетый не раз – заявлено в фольклористических работах [Иванова, 1982; Азбелев, 1991].

Экспедиция Б. М. и Ю. М. Соколовых, работавшая, как известно, в тех же местах и в те же годы, что и экспедиция Ленинградского государственного института истории искусств, при общей продекларированной установке на запись «с голоса» тем не менее допускала отдельные случаи двойной фиксации. В 1926 г. таким способом была записана былина «Добрыня Никитинич» от Н. С. Богдановой (Зиновьевой) (г. Петрозаводск, 1926 г.). Насколько велики отличия записи «с голоса» от рассказанного предварительно текста, ясно из нескольких взятых наугад примеров [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–30].

Проговоренный текст	Пропетый текст
«Увидала своего да чада милого, // Чада милого, дитя любимого»	«Увидала своего да чада милого, // Увидала тут Добрыню свет Никитича».
«Что же ты сегодня с пиру не весёл пришел, // Или чарой тебя приобносили»	«Что же ты с перу не весёл пришол, // Не весёл пришол, не радошен, // Или места там тибе было не по чину, // Или чарой там тебя приобносили».
«Тут отправился Добрыня свет Никитинеч // Далешенько на заставу…»	«Тут отправился Добрынюшка на заставу // Он далече во чисто полё и т. д.

В «Онежских былинах» был опубликован спетый вариант, но при этом, во-первых, он не совсем точно следовал полевой записи, ориентируясь, как это было принято в текстологии тех лет, на перебеленный текст; во-вторых, в книге отсутствуют сведения о наличии проговоренного варианта и, следовательно, не указано его местонахождение в материалах экспедиции.

Пример иного текстологически некорректного решения связан с проблемой контаминированных текстов, которые в подавляющем большинстве случаев при подготовке «Онежских былин» к изданию естественно публиковались как единое целое. Но были примеры и иного рода. Скажем, как два отдельных сюжета, причем разделенных и территориально, опубликованы былины «Добрыня и Алеша» [Онежские былины, 1948. № 12] и «Михайло Потык» [Онежские былины, 1948. № 20] от Г. А. Якушова (Пудога, 1926 г.), которые на самом деле были исполнены сказителем как единый текст. В книге сделано постраничное примечание: «Былину о Михайле Потыке Г. А. Якушов пел как продолжение былины о Добрыне и Алеше» [Онежские былины, 1948. С. 134]. Ю. М. Соколов в заметках, комментирующих беловые тексты Г. А. Якушова, высказался еще более определенно: «…пел, как прямое продолжение…» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»].

Игнорирование нетрадиционных контаминаций и разъединение их на отдельные сюжеты предполагалось и в случае с балладой «Князь Роман жену губил» от М. А. Лоскутовой (Кенозеро,1927 г.), которая начала исполнение с лирической песни «У Дунюшки было у голубушки». В имеющемся среди материалов экспедиции беловом варианте [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 31, л. 8–9] текст очищен от этой лирической экспозиции и в таком виде готовился к публикации, но не вошел в книгу. В подготовленном нами томе «Эпическая поэзия», состоящем из неопубликованных текстов, баллада восстановлена согласно полевым записям в контаминированном виде.

Тенденция какого бы то ни было вмешательства в сказительский текст, которая и в настоящее время проскальзывает в некоторых работах, может быть чревата появлением новых ошибок вследствие или недостаточного знания местного говора, или неучета семантической многозначности отдельных слов, в том числе узколокальных их разновидностей, а также индивидуальной речевой манеры исполнителя, который нередко далек от последовательного соблюдения диалектных и иных форм. Поэтому мне кажется более справедливой точка зрения тех текстологов, которые оставляют исполненный текст предельно нетронутым, исправляя лишь заведомые случайные описки, но оговаривая и их.

Ю. М. Соколов в своих текстологических заметках обратил внимание на слово «тулиться» (у него ударение поставлено на первый слог, тогда как Даль его ставит на втором слоге) в былине «Добрыня и Василий Казимирович», исполненной П. И. Рябининым (Кижи, 1926 г.). По мнению Ю. М. Соколова, сказитель, не понимая истинного значения слова, употребил несуразную его форму – «туличка» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 96, № 51]. В опубликованном в «Онежских былинах» тексте В. И. Чичеров все-таки оставил это, по выражению Ю. М. Соколова, «бессмысленное существительное» [Онежские былины, 1948. № 97, стихи 29–31]. На самом деле П. И. Рябинину было известно значение глагола «тулиться», он его использовал в названном тексте в форме «призатулялись»

(стих 28), а слово «туличка» («тулика», «тулича») является, согласно В. Далю, наречием, несет иной смысл: «вот, здесь, тут, тута, тутотка» и вполне уместно употреблено П. И. Рябининым именно в данном значении:

Ай, все тут на пиру да призамолкнули,
Призамолкнули, призатулялись,
А ведь старший туличка за среднего,
А и средний туличка за младшего,
А от младшего туличка ответа нет...

Другой пример. Для сказителя М. С. Мякишева (Пудога, 1926 г.) было характерно использование слова «гривна» вместо «гридня», и в сборнике «Онежские былины» эта его особенность сохранена. Дочь же М. С. Мякишева М. М. Фадеева (Пудога, 1926 г.), воспринявшая былины от отца, употребила в тексте «Добрыни и Алеши» [Онежские былины, 1948. № 49] правильное словосочетание: «гридня столовая». Ю. М. Соколов по этому поводу заметил: «М/ожет/ б/ыть/, Бородины не разобрали Фадееву, а м/ожет/ б/ыть/, она выправила сама, м/ожет/ б/ыть/, отец лишь в старости забыл настоящее слово – гридня» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 96, № 103]. Любопытное имяобразование главного героя произошло в балладе М. М. Фадеевой «Князь жену губил» – «Дунец» (сочетание названия реки Дунай, которая фигурирует во вступлении в качестве места действия, и социальной принадлежности героя – купец и донской казак). О принадлежности имени исполнительнице свидетельствует не только его двойное употребление в тексте баллады, но и специальное выделение его в полевой записи Ю. М. Соколова подчеркиванием [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 916–917 стар. пагин, л. 245–246 нов. пагин]. В беловой машинописи оно было заменено на привычное наименование героя – «купец» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 87, л. 13]. В подобных случаях, когда невозможно точно ответить, как и почему сказитель употребил необычную форму или искаженное слово, думается, не следует пытаться его править и редактировать.

Позиция, при которой собиратель становится полноправным участником процесса передачи-восприятия и новой передачи информации, не предполагает сознательного вмешательства в зафиксированный собирателем в полевых условиях текст. Современная текстология отвергает, как неправомерные, попытки восстановления фрагмента текста (или отдельного слова), если по каким-то причинам он (оно) не были записаны самим собирателем (не успел записать, не понял, не расслышал, отвлекся и т. д.). При подготовке к печати сборника «Онежские былины» подобные реконструкции иногда допускались. Например, стих 85 былины «Рахта Рагнозерский» [Онежские былины, 1948. № 32] от Г. А. Якушова в сведенном тексте полевой записи имел следующий вид: «Как дали то ведь... как сволок-то он». Из текста было неясно – что или кого дали Рахте и что или кого он сволок. В текстологических заметках Ю. М. Соколов намечает путь исправления данного стиха: «...в записи какой-то пропуск, нужно восстановить путем сличения с другими нашими вариантами...» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 96, № 125]. То есть имелось в виду сличение с другими произведенными в экспедиции записями былины о Рахте. В результате стих приобрел «недостающее» слово: «Как дали-то ведь борцов – как сволок-то он». Но кто может с уверенностью утверждать, что Г. А. Якушов употребил именно слово «борцов», даже учитывая, что в его творческом лексиконе оно присутствует. В подобных случаях уместнее зафиксировать пропуск текста.

Можно привести примеры более радикального решения. В былине «Добрыня и Алеша» от М. К. Пашовой (Кижи, 1926 г.) фрагмент полевой записи С. П. Бородина (должен был писать стихи до цезуры, но стремился записать полностью) выглядит следующим образом:

Без меня она дай во пир нейдет,
Ай, во пир нейдет...
/пропуск/ хлебы
Меня молодця она слушает [РГАЛИ,
ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 2, л. 26 об.–32].

В книжном варианте серединные неполноценные стихи, которые, видимо, не удалось восстановить при сводке текстов, были просто опущены. Получилось:

Без меня она да й во пир не йдет,
Меня, молодця, да ёна слушает
[Онежские былины, 1948. № 161].

В 1920–1940-е годы, когда готовился к печати сборник «Онежских былин», редакторская правка текстов считалась естественной и допустимой в известных пределах. С позиций современной текстологической методологии, отвергающей вмешательство публикаторов в текст, эта былая практика выглядит излишне произвольной. Редактуре, к счастью, были подвергнуты немногие фрагменты текстов, записанных в экспедиции и вошедших в сборник «Онежских былин». Основная направленность редакторской правки объясняется стремлением сделать текст более понятным, логически и художественно стройным. Надо отметить, что примеры подобного рода находились в явном противоречии с общими наблюдениями Б. М. и Ю. М. Соколовых за тен-

денциями, связанными с разрушением былинной поэтики, и не могли способствовать объективному пониманию процессов эволюции эпической поэзии в условиях нового времени.

Редакторское «прихорашивание» текста, что необходимо отметить, не выходило за рамки приемов, характерных для народной поэзии и известных братьям Соколовым и их коллегам. Вмешательство в текст могло быть направлено на восстановление утраченных постоянных эпитетов, элементов сравнения или разрушенных приемов подхвата, «ступенчатого сужения образов» и пр.

Сравнение полевой записи 1928 года былины «Чурила и Катерина» от Г. А. Якушова [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 44–48; ед. хр. 21, л. 23–25; ед. хр. 13, тетр. № 1, л. 29 об.–31 об.; ед. хр. 10, л. 43 об.–46 об.] с книжным текстом [Онежские былины, 1948. № 22] свидетельствует о редакторском обогащении публикации постоянными эпитетами: носки сапог стали «сафьяновыми», женская грудь – «белою», «чолки без чоботов» стали «тонкими чулочками без чоботов». Замечательно звучащее местное слово «хухарка» заменено на «кухарка». В полевой записи фрагмент духовного стиха «Егорий и Олисафия» от М. К. Пашовой выглядит следующим образом:

> Начинал Егорий ю копьем колоть,
> А копьем колоть да он конем топтать,
> А копьем колоть да приговаривать [РГАЛИ,
> ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 2, л. 24–26 об.].

В перебеленном тексте восстановлен прием подхвата, и третий стих приобрел такую форму: «А конём топтать да приговаривать» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 91, л. 29–34], т. е. стих приведен к идеальной форме, хотя реально прием подхвата, по всей вероятности, не был последовательно соблюден при исполнении.

В Государственном Литературном музее среди материалов экспедиции имеется машинописный (беловой) текст нескольких былин Г. А. Якушова («Илья Муромец и Елена королевична», «Илья Муромец и сын», «Михайло Потык») с карандашной правкой (местами весьма значительной) Ю. М. Соколова [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»], которая почти полностью была учтена при публикации в «Онежских былинах» [Онежские былины, 1948. №№ 7, 4, 20]. Оставляя в стороне незначительные буквенные исправления, обращусь к отдельным выборочным более серьезным примерам.

В былине «Илья Муромец и Елена королевична» стихи 156–157 в полевой записи Ю. М. Соколова выглядят следующим образом: «…да скоро просто // …будешь-то» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин]. В беловую машинопись Ю. М. Соколовым дописаны отсутствующие фрагменты стихов: «А уеду я да скоро просто, // Ты опять ведь будешь делать-то» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. С помощью этой несколько корявой фразы была восстановлена утраченная логическая стройность текста. Но мы остаемся в неведении, был ли здесь пропуск, допущенный сказителем, или им были исполнены совсем другие слова, не записанные собирателями. В той же былине дважды встретившееся слово «сторонку» («А ту ведь ту сторонку да зафальшивил-то»; «А тут сторонку да зафальшивил-то», стихи 171 и 199 полевой записи) [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин], Ю. М. Соколов исправляет на слова: «подпись» и «надпись» соответственно [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. Стих 182, в беловой машинописи звучащий совершенно нелепо: «А точили ли тут тучами» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»], в полевой записи Ю. М. Соколова: «А не – точили тут затучили» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин], Ю. М. Соколов правит на: «А не тучи ли тут затучили» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. В книгу же вошел четвертый вариант: «А не тучи ли тут за тучами» [Онежские былины, 1948. № 7]. Стих 188 в беловой машинописи: «А своей-то змею да ведь шляпою», кстати, ритмически вполне гармоничный, Ю. М. Соколов исправляет на: «А своей шляпой змею давай пластать» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. Между тем, в его полевой записи стих имеет следующий вид: «А сломил-то змея шляпой ведь» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин].

По смыслу вполне уместный стих 27 в былине «Илья Муромец и сын»: «А на тую на славную на битву ведь» выправлен: «А на тот ли на славный на Киев-град» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»].

Значительным по количеству и смыслу исправлениям был подвергнут текст якушовской былины «Михайла Потык». Заметно, что текст былины сводился с большим трудом: в полевой записи против многих стихов проставлены вопросы, свидетельствующие то ли о путанице исполнителя, то ли о несовершенстве записи собирателями, повлекшей множественные исправления. Скажем, стих 125 в полевой записи: «Говорит – князю да ведь Вл-ру» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, л. 968–1005] в беловой машинописи и книжном тексте выглядит иначе: «Посылал его князь да ведь Владимир-от» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. В полевой записи стих 314

представлен одним словом: «….поганыих», но в беловой машинописи и соответственно в книге он отреставрирован (основания реставрации неясны): «А потом сложил змеёнышев поганыих».

Сравнение стихов 315–322 в полевой записи и книжном тексте (копирующем исправления, произведенные Ю. М. Соколовым в беловой машинописи) свидетельствует о характере редакторской правки данного отрывка:

Полевая запись	Книжный текст
Как он сбрызнул-то да раз,	Как он сбрызнул-то да раз, в первой, –
Так Настасьюшка да пошевелиласе.	Так они да пошевелилисе;
А другой-то раз – ту живы стали.	А другой-от раз – так живы стали.
Так Настасьшку да Вахромиевну,	Так Настасьюшку да Вахрамиевну.
А ведь раз-то она да обрызнула,	А ведь раз-то она да обрызнулась,
А другой-то раз она обрызнула,	А в другой раз да обрызнулась,
А ведь третий раз	А ведь в третий раз да обрызнулась,
А скочила она тут как на ноги.	А скочила она тут как на ноженьки.

В беловую машинопись Ю. М. Соколов дописывает стих 335, вошедший и в книгу: «Худо ведь жить да нельзя тут быть», который дополняет предыдущий 334 стих. Между тем, в полевой записи наличествует только 334 стих: «А со мертвыим худо ведь жить».

В стихах 251 и 259 Г. А. Якушов употребил необычную форму: «А напал тою да бить-клевать». Стих 251 в результате редакторской правки приобрел следующий вид: «А напал да ею нахлыстывать». В книжной публикации он вновь подвергся изменениям: «А напал да ею исхлыстывать», в полевой записи: «А напал да ею как бить да». При этом его полный аналог (стих 259) не был правлен. Можно предположить, что дважды повторенная сказителем форма, какой бы необычной она ни казалась, вряд ли может считаться случайной и квалифицироваться как ошибка исполнителя, требующая исправления.

Встречаются случаи исправления ошибок (или оговорок) исполнителя, хотя последние могли быть и свидетельствами неустойчивости текста в памяти сказителя. Так, стих 382 в полевой записи: «За царя за Вахрамея Вахрамеева» в беловом варианте и в книге выправлен, как должно быть: «За царя за Ивана за Окульевича».

Редакторская правка могла быть направлена и на восстановление привычных, устоявшихся в народной эпике словосочетаний: стих 384 из полевой записи: «Ай, же ты, Ильюша да Муромец» в беловом варианте и в книге преобразован в: «Ай, же ты, старый казак, да Илья Муромец». Имелись случаи восстановления имени героя/героини: вместо «А над княгиню взять в замужесьво» (стих 353 полевой записи) появилось: «А над Настасью взять в замужесьво» (тот же стих в беловой машинописи и в книге).

Но была правка и иного рода – направленная на приведение текстов в соответствие с полевой записью, на исправление неточностей и ошибок беловиков. Так, в былине Г. А. Якушова «Илья Муромец и сын» стих 27 беловой машинописи: «А на тую на славную на битву ведь» Ю. М. Соколов правит на: «А на тот ли на славный на Киев-град», основываясь на полевой записи, в которой, правда, стих звучит несколько иначе: «А на тот ведь на славный да на Киев град». В беловую машинопись былины «Михайла Потык» Ю. М. Соколовым вписаны в соответствии с полевыми данными пропущенные стихи 22, 44, 85, 101, 103 и др.

Естественен вопрос: на чем основаны указанные и другие добавления и исправления? При оригинальности каждого конкретного случая, с которыми необходимо разбираться текстологам, все они тем не менее имеют общие истоки, покоящиеся или на полевых записях отдельных собирателей, или на сведенных текстах, или на общеэпических стереотипах, которые могли быть заимствованы из сборников Гильфердинга или Рыбникова, или из общеэпического фонда. Отсюда следует, что необходима экспертиза каждого текста, направленная на выявление характера его редактирования. Но и она не в состоянии решить проблему до конца. Ю. М. Соколов требовал от участников экспедиции производить сведение записей непосредственно на месте, оставляя возможность для выяснения и уточнения непонятных, или темных, или плохо записанных фрагментов, отдельных слов. Правда, на практике эта установка не всегда была осуществима. Тем не менее можно предполагать, что частичная правка могла вноситься в тексты в результате этих уточнений.

До сих пор речь шла о текстовых разночтениях. Но есть еще область, не менее существенная (а для понимания народного мировоззрения и аксиологии особенно значимая) – притекстовые или послетекстовые реплики исполнителей, не всегда учитывающиеся при подготовке корпуса текстов и восстанавливаемые только при учете полевых фиксаций всех присутствующих при исполнении участников экспедиции. В те годы, когда готовился к печати сборник «Онежских былин» (конец 1920-х – 1940-е гг.), возможны были изъятия и цензурного характера. Приведу лишь один пример. Прозаический текст «Добрыня и Олеша» или «Илья Муромец и Баба-Яга», как назвал старину сказитель П. С. Лоскутов

(Кенозеро, 1927 г.) [Онежские былины, 1948. № 239], был завершен его репликой, зафиксированной только в одной рабочей тетради: «Оно и верно, а в нонешние годы еще хуже». Естественно, в книгу она не вошла.

Полагаю необходимым при публикации материалов, полученных в результате применения метода коллективной записи, приведение исчерпывающих сведений, связанных с историей рождения каждого текста: в каком виде хранится в архиве (запись до или после цезуры, неполная запись отдельных стихов, полная запись всего текста, сводный текст, беловой текст, машинопись), в чьих полевых тетрадях находится (с полным описанием архивных сведений), кем и когда произведена запись.

Конечно, в идеале мог бы быть применен принцип постраничного приведения всех разночтений текста, подобно тому, как поступают с отдельными редакциями древники. Собственно, и в фольклорной текстологии такие способы подачи текстов апробированы, например, в томе алтайских героических сказаний, подготовленном З. С. Казагачевой (серия «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока») [Алтайские..., 1997]. Однако подобная методика, продуктивная при публикации разновременных записей одного сюжета от одного сказителя, в случаях множества разнотипных записей одного и того же текста одновременно разными собирателями не только усложняет процедуры, но ведет к значительному увеличению объема и возрастанию трудностей прочтения и использования текста. В современной эдиционной практике подобный тип издания отсутствует. По-видимому, эта задача должна быть адресована будущему поколению текстологов-фольклористов.

Очевидно, что текстологам, занятым подготовкой «былинной части» экспедиционного архива Б. М. и Ю. М. Соколовых для Свода русского фольклора, придется не только привести тексты в соответствие с полевыми записями, но и указать хотя бы на источники разночтений в полевых тетрадях разных собирателей, если не представится возможность опубликовать их в полноценном виде.

«Историко-фольклористическая текстология» (термин, предложенный Т. Г. Ивановой) в последние годы обогатилась немалым опытом конкретных наблюдений, обобщающих опыт собирателей XIX–XX веков. По-видимому, наступает время подумать о создании итогового труда по истории текстологии в русской, восточнославянской (шире общеславянской, европейской) фольклористике.

Источники и литература

Азбелев С. Н. О переиздании былин в записях А. М. Астаховой // Русский фольклор. Т. XXVI. Л., 1991.

Азбелев С. Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966.

Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Сказители А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин / Подгот. и пер. текстов, статьи, прим., коммент., словари, указ. З. С. Казагачевой; Вступ. ст. С. М. Каташева; Муз. ст. и нот. зап. Ю. И. Шейкина, В. С. Никифоровой; Отв. ред. В. М. Гацак. Новосибирск, 1997.

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым: в 3-х т. / Изд. подгот. А. А. Горелов, Ю. А. Новиков; под ред. А. А. Горелова. Т. 1. СПб.: «Тропа Троянова», 2002; Т. 2, 3. СПб.: «Тропа Троянова», 2003.

Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: «Дм. Буланин», 2002. 1080 с.

Былины: в 25-ти т. Т. 1, 2. Былины Печоры / Подгот. текстов: В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. А. А. Горелов. М.; СПб., Наука, Издательский центр «Классика», 2001; Т. 3. Былины Мезени / Подгот. текстов и коммент.: А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов; отв. ред. А. А. Горелов. М.; СПб., 2003.

Государственный литературный музей. (В тексте – ГЛМ ФА).

Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин // Русский фольклор. Т. XXVI. Л., 1991. С. 54–68.

Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. № 1.

Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор. Т. XXVI. Л., 1991.

Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2-х т. / Вступ. ст., подгот. текстов, науч. коммент., справочного аппарата В. А. Бахтиной. [Отв. ред. В. М. Гацак]. М.: Наука, 2007. Т. 1: Эпическая поэзия. 2007. 629 с. Т. 2. Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 768 с., ил.

Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, прим. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.

Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л: Наука, 1966.

Российский архив литературы и искусства. (В тексте – РГАЛИ).

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / Отв. ред. О. А. Пашина. М.: Индрик, 2003; Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Отв. ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М.: Индрик, 2003 и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бахтина Валентина Александровна
главный научный сотрудник, д. фил. н.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Bakhtina, Valentina
A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 41–49

УДК 394.9

РУССКИЙ КОЛДУН: ГЕРОЙ, ЗЛОДЕЙ

Н. Е. Мазалова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН

В статье рассматривается образ колдуна русских мифологических рассказов в аспекте различных значений понятия «герой». Образ колдуна обнаруживает архаические черты культурного героя. Исследование храбрости колдуна, которую он проявляет в ритуалах, особенно в отношениях с помощниками, позволило сделать вывод о том, что это безрассудная, лихая храбрость, напоминающая храбрость перед смертельной опасностью. Со временем под влиянием христианства отношение к колдуну менялось, и он начал восприниматься как злодей и на ритуальном, и на бытовом уровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а : колдун, герой, народный концепт героизма, народные представления о зле, ритуалы, повседневность.

N. E. Mazalova. RUSSIAN WIZARD: THE HERO, THE VILLAIN

The article deals with the image of the sorcerer in Russian mythological stories in terms of the different meanings of "hero". The character of the wizard bears the archaic features of a cultural hero. The courage the sorcerer demonstrates in rituals, especially in relation to his assistants, appears to be reckless, dashing courage which resembles bravery in the face of mortal danger. Attitudes towards the sorcerer have changed over time under the influence of Christianity, and he began to be perceived as a villain both in rituals and in everyday life.

K e y w o r d s : sorcerer, hero, folk concept of heroism, folk representations of evil, rituals, everyday life.

Возможно, покажется парадоксальным, что образ колдуна – злонамеренного, злокозненного персонажа русского фольклора, который является антагонистом героя (по терминологии В. Я. Проппа), антигероем, можно рассматривать в разных значениях слова «герой».

Вместе с тем понятие «герой» многозначно. Образ колдуна мифологических рассказов полистадиальный, его черты восходят к представлениям различных эпох, в частности, в нем прослеживаются архаические признаки культурного героя – мифического персонажа (еще одно значение слова «герой»), жреца, руководителя свадебного обряда и др.

Так, колдун наделен способностью управлять стихиями, он связан с ветром, вихрем. Хотя функции колдунов-облакопрогонников у русских сохранились в рудиментарном виде, в отличие от южнославянской традиции и традиции Карпат [Бушкевич, 1996], вместе с тем восходящие к этим представлениям мотивы встречаются в мифологических рассказах: «Плохие люди [колдуны] отворачивают тучу» [Ивлева, 2004. С. 103]. Он нередко выполняет благие акции – отводит тучу и град и спасает посевы, сено: «Вот дождей не было. И молебен служили, и чего, а он [колдун] вышел ночью и пошел за поле, к лесу пошел… Пришел весь больной, спать лег и гово-

рит: „Дождь будет!“ И что думаешь – пошел дождь, все как надо. У нас дождь, а у соседей вёдро» [Добровольская, 2001. С. 103].

В образе культурного героя прослеживается связь с богами. Колдун, который наделен способностью превращаться в вихрь и летать по воздуху, а также управлять тучами, напоминает Илью-пророка. Кроме функции повелителя грозы, грома и молнии Илья-пророк исполнял функцию «хозяина дождя»: святой разъезжал на своей колеснице, от движения которой происходил сильный гром, а из-под копыт крылатых коней вылетала молния; он подъезжал к большому чану с водой – черпал воду ковшом и поливал небо, отчего на земле шел дождь [Максимов, 1994. С. 399–400].

В конце XX в. в Лешуконском районе Архангельской области бытовали рассказы о Ваньке Сибиряке, жившем в начале века. Это был необычайно сильный колдун, которому приписывали способность разгонять и нагонять тучи (что происходило, как правило, во время гуляний молодежи в большие праздники). Здесь действия колдуна приобретают игровой характер, он проявляет себя как трикстер (трикстер – одна из ипостасей культурного героя): «Ванька Сибиряк-то, рассказывали, тучи разгонял» [АМАЭ, ф. 1, оп. 2, № 1682, л. 50]; «Ванька Сибиряк колдун был здоровый, высокий, крепкий, на Ивана Купала девки надели сарафаны нарядны. Дождь пошел. Он вышол, руками машет (в другом варианте «руки ширит». – *Н.М.*): „Роскатитесь, росшатитесь“. И дождь прошел, все разведрило» [АМАЭ, ф. 1, оп. 2, № 1682, л. 44].

Колдун также наделялся способностью лечить. Например, мог снять порчу, насланную более слабым ритуальным специалистом: «Все кликуши… порчены колдунами, и исцелить их может только колдун же, но обладающий большею силой» [Русские крестьяне, 2004. С. 320], то есть он возвращает утраченную ценность – здоровье одного из членов социума.

Кроме того, колдун выполнял в обществе нормативные функции. Так, он контролировал соблюдение определенных норм поведения, например, уважение со стороны младших по отношению к старшим, в особенности – по отношению к ритуальным специалистам. Исследователи выявили регулярную связь между распространенными почти повсеместно представлениями о «сверхъестественных» силах, причиняющих болезни, и управляющими поведением социальными нормами. Такие представления эффективно функционируют в качестве механизма социального контроля и способа поддержания социального порядка [Siikala, 1987; Kleinman, 1980. P. 24; Rubel, Hass, 1990. P. 117; и др.].

Болезнь нередко наступает в результате нарушения принятых норм поведения, и именно колдун осуществляет контроль за выполнением этих норм. Так, причина возникновения болезни объясняется непочтительным поведением молодых по отношению к старухе-колдунье, наславшей порчу в наказание за пренебрежительное отношение к ней и за нанесенную ей обиду, то есть молодые наказаны за обиду старика: «Если вот че-нибудь ей начудят: дрова раскидают или еще че – вот так посмотрит, отойдет в сторону, три раза плюнет… А он ее че-то обозвал: “Ух… карга!” – на нее. Она ему че-то попала под руку» [Зиновьев, 1987. № 187]. После этого юноша жестоко наказан: старуха «надевает на него хомут», он «как дурак становится… Кровь идет носом, давит его» [Зиновьев, 1987. № 187]. В приведенном рассказе отчетливо видны противопоставления, значимые для утверждения социального порядка традиционной общности. В результате неправильного поведения молодые нарушают статусные отношения – в поколенческой иерархии сообщества и в отношении к ритуальному специалисту, и за это они наказываются.

Нормативные функции колдуна особенно ярко выказываются в проведении свадебного обряда, руководителем которого он является. Исследование свадебных обычаев, связанных с колдовской порчей, показало, что это архаические, переосмысленные в XIX–XX вв. представления, связанные с переходными обрядами прошлых эпох [Мазалова, 2011. С. 118–138]. Как и в других обрядах перехода, на свадьбе происходит «временная смерть» человека в одном статусе – неженатого парня или незамужней девушки – и рождение человека в новом статусе полноправного члена сообщества – женатого мужчины и замужней женщины. Колдун временно возвращает жениха и невесту в природное состояние (превращает в животных, умерщвляет, приводит в безумие и т. д.), чтобы затем они «родились» в новом качестве – взрослых людей. Важной функцией культурного героя являлось дарование людям всевозможных благ. В данном случае социум приобретал ценность – полноправных членов.

Кроме того, магические действия колдуна на свадьбе были направлены на обеспечение потомства у людей. Для этого ему приносили жертвы, например барана; если жертва не была принесена, колдун наказывал виновных болезнью. Ср.: в народных верованиях Илья-пророк выступает как податель урожая и приплода скота. У русских существовал обряд «обещания» Илье: в канун Ильина дня закалывалось откормленное животное. Обряд жертвоприно-

шения имел определенное магическое значение – обеспечить урожай, плодовитость скота. Таким образом, многие деяния колдуна были направлены на благо членов социума.

В соответствии с более поздними представлениями колдун – персонаж нарративов может проявлять себя и как герой, и как злодей. Т. Цивьян выделяет два уровня протекания человеческой жизни – ритуальный и бытовой (повседневный): «Первый из них, более высокий, – полное осуществление программы мифоритуального сценария (рождение – инициация – брак – смерть)… Второй уровень, условно более низкий, представляет собой деятельность или существование человека между отмеченными точками сценария… Он может рассматриваться как своего рода подготовка к корректному прохождению основных точек. Это – область быта» [Цивьян, 1990. С. 12].

На уровне ритуального поведения колдун нередко проявлял себя как герой. Образ колдуна можно рассматривать в аспекте народного концепта героического. В «Толковом словаре» В. И. Даля дано следующее определение понятия «герой» (его основное значение): «Герой, ирой, витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин; || доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец» [Даль, 1912. Т. 1, Стлб. 859]. В значении слова «самоотверженец» представлено главное, что вообще должно отличать любого героя: самоотверженность. Это качество можно рассматривать как ключевое слово, инвариантный критерий героизма. В русском языке концепт «героизм» определяется «как поведение, в основе которого находятся такие качества, как смелость, храбрость, мужество, самоотверженность и самопожертвование, выражающиеся в преодолении страха перед опасностью и готовностью пожертвовать собственной жизнью при совершении полезного людям поступка» [Голубев, 2008. С. 6].

Люди в традиционном социуме время от времени испытывали потребность вступить в непосредственный контакт с иным миром, и, соответственно, существовала необходимость в ритуальных специалистах, способных осуществлять этот контакт. Делают это они благодаря обладанию магической силой и тайным знанием. Для того чтобы получить их, будущий колдун должен пройти обряд посвящения, во время прохождения которого неофит испытывал «временную смерть», отправлялся в иной мир.

В традиционном обществе отношения с потусторонним миром регулировал страх, который близок к страху смерти. Это чувство испытывал неофит во время обряда посвящения. Сам он так определяет свое состояние во время прохождения обряда инициации: «А у меня там кожа стала шевелиться (от страха. — *Н. М.*)» [Шумов, 1991. С. 286–287]. Старый колдун приказывает неофиту: «Полезай в пасть собаки-то». – «Да боязно». – «Полезай, полезай» [Шумов, 1991. С. 287].

Иногда в мифологических рассказах наличествуют более подробные, наводящие ужас описания прохождения обряда инициации. Так, например, в бывальщине «Мельник-знахарь» герой добывает чудесный предмет – спрыгтраву в ночь на Ивана Купалу. Накануне этого праздника он вымылся в бане, ничего не ел и отправился в лес: «Вот слышу, шум по лесу страшный, какие-то звери дерутся, в другом месте стук… словно вся земля начинает кончаться. Стою я, дрожкой дрожу, а сам молитву творю (заговор на отыскание чудесной травы. — *Н. М.*). Волосы у меня дыбом, а сам я ни жив ни мертв» [Садовников, 1884. № 113]. Выражение «волосы дыбом встали» свидетельствует о сильном испуге. Определение «ни жив ни мертв», с одной стороны, также свидетельствует о чувстве страха, которое испытывает посвящаемый, с другой, описывает пограничное состояние – между жизнью и смертью неофита. Эти значения соотносимы с общей семантикой обряда посвящения – «временная смерть». Следует отметить, что в этом нарративе персонаж выполняет функции культурного героя: ситуация, описанная в мифологическом рассказе, напоминает ситуацию первотворения, хаоса, а неофит добывает благо – чудесную траву, с помощью которой он впоследствии открывает замки, лечит людей.

Неофит не должен страшиться никаких испытаний (точнее, должен побороть страх перед ними), в том числе – видений огромных животных, которые исследователи рассматривают как «образы страха». В противном случае его ждет смерть: «Крестьяне также верят, что в полночь цветет папоротник огненным цветом и что с таким цветком человек становится невидимым; может делать, что хочет, не боясь наказания, и что он может видеть закрытые клады. Но достать такой цветок очень трудно и даже невозможно, потому что по дороге домой будут являться черти в виде лягушек с дом величиной, кони высотою до облаков, которые всячески будут нападать на похитителя и устрашать его, и если он испугается, зажмурит глаза или оглянется назад, то его разорвут на части» [Русские крестьяне, 2007. С. 87].

Неофит может испугаться того, что он вынужден отречься от Христа и от символов христианской веры, а также от родных или даже убить их:

«… А потом приходит ён (черт. – *Н. М.*) и спрашивает человека. А человек должен отречься от креста, от Пресвятой Богородицы, от всёй святыни и крест снять, положить под левую пяту, отворачивать назад и стрелять… А один так делал, испугался и отвернулся назад. Так назад отвернулся, смотрит – евоная родная мать стоит, Пресвятая Богородица стоит… и крестная мать стоит. И он их должон был убить, отречься от них» [Новиков, Тримакас, 2001. № 6]. Здесь речь идет о понятии «страх божий» – «благочестие», «боязнь греха», «повиновение». Вероятно, именно христианские представления и усилили страх смерти ожиданием расплаты за грехи, Страшного суда [Федотов, 1991].

Вообще прохождение обряда инициации требует от неофита огромного мужества, напряжения душевных сил: «Это трудно знать. Потому что, если кому надо, чтобы человек передал, дак надо, чтобы который хочет, чтобы кой-что знать, дак надо не пугаться. Ведь ему все привидения покажут. А если ты маленько струсил, значит, ты не в силах будешь эту власть принять» [Кузнецова, 1992. С. 120].

Если неофит собирался с силами и преодолевал страх, он начинал действовать по указанию старого колдуна – руководителя обряда и проходить различные испытания. Победа над собственным страхом – это одно из важнейших испытаний посвящаемого в колдуны. Только проявленная храбрость помогает получить магическую силу. В русской традиции концепт «мужество, храбрость» может быть описан через концепт «страх»: как «способность побороть, преодолеть свой страх и совершить задуманное» [Зайкина, 2007. С. 191].

Довольно часто в этнографических источниках встречаются описания неудачных опытов прохождения обряда инициации, причем основная причина того, что неофит не стал колдуном, – непреодоленный им страх. Обязательный элемент ритуала посвящения – появление помощников, которых неофит не должен испугаться и таким образом продемонстрировать над ними власть. Неофит мог сойти с ума от страха: «Из Кебы мужик умирал, в байны созвал бабу, собака прибежала, стала блевать. Он говорит: “Слизывай”. Сразу с ума сошла» [АМАЭ, ф. 1, оп. 2, № 1682, л. 64].

Неудачник-неофит заболевал и нередко вскоре умирал: так, крестьянин испугался лезть в пасть собаки; «мужик, не сделавшись колдуном, пришел домой и стал чахнуть. Почах, почах, да и через год умер» [Колчин, 1899. С. 48]. Приобщение к сакральному миру было для них своеобразной репетицией смерти, за которой следовала она сама.

Иногда страх неофита достигал такой силы, что посвящаемый погибал (фразеологизм «умереть со страха») тут же на месте, где проводился обряд; или за струсившим посвящаемым гнались черти и разрывали его на части. Только тот человек, который не отступил и победил собственный страх, обретал «тайное» знание и становился колдуном.

Страх имеет и адаптивное значение: человек, прошедший испытание страхом во время обряда инициации, не только получал магическую силу, но и переставал бояться потустороннего мира. Преодоление страха связано с представлениями о получении магической силы: «Обретение силы состояло в овладении страхом, и прежде всего – в умении преодолеть его самому, чтобы быть не объектом, а субъектом управления [Щепанская, 2001. С. 79]. Отношение к колдуну в традиционном социуме можно выразить следующим образом: «колдунов все боялись».

Во время контакта с потусторонним миром колдун всегда должен быть храбр. Так, особой храбрости требовали от колдуна отношения с помощниками, которых он получал в результате прохождения обряда инициации, именно в них заключена его магическая сила.

От колдуна, который «знается с лешим», требует мужества контакт с помощником, к которому колдун ходит «ворожиться». В полночь колдун идет в лес, там поднимается страшный ветер и появляется леший ростом с дерево. А колдун должен обратиться к нему с просьбой, например, помочь найти потерянное животное.

Трудно приходилось колдуну, когда он сам или профаны нарушали правила поведения с помощниками. Если колдун, идя ворожиться, брал с собой непосвященного или профан вопреки правилам шел за ним тайком, леший угрожал «знающему» или наказывал его, например, больно, чуть не до смерти, хлестал ветками [Топорков, Ильина, 2007. С. 46].

Колдун чувствовал страх перед помощниками, когда старел и не мог справиться с ними, когда они выходили из-под его власти. Помощники отказываются служить старому колдуну, который утратил жизненную силу и, соответственно, магическую: «дьявола его жмут» [Пришвин, 1907. С. 138]. Перед смертью колдун испытывал жуткий страх перед помощниками, особенно в том случае, если он не передал их преемнику, поскольку знал, что умрет в страшных муках.

Колдун должен был проявить храбрость и в состязании с другим колдуном. Если во время столкновения с более сильным ритуальным специалистом он ощущал страх, то это приводило к утрате его магической силы. Во многих мифологических рассказах на сюжет «дока на

доку» местного колдуна побеждает пришлый ритуальный специалист не только благодаря обладанию «тайным» знанием, магической силой, но и собственной храбрости и хитрости; прежде всего это относится к солдату. Солдат устраивает соревнование с колдуном. Солдат бесстрашен, он не боится превращений колдуна в различных животных («страхов»); так, при виде разъяренного быка «все поезжане испугались, а солдат и усом не мигнет» [Афанасьев, 1985. № 378]. Происходящее приводит колдуна в ярость: «Колдун крепко осердился: гостинцев ему не дали, пробовал было страхи напускать – и то дело не выгорело» [Афанасьев, 1985. № 378]. Солдат побеждает колдуна, что повергает того в страх, он испытывает обиду и стыд, становится беспомощным: «Колдун задрожал от страха» [Соколовы, 1915. № 30]. Колдун лишается магической силы – помощников, которые обозначаются как «страхи»: «Остался колдун на всю жизнь слепым и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить» [Афанасьев, 1985. № 378]. После победы над колдуном солдат убеждает людей больше не бояться его: «Ну, теперь не бойтесь этого колдуна: ни одной свадьбы не опустит волкам (не превратит в волков. — *Н. М.*) и ни одной свадьбы не испортит» [Соколовы, 1915. № 30].

По народным представлениям, именно наличие магической силы в виде помощников помогает колдуну быть храбрым: так, о карельском колдуне Максиме Павловиче говорили: «Он такой, в милицию брали: „Вы все равно с меня ничего не возьмете“. Он ничего не боится, черти помогают... В войну что-то нашкодил, ничего, не наказали» [АМАЭ, ф. 1, оп. 2, № 1881, л. 28]. Колдун не боится представителей власти, которые пытаются запретить ему заниматься магическими практиками. Так, у Максима Павловича никто из представителей власти не мог остановиться на постой: «рогатые вылезали из-под пола»; когда его пытались арестовать милиционеры, с ними происходили чудесные вещи: улетало оружие и портупея, и они, посрамленные, испытывая чувство страха и стыда, отправлялись восвояси [АМАЭ, ф. 1, оп. 2, № 1881, л. 4]. В Заонежье в 30-е годы XX в. колдун Иван Титов оставался единственным в районе владельцем мельницы: до сих пор бытуют рассказы о том, как его пытались раскулачить районные власти, поскольку местные панически боялись. Для описания его имущества прибыла целая группа представителей районного Совета. К их удивлению, Титов поджидал на перевозе. Он посадил приезжих в лодку, которая начала двигаться с необычной скоростью. На вопрос, почему лодка движется так быстро, Титов ответил: «А не показать ли вам гребцов?» Откуда ни возьмись, на лодку налетела туча чертей, некоторые гребли, некоторые раскачивали лодку. Представители власти были очень напуганы. Доплыв до места, они тут же повернули назад, отказавшись от своей затеи, и гребли уже сами [Логинов, 2000. С. 183]. Обычно такие рассказы вызывают восхищение у исполнителей и слушателей необыкновенной храбростью колдуна. Здесь он также выступает еще в одном значении понятия «герой» – ‘лицо, являющееся для кого-либо предметом поклонения, восхищения’.

В народных представлениях власть, которую давала магическая сила, нередко сочетается с формальной властью. Так, в советское время нередко председателей колхоза, бригадиров считали колдунами. В фольклорных произведениях магической силой наделяются многие представители власти: грозный царь Иван Васильевич, знаменитые казачьи атаманы Степан Разин, Игнатий Некрасов; они также считаются храбрецами, их называют «удалыми» (‘храбрыми’). Таким образом, храбрость связана с представлениями о власти. Удаль – храбрость атаманов – вызывает симпатии, потому что они действуют на благо бедных, сирот.

В мифологических рассказах мы не находим в характеристиках колдуна определений «храбрый», «смелый». О колдуне либо говорят, что он «ничего не боится», либо его характеризуют как «лихого». В народной традиции колдуна причисляют к «лихим людям», *лихой* – постоянное обозначение колдуна в русских заговорах. Так, например, *лихой* (колдун) насылает на людей злых духов [Попов, 1903. С. 229–230]. Лихой – это не только злой, но и смелый, решительный: «*Лихой* – молодецки удалой, сорви-голова, лишенный чувства опасности... Эта “лихость” сравнима с грехом, поэтому она является злом, “лихость” – это дерзость и злость, которые по временам накатывают на человека, оставляя в человеке ощущение нечистой силы»; «Бесы попутали» [Колесов, 2004. С. 70]. Как видно, отношение к храбрости колдуна неоднозначное, его смелость в отношениях с потусторонним миром – не образец для подражания. Это особая смелость, которая превосходит смелость обычного человека, она сравнима с качествами мифологических персонажей и животных; «Ему сам черт не брат» – говорят о чьей-либо крайней смелости в поступках.

Храбрость колдуна можно сравнить со смелостью берсерка – «воина, находящегося постоянно или в момент боя в состоянии

«боевого безумия»... В сражении он уподобляется зверю, сбрасывая с себя все ограничения человеческого поведения... Интересно, что в данном случае уподобление человека животному мыслится как освобождение от всех запретов [Лотман, 1992. С. 67–68]. Храбрость русского колдуна также можно сопоставить с представлениями о человеке-волке: «Такой человек-волк ...может стать, с позиции его противников, непобедимым. Характерно, что источники описывают такое поведение как ночное, резко противопоставленное его же дневному поведению» [Лотман, 1992. С. 67–68].

Таким образом, храбрость, проявляемая колдуном в ритуалах, – особого рода, это нечеловеческая, безумная храбрость. Ее можно сравнить с состоянием человека, временно испытывающего безумие, или рассвирепевшего животного. Колдун, превратившийся в животное – волка, медведя и др. – и нападающий на человека, вселяет в жертву ужас. В мифологических рассказах персонажи, столкнувшиеся с колдуном-оборотнем, спасаются от смертельной опасности бегством; так, например, колдун в виде свиньи бросается на женщину: «Я сама молитву читаю, но бегу, страшно было» [Зиновьев, 1987. № 284]. Колдун в облике животного непобедим. В этом состоянии он испытывает необычайный подъем физической силы и смелости.

Храбрость колдуна в ритуалах можно сравнить с храбростью героев эпоса. Проявление гнева, ярости – нормативное поведение для некоторых ситуаций, например в бою, и связано с храбростью. Обычно это состояние описано словосочетанием «разгорелось сердце богатырское». Богатыря охватывает чувство гнева перед битвой с врагами. Так, Илья Муромец гневается, когда приезжает в город Бекетовец, в котором «погана литва» и «поганые татары» «одолели мужиков бекетовских», и он начинает битву:

Как разгорелось его сердце богатырское,
Как почал он бить поганыих татаровей,
Конем-то топтать и копьем колоть,
Прибил-то он поганых в единый час,
Не оставил поганых и на семена.
[Рыбников, 1989. С. 63].

Эпический герой проявляет храбрость в бою с чужими. Колдун в мифологических рассказах нередко гневается на «своих» и затем причиняет им вред. С точки зрения социума, это – ненормативное поведение.

Основная характеристика колдунов мифологических рассказов и поверий – «злой». Это слово имеет не только значение «желающий, причиняющий зло другим; вредный, пагубный» [Даль, 1912. Т. 1. Стлб. 1705] – в прошлом оно имело значение «свирепый, жестокий» [Словарь, 1979. С. 25], а эти понятия также связаны с понятием «храбрость». Нередко колдун во время проведения обрядов «зол», «сердит»; так, во время изгнания беса, насланного другим ритуальным специалистом, колдун «не ел, не пил, все сердитый ходил» [Садовников, 1884. № 113]. «Сердитый» также имело значение «мужественный, храбрый» [Колесов, 2004. С. 350]. Таким образом, контакт с потусторонним миром требует от колдуна постоянной храбрости, причем его храбрость сравнима с захватывающей человека безрассудной, лихой смелостью перед смертельной опасностью.

Эта необыкновенная храбрость сопоставима с состоянием колдуна во время отправления магических обрядов. Ключевым моментам обрядов насылания болезней (порчи и др.) соответствуют определенные психофизиологические состояния ритуальных специалистов. Колдун обычно насылает болезнь в тот момент, когда он испытывает внешнее или внутреннее воздействие помощников. Например, перед тем как колдун совершит обряд насылания порчи, его «мает»: это слово имеет значение ‘ощущать тяжелый груз, тяжесть’, ‘мучить’, кроме того, связано с ощущением жара. Магическая сила связана с представлениями об огне. Солдат, который выучился у матери колдовским приемам, в том числе заломам, время от времени испытывает болезненные ощущения – «у него сердце горит». Это связано с необходимостью устраивать заломы. Он понукает возницу: «Быстрее! А не то я устрою залом у тебя на голове» [Зеленин, 1991. С. 71].

С. В. Максимов приводит описание обряда отыскания вора и наведения на него порчи; колдун смотрит в горшок с водой, в это время его корчит, сводит судорогой, он испытывает дрожь: «Начало его корчить и передергивать... А вода та в горшке так и ходит, так и плещет, а ему харю так и косит» [Максимов, 1994. С. 102]. И далее во время проведения вредоносной акции: «Колдун тем временем ну шипеть, ну реветь, зубами, как волк, скрежещет. А рыло-то страшное. Глаза кровью налились» [Максимов, 1994. С. 102]. Здесь колдун напоминает оборотня в виде волка. Он должен постоянно демонстрировать отсутствие страха перед помощниками, в противном случае те его до смерти «затерещют» [Черепанова, 1996. № 341].

Архаические верования, связанные с колдуном, утрачивали свой смысл, получали иные мотивировки. Его деяния начинают оцениваться не с точки зрения пользы, приносимой социуму,

а как акции конкретного индивида по отношению к другим индивидам, то есть когда представления о деятельности колдуна перемещаются из социальной сферы в индивидуальную, на бытовой уровень, его деяния получают иную оценку: он представляется злодеем.

К колдунам начинают относить категории людей, которые обладают определенным набором особенностей характера – злые, тяжелые в общении, злопамятные, хитрые, скупые, завистливые, необщительные, неоткровенные и т. п. Не всякий злой человек – колдун, но колдун злой всегда.

Постоянное стремление колдуна портить людей в мифологических рассказах объясняют особенностями его характера – злобностью, мстительностью, завистливостью и др., что проявляется прежде всего на уровне отношений в повседневности. Так, колдуну не оказали достаточного почтения и «мало угостили», он обижен и из мести портит дочь хозяев: «Его, Колича, о праздник вином мало угостили. Поугостили вином-то, а потом говорят: “Дядя Тимоша, пойди, ты угощен, ну и иди, хватит тебе угощаться”. Он говорит: “Ну ладно! Вы меня из избы выгонили, каков-ни я вам буду!” Дак он спортил девку. Девка болела, болела и умерла. Вот как черт девку вывел. Девка вся похудела, выхудела… Они к нему ездили, и он не сделал, чтобы она оправилась. Умерла» [Кузнецова, 1997. С. 111–112].

Оценка личностного качества «злой» совпадает с направленностью магических деяний колдуна; злой – это также оценка функций колдуна со стороны социума: заключающий в себе зло, причиняющий кому-либо зло, неблагоприятный для кого-либо, приносящий какую-либо беду, неприятности, враждебный членам социума. Как писал Д. К. Зеленин, «специальность колдуна – приносить людям зло» [Зеленин, 1991. С. 423]. Колдуны совершают свои деяния, руководствуясь желанием причинить зло, *худо* окружающим: «Колдуны – это те, которые на худо», «зло творил людям». Одно из диалектных названий колдуна – *злыдарь* [СРНГ, вып. 11, С. 297]; *злыдня, злыдни* – обозначение чертей, нечистой силы. Волшебницу Маринку в былине «Добрыня и Маринка», которая «обернула» (превратила) Добрыню в оленя, называют «злодейкой» и «ненавистницей» [Рыбников, 1990. № 144]. Понятие «злой» применительно к колдуну – категория не только атрибутивная, но и процессуальная; оно подразумевает, что «злой» колдун «творит зло», то есть определение «злой» не только оценивает колдуна как человека; обычно оно сопутствует результатам его деятельности – порче человека, животного, порче свадьбы: «В Пелгострове был Колич (колдун. – *Н. М.*). Его на свадьбе худо угостили, дак ен спортил молодых… Ой, Колич был злой» [Кузнецова, 1997. С. 105–106]. Иначе говоря, и на ритуальном уровне колдуна начинают оценивать как злодея.

По народным представлениям, нашедшим отражение в мифологических рассказах, ритуальная деятельность колдуна, направленная на причинение вреда, совпадает с направленностью его деятельности как члена социума. Разумеется, в народном сознании различаются сакральное и профанное. Вместе с тем, когда результаты магической деятельности колдуна проявляются на бытовом уровне – болезнь человека, потеря молока у коровы и т. д., они оцениваются с точки зрения ущерба, причиненного отдельному человеку или сообществу, в тех же понятиях, как и, например, физическое причинение ущерба жизни, здоровью или имуществу, так, например, «отнимают», «отбирают» спорынью из хлеба. Возможно, в прошлом этот мотив имел основу «выделения» доли колдуну за оказание ритуальных услуг – «программирование обилия» [Криничная, 2000. С. 136–155].

Архаические мотивы получают иное обоснование и осмысление: так, мотив нарративов «злой колдун портит человека из мести, по своей злой воле» восходит к представлениям о том, что помощники колдуна требуют от него пищи для поддержания собственных сил. Колдун внедряет в тело жертвы своего помощника, который поглощает жизненные силы человека и таким образом пополняет силы помощников, благодаря чему ритуальный специалист может отправлять магические практики и, соответственно, осуществлять заказ социума [Мазалова, 2011. С. 98–109]. Вероятно, в прошлом колдуны насылали порчу на «чужих», чтобы за счет их жизненной энергии пополнять силы своих помощников. Отсюда представления о сильных «чужих» колдунах, о повышенной опасности, исходящей от них.

Особое влияние на представления о колдуне-злодее оказала христианская мифология, в соответствии с представлениями которой основная мотивировка его действий – творить зло под влиянием нечистой силы: «Колдун – это человек, вступивший в договор с нечистой силой, вследствие какового договора он пользуется помощью этой нечистой силы во всем, в чем пожелает. Колдун делает людям исключительно вред, хотя бы он мог делать и добро, но не желает этого и не делает» [Русские крестьяне, 2006. С. 197].

Христианские представления о зле как об «уклонении от истинного пути» совпадают с архаическими, это прежде всего подтверждает этимология слова «зло»: о.-с. zъlъ восходит к и.-е. корню g'huel: ghul- ‘изгибаться’, ‘кривиться’, ‘изворачиваться’, ‘кривить душой’; ‘идти кривыми путями’, ‘петлять’, ‘спотыкаться’, ‘падать’ [Фасмер, 2008. С. 99]. Таким образом, слово «зло» связано с идеей кривизны, неправильного пути, движения, нестабильности.

По народным представлениям, колдун – личность глубоко греховная. Грех уже одно то, что он стал колдуном, отрекся от Бога – как известно, обряд посвящения нередко включает отречение от Бога, попрание креста. К разряду смертных грехов относят также и другие его деяния, в частности, направленные на причинение вреда человеку магические практики, вследствие которых наступала смерть этого человека. Многие из акций колдуна рассматриваются в народной традиции как смертные грехи, за которые нет прощения; к ним относятся кража, отнимание спорыньи, насылание «смертной» порчи на человека и др.

Первоначальное значение слова «грех» близко к значению слова «зло»: уклонение от прямого пути, несоответствие норме. Прежде всего слово «грех» обозначало оценку действия: «грешить» – ‘делать неверно’. В древнерусском языке грех сопоставим со злом, только зло характеризует «уклонение от прямого пути» в отношении к людям, а в отношении к Богу оно становится грехом (или рассматривается как грех) [Колесов, 2004. С. 104]. Обычно к греху склоняет нечистая сила.

Анализ изменения отношения к колдуну позволил сделать вывод о том, что героизм колдунов трагичен. Они помогают людям, стремятся получить власть над природой, но платят за это дорогой ценой – страшной смертью, муками ада. О них можно сказать то, что говорит о себе Мефистофель у Гете: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Их постоянно обвиняют в злодеяниях, хотя нередко их действия направлены на добро – создание новых членов общества, способных к продолжению рода, осуществление контроля за поведением членов социума. Колдуны вынужденно злы, они заложники своих помощников. Колдуны должны проявлять храбрость в отношениях с помощниками, в противном случае они утратят магическую силу. Со временем архаический героический образ колдуна обретает черты бытового злодея.

Источники и литература

Архив Музея антропологии и этнографии (в тексте – АМАЭ).

Бушкевич С. П. Облакопрогонники: карпатско-южнославянские параллели // Живая старина. 1996. № 4. С. 30–31.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1991. 156 с. (в тексте – Шумов).

Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь. Вып. V: Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург: Средне-Уральск. кн. изд-во, 2000. 256 с.

Голубев Д. А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ярославль, 2008. 18 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.; М., 1912.

Добровольская В. Е. Народные представления о колдунах в несказочной прозе // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М.: Лабиринт, 2001. С. 95–106.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.

Зайкина С. В. Страх // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С.182–196.

Колесов В. В. Древняя Русь. Наследие в слове. Бытие и быт. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004. 400 с.

Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Т. XLII, № 3–4. С. 1–60.

Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2000. 410 с.

Кузнецова В. П. О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежский сб. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. С. 117–131.

Логинов К. К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: III Междунар. конф. «Рябининские чтения». Петрозаводск: КНЦ РАН, 2000. С. 176–186.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.

Мазалова Н. Е. Этнографические аспекты изучения личности русского знающего. СПб.: Петербург. востоковедение, 2011. 304 с.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО «Полисет», 1994. 448 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1996. 212 с. (в тексте – Черепанова).

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с. (в тексте – Зиновьев).

Народные русские сказки Н. А. Афанасьева: в 3-х т. М., 1985 (в тексте – Афанасьев).

Никитина Н. А. К вопросу о русских колдунах // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб.: Литера, 1994. С. 172–205.

Новиков Ю. А., *Тримакас Р.* Поверья и мифологические сказания о «волховитах» (колдунах). Из записей фольклора старообрядцев Литвы // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. С. 305–333.

Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1997. 146 с. (в тексте – Кузнецова, 1997).

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1: Былины. Петрозаводск: Карелия, 1989. 527 с. (в тексте – Рыбников, 1989)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2: Былины. Петрозаводск: Карелия, 1990. 640 с. (в тексте – Рыбников, 1990).

Представления славян о нечистой силе и контактах с ней: Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой. СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. 448 с. (в тексте – Ивлева).

Пришвин М. М. В краю непуганых птиц. Очерки выговского края. М.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1907. 200 с.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 414 с.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губ. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 568 с.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 608 с.

Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 684 с.

Сказки и предания Самарского края / Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым // Записки Русского географического общества. 1884. Т. XII. 388 с. (в тексте – Садовников).

Словарь русских народных говоров. М.: Наука, 2002. Вып. 11. 368 с. (в тексте – СРНГ).

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6. 360 с. (в тексте – Словарь).

Соколовы Б. и *Ю.* Сказки и песни Белозерского края // Издание Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. М., 1915. 665 с.

Топорков А. Л., *Ильина Т. С.* Вологодская экспедиция РГГУ // Живая старина. 2007. № 2. С. 44–46.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: ТЕРРА – Книж. клуб, 2008. Т. 2. 832 с.

Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.

Цивьян Т. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 301 с.

Щепанская Т. Б. Сила (коммуникативные и репродуктивные аспекты мужской магии) // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М.: Лабиринт, 2001. С.71–94.

Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980. XVI, 427 p.

Rubel A., Hass M. Ethnomedicine // Medical Anthropology: Contemporary Theory and Method / Ed. by Th. Johnson, C. Sargent. New York: Praeger Publish., 1990. P. 115–131.

Siikala A.-L. The Rite Technique of the Siberian Shaman. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1987 (FFC. Vol. 220).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мазалова Наталия Евгеньевна
старший научный сотрудник, к. и. н.
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, Россия, 190034
эл. почта: mazalova.nataliya@mail.ru
тел.: 89218938848

Mazalova, Natalia
Museum of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya embankment, 190034,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru
tel.: 89218938848

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 50–55

УДК 351/354+94(47)

РУССКИЙ ЖАНДАРМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОФИЦЕРОВ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВ)

А. В. Перегудов

Воронежский государственный университет

Статья посвящена особенностям восприятия образа жандарма в начале XX столетия самими жандармами. На основе мемуарной литературы четко выделяются два типа офицеров: ревностные служаки и приспособленцы. Автор предпринимает попытку вскрыть истоки подобного отношения к службе и формирования типажей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жандарм, служака, приспособленец.

A. V. Peregudov. THE EARLY 20TH CENTURY RUSSIAN GENDARME: A PERCEPTION (BASED ON MEMOIRS OF OFFICERS OF THE INDEPENDENT GENDARME CORPS)

The paper looks at how the gendarme figure was perceived by gendarmes themselves early in the 20th century. Two distinct types of officers can be clearly distinguished from the memoir literature: zealous gimpers and timeservers. The author attempts to disclose the causes of such attitudes toward the service and formation of the character types.

K e y w o r d s : gendarme, gimper, timeserver.

Отдельный корпус жандармов просуществовал в Российской империи 90 лет (1827–1917 гг.), выполняя охранительные функции российского самодержавия. Насколько успешно или неуспешно он функционировал – это вопрос отдельной дискуссии. В данном случае нас интересует не столько жандармская служба как таковая, сколько сам жандарм, его образ и, соответственно, особенности восприятия этого образа среди жандармских офицеров – современников рассматриваемой эпохи.

За основу сюжета берутся воспоминания двух жандармских офицеров – А. И. Спиридовича и А. М. Полякова, написанные обоими после революционных событий 1917 г., приведших к ликвидации Корпуса жандармов. Почти ровесники, один северянин, другой южанин, оба выпускники кадетского корпуса имени графа Аракчеева в Нижнем Новгороде, они тем не менее были очень разные и по своему мировоззрению, и по взглядам на прохождение жандармской службы. Однако названия их воспоминаний необычайно похожи: «Записки жандарма» Спиридовича и «Записки жандармского офицера» Полякова. Мемуары Спиридовича охватывают период до 1905 г., когда на него было совершено покушение сотрудником Руденко и последовала, вследствие ранения, пауза в профессиональной деятельности. Воспоминания Полякова доведены до 1914–1915 гг., т. е. до зачисления автора в Действующую армию.

Послереволюционные годы в Советской России, но в большей степени за рубежом, в среде

русской эмиграции, – это время расцвета жанра мемуаров. Многие из жандармских офицеров оставили свои воспоминания, на которых лежит печать времени. В них они оглядываются на свой профессиональный путь и пытаются дать оценку произошедшим событиям. Обращают на себя внимание хорошие литературные способности жандармов, их мемуары читаются не просто с интересом, но еще и с необычайной легкостью. В частности, истоки литературного таланта Спиридовича следует искать, как представляется автору этих строк, в его родословной, ведь по матери Анне Александровне он приходился родственником известному баснописцу И. А. Крылову [Колоколов, 2009. С. 22].

Александр Иванович Спиридович (1873–1952) – пожалуй, один из наиболее известных и часто упоминаемых жандармских деятелей дореволюционной России. Он выведен на страницах нового романа Б. Акунина о московском сыщике-интеллектуале Э. П. Фандорине «Черный город» в образе жандармского полковника Спиридонова, начальника охраны императора Николая II в Ялте, убийством которого от рук террориста по кличке Одиссей открывается произведение. В 2009 г. в московском издательстве «Молодая гвардия» из-под пера Бориса Колоколова вышла обстоятельная биография Александра Спиридовича [Колоколов, 2009].

Спиридович начал свой путь в Отдельном корпусе жандармов (ОКЖ) Российской империи в 1900 г. и находился в строю вплоть до 1917-го. Затем последовали долгие годы эмиграции во Франции и США, сложные, насыщенные событиями. Но даже за рубежом «для многих русских эмигрантов из числа либеральной интеллигенции он продолжал оставаться бывшим царским жандармом, от которого следовало держаться подальше» [Колоколов, 2009. С. 504].

Русская жандармерия, будучи военизированным подразделением, комплектовалась исключительно из военных чинов. Придерживаясь активной жизненной позиции, молодые люди стремились уйти от окружавшего их общеармейского быта. «В строю условия в мирное время тогда были иногда невозможны и не удовлетворяли запросам и потребностям многих офицеров. Всякий, кто мог уйти из строя, пристраивался в полиции, в акцизе, в пограничной службе, везде, где больше платили и где офицеры чувствовали себя свободнее и лучше, чем в строю», – пишет в своих мемуарах А. М. Поляков [Поляков, 2002. С. 485]. Ему вторит А. И. Спиридович: «Полковая служба не удовлетворяла молодежь. Естественно, что все более живое, энергичное, не успевшее завязнуть в местных интересах, стремилось уйти из полка (105-го Оренбургского пехотного, в котором служил Спиридович. – *А. П.*)» [Спиридович, 1991. С. 27].

Особенности протекания жандармской службы по понятным причинам были неизвестны рядовому обывателю. Даже желающие связать свою дальнейшую судьбу с жандармерией имели о ней весьма смутное представление. «До случая, когда я побывал в Жандармском управлении, я понятия не имел, что такое жандармы, и, признаться, их синий мундир внушал мне, как и многим другим, даже некоторый страх», – такова реакция Полякова [Поляков, 2002. С. 482]. «Мы не понимали тогда всей серьезности службы этого корпуса [жандармов], не знали его организации и всех его обязанностей, но в общем она казалась нам очень важной. <…> Но вся служба жандармерии была окутана для нас какой-то тайной. Сами жандармские офицеры своей сдержанностью и какой-то особой корректностью усиливали это впечатление и заставляли смотреть на них с некоторой осторожностью. В них не было офицерской простоты, они не были нараспашку и даже внушали к себе какой-то непонятный страх. Почему и отчего – это было неясно», – таково восприятие Спиридовича [Спиридович, 1991. С. 27].

Закрытость Корпуса жандармов порождала в обществе многочисленные слухи и легенды: и что якобы каждый жандарм приносит при вступлении особую клятву, где отрекается от своих родных и близких, и что жандармы вкупе с полицейскими осуществляли карательные функции… Последний директор Департамента полиции А. Т. Васильев вспоминал: «Для масс населения это учреждение [Департамент полиции] было символом ужаса, о нем рассказывали самые невероятные истории. Многие всерьез верили, что в Департаменте полиции несчастных жертв сбрасывают в подвал через отверстие в полу и подвергают пыткам» [Васильев, 2004. С. 346]. Поляков также отрицал бытовавшее в обществе мнение о некой клятве-присяге жандармов, называя это вздором. «Новой присяги мы никакой не принимали: действительной оставалась та, которую принимали при вступлении на военную службу» [Поляков, 2002. С. 488]. А вот Департамент полиции на самом деле вызывал страх, причем не только у обывателей, но и у самих жандармских чинов. В «Записках» Поляков рассказывает забавный случай с клопом, – «худой, слепой, в чем душа держится», – выползшим из департаментского почтового конверта. Поляков хотел было его придавить, однако коллега, некий Кучин, предусмотрительно заметил: «Что Вы! Ведь это Департаментский клоп, может быть ревизор,

еще отвечать будете!». Эпизод закончился тем, что «клопа не убили из страха и уважения к Департаменту полиции» [Поляков, 2002. С. 493].

У Спиридовича желание стать жандармом, судя по воспоминаниям, вызревало под воздействием ряда факторов: во-первых, жандармов он видел с детства в родительском доме, где их хорошо принимали, к тому же один из них был женихом его сестры; во-вторых, прочитанные в историческом журнале «Записки голубого мундира» из эпохи 60-х; в-третьих, желание матери и сестер видеть Александра именно жандармом: «Воспитанные в архангельской провинциальной глуши, далекие от всякой политики, они были чужды обычных интеллигентских предрассудков против синего мундира и смотрели на жандармского офицера просто: офицер, служба серьезная, очень важная, жалованье хорошее и форма красивая» [Спиридович, 1991. С. 29].

Спиридович учился на жандармских курсах осенью 1899 г. В декабре выдержал вступительный экзамен и не побоялся окунуться в самую гущу событий, взяв вакансию в Московском охранном отделении под начальством прославившегося к тому моменту С. В. Зубатова. С московской охранки в 1900 г. началась служба Спиридовича в жандармерии, продолжавшаяся вплоть до Февральской революции.

В русской жандармерии было немало приспособленцев, считавших службу в ее рядах более легкой и прибыльной по сравнению с военной. К персонажам такого типа относился А. М. Поляков. В своих мемуарах Поляков в первой же строчке признается читателю, что попал в Отдельный корпус жандармов случайно. Без зазрения совести признается, что и учился на жандармских курсах он с ленцой, и мундир-то надевал нерадостно. Поляков писал свои воспоминания летом 1917 г., в сложное, переходное для страны время, находясь под влиянием происходивших событий. Ненависть к канувшему в Лету самодержавию находилась на пике своего развития, и Поляков, используя мемуарный жанр как один из источников для будущих поколений исследователей и очерняя в них образ и службу жандарма, методично, в духе времени, вколачивал гвозди в крышку гроба российской монархии. На страницах своих мемуаров он просил у всех, кому когда-либо доставил неприятности, извинений: «Такой был режим, а я был его представителем».

Александр Минаевич Поляков (1868 – ?), в отличие от своего тезки Спиридовича, персонаж совершенно не известный рядовому читателю. Видимо, оттого, что никогда не был в гуще событий, а служил исключительно в губернских и железнодорожных жандармах в провинции и на окраинах империи. В жандармерии состоял одиннадцать лет, начав свой путь в феврале 1903 г. с должности адъютанта в Ярославском губернском жандармском управлении и закончив в 1914 г. подполковником, начальником одного из отделений Среднеазиатской железной дороги. Осенью 1914 г. был зачислен в Действующую армию, где сначала задумал, а позднее и написал, пользуясь позиционным характером Первой мировой войны, свои «Записки». После 1917 г. его судьба неизвестна.

Для Полякова привлекательность синего мундира определялась финансовой составляющей. Совершенно понятно стремление его, пребывавшего на должности льготного казачьего подъесаула в Донском казачьем полку (с 1890 г.) с нищенским жалованьем в 28 рублей в месяц, в Корпус, где на начальной офицерской должности адъютанта получали в 10 раз больше. «Греха нечего таить: хоть корыстная цель официально и считалась одним из препятствий для поступления в жандармы, но почти все мы шли туда ради большого содержания» [Поляков, 2002. С. 485]. В феврале 1902 г. он прибыл в Петербург по адресу Фурштадтская, 40, где располагался штаб ОКЖ. Эта улица находилась в аристократическом районе Петербурга, о чем говорит, например, Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях в главе под названием «Об интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти XX века» [Лихачев, 1995. С. 47]. Поляков выдержал устные и письменные испытания, после чего был зачислен кандидатом для слушания лекций и дальнейшего перевода в Корпус жандармов.

Курсы, на которые был зачислен Поляков, открылись осенью 1902 г. Слушателей насчитывалось 42 человека. Занятия проходили в Петербургском жандармском дивизионе. Были они весьма необременительны для армейских офицеров: лекции начинались в 11.30, а в 14–15 часов уже заканчивались. Таким образом, продолжительность занятий составляла всего лишь 2,5–3,5 часа в день. Оставшееся время, коего было предостаточно, молодые люди, не отягощенные к тому же присутствием жен, проводили в буфете до вечера за душевным разговором, а вот уже сами вечера – в «Аквариуме» и подобных заведениях [Поляков, 2002. С. 485–486]. Находившиеся на курсах офицеры продолжали по-прежнему получать жалованье из частей, к которым они принадлежали. Также Корпус жандармов выплачивал им по 25 квартирных рублей. Не сказать, что это были баснословные деньги, но судя по тому,

что будущие жандармы регулярно посещали рестораны и увеселительные заведения, жили они весьма неплохо. В частности, упоминаемый в мемуарах столичный ресторан «Аквариум», располагавшийся при гостинице и открытый для посетителей до 3 часов ночи, принадлежал к числу богатых и известных заведений Петербурга, публика в которых состояла в основном из купцов и фабрикантов, требовавших варьете с дорогой программой и устраивавших кутежи [Засосов, Пызин, 2003. С. 146].

Учился Поляков из рук вон плохо. Причину указывает он сам: «...Еще в корпусе [Нижегородский им. графа Аракчеева кадетский] и училище [Второе военное Константиновское в С.-Петербурге] никогда не отличался прилежанием и усердием, а имея, когда был на курсах, 34 года от роду, вовсе находил для себя обременительным утруждать себя науками» [Поляков, 2002. С. 485–486]. Результатом подобного отношения стало окончание жандармских курсов Поляковым 32-м из 42-х слушателей. Понятное дело, что наилучшие вакансии, пока до 32-го номера дошла очередь, были уже разобраны. И Александру Минаевичу пришлось «поневоле» взять Ярославское ГЖУ. А ведь он мечтал служить не в охранном отделении, где имел бы возможность быть в авангарде борьбы с «политическими», и даже не в губернской жандармерии, а в скромной железнодорожной жандармерии, т. е. на периферии, подальше от политики и от бурливших политическими страстями революционных центров России. Как любил выражаться сей персонаж: «На железной дороге воздух чистый».

Позднее, уже на службе в Костромской губернской жандармерии, Поляков убедился в своей полнейшей неподготовленности к самостоятельному производству дознаний и политическому розыску. Он писал, что знания, полученные им на жандармских курсах, были такими же, как и в кадетском корпусе: «которые улетучились навсегда сейчас же по сдаче выпускных экзаменов» [Поляков, 2002. С. 491]. Однако если вспомнить обстоятельства «обучения», то впору воскликнуть: кто ж тому виной, многоуважаемый Александр Минаевич, что вы полнейший дилетант и лентяй, как не вы сами?! Увы, такие кадры составляли, пожалуй, большинство российской жандармерии, особенно в глубинке.

Выпускные экзамены и разбор вакансий имели место в декабре 1902-го, а уже в январе 1903-го состоялся приказ о зачислении в Корпус жандармов. В середине января было представление командиру Корпуса В. В. фон Валю, после чего новоиспеченные жандармы отгуливали 28 дней отпуска, получали прогоны и в феврале обязаны были явиться к означенному месту службы. На обмундирование выдавалось 100 рублей. Жандармская форма, по словам Полякова, была самая элегантная и красивая, но надевал он ее без радости [Поляков, 2002. С. 487]. Пренебрежительное отношение к голубому мундиру Поляков подчеркивал в своих «Записках» не раз. Находясь уже в последующие годы на службе в Туле, он имел желание и возможность неоднократно заехать в Ясную Поляну к Льву Толстому, но тем не менее визита известному литератору так и не нанес, стесняясь жандармского мундира.

Таким образом, на примере нашего героя можно проследить путь в жандармы, с момента прибытия на испытания и зачисления в слушатели до выпускных экзаменов и разбора вакансий. У Полякова этот путь занял примерно год, и надо заметить, ему явно повезло. Так, он был зачислен на осенние курсы 1902 г., хотя должен был проходить обучение весной 1903 г., что позволило сэкономить ему до полугода.

Мемуары А. М. Полякова удивительным образом сочетают в себе человечность и жизнелюбие автора с его же откровенным лицемерием. В отличие от мемуаров Спиридовича, выдержанных в основном в форме глубокого и кропотливого повествования о деятельности жандарма и о том, что его окружало в этой деятельности, Поляков частенько подмечает курьезы и чудачества своих сослуживцев, начальников. Например, главного ярославского жандарма – полковника Маркова – доставали тещи, коих было целых три и все они были живы; его костромской коллега – генерал Бекнев – настолько увлекся посадкой цветов, что забыл прийти на панихиду по великому князю Сергею Александровичу; ярославский ротмистр Пападжанов пел настолько красиво, что увел чужую жену и вскоре женился на ней сам; одним из жандармско-полицейских отделений на Ташкентской железной дороге руководил не начальник Бабкин, исполнявший таковые функции лишь номинально, а его супруга, «милая Евгения Федоровна, но на это никто у нас в претензии не был». Вообще, в Корпусе жандармов, по словам того же Полякова, несмотря на официальные запреты, «играли азартно и за женщинами ухаживали, а главное, пили жестоко и выпить хорошо умели» [Поляков, 2002. С. 496]. Да и сам Поляков не прочь на страницах мемуаров похвастаться умением выпить (да так, что за это его уважали обыватели),

выступить ценителем прекрасного пола, козырнуть наличием многочисленных романов чуть ли не в каждом городе в течение своей многолетней службы.

Лицемерием пронизана часть повествования о профессиональной деятельности жандармского офицера, когда, например, речь идет о чувстве стыда при первом обыске в Ярославле. Притом уже довольно скоро, в Костроме, Поляков занимался тем, что читал письма от политических заключенных к родственникам на волю, и здесь ему почему-то уже было не стыдно, а даже интересно. В дальнейшем, в Тюмени, Поляков заведовал «черным кабинетом».

Положительно в «Записках» Поляков отзывается лишь о временах своей службы в Керченском порту, на проверке паспортов, и железнодорожным жандармом, т. е. там, где отсутствовала какая бы то ни было политика и, что немаловажно для нашего героя, где было значительно легче. Ведя одно время по необходимости дела сразу трех канцелярий жандармско-полицейских управлений на Ташкентской железной дороге, Поляков уже к двум часам дня (!) управлялся со всеми делами [Поляков, 2002. С. 519]. О железнодорожных жандармах в целом Поляков пишет с нескрываемой симпатией, с ностальгией вспоминая те времена.

Мемуары Полякова дают характерные зарисовки быта и протекания деятельности российской жандармерии в провинции, позволяют судить об образе мыслей и поведении жандармских офицеров. Так, вместе с костромскими жандармскими писарями они обсуждали начальство, устраивали Россию на свой лад. А после событий 9 января 1905 г. наш герой по своим политическим взглядам был близок к конституционной монархии. Собрал целую библиотеку нелегальной литературы.

Поляков люто ненавидел «охранников», ту когорту жандармов, к которой принадлежал Спиридович, утверждая даже, что железнодорожные жандармы не подавали жандармам из Охранки руки.

Безусловно, деятельность жандармов была специфичной, не каждому такая служба приходилась по душе. Методы политического сыска далеко не всегда соответствовали христианским заповедям. Так, доносительство – едва ли не краеугольный камень в деятельности полиции, как политической, так и общеуголовной. Амплитуда отношений к этому методу колеблется от превосходного до морально развращающего. Но какого бы мнения мы ни придерживались, доносительство (или, как любили говорить в советской историографии, провокаторство) довольно эффективно, это факт. Даже самый известный в воровском мире XVIII века персонаж Ванька Каин, имя которого стало нарицательным, не один год служил официальным «доносителем и сыщиком» Сыскного приказа [Акельев, 2012. С. 7–8]. На широкую ногу доносительство в русской жандармерии было поставлено при знаменитом Г. П. Судейкине, «Мефистофеле политического розыска и провокации», во время борьбы с народовольческим террором. Подобная деятельность была необходима и жизненно важна для сохранения устоев политического строя Российской империи.

В рядах российской жандармерии было немало ревностных служак, не видевших в своей службе ничего порочного. Их убеждения были тверды и не подлежали изменениям. К таким, безусловно, относится Спиридович, в отличие от Полякова с большой гордостью ехавший на московском ваньке в 1900-м в новой, с иголочки, синей жандармской форме с белыми аксельбантами. Или, например, Николай Кравец. Описывая в «Воспоминаниях жандармского офицера» подробности ареста «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, случившегося во время его службы в Симбирской губернии в сентябре 1907 г., он рассказывает такой эпизод. При конвоировании Брешковской в Петербург в арестантском вагоне Кравец большую часть времени провел у нее в купе, за беседой со старой и опытной революционеркой. Брешковская поинтересовалась у своего оппонента: «Стыдно Вам, молодому человеку, было идти в жандармы?», на что последовал ответ Кравеца: «Лично меня нисколько не шокирует моя служба – это дело убеждения» [Ника /Кравец/, 2002. С. 547].

Жандарм в Российской империи всегда был на виду: и в столице, и на периферии. Каждый из них – порождение своего времени, своей эпохи. Парадигму деятельности каждый из них выстраивал в соответствии с целями, которые преследовал при поступлении в Корпус. Пытаться же выяснить, кого в действительности было больше – идейных офицеров либо приспособленцев, – вряд ли возможно, так как здесь мы вступаем на зыбкую почву ничем не обоснованных предположений.

Источники и литература

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. 416 с.

Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска: в 2-х т. Т. 2. М., 2004. С. 345–516.

Засосов Д., Пызин В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. М., 2003. 480 с.

Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II [Спиридовича]. М., 2009. 592 с.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 428 с.

Ника [Кравец Н. А.] Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 543–565.

Поляков А. М. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 482–542.

Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. 268 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Перегудов Александр Викторович
доцент кафедры полит. истории исторического факультета
Воронежский государственный университет
Университетская пл., 1, Воронеж, Россия, 394006
e-mail: Peregydoff@mail.ru
тел.: 8 (980) 2405515

Peregudov, Alexandr
Voronezh State University
1 University Sq., 194006 Voronezh, Russia
e-mail: Peregydoff@mail.ru
tel.: 8 (980) 2405515

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 56–67

УДК 794

ВОЕННЫЕ НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В РУССКОЙ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

М. С. Костюхина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Статья посвящена истории и типологии настольных военных игр, их роли в досуге и воспитательных практиках русского общества XIX – начала XX века. Материалом для исследования послужили издания игр на картонажных полях, листы для вырезания и моделирования. Содержание и идеология военных игр рассматриваются в сопоставлении с трактовками военной темы в книгах и журналах для детей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : настольные игры, досуговые и воспитательные практики, военная история, детская книга.

M. S. Kostyukhina. MILITARY TABLETOP GAMES IN THE LEISURE AND EDUCATIONAL TRADITIONS OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article is devoted to the history and typology of military tabletop games and their entertaining and educative role in the Russian society of the late 19th – early 20th centuries. The material for the study was cardboard game board editions, punch-out sheets and modeling sheets. The content and ideology of military games are analyzed in comparison with the rendering of the military theme in children's books and magazines.

K e y w o r d s : tabletop games, leisure and educational practices, military history, children's books.

Среди материалов, которые могут служить источниками культурно-исторической информации, малоисследованными (и труднодоступными) являются досуговые издания. Объемную их часть занимают настольно-печатные игры, которые ведутся на картонажных полях с помощью костей, фишек или посредством карт. В основе настольных игр – интернациональные игровые схемы, ориентированные на традиции национального досуга и идеологические запросы общества. То, в какие игры играют члены общества, сколько времени длится игровая партия и в какой обстановке она происходит, свидетельствует о социальных настроениях, культурных традициях и воспитательных нормах. По словам французского социолога Роже Кайуа, «игры в большой мере зависят от культуры, в которой они практикуются» [Кайуа, 2007. С. 102].

Одно из основных мест в досуговой культуре русского образованного общества занимали военные картонажные игры. Они относились к разряду общеупотребительных игр, бытовавших в России с 1830-х годов. Типологический обзор изданий военных игр и их социокультурный анализ является предметом настоящего исследования.

Среди игр военной тематики основную группу составляли игры на специальных полях, имитировавших военные карты. По таким картам дворяне, обучающиеся военному делу, осваивали навыки тактических действий в сухопутных

и морских баталиях. Другим типом «военных» досуговых изданий были некоторые виды комбинаторных игр, требовавших от игроков логических расчетов. Темам войны и военной истории посвящались также листы для вырезания и моделирования. Вся эта картонажная военщина изготовлялась по европейским лекалам в русских литографических мастерских. В свою очередь, русские издания игр делались в расчете на европейский рынок и печатались сразу на трех языках (русском, немецком и французском).

Игры «в войну» имели определенную гендерную адресованность – баталиями на столе развлекалась мужская половина семьи. На мужской интерес к военному знанию ориентировались издатели настольных игр XIX века. В состав игр они включали расчеты и таблицы, а тексты правил уснащали морскими и сухопутными терминами. Но, в отличие от настоящих военных реляций, термины в играх имели не только прямой, но и аллегорический смысл. Источником аллегорий были нравственно-философские трактаты и оды, изображавшие жизненные коллизии в образах военной метафорики. В «Путеводителе к истинному человеческому счастию» (1784) философа-моралиста Андрея Болотова душа человека сравнивается с театром военных действий, на котором разыгрывается нескончаемая битва разума со страстями. Обороняться приходится не только от внутренних искушений, но и от внешних бед ежедневного существования. «Находящийся на баталии и в огне воин не принужден ли видеть, что со всех сторон летят на него и ядра, и пули, картечи и стрелы, и не подвержен ли он ежеминутной опасности, чтобы которая-нибудь его не зацепила, не ранила и не убила?.. Ежели так, то скажите, не точно ли таким же образом, живучи в сей жизни, принуждены и мы видеть, что она подвержена тысяче несчастных и противных приключений, и не должны ли ежеминутно опасаться, чтобы которое-нибудь в нас не попало, не ранило нашу душу горестию и печалию и не лишило самой нынешней жизни?» [Путеводитель, 1784. С. 114–115]. На философские размышления о жизни настраивали игроков военно-исторические игры. Невозможность предсказать исход поединка превращала факт военной истории в условность, освобождавшую участников игры от естественного в другой ситуации чувства сострадания к «жертвам войны».

В то же время картонажные баталии не были «бесстрастной» игровой схемой. Они оживляли воспоминания о недавних сражениях, будили споры об удачах и неудачах военных кампаний. Известная шахматная задача «Бегство Наполеона из Москвы в Париж» была составлена одним из первых русских шахматистов А. Д. Петровым под непосредственным впечатлением событий Отечественной войны 1812 года (игра опубликована в 1824 году). В этой игре Петров не только в символической форме изобразил преследование Наполеона казаками атамана Платова, но и указал на неиспользованную возможность пленить Наполеона при переправе через реку Березину (игроки отказываются от возможности быстрого мата в начале игры) [Линдер, 1979. С. 12].

Откликом на события Отечественной войны была азбука-игра «Подарок детям в память 1812 года», изданная Плавильщиковым в Петербурге в 1814 году. Она состояла из 34 картинок, гравированных на меди с рисунков И. И. Теребенева. На этих рисунках в карикатурно-лубочной манере изображались злоключения наполеоновской армии в России (один из ранних и редких образцов русской политической карикатуры). Листы, разрезанные после печати, были наклеены на картонные карточки и сложены в папку. Карточки с изображениями букв служили обучению грамоте, в то же время они были игрой: на столе выстраивалась потешная история завоевателей, представленных в самом жалком виде. Каждой карикатуре соответствовала насмешливая подпись.

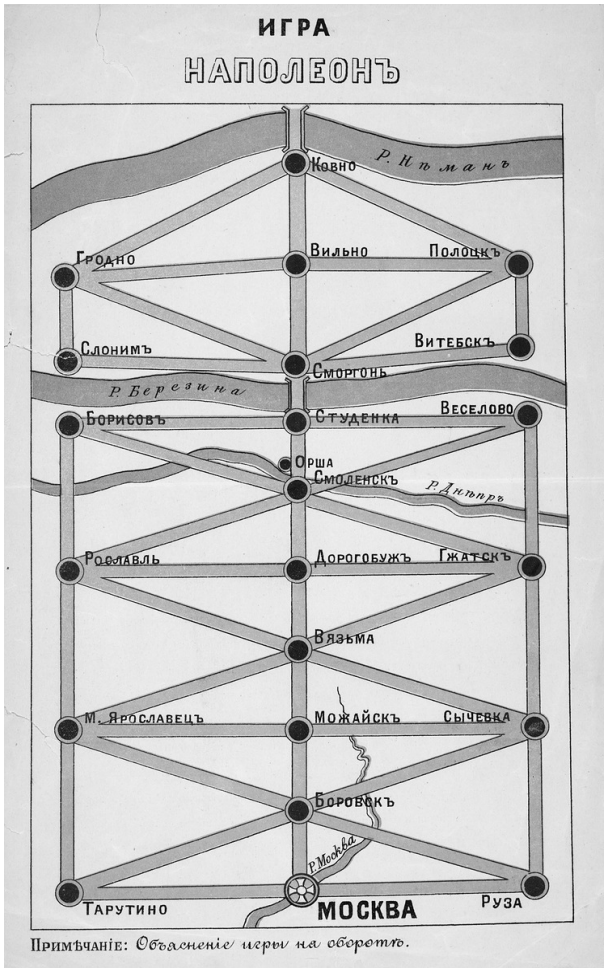
«Буква «В» (голодные французы поедают ворон):
«Ворона как вкусна! – нельзя ли ножку дать,
А мне из котлика хоть жижи полизать».

Буква «Ж» (русский мужик погоняет
француза плеткой):
«Желал нас вышколить ты на свою погудку,
Ан, нет, не удалось, пляши под нашу дудку».

«Теребеневская азбука», отразившая гордость русской победы над Наполеоном, была создана во временной близости от самой победы. Этим объясняется чувство торжества по отношению к побежденному противнику.

Но таких примеров немного. В русских изданиях для детей бряцать оружием было не принято: воспитание патриотизма не должно противоречить христианским заповедям, даже тогда, когда речь идет о воспитании будущих воинов. Героем нравственных изданий, по ведомству которых прописана детская литература, был старый солдат, а не вооруженный воин. Великих полководцев принято было изображать не в ореоле военной славы, а в миролюбивых деяниях (забота о солдатах, печальные размышления на поле битвы и т. д.). «Биографии героев, полководцев, генералов, которых слава основана на числе побед, купленных кровью сочеловеков, наименее удобны для обработки в детской книге. В них условная мораль патриотизма, политического героизма стоит на первом плане, и так как за нее в груди юного

Наполеон Бонапарте: дет. игра. Изд. А. Иконникова, 1851. Карточки для игры



Игра «Наполеон». А. Шоттен, Н. Липницкий. 1890. Игровое поле. В игре используются 4 шашки. Одна из них считается Наполеоном и помещается на точке, называемой Москвой, а остальные три шашки под именем русского корпуса помещаются кругом на ближайших точках к Москве. Игру начинает русский корпус, чтобы дать возможность Наполеону выйти из Москвы. Задача игроков – не дать Наполеону возможность вернуться в Москву. Игра заканчивается, когда русскому корпусу удается загнать Наполеона в точку, названную городом Ковно

читателя громко говорит и самый голос тщеславия или, пожалуй, благородного честолюбия, то весьма легко может статься, что эта условная мораль вытеснит мораль гораздо высшую, мораль безусловную, христианскую» [Толль, 1862. С. 151].

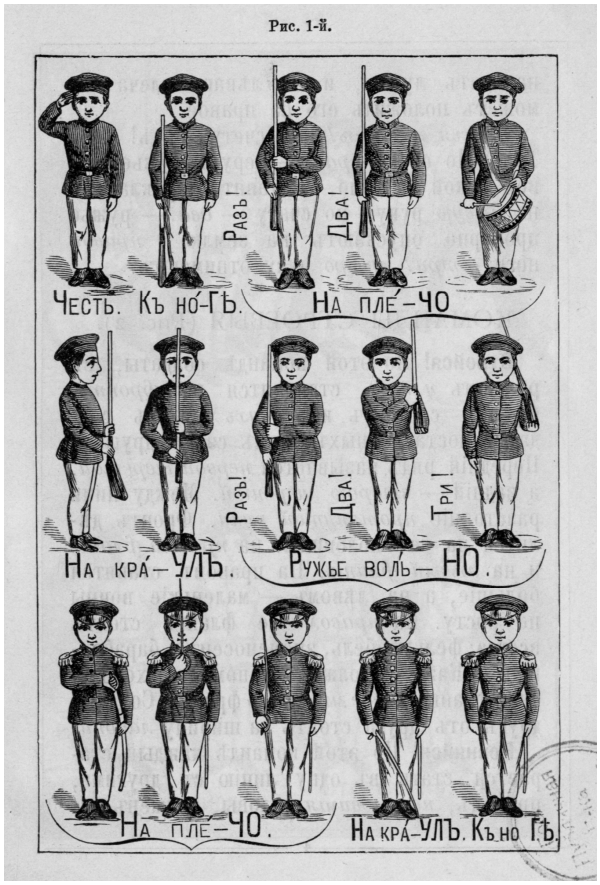
Биография Наполеона представляла особый случай. Романтический ореол, окружавший образ французского императора, делал его личность привлекательной, а биографию поучительной (по свидетельству многих мемуаристов, любимой книгой их детства была история Наполеона). В издании «Наполеон Бонапарте. Детская игра» (1851) представлен на карточках лото весь жизненный путь Наполеона. «Предлагаемая игра доставит не только приятную забаву, но и приносит собою пользу, напоминая главные события в жизни человека, гению которого удивляться будут не только современники, но и позднейшее потомство». Игра ведется картами общим числом 32. Карты раздаются поровну. Тот, у кого окажется карта № 12, удерживает ее, берет фигуру Наполеона и считается распорядителем игры. Остальные карты раздаются поровну между играющими. Распорядитель передает фигуру Наполеона и две кости сидящему с правой стороны. Тот бросает кости, отсчитывает выпавшее число по числу карт и ставит на них фигуру Наполеона. Если карта счастливая, то игрок получает из кассы 2 марки, если карта несчастлива, то платит 3 марки в кассу. К «счастливым» относятся победы Наполеона на поле брани, торжественные церемонии, в которых он принимал участие. К картам «несчастным» относятся те, на которых Наполеон изображен в моменты поражений и ссылок. Великий человек подвержен ударам судьбы, как и всякий другой (это поучительно). В то же время Наполеон – образец военного гения (это познавательно).

В «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», издаваемом с 1836 года, приводилось много полезных для юношества примеров. В историческом разделе «первенство при выборе имеют биографии тех лиц, которые совершили блистательный подвиг или явили пример самопожертвования для славы государя, для чести русского имени» [Соколовский, 1904. С. 4]. В литературной же части печатались короткие и поучительные истории («анекдоты»), показывающие «благородство души и возвышенное чувствование, любовь к правде и справедливости, преданность государю, мужество в опасностях» [там же].

Пацифизм в литературных текстах определялся идеалами религиозно-нравственного воспитания. Жизненные практики были иными – большинство дворянских мальчиков обучалось в военных корпусах. Родители с малолетства готовили сына к будущей военной карьере, поощряя его занятия военно-строевыми играми (пример подавали малолетние великие князья, маршировавшие на глазах у восхищенной публики). Общепринятым подарком мальчику было игрушечное вооружение, которое рано сменялось настоящим.

Полюбоваться изображениями маленьких вояк можно было в книжках-картинках (сплошь перепечаток с иностранных). В книге «Игра в командиры, или Резвость малюток» описываются военные игры малолетних французских аристократов во время вакаций [Отдых..., 1827. С. 5]. Вдохновленные уроками в военном корпусе «малютки» раскидывают палатки, ставят караулы и заграждения, превращая родовой замок в военный лагерь. Мальчик, не захотевший играть в военную игру, был приговорен маленькими вояками к «расстрелу». На иллюстрациях к книге малютки в военных мундирчиках и с оружием в руках выглядят умилительно.

Подобное любование военщиной носило отпечаток иноземной культуры. В изданиях русских авторов воспитание будущих воинов выглядело иначе. Так, сыновья генерала с миролюбивой фамилией Радушин во время летних вакаций занимаются исключительно мирным чтением (в их книжном шкафу – подборка журналов «Детское чтение для сердца и разума», библиотека Кампе в переводе А. С. Шишкова) [Детский павильон, 1836]. Большую пользу приносит мальчикам чтение военных историй далекого прошлого. Если же дети затевают игру в войну, то заканчивается она на высокой патриотической ноте. Бывшие противники дружно поют гимн: «Боже! Царя храни! / Славному долги дни / Дай на земли!».



Правила строевой подготовки в изложении для детей // Игра в солдаты. Изд. Ступина. 1891

Христианскому воспитанию не противоречит овладение знаниями, необходимыми будущему воину. В «Журнале для чтения воспитаникам военно-учебных заведений» печатались описания «достопримечательнейших войн, движений армий, генеральных сражений, авангардных стычек, сведения о достопримечательнейших укрепленных лагерях, также описания известнейших осад, особенно в которых участвовали отечественные войска» [Соколовский, 1904. С. 4]. Считалось, что к освоению военных навыков надо приступать с раннего детства, живя в родном гнезде. Писатель и журналист С. Глинка, бывший участником ополчения войны 1812 года, составил программу воспитания малолетних дворян в русской усадьбе (попытки реализовать этот опыт в собственной педагогической практике не увенчались успехом). Отставной военный Артемий Булатов собирает команду из дворянских недорослей и учит их военным наукам. Летом устраиваются марши, строительство крепостей и траншей (все делается собственноручно). Зимой наставник читает детям книги по военной истории и душеспасительную литературу. «Мы старались уравнять богатырство их [мальчиков] с добродушием, а ненависть к врагам

с любовию к ближним» [Русские..., 1820. С. 13]. Сослуживец Булатова рассказывает старому другу о новопридуманных военных играх с фигурками на картонажных полях (речь идет о знаменитой «Военной игре» Гельвига). Верный гуманным традициям Артемий Булатов восклицает: «Хорошо бы было, если б смастерили более таких затей и потех военных, и если б все охотники до драк и ссоры, не выходя из уголка своего, завоевались до упаду, играя в куклы» [Русские..., 1820. С. 72].

Главное назначение военных игр – приобщиться к премудростям военной науки, воображая себя великим стратегом. Стратегическими были игры под типовым названием «осада крепости» (Das Belagerungspiel). «Осады» – разновидность шашечной игры, которая ведется между двумя игроками на разграфленном поле особой конфигурации. Историк шашек Саргин относил игры такого типа к «остаткам древних линейных игр» [Саргин, 1915. С. 298). В игре участвуют 2 фишки одного цвета (защитники крепости) и 24 фишки другого (нападающие). Возможен другой набор фишек – 3 против 50. «Крепостью» называется верхний квадрат из девяти клеток, который должны занять нападающие. Нападающих в игре большинство, но они ограничены в ходах (нельзя двигаться назад и ходить по диагонали). Осаждаемые в меньшинстве, но им дано право ходить по всем линиям. Это игра логическая, требующая серьезного обдумывания ходов, как шашки и шахматы. Издатели пытались разнообразить утомительное обдумывание ходов (в игру «Взятие редута» (1842) издатель П. Вдовичев добавил бумажных солдатиков).

В последней трети XIX века появилась тенденция выпускать «осады» с названиями конкретных военных кампаний – «Осада Москвы», «Осада Плевны», «Шипка» (1896), но на правилах игр это никак не сказывалось. Несмотря на условность «осад», частотность их переизданий зависела от военной обстановки в стране. Много игр было выпущено в 1856 году в связи с событиями Севастопольской кампании («Осада – генеральный штурм и оборона крепости», 1856; «Осада крепости», 1856). Следующий всплеск изданий комбинаторных игр этого типа произошел во время Балканской войны («Осада Плевны, новая игра для взрослых», 1877; «Крепость. Двуличная игра», 1878; «Генеральный штурм крепости», 1879). Первая из названных игр вышла с актуальным уведомлением о том, что 35 процентов от продаж этой игры идет «в пользу вдов и сирот русских воинов, павших на поле брани».

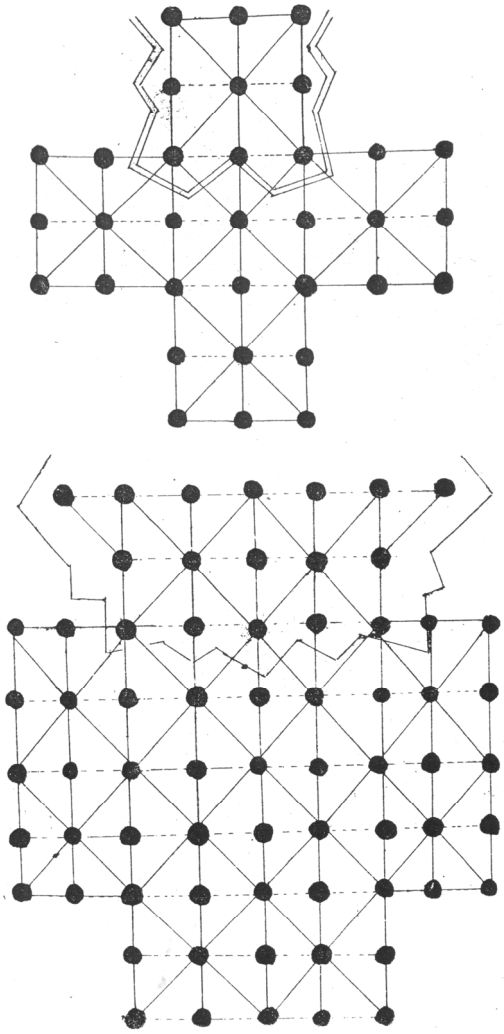


Схема игрового поля типа «осада крепости» // Собрание игр с описанием их приготовления и употребления / Пер. с иностр. А. Соколовского. СПб., 1861

Еще одна разновидность «осады» – комбинаторная «Игра в сражение», выпущенная в Петербурге в 1885 году. В этой игре участвуют три силы с разными правилами передвижения (пехота движется только вперед, конница вперед и назад, артиллерия через всю линию). Игра выигрывается в случае: 1) если противник полностью проиграл один из трех видов оружия; 2) если один полководец занял полностью заднюю линию неприятельских позиций; 3) если противник так осажден, что не может двигаться. Были и другие разновидности настольных игр шашечного типа. Петербургский музей военно-учебных заведений предлагал игру «Der kleine Moltke oder Stratigie und Taktik» (нем. «Маленький Мольтке, или Стратегия и тактика»), выпущенную в Германии. В этой комбинаторной игре за Мольтке играют одной фигурой, а за французов четырьмя. Генерал-фельдмаршал Мольтке, прославившийся как

военный теоретик и талантливый стратег, был мастером стремительных победоносных атак. Маленький Мольтке в игре одержит победу, если сможет первым прорвать оборону.

«Осады» и близкие к ним по типу комбинаторные игры издавались на протяжении всего XIX века, поскольку считались полезными для развития логического мышления. Иными были игры на картонных полях со схемами сухопутных или морских сражений. Игровые партии там были долгими и длились от нескольких часов до нескольких дней. Поля для игр имитировали топографические военные карты. К играм прикладывались справочники по военному делу. В качестве фишек изготовлялись фигурки воинов разных рангов и званий (в морских играх кораблики). Традиция досуга с такими играми идет со времен Фридриха Великого, примеру которого следовали и другие царственные полководцы.

Усовершествованную военную игру «Das Kriegsspiel» (полное название издания «Versuch eines auf das Schachspiel gebauten taktischen Spiels. Leipzig, 1780–1782». – *М. К.*) разработал в конце XVIII века Иоахим Людвиг Гельвиг, профессор математики, служивший при герцоге Брауншвейгском. По служебным обязанностям Гельвиг посетил Россию летом 1770 года. Он сопровождал юного сына герцога в крепость Очаков (поездка имела печальное завершение – юноша умер в дороге от воспаления горла).

Игра Гельвига стала модной в Париже и других европейских столицах. Восторженные оценки она получила и в русском обществе. «По воле игрока куклы движутся во все стороны; легкая и тяжелая конница, пехота, пушки, все идет своим порядком и чередом. Передразнивая подлинное военное дело, куклы переправляются через реки, болота, переходят горы, рубят, бьют, жгут и кто посметливее, тот того заводит впросак. Кукольная эта битва продолжается день, два, неделю и более» [Русские..., 1820. С. 70].

Описание игры состояло из 323 параграфов на 196 страницах. Игровое поле разделено на 49 квадратов в длину и 33 в ширину (всего 1617 квадратов), по которым передвигались фигуры, изображавшие пехоту, артиллерию, конников (за образцы взяты шахматы). На схеме, начертанной профессором математики (почитатели игры величали Гельвига «профессором военного искусства»), разными цветами были обозначены поля, деревни, реки, болота и горы. Характер и скорость перемещения игроков зависели не только от особенностей местности, но и от видов войск (пехота, кавалерия). Участие разных типов орудий в игре также регулировалось правилами: меткость, дальнобойность и скорострельность у них были разными (например, осадная пушка разбивает площадь больше, чем полевая). В тылу каждого отделения была изображена крепость, взятие которой решало исход игры. Игра представляла собой сборник тактических задач, перенесенных на картонное поле. Их решение требовало постоянного обращения к таблицам со сведениями об артиллерии, пехоте, кавалерии и т. д., что занимало немало времени. В процессе освоения игры Гельвиг рекомендовал учителю приводить интересные сведения из военной истории. По его свидетельству, 13–15-летние мальчики, служившие пажами при дворе, не утомлялись игрой и с успехом осваивали науку боевых тактик. Одно из изданий «Das Kriegsspiel» было привезено из Германии для учащихся Императорского сухопутного кадетского корпуса в Петербурге. В библиотеке этого учебного заведения находилось второе издание игры Гельвига («Das Kriegsspiel: Ein Versuch die Wahrheit verschiedener Regeln der Kriegskunst in einem unterhaltenden Spiele anschaulich zu machen / Von Dr. Johann Christian Ludewig Hellwig ... – Braunschweig: Bei Karl Reichard, 1803»).

В дальнейшем игра Гельвига несколько раз усовершенствовалась. Принципиальным был перенос игры на топографическую карту, осуществленный полковником прусской службы Рейсвицем [Рейсвиц, 1824]. В таком виде игра перешла в ведение военных, которые на разный манер ее редактировали. Офицеры русского Генштаба внесли свой вклад в усовершенствование военной игры, приведя ее в соответствие с уставом русской армии и новыми боевыми реалиями (впервые правила «Das Kriegsspiel» были применены к составу русских войск в 1836 году). Известно, что участие в партиях игры принимали высокопоставленные русские генералы и император Николай I.

В различных вариантах игры общими были ее принадлежности:

1. Топографический план действий (с определенным масштабом).
2. Шашки, изображающие войска (пехота, кавалерия, артиллерия). Каждая шашка обозначает полубатальон (450 человек). Из нескольких шашек составляются более крупные боевые единицы (корпуса, дивизии и т. д.).
3. Масштаб для определения движения войск.
4. Масштаб для определения дальности выстрелов.
5. Кости для решения сомнительных случаев, не подлежащих топографическому расчету.
6. Таблица для отметки убыли во время боя.

Несмотря на то что у военной игры было много критиков («вредная забава, поскольку дает ложные понятия о военном деле»), этот вид досуга привился в армейской среде, правда, не совсем добровольно. В критической статье А. Станкевича «Военная игра» [Станкевич, 1862] писалось о том, что грех не учитывать такие важные понятия, как воспитание солдат, доверие к начальнику, патриотическое воодушевление, которые «не подлежат никакому математическому расчету». Усилиями военных профессионалов военная игра стала подобием экзамена, со строгой отчетностью и обязательным соблюдением всех игровых этапов (сокращать игру позволительно только штатским).

Для широкой публики разрабатывались остросюжетные картонажные баталии по упрощенным схемам. Не последнюю роль в них играли кости – с их помощью проверялась благосклонность фортуны и удовлетворялась тяга к азарту. От использования костей не отказались и военные профессионалы: они использовали их как «средство для определения случайностей, не подлежащих никакому расчету, но имеющих нередко решительное влияние на ход и результат действий» [Руководство..., 1847. С. 11–12]. Игровые кости изготовлялись не только с цифрами, но и с надписями («отступление», «разбит», «совершенное поражение»).

О том, что военные игры были интересным занятием, свидетельствует факт их использования в домашнем досуге. Известно, что М. Лермонтов и его близкий друг и родственник А. Шан-Гирей часто проводили вечера за военной игрой (Лермонтов был юнкером, а Шан-Гирей учился в артиллерийском училище).

Разновидностью «Das Kriegsspiel» были военно-морские игры на картах с условным изображением моря и прибрежных укреплений. Правила этих игр, как и сухопутных, согласовывались с армейскими уставами и расчетами военной науки (учитывались поражающая сила оружия, скорость передвижения кораблей, коней, пехоты и т. д.). Это делалось специалистами, сведущими в сухопутном или морском деле, и предназначались игры для воспитанников казенных учреждений. Офицер Владимир Войт, преподаватель морского корпуса, напечатал две настольные игры, обновленные по правилам военной науки – «Сухопутная военная игра» и «Морская игра» (1846). За основу он взял существовавшие модели игр, добавив к ним современные расчеты боевого вооружения. В «Морской игре» маневры кораблей (шашек) осуществлялись согласно показаниям кости с обозначением движения ветра. Другая кость служит для определения повреждений, получаемых кораблем (1 – подводная пробоина; 2 – потерял стеньгу; 3 – повреждения руля; 4 – подбить стеньгу; 5 – повреждена рея; 6 – повреждена мачта). Автор предупреждает: расчеты, сделанные в игре, будут только приблизительными, поскольку боевая реальность сложнее игровой. «При сложности частей, входящих в состав корабля, и по примеру морских сражений, в которые, при тысяче выпущенных ядер, насчитывают самые небольшие повреждения, трудно с должною вероятностию определить повреждения, которые часто зависят от удачей и от случая; в особенности в наше время, удачно брошенная бомба произведет вред неприятелю сильнее сотни ядер. А потому, отстранив вычисление повреждений, основанных на теории вероятностей, предположим условия, не противоречащие этим вероятностям. Притом же надо заметить, что цель этой игры не уничтожение шашек, а производство большего числа маневров, которые могут принести несомненную пользу» [Войт, 1846]. Умение придумывать маневры и просчитывать их результаты полезно для будущих военных офицеров.

В военно-патриотической литературе побед добивались не знаниями и расчетом, а русским задором и верноподданническим воодушевлением. В «Очерках деятельности наших моряков», написанных тем же В. Войтом, даны портреты знаменитых русских военачальников. Среди них фельдмаршал князь Григорий Потемкин-Таврический, не отличавшийся знанием военной науки. «Светлейший, зная бесшабашную храбрость русских, не хлопотал, да и не имел ни средств, ни времени хлопотать о доброкачественной постройке кораблей, имевших слабую артиллерию, обраставших травою и ракушками, тогда как турецкий флот, выстроенный французскими инженерами и обладая сильнейшею артиллерией, превосходил наш во всем» [Воспоминания..., 1887]. Войт цитирует письмо Светлейшего к руководителю русской эскадры Федору Ушакову в 1790 году, в котором Потемкин приказывает: «Хотя всем погибнуть, но показать свою неустрашимость в нападении и истреблении неприятеля». Победы над турецким флотом знаменитый флотоводец Ушаков добился не погибелью русского войска, а неожиданными маневрами и тактическими расчетами, о которых в «патриотических очерках» не упоминается ни словом.

Особую группу военных игр составляли игры на картах, воспроизводящих географию реальных военных конфликтов. Помимо досуговых функций они выполняли роль информационно-патриотических плакатов: знакомили с географией военных действий, расположением войск,

национальной атрибутикой воюющих сторон. Несколько игр с картой Крымского полуострова вышло во время Севастопольской кампании 1853–1855 годов. И хотя Россия в этой войне потерпела поражение, «славное севастопольское сиденье» вызвало в русском обществе мощный патриотический подъем. О значении национального единения в период тяжелых испытаний писалось в брошюрах и чтениях для народа, издаваемых в годы новых военных кампаний [Арсеньев, 1878]. Не оставались безучастными к военной трагедии и дети, разделявшие переживания взрослых. Этнограф В. Харузина вспоминала, как во время войны на Балканах девочки и мальчики играли в «крепости», которым давали названия реальных военных укреплений (эти названия они слышали в разговорах взрослых, горячо обсуждавших события) [Харузина, 1999].

На тему Крымской войны было выпущено несколько общеупотребительных картонажных игр. Синопской победе, одержанной в 1853 году русским флотом под командованием адмирала Нахимова, была посвящена «Синопское сражение с призами, новейшая игра», изданная И. Трухачевым в 1853 году. О Синопской битве, ставшей предметом военной гордости россиян, рассказывалось также в уличных и домашних косморамах.

«Большое военное лото» (1856) было оформлено как карта с изображением театра военных действий (Крымского полуострова) и нанесенными на краях карты названиями населенных пунктов. По краям карты помещался и ряд пронумерованных квадратиков разного цвета. В игре используются 24 фигурки солдат четырех цветов. Эти цвета обозначают воюющие армии: зеленый цвет – Россия, желтый – Турция, голубой – Франция, красный – Англия. Игроки вытаскивают из мешочка фишки с номерами (всего 90 фишек) и смотрят, квадрат какого цвета обозначен этим числом. Если цвет квадрата совпадает с цветом страны, за которую воюет игрок, то фигурка ставится на это число. Если нет – игрок платит штраф. Выигрывает тот, кто быстрее расставит всех своих солдатиков на игровом поле. «Взятие крепости. Новая игра» (1855) и «Военная игра с вознаграждением» (1857) сделаны по одному принципу: маршрут игроков обозначен кругами (числом 30), в которых изображены воинские звания русской армии. Эти изображения следуют по мере возрастания звания (капитан, майор, подполковник, полковник, генерал-майор, генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, генерал фельдмаршал). Передвигая фишки, игрок движется к финишу, цель которого – получение высшего военного звания.

Если игры на игровых полях раскладывались на столе, то картонажные панорамы, посвященные военным событиям, выставлялись в доме на обозрение. С началом военных действий в Крыму была издана картонажная панорама «Военный театр для детей в двух переменах» (1854). Она состояла из двух литографированных картин («Штурм крепости» и «Морское сражение»), помещенных в папку. Вырезанные корабли и сложенные панорамные картины нужно было поставить на столе, закрепив в прилагаемую к игре дощечку. Военным действиям в Крыму была посвящена игра «Красная пушка», изданная А. Лосевым в 1856 году. Игра включала в себя панорамное изображение турецкого лагеря, 2 картонажные пушки и 18 фигур (пеших и конных). Описание игры начинается с рассказа о первых победах русской армии в Крымской кампании. «Кто из вас, милые дети, не слышал о блистательной победе, одержанной русскими войсками над турками в Азиятской Турции, на Кадык-Ларских высотах, 19 ноября 1853 года? Этот день навсегда оставит память о храбрых войсках Закавказского края, и не только там, но и во всей России долго не забудется эта знаменитая битва, в которой князь Бебутов совершенно разбил тридцати-шести тысячный турецкий корпус Анатолийской армии, предводимый сераскирсом Абди-Пашей». Во время кровопролитного сражения русская армия захватила 24 пушки, в том числе знаменитую Красную пушку, которую турки отстаивали с большим мужеством. Эта медная пушка, окрашенная в красный цвет, была настоящим произведением искусства. Когда пушка была наконец отбита у турок, она была красной не только от краски, но и от крови защитников и нападавших.

В мастерской А. Иконникова была напечатана «Детская игра в корабль» (цензурное разрешение дано в сентябре 1855 года). В правилах сказано: «Сперва нужно установить картонажную декорацию, изображающую сражение; перед ней поставить картонажный корабль и пароход, сложивши корабль и мачты, которые изображены на плане, после того дети берут пушку, стреляют в корабль, разрушают его, тем игра и оканчивается». Поначалу казалось, что так же легко будет одержана победа в реальной войне.

Вооруженные конфликты, в которых принимала участие Россия, становились материалом иностранных настольных игр. Крымская война не была исключением. В немецком издании игры «Abenteuer in dem Feldzuge nach der Krim. Ein Gesellschaftspiel» (1856, нем. «Приключения в Крымской кампании. Общеупотребительная

игра») подробно перечислены основные военные события Севастопольской кампании. Маршрут составлен из 64 квадратов, ведущих к центру. В квадратах изображены картинки сражений, с указанием дат и географических названий («Марш на Балаклаву», «Битва при Черной», «Второй штурм Севастополя», «Третий штурм 7 сентября 1855», «Уничтожение русского флота», «Вхождение в Севастополь» и т. д.). Картины сражений чередуются с картинками из армейского быта («Письмо на родину», «Обед в ресторане французского лагеря»). Война представлена глазами французского офицера, который шлет известия на родину (почтовые знаки перемежаются с военными эмблемами). Жанр «письма с фронта» (или «записок», пересылаемых с места сражений) широко использовался в литературе. В 1860 году в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» была напечатана повесть «Четыре года из прошедшего» под инициалами И. В., написанная от лица молоденького русского офицера. Этот юношеский вариант «Севастопольских рассказов» мог показаться пародией на Л. Толстого, если бы не серьезность темы. Юноша, попавший в самое пекло военных действий на Малаховом кургане, описывает славные пирушки, любовные приключения и прочие «штатские» события. Последние слова повести – «Прощай, Крым, страна чудес» – никак не связаны с севастопольской трагедией, как будто речь идет об увеселительной прогулке. Такой же увеселительной затеей предстает Крымская кампания в настольной игре.

В изданиях для народа (раешные листы и косморамы) оптимизм поддерживался другими способами. В первую очередь, это героизация образов военачальников и русского императора (им посвящались стихи-панегирики). Противники же изображались в карикатурно-насмешливых образах, что тоже поддерживало патриотический подъем в народной массе:

> «Англичане и французы
> Нечестивому союзу
> С туркой ревностно верны,
> Им душевно преданы,
> К нам свои пригнали флоты <…>»
> [Осада…, 1855. С. 3].

Карикатур и панегириков не было в изданиях для образованной публики. Эти издания ориентировались на традиции русской батальной живописи и отличались сдержанностью в выражении чувств и художественным изяществом.

Патриотически настроенные покупатели в период Крымской кампании требовали игр русского производства. Издатели увеличили их выпуск, причем не только на тему актуальных событий, но и связанных со славными страницами русской военной истории. В картонажах тщательно воспроизводилась военная амуниция разных армейских чинов. В хромо-литографическом издании «Военный переодеваемый костюм» (1853) Лосева были представлены с точностью костюмы различных полков: офицера лейб-гвардии Павловского полка, барабанщика л-гв. Преображенского, знаменосца л-гв. Семеновского, унтер-офицера л-гв. Конного и др. Этот же издатель выпустил в период Крымской кампании картонажи «Дружины государственного подвижного ополчения» (1856) и «Конно-образцовый полк» (1857).

Образцом для русских военных панорам служили немецкие издания. В Педагогическом музее военно-учебных заведений Петербурга для занятий с детьми рекомендовалась картонажная игра «Kartenhäuser. Der Sturm auf Schelde» (нем. «Картонные домики. Штурм на Шельде»), выпущенная в Германии. Игра начиналась с создания картонных сооружений, образующих форты и стены крепости, и расстановки фигур картонажного войска. Во второй части игры можно было заняться непосредственно «войнушкой». К игре прилагались две дудки, дуя в которые, нужно было опрокидывать фигурки противника. Был в игре и элемент драматизации (как в картонажном театре). В «Прологе» разыгрывался разговор между тремя лицами: генералом с парламентером от осаждающей стороны и парламентером от защитников крепости. Аналогичный военный театр издал А. Иконников. В его «Детской театральной игре» (1880) была пьеса на тему «Ополченье, драматическое представление в 4 картинах», посвященная событиям войны 1855 года. Произнося речи за картонных персонажей, дети осваивали патриотическую риторику.

Настольные военные игры не только развлекали и воспитывали, но служили источником информации: из них можно было узнать топографию военных действий, вид обмундирования, боевую хронику. На это указывало и название «игра-новость», под которым они рекламировались: игра сообщает новости. Издание «Морская битва под Порт-Артуром» с подзаголовком «игра-новость» вышло в 1905 году. Такое издание могло бы показаться кощунственным (под Порт-Артуром погибла русская эскадра), но современники военной трагедии так не считали. Более того, приобретение игры служило проявлением чувства патриотизма. Игры позволяли «оживить» военную карту, помогали представить происходившее и следить за развитием событий. Детские издания скупо печатали информацию о военных действиях, а потребность уз-

нать о событиях на фронте была очень велика. Писатель Л. Пантелеев вспоминал, как ребенком он следил за ходом военных действий на фронтах Первой мировой войны: бело-сине-красными бумажными флажками мальчик отмечал на карте продвижение наших войск и черно-красно-желтыми флажками – передвижение неприятеля. Играл он и в военные картонажи, которые получал в качестве приложений к журналу «Задушевное слово». Это были красочные литографические листы для вырезания с изображениями солдат и офицеров всех видов войск (пехота, артиллерия, казаки, уланы, самокатчики, мотоциклисты), а также пушек, полковых кухонь, санитарных повозок. Для подписчиков журнала периода русско-японской войны была напечатана игра «Японская гвардейская эпоха» (1905). На глянцевых полях война выглядела как вполне привлекательное занятие: победы давались бросанием кубика, а поражения можно было переиграть. Игры, красочные плакаты и ура-патриотическая литература вдохновляли подростков на побеги из дома на фронт (массовые побеги были настоящим бедствием).

Первая мировая война – тема последних дореволюционных военных игр. Для сына Николая II была приобретена игра «Европейская война», изданная с разрешения военной цензуры в 1913 году. В этой игре столкновение происходило между русской, французской, немецкой и австрийской армиями, представленными фигурами картонных солдат в амуниции своих стран. На картонном поле издатели поместили картину современных боевых действий, а на коробке – зрелищные взрывы снарядов. Взрывы (в силу живописности и экспрессивности) изображались даже там, где речь шла о старинных баталиях. Таким способом производитель привлекал внимание к своей продукции.

Скромнее выглядела новая военная игра «В тыл и фланги!», подготовленная издательством «Песталоцци» в 1914 году. Ее содержание приближено к ситуации реального военного конфликта армий России и Франции с армиями Германии и Австрии. Полем для игры служит разделенная на квадраты схематичная карта Европы. Игроки передвигают свои армии по железным и шоссейным дорогам. Побеждать неприятеля можно или превосходством сил, или обходом в тыл (отрезанные от базы войска попадают в плен), или боем равными силами (в последнем случае вопрос о победе решается бросанием кубика). Злободневным для военной эпохи было напоминание игрокам о том, что «побежденный не имеет права обижаться, так как он побежден не только искусством, но и счастьем. Личная его храбрость в этой войне не участвовала».

Специальные издания игр рассказывали о новых видах вооружения, в том числе и воздушного. В предверии Первой мировой войны были выпущены игры «Сражение в воздухе» и «Аэробелло. Сражение воздушных флотов». В состав последней входило поле сражения, 20 моделей воздушных судов разных типов (в том числе аэроплан, цеппелин). В рекламе игры сообщалось: «Среди игр интересной новинкой является воздухоплавательная игра “Аэробелло или сражение воздушных флотов”» (издание и сост. К. Я. Магалиф, в Санкт-Петербурге), имеющая характер состязания и основания на строго продуманных правилах, как и шахматы, но отличающаяся от последней игры большей доступностью и легкостью усвоения при значительной сложности комбинаций» [Игрушечное..., 1911. С. 18]. Это была игра стратегического характера. Ее составитель преследовал мирные цели: «заинтересовать детей и юношей делом авиации вообще, а различные комбинации воздушной войны могут способствовать развитию их сообразительности, заставлять фантазию работать в совершенно новой для них области». Совсем скоро мальчики, игравшие в цеппелины и аэропланы на картонажном поле, увидели эти боевые машины в действии.

Сделать игрушечный цеппелин как настоящий было делом затруднительным, а вот многое другое производители игрушечной продукции изображали в совершенстве. Техника игрушечного производства в начале XX века достигла высокого уровня, так что воспроизведение военных карт, обмундирования и макетов оружия для игры делалось с большой степенью достоверности. Дошло до того, что Министерство внутренних дел в 1911 году разослало циркуляр, в котором сообщалось о запрещении продажи детских игрушек, представляющих собой копии предметов обмундирования (были изъяты из продажи шапки лейб-гвардии гусарского полка с форменной офицерской кокардой).

Близость реальных войн не уменьшала традиционного интереса мальчиков к военно-историческим играм. В 1912 году широко отмечалось столетие Отечественной войны 1812 года. Появилось много книг для детей, посвященных юбилею. В рецензиях на литературу для детей, выпущенную к столетию войны 1812 года, осуждались проявления шовинизма. «Ненависть, которую испытывали наши предки к Наполеону и “великой армии”, испытывают как будто и современные нам авторы, и иногда кажется, что, как и сто лет назад, отступление “великой армии” сопровождается литературным улюлюканьем» [Что и как читать

детям, 1912–1913. С. 16–17]. В настольных юбилейных играх «улюлюканья» не было: там воспроизводилась военная форма и планы исторических сражений. Издательство «Детский мир» подготовило картонажную игру «Отечественная война 1812–1912», состоявшую из плаца, 12 фигур воинов и 12 флагов. На обложке игры был изображен Наполеон в знаменитой позе со сложенными на груди руками. Правила игры близки к шашечным, а поле представляло собой соединение условно шашечного и картиночного поля (в некоторых клетках изображены русские города – попав на них, противник получал преимущество в своих ходах).

Листы на тему военной истории обильно печатало издательство К. Я. Магалифа. Детям давались рекомендации, позволяющие «оживить бумагу». «На обратной стороне витязя отмечены самые опасные для жизни места. Если боец раньше уже принимал участие в битве, то прежние ранения заклеиваются гуммированной бумагой. На время турнира копье можно заменить ручкой с пером. Капля чернил на нем заменит кровь» («Искусство оживить бумагу. Новое занятие для детей»).

Капли крови, страшные взрывы, как и вся настольная военщина, обсуждались и осуждались педагогами. Но жизненный опыт подсказывал, что не военные игры – источник жестокости. Известный критик Н. Соболев в статье «Застольные игры» высказал свое мнение: «Излюбленные мальчишками военные игры: Сражение в воздухе, морской бой и т. п. Педагоги недолюбливают их, а я ничего преступного в них не нахожу. Детям неизбежно пережить период “варварства”, и не лучше ли, если изживут они свои воинственные наклонности, сидя за столом, чем в уличных схватках?» [Игра, 1918. С. 19].

Воинственные наклонности изживались сами собой в период военных невзгод. Один из мемуаристов вспоминал, как в его семье увлекались военными играми. Дети и взрослые рисовали русских солдат и генералов (любимой фигурой был генерал Брусилов), против которых выставлялись солдаты кайзера (сложенные в несколько раз листы бумаги разрезались по контуру, а после раскрашивались). В ход шли также военно-морские и сухопутные военные игры, связанные с передвижением фигур по квадратам. Это увлечение было данью войне 1914–1915 года. Страсть к картонажным баталиям прошла, когда семья попала в котел Гражданской войны 1918 года. Пройдя тяжелые испытания и оказавшись в эмиграции, отец с сыном стали избегать занятий с военными играми: «мы уже насмотрелись настоящей войны и никакого интереса к ней не испытывали» [Андреев, 2008. С. 141].

В революционной России традиционные военные игры на картонажных полях переделывались согласно уставу РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия). Активно разрабатывались новые типы военных игр, по которым подростки, призывники и красноармейцы осваивали азы военного дела. Принципиальным отличием советских военных игр от изданий предыдущей эпохи было соединение военно-топографических знаний с политграмотой и идеологической риторикой.

Источники и литература

Андреев Н. Е. То, что вспоминается. СПб.: Дм. Буланин, 2008. 141 с.

Арсеньев А. В. Славное Севастопольское сиденье: Чтение для войск и народа. Чит. в С.-Петербурге, в аудитории Соляного городка, в Москве, в нар. читальнях Комиссии по устройству нар. чтений. М.: Тип. А. Торлецкого, 1878.

Войт В. Морская игра. СПб.: Тип. Морского кадет. корпуса, 1846. С. 13.

Воспоминания и впечатления: Очерк деятельности наших моряков В. Войта. СПб.: Общественная польза, 1887.

Детский павильон: Книжка, содержащая в себе черты из русской истории, разные повести, разговоры, анекдоты, стихотворения, сказочки и проч., сост. на 1826 год Б. Федоровым. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1836.

Игра, непериодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Издание театр. отдела нар. комиссариата по просвещению. 1918. № 3. С. 19.

Игрушечное дело. 1911. № 2. С. 18.

Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. С. 102.

Линдер И. М. Первые русские мастера. М.: Физкультура и спорт, 1979. 12 с.

Осада Севастополя, или Таковы русские. Доблестно-геройская кончина вице-адмирала Корнилова. М.: Тип. А. Семена, 1855. 3 с.

Отдых в пользу, или Собрание занимательных картин. Посвящается малолетним детям / Пер. с франц. М.: Тип. М. Пономарева, 1827. 5 с.

Пантелеев Л. Избранное. Л.: Детлит, 1978. 550 с.

Путеводитель к истинному человеческому счастию, или Опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению оного. Ч. 1–3. Иждивением Н. Новикова. М.: Университет. тип., 1784. Ч. 3. С. 114–115.

Рейсвиц. Руководство к изображению военных событий. Берлин, 1824.

Руководство к военной игре / Сост. А. Кузминский, гвардейского генерального штаба капитан. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. С. 11–12.

Русские письма. Сельские упражнения старого служивого // Глинка С. Русские исторические и нравоучительные повести: в 3-х ч. Ч. 3. М.: Университет. тип., 1820. С. 13–73.

Саргин Д. И. Древность игр в шашки и шахматы. М.: Тип. И. И. Иванова, 1915. 298 с.

Соколовский М. Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений как повременное издание. 1836–1863. Историко-библиограф. очерк. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1904. 68 с.

Станкевич А. Военная игра // Военный сборник. 1862. Т. 26. № 7.

Толль Ф. Наша детская литература. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. 151 с.

Харузина В. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Что и как читать детям. 1912–1913. С. 16–17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Костюхина Марина Сергеевна
доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка
РГПУ им. А. И. Герцена, к. фил. н.
наб. р. Мойки 48, Санкт-Петербург, Россия,
эл. почта: eakost@yandex.ru
тел.: 89217661662

Kostyukhina, Marina
Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: eakost@yandex.ru
tel.: 89217661662

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 68–73

УДК 343.81594(47).083

РЕМЕСЛЕННОЕ УЧЕНИЧЕСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДИСКУРС ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

И. В. Синова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье отражены основные аспекты повседневной жизни учеников ремесленных мастерских Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в., к которым относятся условия быта, питание, проведение свободного от работы времени. Показано, что действия и поступки, а также образ жизни и досуг учащихся были зависимы от хозяев. Обращается внимание на место и роль Ремесленной Управы, городских органов власти в регламентации и упорядочении как в целом ученичества, так и повседневной жизни учеников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Устав о ремесленной промышленности, повседневная жизнь, ремесленные мастерские, Ремесленная Управа, съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, Императорское Человеколюбивое общество, общества охраны детей.

I. V. Sinova. EVERYDAY LIFE OF PUPILS OF CRAFTS WORKSHOPS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

The article describes the basic aspects of the daily life, of crafts workshop students in the second half of the 19th – early 20th centuries, including the living conditions, meals, leisure time. We also analyze the interconnection between the life styles of students and the craftsman. Attention is paid to the role of the Crafts Council and municipal governments in the regulation of daily life.

K e y w o r d s : Statute of the crafts industry, daily life, craft workshops, Crafts Board, artisan, Congress of Russian Technical and Vocational Education Actors, Imperial Philanthropic Society, Child Protection Society.

Во второй половине XIX века в России значительно увеличилось число ремесленных заведений. Каждую осень в Санкт-Петербург привозили сотни детей для продажи за несколько рублей в ремесленные мастерские. Хозяева приобретали учеников как дешевую рабочую силу и взамен должны были их кормить, одевать и учить. Массовый приток учеников в Санкт-Петербург происходил из Олонецкой и Архангельской губерний, и с ним все острее вставали социальные вопросы защиты и охраны детского труда, реорганизации ученичества.

На втором съезде по ремесленной промышленности, проходившем в 1911 году, говорилось, что «в жизни ремесленного ученичества занимает важное место вопрос о квартирах для учеников, об их одежде, пропитании и о надзоре за ними в свободное от работы время» [Труды второго Всероссийского съез-

да..., 1911. С. 171]. Именно эти аспекты и составляли основу повседневной жизни учеников ремесленных мастерских.

Вопросы состояния ремесленного ученичества, нарушений в сфере труда и быта, жестокого обращения с подростками нашли широкое отражение в публикациях, вышедших до 1917 года [Анопов, 1889; Дембо, 1900, 1901; Ремесленные училища, 1909]. В советской историографии исследование ремесленного образования в царской России ограничивалось в основном рамками истории школы и педагогики [Веселов, 1955]. В постсоветский период произошло продвижение в изучении вопросов ремесленного ученичества на материалах различных регионов [Еналеева, 1993; Илюха, 2000, 2004; Кружкова, Колобков, 2001; Синова, 2010, 2012]. Концептуальный подход при анализе мировых традиций ремесленного ученичества в древности характерен для работы В. Г. Безрогова [Безрогов, 2008].

Источниками сведений для анализа повседневной жизни учеников ремесленных мастерских во второй половине XIX – начале XX в. стали документы фондов Ремесленной Управы (Ф. 223), Прокурора Петроградского окружного суда (Ф. 487) и Санитарной комиссии (Ф. 210) Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), исследования, изданные до 1917 года, отчеты государственных, общественных организаций и всероссийских съездов. Особую ценность представляют материалы периодической печати, в связи с тем, что описание повседневности опиралось на объективную реальность и в работах современников сохранились наблюдения, связанные с социокультурным обликом ребенка.

В соответствии с Уставом о ремесленной промышленности между родителями и хозяевами мастерских заключались контракты, в которых указывались условия проживания, количество и качество пищи и одежды, которыми мастер должен снабжать ученика. В обязательствах мастера портного цеха Матвея Никанова говорилось: «обязуюсь содержать ученика… на своем иждивении, как то: снабжать его столовою пищею, мытьем белья и байнию и в случае болезни отправлять его для излечения в больницу» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 3335, л. 10]. Но данные обязательства часто нарушались, и об этом свидетельствуют многочисленные жалобы в Ремесленную Управу. В одной из них было сказано, что хозяин «не дает сыну, согласно контракта, никакой одежды» [ЦГИА СПб, ф. 223. оп. 1, д. 3420, л. 1]. В другой написано, что «ученики лишены приличной одежды и после работы отдыхают, валяясь на грязном полу» [ЦГИА СПб, ф. 210, оп. 1, д. 393, л. 8], а в башмачной мастерской «спят все на деревянных нарах, узких, меньше установленного размера, без индивидуальных перегородок, постельное белье грязное» [ЦГИА СПб, ф. 210, оп. 1, д. 393, л. 9].

В ответ на жалобы хозяева передавали в Управу подписки с обязательствами по отношению к ученикам: «1. Пищу готовить в пропорциональном размере дома, а не выдавать им на руки деньгами; 2. Одевать в должном порядке; 3. В баню отпускать под присмотром подмастерья еженедельно по субботам после рабочих часов и держать их в чистоте и опрятности; 4. Иметь отдельное для спанья помещение с надлежащим количеством кроватей и постельными принадлежностями; …6. В воскресные и праздничные дни учеников православного вероисповедания освобождать от всяких работ и не препятствовать совершению ими обрядов православной церкви» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5269, л. 76].

Бытовые условия жизни учеников были неудовлетворительными в большинстве мастерских. По информации Главного инспектора малолетних рабочих, «неудовлетворительность санитарной обстановки наносила сильный ущерб здоровью работающих детей и препятствовала малолетним получать сообразное с их возрастом образование» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5013, л. 2]. Согласно данным комиссии по надзору за положением малолетних работников и работниц в торгово-промышленных и ремесленных заведениях Санкт-Петербурга, созданной в 1896 году, «в большинстве мастерских пища малолетних частью недостаточна, а частью неудовлетворительна по качеству. Для ночлега редко где можно встретить надлежащие приспособления; есть целый ряд ремесленных заведений, где дети спят прямо на верстаках или на полу в том же помещении, в котором в течение дня производится работа. Всюду мало и воздуха, и света. Дети посылаются на далекие расстояния с непосильной ношей в холод и слякоть, в плохой одежде и обуви» [Труды I Всероссийского съезда, 1911. С. 105].

Педагог К. Д. Ушинский в конце XIX века следующим образом описал внешний вид учеников, который в определенной степени характеризует их повседневную жизнь: «бледные, худые, перепачканные мальчуганы, которых народ прозвал халатниками, вероятно потому, что синий полосатый халат, один и тот же летом и зимой, составлял почти весь костюм, дополняемый слабыми признаками рубахи и парою недоношенных калош на босу ногу…» [Ушинский, 2005. С. 116–117].

В соответствии с Уставом о промышленности и обязательными постановлениями по санитарной части в ремесленных мастерских должны быть оборудованы отдельные помещения для сна с индивидуальными спальными местами и определенным объемом воздуха для каждого проживающего. Но эти правила повсеместно нарушались. Иногда мастера арендовали специально для учеников комнаты. В марте 1897 года на совещании при санкт-петербургском градоначальнике обсуждался вопрос «относительно допущения жилья в мастерских» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5276, л. 1]. Мнения старост ремесленных цехов различались. Мастера столярного цеха написали прошение в Ремесленную Управу с просьбой «о ходатайстве перед градоначальником разрешить ночевать ученикам и подмастерьям в помещении мастерской» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5276, л. 2]. Аналогичного мнения придерживались и живописно-малярный, обойно-волосяной, кожевенно-сапожный, серебряный, слесарно-кузнечный цеха, а «староста кондитерско-булочного цеха заявил, что их цех не может разрешить спать в мастерской, т. к. там приготовляют пищу» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5276, л. 3]. При этом уже сам факт совмещения проживания и производства свидетельствовал об отсутствии полноценных бытовых условий и о стремлении мастеров сэкономить средства на учениках и подмастерьях.

На заседании общества охранения народного здравия врач Г. И. Дембо поднял вопрос о содержании ремесленных учеников: «Несмотря на то, что они принимаются якобы на всем готовом, они терпят страшную нужду, спят на полу, одеты в грязные лохмотья, дома ходят босиком, а для выхода существуют хозяйские опорки или изорванные галоши, служащие обувью для всех выходящих...» [Дембо, 1901. С. 4].

В фонде прокурора Петроградского окружного суда содержатся документы, связанные с разбирательством в 1867 году жалобы двух учеников ремесленной мастерской, которые обратились в Управление 2-го участка Московской части в связи с тем, что столярный мастер, у которого они находились в учении по контракту, «выгнал их вон из мастерской и не дает им ночлега; рассердился же он на них за то, что они требовали, чтобы он дал им теплую одежду, т. к. у него для четырех учеников имеются для выхода только два ветхих полушубка и один поношенный армяк» [ЦГИА СПб, ф. 487, оп. 1, д. 620, л. 3]. В результате расследования мастера обязали приобрести одежду для каждого своего ученика.

В журнале «Вестник Европы» приводится рассказ мальчика о том, что его «кормят в мастерской объедками, остающимися от подмастерьев; мяса же и кусочка не съел в течение двух месяцев» [Никитин, 1874. С. 390]. На 2-м съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию отмечали: «Если и в прежние времена питание учеников было не особенно завидным, то теперь оно стало вдвое хуже... хозяева кормят их в такой степени, лишь бы они не болели от голода и могли работать в мастерской.

Так же неудовлетворительно содержание учеников и в остальных отношениях. Белье, одежда и обувь находится на них в самом дурном виде, который мы можем постоянно наблюдать при появлении ученика на улице, а постелей ученики почти не имеют вовсе и валяются на голых досках и т. п., подостлав себе под бок какое-нибудь тряпье, наполненное миириадами насекомых. Для свежего человека одна проведенная ночь в подобной постели равнялась бы настоящей пытке, а ученики имеют в ней единственный отдых во время своего многострадального существования. Прибавьте еще к этому антисанитарное состояние наших подвальных мастерских, и вы легко составите себе приблизительное понятие о мучительных терзаниях самого безотрадного детства и отрочества ремесленных учеников» [2-й съезд..., 1898. С. 72–73].

В рапорте старосты портного цеха в Санкт-Петербургскую Ремесленную Управу по расследованию жалобы матери ученика на мастера говорится, что «при осмотре же мною постельных принадлежностей, – таковых ни у одного ученика не имеется, а спят они коекак на верстаках» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 3375, л. 43]. В 1896 году в ремесленных заведениях по распоряжению градоначальника генерал-майора Н. В. Клейгельса были вывешены правила, содержавшие положения об условиях жизни: «Для ночлега рабочих и учеников иметь особые помещения с кроватями или нарами... Помещения мастерских надлежаще вентилировать, содержать опрятно и в должных гигиенических условиях; в полной же и постоянной опрятности содержать белье и постельные принадлежности рабочих» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5351, л. 3]. Но эти правила на практике мало где выполнялись.

Неудовлетворительное содержание учеников и отсутствие отдельных спальных мест приводило даже к заражению учеников инфекционными болезнями. Об этом свидетельствует прошение в Ремесленную Управу от

15-летнего ученика Михаила Прокофьева: «По воле моего родителя – отца, отдан им я по контракту в учение с марта месяца 1863 г. на 4 года к временно С-Петербургского Сапожного Цеха мастеру Василию Иванову Бухареву, у которого от спания на одной постели с подмастерьем (отправленным в больницу), одержимым сифилитическою болезнью, и я заражен с марта месяца сего 1864 года, не смотря на болезненное мое состояние г. хозяин Бухарев не принял надлежащих мер к пользованию меня и под разными предлогами с того времени в больницу не отправил ради своих работ, а потому нарушил правила Ремесленных Уставов и контрактного условия с моим родителем-отцом, воле которого я всегда был благопокорливый сын, ныне питая к г. хозяину не доверие за учиненное им мне увечье, чувствую, что ремесло сапожника мне не доставит обеспечения в будущем как не согласное с моим желанием. По сему прилагаю медицинское свидетельство с копиею, покорнейше прошу сделать зависящее распоряжение об уничтожении контракта, заключенного не мною, против моего желания – не согласного учиться сапожному ремеслу; и об освидетельствовании болезненного моего состояния чрез медицинский физикат; за увечье какому я по вине моего хозяина подвергнут, в случае неизлечения меня от зараженной болезни подвергнуть законной ответственности и самое лечение произвести за его счет. Октября 6 дня 1864 года» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 3335, л. 124]. В деле имеется также свидетельство с сургучной печатью и подписью штаб-лекаря от 4 октября 1864 года: «Михаил Прокофьев, 15 лет, с 23 марта и по настоящее время одержим худосочною болезнью сыпью венерического свойства… требующая надлежащего употребления медицинских средств; Каковая болезнь при расслабленном состоянии тела лишает его возможности выходить из квартиры» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 3335, л. 125]. В архивном деле отсутствуют документы о дальнейшей судьбе мальчика, которая вызывает не только жалость и сочувствие, но и возмущение всей системой ремесленного ученичества, в которой были возможны такие факты, являвшиеся отнюдь не единичными. Но усилий государства, общественных и благотворительных организаций было недостаточно для их преодоления.

В марте 1900 года на Всероссийском съезде по ремесленной промышленности в Санкт-Петербурге обсуждались проблемы ремесленного ученичества, и в частности вопрос о бытовых условиях жизни учеников.

Председатель общества охраны детей В. Н. Герард в выступлении на съезде заявил, что «вопрос о ремесленном ученичестве – одно из самых больных мест нашей ремесленной промышленности, и чем далее мы идем, тем он делается больнее и больнее. За редкими счастливыми исключениями мы видим везде одну картину: хозяин-ремесленник недоволен своим учеником, ученик ропщет на своего хозяина. Больные места ремесленного ученичества настолько обострились, что стали интересовать не одних ремесленников, но и многих общественных деятелей, не принадлежащих к ремесленному обществу… Разумные хозяева-мастера знают отлично, что чем образованнее, чем развитее его ученик, тем лучших результатов он может ожидать от него… » [Отчет…, 1900. С. 7–8].

Крестьянка Василиса Поливина обратилась в Санкт-Петербургскую Ремесленную Управу с жалобой на столярного мастера, сообщив, что у него «находится по контракту ее родной сын, которому не дает сыну согласно контракта никакой одежды и поэтому она просит заставить мастера снабдить ее сына приличною одеждой… в противном же случае просит о нарушении контракта» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 3420, л. 1]. После этого мастеру было предписано содержать ученика как следует, а председатель Управы вынес резолюцию на заявлении, согласно которой в течение месяца следовало провести надлежащее дознание и доложить о результатах.

В журнале «Вестник благотворительности» за 1901 год иеромонах Михаил рассказывал, что в одном доме с ним жили ученик, мастер и собаки мастера: «Собакам жилось много лучше ученика, лучше и сытнее. Я сам видел, что ученик с завистью смотрел, как собаки доедают остатки обеда, и один раз, голодный, даже попытался своровать что-то у собак. За это преступление хозяин на сутки привязал ученика к ножкам стола и бил до потери сознания» [Иеромонах Михаил, 1901. С. 17].

На заседании секции ремесленного ученичества в мастерских 2-го съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию отмечали, что «в настоящее время не многие дети знают, что такое радости, веселье, резвость, наслаждение: не многие живут действительно по-детски… Не многие умеют играть, как играли в старину. «Наши дети не имеют времени быть детьми»: они должны работать, и… многие учащиеся до того устают, переутомляются от умственного труда, что не только теряют аппетит, но даже теряют сон – «отвыкают от сна»… [2-й съезд…, 1898. С. 128].

Ученики практически не имели свободного времени, которым могли бы самостоятельно распоряжаться, зато хозяева пытались активно влиять на них даже в этом. Один из мастеров отмечал, что «детей портит не столько улица, сколько такие издания, как приключения Шерлока Холмса, Ната Пинкертона и т. п. ...В мастерской был случай, когда ее хотел обокрасть ученик, начитавшийся именно таких книжек. Нужно, чтоб воспретили подобные книжки. Детей же нужно воспитывать спортом и шведской гимнастикой. Тогда они будут здоровы и душой и телом» [Труды второго Всероссийского съезда..., 1911. С. 170]. Но и спорт и шведская гимнастика оставались только на словах.

Полноценный досуг учеников ремесленных мастерских из-за отсутствия возможностей и условий часто заменяло пьянство. Поэтому положение учеников-мальчиков было еще хуже, чем девочек, там «к деморализующим стимулам присоединяется еще вино, омрачающее его ум, и повсечасные тычки и колотушки, убивающие в его юной душе мельчайшие инстинкты добра и справедливости» [Труды второго Всероссийского съезда..., 1911. С. 177]. Нравственную картину мастерских наблюдал юрист Д. А. Дриль, служивший податным инспектором и вспоминавший, что «есть ремесленные заведения, в которых по целым неделям царит огульное пьянство до озверения: пьет сам хозяин, пьют поголовно все мастера и, глядя на них, развращаются и ученики...» [Дриль, 1889. С. 98]. На заседании Русского общества охранения народного здравия в апреле 1900 года Г. И. Дембо отмечал, что «мальчики-ученики пьют, отчасти подражая старшим под влиянием окружающей кабацкой обстановки, отчасти с благословения и поощрения старших, подмастерья пьют, потому что в их тяжелом положении, как они говорят, нельзя не пить, а главным образом, потому, что они приучились к этому, будучи в мальчиках; хозяева-мастера пьют потому, что они привыкли к водке за время своей подневольной жизни» [Дембо, 1901. С. 13].

Но были мастерские, хозяева которых обращались за помощью в Ремесленную Управу или к полицейским приставам в случае употребления алкоголя учениками. В одном из рапортов говорилось, что «находящийся у меня ученик по контракту крестьянский мальчик Василий Андриянов 8 числа сего месяца в 10 утра в пьяном виде позволил себе совершить буйственные поступки» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 3335, л. 227].

Деятельность Ремесленной Управы, а соответственно, и ремесленных мастерских регламентировалась и контролировалась петербургским градоначальником. Одновременно на основании примечания к ст. 115 Ремесленного Устава «надзор за положением учеников в ремесленных заведениях г. Санкт-Петербурга был возложен на попечителей о бедных Императорского Человеколюбивого общества, с тем, чтобы лица сии, о всяком обнаруженном ими случае нарушения мастерами установленных законом в отношении содержания учеников правил, доводили до сведения градоначальника для принятия мер ко взысканию с виновных» [Обнинский, 1900. С. 296]. Помощь ученикам оказывало также созданное в 1900 году в Петербурге попечительство о малолетних, живущих личным трудом, содержавшее три общежития, рассчитанных на 145 малолетних, которых, естественно, не хватало для столицы [Труды второго Всероссийского съезда..., 1911. С. 171].

Ремесленный съезд признал необходимым с целью упорядочения ученичества в мастерских учреждение особого института ремесленной инспекции для надзора за исполнением Ремесленного Устава и правил, а также разбор возникающих между мастерами и учениками споров и взаимных жалоб. Были приняты также решения, согласно которым «если мастер будет изобличен... в том, что он не дает им достаточного отдыха и пищи, а равно если мастер занимает учеников более домашнею, нежели относящейся к его мастерству работою, то первый раз он за сие подвергается денежному взысканию от 10 до 50 рублей; при вторичном изобличении в том же проступке денежному взысканию и от него забираются сие ученики с запрещением ему иметь их в течение года; в третий раз тому же денежному взысканию в высшей мере и он навсегда лишается права держать учеников. В случае нарушения сего запрещения виновный приговаривается к аресту на время от трех недель до трех месяцев» [ЦГИА СПб, ф. 223, оп. 1, д. 5238, л. 22].

Документы архивов и материалы периодической печати свидетельствуют о многочисленных нарушениях контрактов об обучении учеников в ремесленных мастерских, их униженном положении, виктимизации, неудовлетворительных условиях быта, питания и одежды, об отсутствии полноценного, содержательного отдыха. Повседневная жизнь учеников была связана с отсутствием свободы в действиях и поступках, строго регламентирована и находилась в зависимости как от хозяев, так и от городской власти, общественных и благотворительных организаций.

Источники и литература

Анопов И. А. Опыт систематического обзора материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования России. СПб., 1889. 69 с.

Безрогов В. Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 459 с.

Веселов А. Н. Низшее профессионально-техническое образование в России: Очерк по истории профессионально-технического образования в дореволюционной России. М., 1955. 97 с.

2-й съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России 1895–96. XIV секция – ремесленного ученичества в мастерских. СПб.: «Владимирская» Паровая типо-лит. Мордуховскаго, 1898. 183 с.

Дембо Г. И. Вопросы охранения здоровья малолетних ремесленников. Сообщение IV Отделению Русского общества охранения народного здравия. 28 апреля 1900 г. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1901. 23 с.

Дембо Г. И. Пьянство среди малолетних ремесленников. СПб., 1900. 26 с.

Дриль Д. А. О ремесленных мастерских // Юридический вестн. 1889. № 5. С. 97–106.

Еналеева Н. И. Детский труд, ученичество и образование детей-рабочих в России конца XIX – начала XX века. Автореф. дис. … канд. пед. наук. Н. Новгород, 1993. 19 с.

Иеромонах Михаил. Обиженные дети // Вестн. благотворительности. 1901. № 7–8. С. 15–33.

Илюха О. П. Обучение ремеслу в школе в начале XX века // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Межд. науч. конф.«Рябининские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 346–356.

Илюха О. П. «Котя, котя, продай дитя…» [Детская трудовая миграция в Карелии в конце XIX – начале XX в.] // Родина. 2004. № 11. С. 79–82.

Кружкова Т. И., Колобков И. А. Подготовка кадров для малого бизнеса в ремесленных учебных заведениях Урала (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2001. 102 с.

Никитин В. Дети-преступники и их судьба // Вестн. Европы.1874. № 1. С. 379–392.

Рябов В. М. Становление и развитие отечественного профессионального образования // Вест. Брянского гос. тех. ун-та. 2006. № 1 (9). С. 129–135.

Синова И. В. «Ремесло не коромысло – плеч не отдавит» // Родина. 2010. Спецвыпуск. С. 53–56.

Синова И. В. «…Следить за добрыми и отеческими отношениями мастеров к своим ученикам…» Документы о ремесленном ученичестве на рубеже XIX–XX вв. в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга // Отечественные архивы, 2012, № 6. С. 76–92.

Обнинский П. Н. О правовой защите детей. II съезд русской группы международного союза криминалистов // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 1. С. 296.

Отчет по Всероссийскому съезду по ремесленной промышленности в СПб с 14 по 20 марта 1900 г. СПб., 1900. 214 с.

Ремесленные училища. Школы ремесленных учеников. СПб., 1909. 148 с.

Труды второго Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в СПб 1911 г. СПб.: Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1911. 293 с.

Труды I Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщин и его причинами, происходившего в СПб с 21 по 25 апреля 1910 г. СПб., 1911. 284–295 с.

Ушинский К. Д. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М., 2005. 287 с.

Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (в тексте – ЦГИА СПб).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Синова Ирина Владимировна
доцент кафедры истории и политологии, к. и. н.
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: s-irina@yandex.ru
тел.: +79112503203

Sinova, Irina
Saint-Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya st., Saint-Petersburg, Russia
e-mail: s-irina@yandex.ru
tel.: +79112503203

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 74–81

УДК 821.511.111

ГАРМОНИЯ ТРАГИЧЕСКОГО В ПОЭЗИИ УУНО КАЙЛАСА*

Е. Г. Сойни

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена выдающемуся финскому лирику Ууно Кайласу, в творчестве которого исторические темы, трагическое мироощущение соединяются с тонкими поэтическими интонациями, экспрессионистские идеи – с классическим стихосложением. В статье показана многогранность его творчества, приводятся доводы, что клеймо реакционера не соответствует лирике Кайласа, его пониманию истории и вере в назначение поэзии.

Ключевые слова: поэзия Финляндии XX века, историческое и иррациональное, направление пламеносцев, декламации военного времени, экспрессионизм.

H. G. Soini. THE HARMONY OF THE TRAGIC IN UUNO KAILAS' POETRY

The article is devoted to the famous Finnish lyric poet Uuno Kailas. Historical themes, the tragic worldview in his works are combined with subtle poetic notes. Kailas is known as a "reactionary", but we prove that the label of a "reactionary" does not go with Kailas' lyrics, his understanding of the history and his faith in the purpose of poetry.

Key words: 20th century Finnish poetry, the historical and the irrational, the Torch-bearers, wartime recitations, modernism.

Наряду с Эйно Лейно и Катри Вала выдающийся финский лирик Ууно Кайлас (Uuno Kailas Salonen, 1901–1933) является бесспорным кумиром современных поэтов Финляндии. Матти Кууси принадлежит известная фраза: «Кайлас гениален, бессмертен, мы боготворим его» [Lilja, 1972. S. 127]. Однако в России имя Ууно Кайласа практически неизвестно.

Эйно Генрихович Карху в исследованиях о финской лирике объяснял, что не хотел бы посвящать ряду поэтов отдельные главы, в том числе и Ууно Кайласу, по идеологическим соображениям. Однако именно Эйно Генрихович обратил наше внимание на «реакционера» финской литературы, считая, что Кайлас – один из драгоценных камней в сокровищнице литературы Финляндии; в его лирике, на взгляд ученого, «можно найти сильные стихотворения, в которых впечатляюще выражена и глубина отчаяния, и жажда надежды» [Карху, 1984. С. 19].

Знакомство с работами финских литературоведов и критиков о творчестве Кайласа подтверждает большую популярность поэта среди соотечественников. Кайласу посвятили свои исследования Енни Лилья (Jenny Lilja), Каарло Марьянен (Kaarlo Marjanen), Лаури Вильянен (Lauri Viljanen), Мауну Нийнистё (Maunu Niinistö), Пекка Лоунела (Pekka Lounela), Кай Лайтинен (Kaj Laitinen) и многие другие. Наряду с ценными наблюдениями и тонким анализом кайласовской лирики исследователи, к нашему удивлению, основное внимание уделяли тому, что

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по проекту «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века».

стояло «за» стихами. А то, что «за» стихами могло удовлетворить любой нездоровый интерес: тут и психические отклонения, и трагедии в личной жизни, и туберкулез в неизлечимой форме. Словом, читай и толкуй, какая строка каким недугом вдохновлена. Но финское литературоведение дружно отвернулось от Кайласа как от поэта, в лирике которого можно услышать голоса голодных, увидеть труд пахаря, ощутить жажду жизни. Такое впечатление, что образ всеми обожаемого после Эйно Лейно Кайласа было необходимо представить как поэта смерти, певца всего потустороннего, ненормального, болезненного. И основания для этого были.

Мать поэта умерла, когда Кайласу было всего три года, и мальчик воспитывался у бабушки с дедушкой в строго религиозном духе. Он получил представление о человеческой жизни как о предопределенной свыше и зависимой от Божьего промысла. Но мальчика удручало, что Библия, которую читала ему бабушка, была черного цвета. Увлеченный живописью, очень чувствительный к цвету и его нюансам, поэт воспринимал религию в темных оттенках. Ему хотелось бросить вызов мирозданию, быть мужчиной под стать Илерми из одноименной баллады Эйно Лейно. В 1919 году реализовать этот замысел было легко.

Кайлас уговорил своего школьного друга Бруно Шильдта отправиться в поход на Олонец. Бруно погиб, а молодой поэт всю жизнь считал себя виновным в его смерти. Кайлас демобилизовался и никогда не вспоминал об этом походе. Но диалектика смерти и жизни стала основной темой его лирики, а фатальность войны представала в его поэзии бесчеловечной и греховной. По верному наблюдению Енни Лилья, Кайлас оказался в «тисках между двумя мировоззрениями: христианским с верой в управляющего всем Бога и ницшеанским, утверждающим, что «Бог умер» [Lilja, 1972. S. 68]. Кайлас был одним из последовательных финских экспрессионистов, входил в двуязычный литературный союз «Ультра» вместе с Эдит Седергран и Эльмером Диктониусом, участвовал во всех начинаниях направления «Туленкантаят» (tulenkantajat, пламеносцев).

В направление пламеносцев входили также молодые писатели Финляндии: Эркки Вала, Элина Ваара, П. Мустапяя, Арви Кивимаа, Илмари Пимия, Юрьё Юльхя, Онни Халла и Мика Валтари. Это направление возникло в 1919 году и сразу же обратило на себя внимание. «В нашей литературе зарождается что-то новое, – писала Катри Вала в 1922 году, – это вызовет бурю, как в свое время произведения Киви. Молодежь поднимается, молодежь поднимается!» [Vala, 1922].

Финские огнепоклонники начали якобы с разрушения всех традиций: ломки классического стихосложения, ниспровержения предшествующей эстетики, отречения от действительности. Себе в наследство от былых эпох они оставили единственное – жизнь и с ликованием стали почитать ее во всех проявлениях. Первый номер альманаха «Туленкантаят», название которого дало имя группе, вышел в 1924 году. Альманах начинался стихотворением Ууно Кайласа «Мы»:

Me, tomun tomu, saimme elämän.
Suin, sieraimin ja silmin yhä juomme sitä
[Kailas, 1924. S. 7].

Мы, прах из праха, унаследовали жизнь.
Ртом, ноздрями, глазами мы пьем
и пьем ее...

Пламеносцы принадлежали к поколению, перенесшему ужасы Первой мировой войны и разгром рабочей революции. «Но хотя первые поэты независимой Финляндии переживали муки войны, бедность, уродство времени, в котором происходило их становление, – писал Л. Вильянен, – все же эти молодые люди выросли в атмосфере высокой эстетики. Они были очарованы красотой позднего творчества Лейно ... их увлекала идея, что все, что было злом, осталось позади, и таким образом можно по-настоящему начать строительство Афин красоты» [Ahokas, 1973. P. 294]. Своеобразным протестом против крайних форм национализма, разгула реакции было обращение пламеносцев к общеевропейской и русской культуре, стремление к наднациональному. «Молодые поэты даже не употребляют слово “национальность”, – характеризовал творчество пламеносцев критик Эркки Вала, – слово “Финляндия” – редко» [Vala, 1927. S. 13]. Направление пламеносцев распалось в 1932 году, одноименный журнал, издававшийся в 1932–1939 годах, объединял уже других, радикально настроенных левых писателей, входивших в объединение «Кийла» («Клин»). Наибольшую известность среди кийловцев получили Элви Синерво, Арво Туртиайннен, Вильо Каява, Раоуль Пальмгрен.

В формировании художественных позиций пламеносцев 20-х годов большую роль сыграл экспрессионизм. «Пламеносцы были финской разновидностью экспрессионизма», – считает видный исследователь финской литературы профессор К. Лайтинен [Laitinen, 1981. S. 395]. Излюбленные экспрессионистские темы всеобщего братства, всеобщего страдания и вины прослеживаются во всех сборниках Ууно Кайласа. Пред-

ставителем финского экспрессионизма называл Кайласа и Эйно Карху, находя в творчестве поэта «бунтарство и мольбу, нервную страсть и кровоточащую боль» [Карху, 1984. С. 19]. Но среди пламеносцев Кайлас резко выделялся. Уникальность Кайласа была в слиянии экспрессионистских идей с традиционной классической поэзией. Ему было необходимо соединить импульс, крик, возвание с классическим стилем стихосложения, нервную напряженность с ясной простой строкой.

По мнению Каарло Марьянена, главным для Кайласа было призвание поэта, а не сама жизнь. «Как художник он чувствовал, что противоречия полезны для него и необходимы, он жил ими и пытался избавиться от них только с помощью формы. Такой победы было для него достаточно. Он оберегал свою боль, свою особенность, как скупец оберегает собственность. Он не хотел терять ничего из того, чем оперировал. Он согласен был быть даже больным, если бы болезнь давала горючее для творческой работы, и он готов был на страдания, если бы они открывали какую-нибудь подходящую перспективу. Кайлас испытывал свою жизнь безбожно и отчаянно ради поэзии, он был одним из самых фанатичных художников, какие только могут существовать» [Marjanen, 1958. S. 157].

Противоречия в кайласовской поэзии приводили к сражениям, в которых не было победителя. Вечная ничья, амбивалентное сознание, биполярность суждений – источники вдохновения «я» поэта.

Высокие идеалы соединялись с «дурной» личной жизнью, христианское воспитание – с ницшеанским скепсисом, грубая действительность – с погружением в космическую ирреальность. Два «я» поэта – современного взвинченного человека и древнего псаломщика – соединяясь, приводили к блестящим поэтическим результатам.

Кайлас – автор пяти сборников: «Ветер и колос» («Tuuli ja tähkä») 1922, «Мореплаватели» («Purjehtijat») 1925, «С глазу на глаз» («Silmistä silmään») 1926, «Босыми ногами» («Paljain jaloin») 1928 и «Сон и смерть» («Uni ja kuolema») 1931.

В первом сборнике, еще не богатом образами, Кайлас говорит о самой высокой цели человеческой жизни: сотворении. Сама по себе жизнь не имеет большого значения, и личность как таковая ничтожна. Но творение, то, что остается от работы поэта, – ценно. Во всяком искусстве заключена мелодия победы.

Ylpeä laulajan arpa:
siunaten laulua, lastaan,
astua otsin korkein
unhoitustansa vastaan.
«Finaali» [Kailas U., 1966. S. 27] [1].

Гордая участь певца:
благословляя дитя свое –
песнь,
идти навстречу забвению
с поднятой высоко головой.
«Финал»

Второй сборник «Мореплаватели» – знаковый в творчестве поэта.

Год 1925 – год появления сборника «Мореплаватели» – оказался переходным временем в жизни взрослого Кайласа, и последствия его наиболее ясно видны в сборнике «С глазу на глаз». В этот год он окончил службу в армии и серьезно заболел. Но вылечился во французских санаториях. Надо отметить, что Кайлас был помолвлен и собирался жениться, но разорвал помолвку и окончательно занял отрицательную позицию по отношению к общепринятому образу жизни. И интуитивно, и сознательно был сделан выбор в пользу поэтического призвания. Этот «период комнатной птицы» – если использовать выражение Юхани Силье – отражается скорее косвенно, чем прямо в лирике Кайласа. Несмотря на видимое выворачивание души наизнанку, душевное «самокопание», некоторые личные щекотливые вопросы поэт тщательно замаскировал в своих стихотворениях. В сборнике нет ничего ненормального. Стихи, опубликованные в нем, написаны уже пером экспрессиониста. В то же время последующие поколения увидели в авторе поэта – выразителя ангста (angst), экзистенционального чувства небытия. «Мореплаватели» – одно из самых известных стихотворений сборника, давшее название всей книге.

On syvyys allamme kuin lohikäärmeen suu,
kuin syli Atlantin – me vajoamme.
Niin kiiluu alta pilvipäärmeen kuu
kuin silmä paholaisen – voittajamme.

Ja voimamme kuin masto katkeaa.
Jo kirves kauan vartoi juurellamme.
Lyö salama. Ja taivas ratkeaa.
Me tyhjin silmin sitä tuijotamme.

Kas, elonlaivan purjehtijat hullut on;
lie helle syönyt pään ja tunnon heistä.
Ja liha juopuneeksi tullut on.
Ihanne putoaa kuin suomus meistä.

[1] В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте. В скобках указываются страницы. Подстрочные переводы стихотворений У. Кайласа выполнены автором статьи. Поэтические переводы в каждом случае оговариваются особо.

Ja pelastummepa tai hukumme,
me emme koskaan näe kotirantaa.
Ei meitä Kuolonmaassa tunne sukumme,
kun aavelaiva meidät sinne kantaa.
«Purjehtijat». S. 51

Как пасть дракона – глубина все круче,
В объятиях Атлантики корвет.
Поблескивает месяц из-за тучи –
Так смотрит дьявол,
Победивший свет.

Трещат, как мачты, мускулы и нервы –
Для каждого давно готов топор.
И к молнией расколотому небу
Направлен наш опустошенный взор.

Зной выжег мозг, и мясо пьяным стало,
Безумцы – мореплаватели. С нас
Как чешуя спадают идеалы,
Нам все равно, когда наш судный час.

Спасемся или сгинем в толще водной –
Нам берега родного не видать.
Когда корабль достигнет преисподней,
Нас не узнают ни отец, ни мать.
(Перевод Е. Сойни).

Корабль кайласовских мореплавателей – сама жизнь. И этот корабль дал трещину. Исхода никто не знает, нет ни идеалов, ни надежды, ни даже иллюзий – небо расколото, глаза пусты. Всеобщая беда или всеобщее спасение. Никто не победит в одиночку. Но мореплавателям все равно, ведь им не увидеть – и тут в стихотворении возникает патриотическая тема – родного берега.

Русский поэт и писатель Иван Савин, живший в это же время в Финляндии, словами героя рассказа «Лимонадная будка» вступил бы в полемику с Кайласом, что не надо дорожить «родным берегом», точнее, родной берег должен быть в душе, в душе должна светить звезда. Но в том-то и трагедия кайласовских героев, что их, еще живых, оставляет душа: «Как чешуя спадают идеалы». Это стихотворение финская молодежь знала наизусть, вслед за любимым поэтом поддерживая якобы безразличие к жизни. Однако, как считает Каарло Марьянен, в «Мореплавателях» Кайлас, несмотря ни на что, боготворит жизнь [Marjanen, 1958. S. 157].

Жажда жизни, действительно, в стихотворении выражена не декларативно, зашифрованно. Для мореплавателей важны вечные жизненные ценности. Герои Кайласа теряют идеалы, но эти идеалы существуют; мореплавателям есть что терять, им не увидеть родного берега, значит, где-то есть этот берег; мореплаватели боятся, что их не узнают родные, то есть они очень хотят быть узнанными. И самое главное, мореплавателей много, они братья и борются не в одиночку.

Унто Купиайнен некоторые темы сборника, связанные с эстетизацией смерти, объясняет влиянием Шарля Бодлера. Кайлас ценил творчество французского собрата по перу, перевел четыре его стихотворения из «Цветов зла». Более того, финский поэт подолгу жил во Франции, лечился и умер в Ницце. Но Франция не затронула души Кайласа. Это был просто факт его биографии.

За год до смерти Кайлас послал брату из Ниццы письмо, в котором делился впечатлениями о холодной французской красоте и признавался в любви Германии и Финляндии:

«Здешний морской ветер опасен, у меня першит в горле; примерно с четырех до семи погода такая, что даже дышать трудно; это время надо сидеть дома. Я бы отправился искать более солнечных мест где-нибудь южнее, но мой аккредитив для больших городов иссяк, как снег весной; когда я приехал сюда, у меня уже почти ничего не было. А сейчас денег у меня примерно на десять дней, правда, комната оплачена на месяц вперед. Поэтому мне пришлось обратиться за помощью. Но не в изд-во Вернер Седерстрем. Ты тоже не говори там ничего; думаю, что это может скомпрометировать меня перед некоторыми людьми. Я был всего лишь неопытным путешественником, да еще без знания французского языка; кроме того, мне просто не везло. Что я под этим понимаю, расскажу как-нибудь позже. Ну, конечно, я и от веселья не отказался. В этом отношении я больше доволен Берлином, чем Парижем; эти города совсем нельзя сравнивать; я просто рвусь сейчас в Берлин – все время скучаю по нему. Какое-то жившее во мне давно представление не могло осуществиться более реально, чем во время пребывания в Берлине. Она была ребенок и ангел, во всей своей сущности маленькое чудо, обожаемое с первого до последнего взгляда. В Париже я тоже видел много необычного; самое интересное ночное заведение, в котором я был, это, наверное, «Ле Монокль», оно принадлежит одной мадам, которая, говорят, стала знаменитой под именем «Лулу Монмартра», думаю, что эта знаменитость завоевана ненормальной сексуальной жизнью; в ее баре было несколько красивых существ, каких только бог мог создать на свет; пол было во многих случаях трудно определить, ибо все были одеты, как и Лулу, в смокинг и юбку. Конечно, красота

вначале затмила меня как в «Ле Монокле», так и в других местах. Но французская красота знает себе цену, гордо заявляет о ней, а в общем-то оказывается холодной, как лед. Посмотрел, улыбнулся, заплатил – и ушел один. Нельзя сравнивать Берлин и Париж в этом отношении, в каком, ты догадываешься сам. И вообще я уехал из Парижа без сожаления. Честно говоря, я ненавидел там Францию. <…>

Ко мне здесь (в Ницце. – *Е. С.*) относились по-свински, обдирали как могли. Если бы у меня была власть, я бы, прежде всего, повесил двух господ: хозяев гостиницы «Альберт» и соседнего ресторана. <…>

Хозяин гостиницы специально устроил так, чтобы я не мог встретиться со своими финскими знакомыми, которые несколько раз приходили в гостиницу и искали меня. Он сказал им неправильный номер и сказал еще, что я никогда не бываю дома. А я лежал с температурой с утра до вечера! И открытку, в которой доктор Лаунис приглашал меня на чай к консулу Финляндии, не посмели мне дать вовремя; я получил ее постфактум, когда уезжал. Вот так далеко заходит французское свинство!

Послушай, не можешь ли ты выписать мне «Хельсингин Саномат» на декабрь и на следующий год. Я уже две недели не слежу за событиями в мире; да и скучаю по вестям из Финляндии, прошло так мало времени, перед отъездом я и не предполагал этого. Тогда казалось радостью, что можно повернуться спиной к этой дерьмовой стране; сейчас голова сама поворачивается именно к этой старой дерьмовой стране. Люди там все же гораздо лучше здешних. Только бы не требовали с меня оплаты за подписку газеты до 15 января, тогда издательство «Вернер Седерстрем» пришлет мне первую партию» [Kailas, 1932].

В сборнике «С глазу на глаз» поэт акцентирует свой взгляд на теме духовного преодоления смерти, но борющаяся душа остается в одиночестве:

Katsot ympärillesi: aavikoita.
Hiljaisuuttaa kuuntelet, yksinäinen.
Itset silloin näät sinä ensi kerran
Silmästä silmän.
«Vaeltajan oodi». S. 71

Смотришь вокруг – пустыня,
Слушаешь тишину – одиночество.
И вот тогда видишься с собой
С глазу на глаз.
«Ода паломника»

Поэт становится замкнутым, погружается в себя. Это погружение, по мнению финских критиков, похоже на движение по воронке: от периферии к центру. От темы всеобщего братства, характерной для поэта-экспрессиониста, Кайлас возвращается к эстетическим установкам неоромантиков. Перед ним заново после Эйно Лейно встает вопрос об отношении героя и общества, возникает проблема индивидуализма и выхода из него, увеличивается интерес к внутреннему миру личности. Однако экспрессионистским остается импульс, крик, зов в его поэзии.

В стихотворении «Бронза» душа героя приобретает формы металла, герой уже и не человек, а застывший в пустыне сфинкс.

Kuva en ole kuollut:
Uumenissani sykkää
Sydän liekehtiväinen –
Mutta sen tuska on mykkää.

Erämaass olen sfinksi,
Luonani leijonat huhuu.
Olen äänetön – mutta
Kauttani Kohtalo puhuu.
«Pronassia». S. 111

Жить в бронзе – нет страшнее доли,
Ведь сердце пылкое во мне,
Но некому сказать о боли
В немой и страшной тишине.

Стою я, словно сфинкс в пустыне,
Где кличут львы,
Безмолвен я,
Но через бронзовые стыки
Взывает к вам Судьба моя.
(Перевод Е. Сойни).

Умирание живым, безысходная пустота, невозможность освобождения от сковывающей судьбы – главные образы стихотворения.

Страдания лирического героя изолированы от жизни. В какой-то степени они абстрактны. Поэт дает возможность своему герою «докричаться», послать свой зов. Но кому направлен его зов? Небесам? Людям? Несуществующему сыну? Это еще одна загадка кайласовской лирики.

В стихотворении «Сказка о нас всех» («Satu meistä kaikestä») лирический герой лепит из глины мальчика.

В сборнике «Босыми ногами» поэт находит единомышленника. Это его несуществующий сын. Отец и сын встречаются за письменным столом:

Työpöytäni reunaa vasten
näen leukasi, pikkumies
<…>

Sanot hiljaa sanan: Isä.
Ei mitään enempää.
Kun tahdon tarttua kätees,
Se äkkiä häviää.
«Poikani». S. 148–149

На краю моего рабочего стола
я вижу твой подбородок, маленький
человечек.
<…>
Тихо ты произносишь слово: Отец.
Ничего больше.
Когда я хочу взять твою руку,
она исчезает.
«Мой сын»

Для Кайласа связь с сыном – это прорыв в вечность. Иллюзия становится поэтической реальностью. И не так уж важно, что у самого Кайласа детей не было, он выразил надежду и чувства отца вообще, отца чувствующего и любящего.

– Minun poikani, silmissäsi
oman ikuisuuteni näin…
(S. 149).

– Сын мой, в глазах твоих
вечность свою замечаю.

Надо заметить, что лирическое «я» поэта – это духовное «я», и в этом смысле в отношении лирического героя к сыну выражена духовная забота поэта, отцовские чувства подняты до высокой духовности.

Последний сборник Кайласа «Сон и смерть» 1931 года наиболее известен и противоречив. С одной стороны, в книгу включены стихотворения с аллюзиями на темы Библии «Душа» («Sielu»), «Скрипка» («Violu»), «Мастер Амеде» («Mestari Amedé»), с другой – именно здесь опубликовано стихотворение «На границе», принесшее Кайласу славу реакционера.

Интеллектуал Кайлас был знаком с русской литературой. Он знал творчество Льва Толстого, Федор Достоевский был одним из его любимых писателей. На перевод «Братьев Карамазовых» 1927 года Кайлас написал рецензию. «Ужасающий мир», по выражению поэта, в романах Достоевского оказался близок его собственной поэзии и его экспрессионистскому мироощущению.

Стихотворение Александра Блока «Скифы», переведенное Рафаэлем Линдквистом, отозвалось в поэзии Кайласа дважды. Первый раз «Скифы» появляются в «Ceterum censeo» (Ceterum censeo, «впрочем полагаю» (лат.) – первая часть знаменитой фразы Катона Старшего «Впрочем полагаю, Карфаген должен быть разрушен». – *Е. С.*), написанном для празднования Дня независимости Финляндии в 1930 г. Торжество проходило в Национальном театре в Хельсинки. Поэт призывает финский народ быть на страже:

Seisoa muurauslaastoin ja kalvoin,
Muutoin skyyttien anturat kovat
Ruhjovat luumme. Tuimat ovat
kasvot Kohtalolla.
«Ceterum censeo». S. 250

Стоять нам с мечами и кельмами,
Или скифов подошвы тяжелые
Раздробят наши кости –
Жестокое
Лицо у Судьбы.

И если в этом стихотворении только упоминаются скифы, то «На границе» написано с явной оглядкой на русского поэта.

Kaukaa aroilta kohoaa
Iivana Julman haamu.
Turman henki, se ennustaa:
verta on näkevä aamu.
Mut isät harmaat haudoistaan
aaveratsuilla ajaa:
karhunkeihäitä kourissaan
syöksyvät kohti rajaa.
– Henget taattojen, sutuaat.
kuulkaa poikanne sana –
jos sen pettäisin, saapukaat
koston armeijana –:
<…>
Tulkoot hurttina aroiltaan!
Mahtuvat multaan tänne.
«Rajalla». S. 248–249

С дальних степей поднимается
призрак Ивана Грозного.
Гибели дух предвещает нам
Утро в кровавом зареве.
Седые отцы из могил встают,
скачут на ко́нях призрачных,
в руцех с медвежьими копьями,
к вехам границ устремляются.
– Духи отцов блаженные,
слушайте глас сыновний мой:
Если предателем стану я,
Армией мести будьте вы.
<…>
Пусть со степей идут варвары!
В нашей земле пусть улягутся!

Трудно сказать, что было поводом для написания этого стихотворения. В 1931 году во время выхода сборника ни в СССР, ни в Финляндии никто не думал о возможной советско-финляндской войне. Или это был хорошо оплаченный определенными кругами Финляндии заказ, или, говоря эзотерическим языком, пророческое видение, написанное

независимо от воли поэта. Кайлас был автором манифеста пламеносцев, считался по своим политическим взглядам достаточно левым, и вдруг написал стихотворение, которое сблизило его с идеологическим противником как всего направления пламеносцев, так и со своим собственным – Вейкко Антеро Коскенниеми.

Кайлас любил Финляндию, но позиции поэта и критика Коскенниеми, поддержавшего лапуасцев, и сами лапуасцы были ему чужды. В письмах из Франции 1933 г. свое нежелание возвращаться в Финляндию больной поэт объяснял появлением там лапуаского движения (профашистское движение в Финляндии, возникшее в городе Лапуа в 1929 г.):

«<…> я прочитал все книги, какие у меня с собой есть, от корки до корки <…> Каким утешением, каким наслаждением была бы в этих условиях финская газета! Я все ждал и ждал, чувствовал досаду и снова ждал. Финляндия все-таки во всех отношениях была бы более приличной страной, чем эта Франция, если бы там не было так холодно и вдобавок не было бы лапуасцев. Я уже неоднократно хотел обратно в Финляндию» [Kailas, 1933]. Резко против лапуаского движения написано стихотворение «Страна холодной весны» («Kylmän kevään maa»), в котором поэт предупреждает, что «черное крыло» ведет народ к гибели.

Стихотворение, не характерное для поэзии Кайласа, увы, стало его самым известным стихотворением. Катри Вала, друг Кайласа по направлению пламеносцев и по объединению «Ультра», уже в 1939 году написала памфлет, в котором осуждала декламаторов, читавших «пограничные стихи», в том числе и стихотворение Кайласа: «Одна политическая декламационная группа исполнила «пограничные стихи». Были собраны все стихи из финской поэзии, включающие в себя понятие «граница». Это понятие могло бы быть совершенно нейтральным, спокойным и географическим. В этих стихах и в манере декламации группы это было не так, это была эмоциональная граница. У нас, собственно, только одна таковая. Остальные границы действительно весьма географические. Кстати, такая «пограничная эмоциональность» нисколько не является особым свойством только нашей академической молодежи. <…> Очевидно, это всемирное примитивное чувство, поскольку если умело разжигать, то можно заставить почти любой народ ненавидеть другой. <…> Нужна ГРАНИЦА против голода! Там умирают маленькие дети больше, чем где-либо в Финляндии, а оставшиеся в живых поражены рахитом, рассказывает школьный врач одного из приграничных районов» [Vala, 1981. S. 128].

Талант поэта, нуждающегося в средствах, мягко говоря, использовали. Патриотические стихи почти все были написаны по заказу. По мнению Е. Лилья, чувство родины у Кайласа было действительно патриотическим, лишенным черт национализма и шовинизма. Исследовательница подчеркивает, что «патриотизм Кайласа был глубже и гуманнее, чем у многих его современников» [Lilja, 1972. S. 125].

У самого Кайласа тоже есть стихотворение против границ «В Маленькой стране» («Pienessä maassa»), и тоже программное:

Raja-aitoja kaikkialla. Ja porteilla kilpi:
«Tämä on minun alueeni» ja «Käänу tästä!»
Не mittaavat kuutiotuumin ilman toisillensa:
kas, hengitä tämä – ja lakkaa hengittämästä!
(S. 87).

Пограничные ограды везде.
На воротах написано:
«Это моя территория»,
«Поворачивай отсюда!»
Воздух отмеряется кубическими дюймами:
Вдохни – и перестань дышать!

Понимая, что слово в устах поэта в минуту вдохновения бывает вещим, Кайлас как бы оправдывается, что слово – божественно, но вложенное в уста человека, оно может иметь и разрушительную силу. Поэтому дело поэта – петь, а не разрушать:

Elämä on kaunis. Siksi laula!
Kuolema on pitkä. Laula siis!
Iltarusko, pilvet, kaste ota,
onni tyven ota säveliis.
«Linnut». S. 240

Жизнь прекрасна. Поэтому пой!
Смерть безмерна. Значит, пой!
Вечернюю зарю, облака и росу,
счастье тихое возьми в мелодии.
«Птицы»

Кайласа финские критики относят к «живой» поэзии, считая, что его поэзия занимает видное место в общественном сознании финнов. Но именно с Кайласа начинается в финской литературе раздел между поэзией живой и поэзией жизненной. Кайлас, поэт сновидений, фантазий, иллюзий, создавал свои интеллектуальные и нервные строки в отрыве от повседневности, от собственно той жизни, которую он воспевал. Знаток финской литературы доктор филологии Мартти Хаавио считает лирику Ууно Кайласа лучшей из всего, что написано в современности на финском языке! [Haavio].

Кайлас творчески воспринял все самое ценное, что было до него в финской поэзии, и сам положил начало традиции интеллектуальной лирики Финляндии.

Трагизм бытия – основной мотив в лирике Ууно Кайласа. Его несомненный талант породил у последующего поколения финских поэтов увлечение чертами «болезненного», «замогильного», ненормального и вовсе не существующего мира. Реакционность Кайласа сочеталась в его поэзии с полунамеками, тонкими зарисовками, почти эскизными интонациями. «Могилы над морем», образы смерти, потустороннего мира пугали, а стиль завораживал и вызывал желание подражать. Копировались мрачные интонации, картины небытия, подавленности. После Кайласа для части финских поэтов стала характерна психологическая заостренность, философичность и некоторая умозрительность. Бесспорно, Кайлас стал предтечей финского модернизма.

Источники и литература

Карху Э. Г. Финская лирика XX века. Петрозаводск: Карелия, 1984. 320 с.

Ahokas J. A history of Finnish literature. Bloomington Indiana University, 1973. 390 p.

Haavio M. Käsikirjoitus // Suomen kirjallisuuden Seura. Arkisto 401: 121: 1.

Kailas U. Me // Tulenkantajat. 1924. N:o 1.

Kailas U. Kirjeenvaihto 1932–1933 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Arkisto 373: 2: 1, 2.

Kailas U. Runoja. Porvoo: WSÖY, 1966. 260 s.

Laitinen K. Suomen kirjallisuuden historia. Helsinki, 1981. 676 s.

Lilja J. Runoilija ja eksistenssi. Jyväskylä, 1972. 194 s.

Marjanen K. Tutkisteluja. Helsinki: WSÖY, 1958.

Vala E. Post bellum floret // Tulenkantajat. 1927. N:o 4.

Vala K. – E. Valalle. 8.IX.1922 // Suomen kiryallisuuden Seura. Arkisto.

Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvuista. Helsinki, 1981. 280 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сойни Елена Григорьевна
старший научный сотрудник, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: elenasoini@gmail.com
тел.: (8142) 781886

Soini, Helena
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: elenasoini@gmail.com
tel.: (8142) 781886

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 82–88

УДК 94(479.22)«1944/1949»

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЛЕНА: ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КАРЕЛИИ (1944–1949 ГОДЫ)

Л. И. Вавулинская

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

На основе материалов местных архивов рассматриваются многообразные реалии плена: условия содержания военнопленных, питание, медицинское обслуживание, организация досуга и др. Исследованы внутренние взаимоотношения лагерного сообщества, различные варианты восприятия плена, специфика дискурсов иностранного военного плена в Карелии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военнопленные, условия содержания, питание, досуг, восприятие плена.

L. I. Vavulinskaya. EVERYDAY LIFE IN CAPTIVITY: PRISONERS OF WAR IN KARELIA (1944–1949)

Relying on materials from local archives we consider the diverse realities of captivity: conditions of confinement, meals, medical care, organization of leisure. Internal relationships within the prisoner camp community, various perceptions of the captivity, specific features of the discourses of foreign military captivity in Karelia are investigated.

K e y w o r d s: prisoners of war, confinement conditions, meals, leisure time, perception of captivity.

В последние десятилетия в исторической науке получила активное освещение проблема иностранного военного плена Второй мировой войны. Появился целый ряд интересных исследований отечественных и зарубежных авторов, в которых рассмотрены дипломатические, политические и правовые аспекты военного плена, вопросы трудового использования иностранных военнопленных в СССР, медицинского обеспечения, репатриации на родину, захоронений военнопленных и др. [Конасов, 1996; Безбородова, 1998; Сидоров, 2001; Конасов, Кузьминых, 2002; Карнер, 2002; Медведев, 2009а и др.]. Анализ этих работ содержится в ряде историографических обзоров [Ерин, 2002; Медведев, 2009б; Кузьминых, 2010 и др.]. Значительно пополнилась региональная историография проблемы. Наиболее изученными в этом отношении являются Дальний Восток, Сибирь, Урал, Казахстан, Бурятия, Волгоградская, Ярославская и Ленинградская области, Европейский Север России.

Если в ряде регионов уже изданы монографии, посвященные проблемам иностранного военного плена Второй мировой войны, то в Карелии эти вопросы еще не получили всестороннего освещения.

Карело-Финская ССР была одним из регионов, где размещались иностранные военнопленные. В середине февраля 1946 г. их здесь находилось 25 748, по национальности в подавляющем большинстве немцев, а также венгров, австрийцев, румын и прочих. Эта цифра была значительно выше, чем в ряде

других регионов Европейского Севера: в Архангельской области – 4790, в Вологодской области – 22 775, в Мурманской области – 5925, в Коми АССР – 442 [Военнопленные в СССР, 2000. С. 653]. Военнопленные размещались в трех лагерях – в районе Сегежи (№ 212), Петрозаводска (№ 120) и Питкяранты (№ 166). Четвертый лагерь для военнопленных на территории республики (№ 447, в районе Пудожа), организованный на основании постановления СНК СССР от 11 ноября 1945 г., был передан в ведение НКВД КФССР от УНКВД по Ленинградской области 28 февраля 1946 г. (3004 военнопленных) [АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 74; ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 4].

В силу тяжелого положения страны после окончания войны большинство предприятий и строительных организаций республики, куда в основном поступали военнопленные, оказались не готовыми к их приему. Хозяйственные организации вынуждены были решать бытовые проблемы собственными силами, привлекая военнопленных. В докладе начальника Сегежского лагеря для военнопленных № 212 начальнику Управления лагерей для военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР 8 января 1945 г. отмечалось: «Организация лагеря началась с августа 1944 г., а военнопленные в количестве 2075 поступили только в период с 19 ноября по 9 декабря 1944 г. … Жилой фонд лагеря: здания 2-этажные, деревянные, построенные в 1939 г., кровли черепичные, полы дощатые. После войны требуют восстановления окна, двери и кухонные плиты… Продфуражом лагерь обеспечен плохо… От ОУВС КФО (Окружное управление военного снабжения Карело-Финского округа. – *Л. В.*) лагерь получил утиль и негодное обмундирование, которое реставрируется силами военнопленных. Обеспеченность зимним и летним обмундированием – 100 %, зимними головными уборами – 30 %. Из утиля реставрировано 611 пар рукавиц, что составляет 35 % потребности… В организованных мастерских – сапожной и портновской – недостает швейных машин (имеется лишь одна), сапожного инструмента, починочного материала… За неимением материала в лагере не имеется постельных принадлежностей и полотенец, даже для лазарета, нет смены белья, что ведет к завшивленности… Подсобного хозяйства при лагере нет, т. к. в районе Сегежи нет годной к обработке земли… В лагере работают портновская, сапожная и жестяная мастерские… Организована бригада рыбаков, занятая подледным ловом рыбы и подготовкой орудий лова к весне и лету» [АМВД РК, Ф. 40, оп. 1, д. 217, л. 94–97, 106].

Не меньше проблем было с организацией питания в лагерях. Инструктор отдела по торговле ЦК КП(б) КФССР докладывал секретарю ЦК Компартии республики Г. Н. Куприянову о результатах проверки в трех отделениях лагеря № 120 в декабре 1945 г.: «Качество пищи низкое, пища готовится однообразная – суп мучной с картофелем и консервами или жидкая каша. Изредка готовят картофельное пюре из мороженого картофеля, его от кожуры почти не очищают и плохо промывают, в результате пюре получается черного или серого цвета. В Деревянке и Кутижме питание двухразовое, в Паю – трехразовое. Днем подвоз пищи на производство или приготовление там не производится. Утром завтрак бывает в 7 часов, а обед – в 6 часов вечера. Таким образом, перерыв в приеме пищи днем – 11 часов» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 86].

Постепенно жизнь в лагерях налаживалась, однако необходимо учитывать, что на восприятие условий содержания самими военнопленными оказывало влияние различие культурных традиций и бытовых стандартов повседневной жизни в СССР и других странах. Этим объяснялось стремление военнопленных к улучшению бытовых условий своими силами с помощью средств и материалов, предоставляемых хозяйственными органами [Поршнева, Долинова, 2003. С. 129]. По свидетельству коменданта управления Пудожского лагеря № 447 В. А. Бондаренко, «немцы серьезно относились к благоустройству мест проживания. В «Комендантском» они из кусков труб, утиля и резиновых шлангов смастерили водопровод (невиданная по тем временам в Пудоже штука), установили в колодце водозабор и подали воду в хлебопекарню, на медпункт, на вахту и в другие точки. В Бочилово пешеходные дорожки содержались в идеальном порядке, и однажды случайно оброненная обгоревшая спичка стала предметом замечания немецкого командира стрелку ВОХР (Военизированная охрана. – *Л. В.*)…» [Нилов, 1995. С. 144].

В отличие от советских военнопленных в нацистских лагерях бывшие солдаты и офицеры вермахта получали пусть и скромное, но регулярное продовольственно-вещевое и санитарно-медицинское обеспечение, имели право переписки. Даже большинство западных историков признают, что в военные и послевоенные годы советское население жило не лучше военнопленных. По воспоминаниям одного из работников Пудожского лагеря, кормили военнопленных не хуже, чем вольнонаемных работников, которые получали паек по карточкам. Однако в лагерях имели место случаи хищения продовольствия, предназначенного для

военнопленных, замены продуктов менее калорийными, невыдачи дополнительного пайка для выполняющих и перевыполняющих нормы выработки. Нередко на трудовых объектах рабочий день военнопленных удлинялся на 2–3 часа, не обеспечивались горячее питание и обогрев, не соблюдались правила безопасности труда, что повышало уровень травматизма. Тяготы жизни пленных усугублялись суровым северным климатом.

В выступлении начальника лагеря № 212 на совещании о работе лагерей для военнопленных, состоявшемся 27–28 мая 1946 г. в МВД республики, отмечалось: «Недостаточная обеспеченность зимней обувью и рукавицами вызвала большое количество случаев обморожений (до 500), т. к. валенки были получены только в январе-феврале 1946 г. К началу зимы у нас было только 1000 пар валенок, выручило то, что сами пошили 3000 пар бурок… Острый недостаток медикаментов. Сануправление округа срезает потребность в них на 70–80 %… Кроме всех этих причин, я из собственных наблюдений пришел к выводу, что немцы не приспособлены к условиям севера и к работе в лесу, не могут выносить наших климатических условий в зимнее время и только начинают оживать летом, а зимой хиреют» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 142–143].

Наиболее распространенными диагнозами заболеваний военнопленных были дистрофия, авитаминоз, воспаление легких. В целях сохранения трудоспособности рабочей силы и ее оздоровления в лагерях расширялась сеть и вместимость госпиталей, амбулаторий и лазаретов, создавались специальные оздоровительные лагерные отделения, увеличивались нормы питания для ослабленных, проводилась витаминотерапия и т. д.

Одним из основных принципов лагерной системы ГУПВИ была изоляция военнопленных. Для обеспечения их охраны вокруг лагерной зоны создавалась сеть инженерных сооружений в виде забора из колючей проволоки или частокола и смотровых вышек. Но эти требования далеко не всегда соблюдались. Так, в Пудожском лагере № 447 в начале 1946 г. ряд лагерных отделений (Новостеклянное, 8-й квартал, Черная Речка, Подпорожье) не охранялись конвойными гарнизонами, и «военнопленные имели свободный выход из зон лагерных отделений без конвоя и без учета и болтались в рабочих поселках и деревнях» [АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 74, 152; оп. 18, д. 12, л. 41]. В середине 1946 г. не было гарнизонов конвойных войск в лагерных отделениях Кочкома, Тегозеро, Беломорск и Кемь лагеря № 212. Охрана осуществлялась в зоне вахтерским составом, а на работе – хозяйственным органом [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 205–206].

В силу удаленности многих лагерных отделений от населенных пунктов и основных железнодорожных магистралей, наличия в республике преимущественно некрупных предприятий, разбросанности объектов строительства и невозможности организовать необходимую охрану режим лагерной жизни здесь был относительно более мягким, многие военнопленные трудились вместе с вольнонаемными рабочими только под присмотром мастеров и бригадиров.

Начальник лагерного отделения Кукковка Петрозаводского лагеря № 120 Б. А. Суслов вспоминал: «По закону военнопленные не являются преступниками, и я никогда не считал их таковыми. Лагерь не стал для них тюрьмой. Конечно, была охрана, и на работу их выводили под конвоем, но в целом режим оставался достаточно свободным. Я никогда не возражал против того, чтобы отпустить желающих в город, но сами пленные предпочитали проводить свой досуг в лагере…» [Спектор, 1999].

Внутренний распорядок лагерей был подчинен интересам трудоиспользования и сохранения физического состояния военнопленных. В выступлении министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова на совещании министров внутренних дел республик и начальников краевых и областных управлений МВД 20–22 марта 1946 г. подчеркивалось: «…Если военнопленному надо на работу идти к 8 часам, то не надо его поднимать в 5 часов, пусть он дольше лежит, ведь вы знаете, что чем больше человек лежит, тем меньше ему надо есть. Внутренний распорядок пересмотрите по всем лагерям ваших областей, упростите его и подчините этим задачам» [Военнопленные в СССР, 2000. С. 70].

Система содержания военнопленных была аналогична структуре воинских подразделений. Военнопленные объединялись в отделения, взводы, роты, батальоны. Среди них было организовано самоуправление, избирались бригадиры, старшие по бараку. Администрация лагеря назначала коменданта из числа военнопленных, от которого, по воспоминаниям одного из начальников лагерных отделений Пудожского лагеря, нередко пленным доставалось больше, чем от администрации лагеря.

Материал, содержащийся в местных архивах, убедительно свидетельствует о том, что за время пребывания в плену иностранные военнопленные активно перерабатывали действительность путем создания определенных поведенческих норм. Каждый из них по-своему приспосабливался к ситуации и пытался ис-

пользовать ее для облегчения своего положения. На поведение военнопленных в неприятельском плену определенное воздействие оказывали их национально-психологические особенности, принадлежность к той или иной профессиональной, возрастной группе, социальному составу [Галицкий, 1991. С. 58].

Какая-то часть военнопленных замыкались в себе, пассивно принимая данную реальность, а другие, хотя нередко и формально, вступали в сотрудничество с лагерной администрацией. Имели место и попытки открытого или скрытого сопротивления ситуации – побеги, самовольный уход с работы, симуляция, членовредительство. Распространенным способом отказа военнопленных от работы было сознательное истощение своего организма путем недоедания, чрезмерного употребления соли и табака, использования в пищу испорченных продуктов.

Побеги были нечастым явлением. Сказывалось, в первую очередь, незнание военнопленными русского языка. Так, за полгода (с 1 августа 1946 г. по 15 февраля 1947 г.) из Пудожского лагеря бежали всего трое военнопленных, которые были задержаны и водворены в лагерь. За это же время было предотвращено 9 случаев готовившихся побегов [АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 18, л. 26].

Анализ документов позволяет говорить о том, что наиболее типичными нарушениями режима со стороны военнопленных являлись отказ от работы, хищение и кража лагерного имущества, хранение запрещенных предметов. Так, по Пудожскому лагерю за 3-й квартал 1946 г. на военнопленных было наложено 90 суток ареста за следующие нарушения: нарушения дисциплины – 6 случаев, «симуляция от работы» – 10, порча вещевого имущества – 1, нарушение режима хранения неположенных предметов – 12 случаев [АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 111, 113]. В то же время исследования, посвященные уголовному судопроизводству в отношении немцев, доказали, что так называемые «лагерные «преступления» в большинстве случаев совершались по причине крайней нужды, ради того, чтобы выжить, а не с целью саботажа» [Хильгер, 2009. С. 170].

Условия содержания военнопленных могли значительно различаться в зависимости не только от расположения лагерных отделений, рода работы, но и от принадлежности к привилегированным категориям. В лучших материальных условиях оказывались квалифицированные специалисты, бригадиры, переводчики, кухонный персонал, парикмахеры, сапожники, портные, а также представители антифашистского актива. В 4-м квартале 1946 г. в лагере № 120 антифашистский актив составлял примерно 3 % от общего числа военнопленных (235 человек из 8459), в лагере № 166 – почти 10 % (220 человек из 2214) [АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 7]. Если отдельные военнопленные сознательно участвовали в антифашистской работе, то часть из них вступили в ряды антифашистского актива по причине предоставления им определенных льгот и преимуществ, а также в надежде на быстрейшую репатриацию на родину. На основании директивы МВД СССР № 112 от 7 июня 1947 г. и указаний Политотдела МВД КФССР от 31 июля 1947 г. военнопленные функционеры по антифашистской работе, организаторы культурно-массовой работы и пропагандисты, назначенные из числа военнопленных, были освобождены от физической работы, они содержались расконвоированными, питались по полной норме, как занятые на производстве, и получали ежемесячно по 100 руб. [АМВД РК, ф. 17, оп. 13, д. 4, л. 17; оп. 14, д. 5, л. 6]. Однако деятельность антифашистского актива в большинстве случаев получала негативную оценку со стороны товарищей по плену.

Важной чертой повседневной жизни военнопленных являлась организация структуры лагерного сообщества, взаимоотношения представителей различных национальных групп. Т. И. Харламова, впервые приехавшая в Питкяранту в июле 1945 г. и работавшая счетоводом в управлении лагеря для иностранных военнопленных № 166, вспоминала: «…Мне в помощь был дан немецкий офицер по фамилии Бергер. Он выписывал накладные для выдачи продуктов военнопленным. Это был коренастый ариец с выправкой кадрового немецкого офицера. Как-то, с введением карточек, нам пришлось на день привлечь к работе рядового немца, также из числа военнопленных. Меня тогда очень поразило, как Бергер подчеркивал свое превосходство перед рядовым. Немцы даже в плену жестко соблюдали субординацию» [После войны, 1995].

В рамках лагерного социума непростыми были взаимоотношения представителей разных национальностей. В докладной записке инструктора отдела по торговле ЦК Компартии республики секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову приводился такой факт: «В лагерном отделении Деревянка лагеря № 120 в пищеблоке работали исключительно мадьяры (самоназвание венгров. – *Л. В.)*, которые при раздаче давали немцам суп весьма жидкий – сверху, а мадьярам – густой, снизу, в результате немцы имели сильный упадок сил» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 87].

В 1944 г. по ходатайству депутата Верховного Совета СССР Георгия Димитрова (с 1948 г. – генерального секретаря ЦК Болгарской Коммунистической партии) в целях повышения эффективности антифашистской пропаганды во всех лагерях для военнопленных началось отделение австрийцев, румын и венгров от немцев и концентрация их в отдельных лагерях и лагерных отделениях [Военнопленные в СССР, 2000. С. 38, 187; АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 15]. Оно сопровождалось некоторым улучшением материально-бытового положения и культурного обслуживания военнопленных названных национальностей и завершилось в 1947 г.

Дискуссионным является вопрос, может ли повседневность быть трудовой, производственной? Большинство отечественных исследователей подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни, и только некоторые включают в сферу анализа те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте [Пушкарева, 2010]. На наш взгляд, трудовая повседневность вполне вписывается в структуру повседневности иностранного военного плена, поскольку производственная деятельность иностранных военнопленных занимала существенную часть их времени, а с учетом прямой зависимости питания военнопленных от результатов труда представляла собой и непосредственное условие их выживания.

В силу внешнеполитических соображений иностранные военнопленные в меньшей степени, чем советские заключенные, испытывали произвол лагерного начальства. Однако имели место случаи избиения военнопленных, жестокого обращения с ними со стороны лагерной администрации, охраны, руководителей хозяйственных органов. Так, конвоиры гарнизона, расположенного в Питкяранте, допускали случаи избиения военнопленных, принуждали их обменивать новое обмундирование на старое [АМВД РК, Ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 100]. А. М. Гудков, 1929 года рождения, работавший после войны уполномоченным по сбору средств рыболовецкого кооператива в Пудожском районе, вспоминал, что во время работы на сплаве леса один из военнопленных пожаловался, что у него болит живот. В ответ начальник лесоучастка окунул голову военнопленного два раза в воду, и тот сразу стал работать. Имел место и случай, когда часовой застрелил военнопленного за то, что тот его оскорбил. Часовой получил выговор и был переведен в другую часть [Интервью…, 2008]. Подобные инциденты каждый раз тщательно разбирались, и принимались меры по наказанию виновных.

Нередкими были случаи злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц, использовавших военнопленных для своих личных целей (пошив одежды и обуви, работа по дому и в огороде, использование военнопленных в качестве музыкантов на семейных вечерах офицеров и т. п.).

В то же время некоторые представители администрации лагерей, видя бедственное положение военнопленных, старались помочь им. Так, начальник лагерного отделения «Поршта» лагеря № 447 «выдал незаконно сверх положенной нормы по дополнительному питанию военнопленным следующие продукты: хлеб – 27 кг 300 гр., жир – 1 кг 184 гр., сахар – 1 кг 146 гр., крупа – 12 кг 554 гр. С учетом того, что это было сделано не из корыстных целей, приказом начальника лагеря в июне 1946 г. начальнику лаготделения было указано на неправильные действия и с него взыскана стоимость продуктов в одинарном размере» [АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 11, л. 45].

Нередко лагерная администрация оказывала доверие отдельным военнопленным, привлекая их к выполнению определенных хозяйственных работ и даже к охране материальных ценностей, иногда военнопленных приглашали на совместные вечера отдыха. В приказе по Управлению лагеря № 447 от 14 мая 1946 г. отмечалось, что в феврале 1946 г. начальник лагерного отделения «9-й квартал» капитан Т. устраивал танцевальные вечера для сотрудников, на которых присутствовали военнопленные. Капитан Т. был предупрежден о недопущении подобных случаев в дальнейшем [АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 11, л. 4].

Руководство лагерей в соответствии с директивами ГУПВИ МВД СССР принимало меры по повышению чувства ответственности сотрудников за дисциплину среди военнопленных. Так, в приказе начальника управления лагеря № 120 от 23 октября 1946 г. указывалось на необходимость «…повести решительную борьбу с лицами, допускающими бесконтрольность в охране военнопленных, ненужную доверчивость и панибратство с военнопленными. Прекратить практику рукопожатий с военнопленными и обращение по имени и отчеству. Требовать от всех военнопленных беспрекословного выполнения указаний и распоряжений, исходящих от работников лаготделений…» [АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 8, л. 227–228].

Общение с пленными рассматривалось как преступная связь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако вопреки этому, благодаря расконвоированию и свободному передвижению отдельных военнопленных, за-

вязывались знакомства с местными женщинами, нередко перераставшие в настоящее чувство. Случались и романы военнопленных с медицинскими и хозяйственными работниками лагерей. В случае обнаружения подобных фактов по ним проводились расследования и принимались соответствующие меры.

По воспоминаниям многих жителей Петрозаводска, отношение населения к иностранным военнопленным было милосердным, как к побежденному врагу. Не было озлобления, чувства мести, скорее – сострадание и жалость. Нередко горожане приносили военнопленным хлеб, махорку, ботву овощей. «Военнопленные стали частью нашей жизни», – отмечают многие жители республики, которые были свидетелями пребывания в крае иностранных военнопленных. Созвучны этим впечатлениям воспоминания пудожского краеведа Е. Г. Нилова: «Я не слышал, чтобы жители района избивали и оскорбляли пленных. Отходчива русская душа. И постепенно вошло в лексикон пудожан немецкое приветствие: «Гутен таг, камрад!» (Добрый день, приятель!)» [Нилов, 1995. С. 138].

Немаловажной стороной повседневности иностранного военного плена являлась организация досуга. С этой целью в лагерных отделениях были созданы драматические и музыкальные коллективы, работали клубы, библиотеки, систематически устраивались киносеансы. Периодически проводились общелагерные смотры самодеятельности, привлекавшие много участников. В летний период военнопленные занимались такими видами спорта, как футбол, волейбол и легкая атлетика. Д. Евсеева, работавшая после войны в Петрозаводске, в Управлении мер и весов, вспоминала: «Мы проезжали мимо лагеря в выходные теплые солнечные дни. У пленных тоже был выходной. Через забор было хорошо видно, что делалось на его территории. Почти что все его обитатели были на улице. Кто-то просто загорал, кто-то играл в волейбол, кто-то играл в вынесенный на улицу биллиард... Почти на каждом вечернем киносеансе можно было увидеть человек 20–30 немцев... У них водились наши советские деньжата. Многие из них старались подзаработать деньги: изготовляли и продавали населению сделанные самими всякие поделки...» [Евсеева, 1995]. В числе таких поделок были кольца из алюминия и старых монет, миски, кружки, ведра, игрушки и др. Военнопленные оказывали помощь населению в ремонте печей, колке дров и т. д.

Современные исследователи включают в категорию повседневного не только событийную область публичной повседневной жизни, быт в самом широком смысле, но и эмоциональную сторону событий и явлений. Наиболее ценный материал, характеризующий индивидуальное восприятие плена, механизмы приспособления к его условиям, содержат письма военнопленных, точнее, выдержки из них, которые фиксировались органами военной цензуры. «Жизнь слишком тяжела, если в эту зиму я не приеду домой, то я лучше покончу свою голодную жизнь, т. к. вечно голоден. Год за годом все суровее, хотя я ничего преступного не сделал»; «Обо мне не беспокойся, живу хорошо, большая часть зимы уже прошла, мы снабжены хорошей одеждой. Имею свободный выход. Культурное обслуживание поставлено хорошо. Есть библиотека, радио, лагерная капелла – квартет» [АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 48 об. 49]. Военнопленных волновали судьбы их родных и близких, возможности устройства на работу после возвращения из плена. Во многих письмах содержались слова признательности русским врачам, простым людям, приходившим на помощь военнопленным в трудной лагерной повседневности.

Таким образом, иностранные военнопленные вместе с населением республики испытали на себе всю тяжесть послевоенной экономической и социальной ситуации в СССР. Реакция самих пленных на столкновение с новой действительностью, стратегии их выживания в условиях военного плена были разнообразными, что определило линии раздела внутри лагерного сообщества. Повседневное общение с работниками лагерей, персоналом предприятий, гражданским населением способствовало тому, что предубеждения сменялись нормальными отношениями. Несмотря на языковой барьер, этнические и культурные стереотипы, сложившиеся у иностранных военнопленных, а также наследие нацистской пропаганды, многие из них изменили свое представление об СССР в лучшую сторону.

Источники и литература

Архив Информационного центра МВД по Республике Карелия (в тексте – АМВД РК).

Безбородова И. В. Генералы вермахта в плену. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 1998. 206 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / Под редакцией проф. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1118 с.

Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // СОЦИС. 1991. № 10. С. 48–63.

Евсеева Д. «Мы есть просто солдаты»... О пленных немцах в Петрозаводске. Свидетельство очевидца // Карелия. 1995. 23 февр.

Ерин М. Е. Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР // Проблемы новой и новейшей истории. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 3–18.

Интервью с А. М. Гудковым, 1929 г. р. Зап. Л. И. Вавулинская. 2008 г.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1956 / [Пер. с нем. О. Асписовой]. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2002. 303 с.

Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации педагогич. кадров, 1996. 320 с.

Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та развития образования. 2002. 232 с.

Кузьминых А. Л. История военного плена Второй мировой войны в СССР: этапы, проблемы и перспективы изучения // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сб. науч. ст. Вологда: Граффити, 2010. С. 202–222.

Медведев С. А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941–1956 гг. и формирование образа Советского Союза: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2009а. 23 с.

Медведев С. А. Немецкие военнопленные в СССР в зарубежной и отечественной историографии (1940–2000-е гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009б. Т. 56. № 9. С. 52–58.

Нилов Е. Г. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4-5. С. 137–145.

Поршнева О. С., Долинова М. В. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 127–139.

После войны / Зап. Е. Архипова // Новая Ладога. 1995. 28 июля.

Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL:http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskih_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 27.05.2011).

Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград: изд-во ВолГУ. 2001. 508 с.

Спектор Т. Блюз военнопленных // Петрозаводск. 1999. 2 июля.

Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: новые исследования. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 150–175.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вавулинская Людмила Ивановна
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: ludvav@mail.ru
тел.: (8142) 575281

Vavulinskaya, Lyudmila
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: ludvav@mail.ru
tel.: (8142) 575281

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 89–98

УДК 396.1

«УМА НЕ НАДО»: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНЩИНЕ – НАУЧНОЙ РАБОТНИЦЕ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Н. Л. Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

В статье анализируются данные прессы и интернет-сообщества, стереотипизирующие представления о женщине – научной работнице. Данные сопоставлены с мнением респонденток – женщин-ученых разных поколений. Статья продолжает многолетние исследования гендерной составляющей в системе характеристик научного сообщества советской и современной России и доказывает наличие гендерной асимметрии как основы гендерной дискриминации в современном российском обществе

К л ю ч е в ы е с л о в а : наука, женщины, гендер, гендерная симметрия, сексизм, дискриминация.

N. L. Pushkareva. “NEEDS NO BRAINS”: SOCIAL IDEAS ABOUT WOMEN IN SCIENCE IN THE POST-SOVIET SOCIETY

The article analyzes data from mass media and the Internet that build up stereotypes concerning female scientific workers. These data are compared with the opinion of the respondents – female scientists of different generations. The paper continues the long-term study of the gender component in the system of characteristics of the scientific community in the Soviet and modern Russia, and proves their exists gender asymmetry as the basis for gender discrimination in modern Russian society.

K e y w o r d s : science, women, gender, gender asymmetry, sexism, discrimination.

Не стану приводить фольклоризированное и уже бытующее в сетевых перепалках между блогерами начало высказывания, к тому же оно – всего лишь парафраз старинного «сила есть – ума не надо». Женский вариант этого фольклоризированного тезиса – сексистский по сути, комический эффект в нем основан на инвективе. Однако вынести в заголовок вторую часть считаю необходимым: постоянный рост числа женщин-ученых, переживший (как это уже писано мною не раз) [Пушкарева, 1997. С. 3–8; 2002. С. 5–26; 2005. С. 290–291; 2006а. С. 39–59; 2006б. С. 5–32; 2007. С. 30–40; 2011. С. 168–192; 2012а. С. 161–173; 2012б. С. 5–23; 2012в. С. 105–121] не менее трех «волн» притока женщин в науку, заставляет поставить вопрос об отношении к женщине – научной работнице, ее уму, ее когнитивным способностям и поразмышлять о том, что меняется (и меняется ли) со временем.

Социальные представления как источник знаний об отношении к тому или иному факту или явлению уже не один год остаются в цен-

* Работа поддержана РГНФ (проект N 11-01-00283а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг., грант № 14.B 37.21.0013.

тре внимания Ж. Абрика – руководителя социально-психологической лаборатории французского университета Экс-ан-Прованса [Донцов, Емельянова, 1987; Полюшкевич, 2009]. О выявлении зависимости структурных элементов социального представления о женщине – научном работнике от результатов анализа интервью, касающегося осведомленности об историческом аспекте научной деятельности женщин, литература обширна [Щавелева, 2003. С. 68–69]. Согласно его подходу, «представление – иерархизированная совокупность элементов, организованных вокруг так называемого "центрального ядра" или наиболее стабильной части представления, которые окружены формирующимися и самоорганизующимися другими элементами (периферийный и факультативный слои)». Это понимание представлений, такой подход к ним, важные для социальных психологов, методологически существенны и для тех, кто изучает изменяющийся статус женщин и отношение к ним в обществе. В нашем случае можно поставить вопрос и об изменении отношения к женщинам в рамках научного сообщества – вначале при советской власти, теперь уже в течение двадцати лет после нее.

Тема «женщины в российской науке», казалось бы, не нова. В ней видели смысл иногда и советские историки (обращавшие внимание, главным образом, не на дискриминации, особенно после социалистической революции, а на биографии отдельных представительниц, сделавших славу не только себе, но и стране еще при «царском режиме»). Отчасти эта тема была представлена и в работах специалистов по социологии знания, опубликованных позже, в 1980-е – начале 1990-х гг., в условиях проникновения гендерной теории и ее подходов в современную российскую гуманитаристику. Однако изучению «женской темы» в истории русской науки очень не хватает исследований, основанных не на количественных показателях, а на качественных: тех, что заставляют услышать голоса, во-первых, самих научных работниц, во-вторых, тех, кто за ними наблюдает, сочувственно или насмешливо. Данная статья немного восполнит этот пробел.

Что касается научных работниц в списочном составе Российской академии наук, то это достаточно большая социальная группа. По данным пятилетней давности, она составляла около 25 тыс. чел. В настоящее время эти показатели изменились незначительно (в сторону уменьшения, поскольку сократилась численность научных работников вообще). Обратим внимание на другое: на то, что женщин – научных работниц, достигших академического олимпа – званий членов-корреспондентов и действительных членов Академии, всегда было очевидно мало. Мало что изменилось и теперь: в настоящее время в РАН женщин всего 9 среди действительных членов (из 496 чел.) и около 30 (из 729 в списочном составе) среди членов-корреспондентов. (На 2012 год численность членов-корреспондентов и академиков в РАН – 1225 человек, из них 496 академиков и 729 членов-корреспондентов РАН. При этом 137 академиков и 262 члена-корреспондента РАН работают вне системы научных организаций РАН [Кто самый молодой академик РАН, 2012; В РАН более 40%..., 2009]). И это по всем наукам!

Как раньше, так и теперь усилия представительниц «второго пола» достигнуть независимости, расширить круг своих интересов и поле деятельности наталкиваются на стереотипные представления о неких «естественных склонностях» женщин к традиционности, неизменчивости, нетребовательности (в плане адекватной оценки их научного вклада). Насколько участие женщин в творческой научной деятельности есть ответ экономической необходимости? В какой мере женщинам – научным работницам приходится преодолевать собственные внутренние побуждения и свои помыслы, якобы вращающиеся (согласно традиционному утверждению) вокруг «жизненного предназначения» женщины – материнства? Можно ли считать, что избрание научной карьеры любой женщиной есть источник ее постоянного внутреннего конфликта и неуверенности, поскольку отважившаяся делать собственную карьеру должна якобы всегда платить за свою смелость отказом от чего-то важного, что составляет основу душевного спокойствия, благополучия и удовлетворенности жизнью? Эти вопросы важно поставить историку, культурологу, социальному психологу, чтобы не только констатировать наличие гендерных асимметрий, но и задуматься о путях их преодоления.

Предваряя анализ собранных скриптов (в этом проекте я использовала и метод опроса, и неструктурированных многочасовых биографических интервью – их, кстати, около 30, и «самоотчета»), вводя в исследование собранные «на просторах Интернета» высказывания современников разных возрастов и уровней образования, приведу важное наблюдение феминистски ориентированной английской психотерапевтши Герды Лернер. Именно она ввела в научный оборот понятие «страха отделения» как оппозиции успеху. Речь идет о специфических переживаниях женщин, заявивших о своей компетентности и карьерных амбициях,

но вынужденных постоянно бороться с бессознательной тревогой, сопротивлением окружающих и давлением стереотипов. Объясняя с психоаналитических позиций этот феномен, Г. Лернер пришла к выводу, что в личном плане профессиональная компетентность есть отрицательный фактор для женщин. Он порождает страх успеха, который может рассматриваться как «страх отделения» – от семьи, от подруг (не достигших того же), от близких, от приятелей-мужчин, а вместе с ними – стать источником неудовлетворенности своей женственностью. Этой теме, на российском материале, была посвящена одна моя специальная публикация [Пушкарева, 2012а. С. 161–173].

Очевидно, что женская успешность в науке напрямую связана с представлениями о женщинах-ученых, бытующими в социуме в целом и в научном (академическом) сообществе в частности. Эта тема заставляет спорить о способности женщин самостоятельно продвигаться по научной лестнице (без помощи мужчин – научных руководителей, отцов, мужей и т. п.). Поскольку научная работа рассматривается как мужская сфера деятельности, именно от мужчин ожидают более высоких результатов, скорее обеспечивают необходимыми ресурсами. Женщинам приходится все время доказывать, что они способны вести научные исследования на высоком уровне, им надо добиваться признания коллег, преодолевать предубеждение, согласно которому женская работа изначально воспринимается менее позитивно. Приходится бороться и со сложившейся практикой, согласно которой женщины всегда имеют меньшее влияние на групповые решения. Казалось бы, давно известно, что большинство современных ученых – не настоящие ученые (то есть эвристические искатели знаний), а технологи и прикладные аналитики (воспользуемся размышлениями Джона Фаулза, писателя-романиста...), однако быть технологом (прикладным аналитиком) все еще не очень престижно – а как раз большинство женщин выполняет именно эти функции [Oertzen, 2012. S. 103–119]. Та же Г. Лернер отметила, что успех женщин (поскольку он не соответствует ожиданиям увидеть женскую «слабость», «неспособность» и стремление надеяться на помощь) скорее соотносят не со способностями отдельных женщин, а с внешними причинами. К таким относят формальную удачу, везение, легкость решения проблемы или, напротив, необыкновенное (не свойственное мужчинам) трудолюбие [Lerner, 1993. P. 14].

Российские социологи поставили задачу перепроверить данные, полученные американской исследовательницей гендерной составляющей профессиональной дискриминации женщин, занятых в сфере науки, подверстав под ее вопросы российский материал [см. одно из наиболее репрезентативных исследований: Мирская, 2000б. С. 965 – 973; см. также популярный вариант той же статьи: Мирская, 2000а. С. 13]. При этом они опирались на методику определения ценностных ориентаций (М. Рокича), а также на модифицированный тест-опросник для измерения мотивации достижений (А. Мехрабиана, М. Ш. Магомед-Эминова). Вопрос представлений о женщине – профессионале в научной деятельности важен еще и потому, что влияет на их профессиональную активность. В свою очередь, последняя сказывается не только на эффективности их работы, но и на специфике самосознания – весьма существенной составляющей творческого потенциала. Самосознание ученого – предпосылка и итог его научной деятельности, ресурс функционирования науки и индикатор состояния научного сообщества, призванного осуществлять ее развитие [Мирская]. Неспособность освоить новые реалии, неумение утвердить себя в изменившемся социуме и связанная с этим потеря устойчивой самооценки, – все это очень типично для положения современной женщины в науке. Перечисленное выше, высказали свою гипотезу российские социологи, приводит к фактическому снижению уровня притязаний женщин в научном сообществе и замене реальных действий нереальными [Харламенкова, 1996. С. 186–187].

Согласно собранным *количественным* данным о женщинах-ученых, социально-психологический портрет женщины – научной работницы предполагал сравнительно молодой средний возраст – 31,3 года (данные начала 1990-х гг., сейчас этот возраст приближается к 40 годам). Обратим внимание на то, что к 2012 году общая численность работающих в научных организациях, подведомственных РАН, – 104 236 человек, в т. ч. именно научных работников (т. е. не включая научно-технический персонал, лаборанток, а именно от младших научных сотрудников до главных) – 51 908 человек. Сейчас средний возраст: академиков – 72,6 года, членов-корреспондентов РАН – 66,1 года, докторов наук – 61,7 года, кандидатов наук – 50,6 года, научных сотрудников без ученой степени – 40,5 года, и эта цифра как раз и совпадает со средним возрастом женщин – работниц РАН. Большинство из женщин, работающих сейчас в Академии наук, имеют не только высшее образование (иногда не одно), но и ученые степени, звания. Опять же большинство из них состояли в браке, родили детей.

Но при том более половины женщин, занятых в науке и работающих в РАН, имели и имеют очевидно низкий доход, покрывающий менее половины семейного бюджета, хотя работали и работают они (имеется в виду профессиональная занятость) 42,15 часа в неделю и считают ненормированный рабочий день нормальным.

К этому добавим еще одно свойство, которое бесспорно отличает российских женщин-ученых от их коллег-мужчин. Это довольно высокая степень эмоциональной вовлеченности в работу. Говоря о своих предпочтениях, они упоминают о желании обрести такую работу, на которой бы они были наделены большей управленческой властью, избежав при этом ответственности, риска и напряженного графика труда. Это не случайно. У подчиненного всегда больше надежд и иллюзий, что его идеи могут быть востребованы. Отвечая только за свой блок работы, подчиненные (ими чаще всего и оказываются женщины) более свободны в своих предложениях, высказываниях, инициативах – ведь не они несут ответственность за их реализацию. Размышляя о возможности стать руководителями, женщины – научные работницы редко рассуждают о том (и редко отдают себе отчет в том), что подобные социальные перемещения вверх могут означать рождение ощущения постоянного беспокойства, неизбывной тревожности и готовности к постоянной постановке и решению задач. Они говорят совсем о другом:

> «Никто не смотрит на тебя как на женщину. Становишься публичным человеком, тебя разглядывают со всех сторон, и после этого ты уже не можешь быть самой собой» [Биолог, 50 лет. Записано 13.01.2010 // Архив автора. Неструктурированные автобиографические интервью с женщинами-учеными 1950–1960 гг. рождения].

Впрочем, это не единственные минусы высокого статуса для женщины, но о них говорят чаще всего. Публичность, забывание о себе – не только то, что приписывается женщинам-ученым общественным мнением, но и то, что подчеркивается самыми близкими, членами их семей, и респондентки о том знают и говорят:

> «Наша мама на работе у директора сидит, о семье она забыла – о планкарте говорит». Мои дети написали эти стихи, когда я впервые стала начальником – возглавила отдел…» [Синцова, 2005].

Коллеги и близкие, размышляя о том, какими становятся женщины, избравшие научную стезю, отвечают на этот вопрос так: «Отсутствие чувства юмора – прямая дорога в науку» [http://www.gorodnaneve.com/-portal/modules/newbb/viewtopic.php?topic_id=1082&forum=15].

Ну а говоря том, что дарует наибольшую удовлетворенность выбором профессии, респондентки старшего поколения (1950 – начала 1960-х годов рождения, ныне сами бабушки) выделяют «содержание работы» (творческий труд, интересные виды деятельности), а наименьшую удовлетворенность получают, понятное дело, от оплаты своего труда [Нугаев, 2003]. Стоит заметить, что они оценивают именно современную ситуацию – когда престиж научной работы упал, когда зарплата бюджетников в научных учреждениях ниже средней по стране. Во времена их молодости, когда они избирали научную стезю, все было совсем наоборот: и труд высоко оплачивался, и статус ученого был престижным. Достаточно вспомнить отображение этого отношения в художественной литературе (Вениамин Каверин «Открытая книга», повести И. Грековой в 1970-е годы) и кино («Весна», «Девять дней одного года»). Именно к тому времени – 50–60-м годам прошлого века – миф об «интеллектуальной неспособности» женщин заниматься научной деятельностью оказался полностью разрушен. Женщина, достигшая определенного положения в науке, показывала (и это отобразила художественная литература) высокие деловые качества, самодисциплину, чувство собственного достоинства, способность к конкурентной борьбе, ответственное отношение к делу.

Менее доказанной на тот и на сегодняшний момент оставалась лишь социально-психологическая обусловленность в развитии научно-познавательных способностей. Так, определенные традиции и культурные экспектации, которые в процессе взаимодействия ребенка с окружающим миром интериоризируются, влияют в дальнейшем на его мотивацию, систему ценностей, уровень тревожности и уверенности в себе и, в конечном счете, на образование у девочек ощущения «стеклянного потолка». Он был всегда, и респондентки разных возрастов так или иначе (не называя его именно так), но упоминают о нем. По сей день низкую продуктивность женщин нередко связывают с отрицательным влиянием таких факторов, как неуверенность в себе, низкий уровень самооценки. Не стоит забывать, что это формируется у женщин еще на уровне подготовки к научной карьере – в школе, в университете, когда юным созданиям буквально втемяшивают в голову, что им надо еще самореализоваться как мама и жена.

> «”Женщины-ученые” (есть такой типаж) могут неожиданно вочеловечиваться и начинать прекрасно готовить», – иронизирует один из форумчан [Общество гендерного потребления,

2007]. «Мама мне говорила (*иронически*): “Учись гладить рубашки – в жизни пригодится!”. И от нее же я слышала глубоко меня уязвлявшие высказывания типа “Если б вы были мальчики!” Так что вся моя сознательная жизнь – это доказательство, что я не хуже, чем если б я была мальчиком», – признается респондентка – профессор МГУ [Филолог, 51 год, Москва // Архив автора. Запись 5.02.2005.].

Т. П. Емельянова и М. А. Щавелева, проанализировавшие структуру социальных представлений о женщине – научном работнике в 1990-е годы методом кластерного анализа, определили центральный («ядерный», наиболее устойчивый и малоизменчивый) слой социального представления – то есть те признаки, которые отмечены особой теснотой корреляционной связи понятий «женщина» и «наука». К ним, как выяснилось, относятся представления об умственных, творческих, научно-организационных способностях женщин – научных работниц. Периферийную позицию заняли личностные черты, описание внешности, сексуальной привлекательности и др. Проведенные исследования («свободные ассоциации» у мужчин и женщин, по 30 человек в каждой возрастной и образовательной когорте) выявили некоторые повторяющиеся черты, которые приписывают женщинам – научным работницам люди разного пола, имеющие высшее образование и лишенные его. Они приведены в нижеследующей таблице, отображающей представления о женщине – научной работнице среди мужчин и женщин с разным уровнем образования [Емельянова, 2012; Щавелева, 2003, 2013].

Сопоставления ответов позволили сделать вывод о том, что мужчины и женщины, отвечавшие на вопросы, по-разному понимали главную характерную черту женщин – научных работниц. Женщины, участвовавшие в опросах, поставили на первое место ум, мужчины – компетентность, образованность, не считая их равными понятию ума и обращая внимание на значимость не сложно формализуемой данности, а когнитивных способностей. Умственные способности своих современниц с учеными степенями сравнительно высоко оценили женщины без образования (33,3%), вероятно, относясь с уважением к тем, кто отучился в вузах и университетах и добился той или иной научной должности или научного звания.

Личностные черты и стиль общения женщины – научной работницы (то есть социальный и морально-этический компоненты) составили в среде опрошенных, имеющих высокий образовательный уровень, важную, но не первичную группу признаков. В группе мужчин с высшим образованием доля признаков, описывающих внешность женщин – научных работниц, очень мала – 12,5 %. Похоже, коллегам, в сущности, все равно, как мы выглядим и есть ли общие внешние черты, характерные для всех нас – женщин, занятых в науке. Заметим, однако, что десять лет спустя – когда специальная программа фирмы «Л'Ореаль» поощрения и премирования женщин, успешных в науке, стала восприниматься как норма – выступающие и поздравляющие женщин-ученых мужчины стали куда чаще упоминать о «женской красоте» дипломанток. Чуть позже были проведены исследования лингвистов, выяснилось, что среди успешных ученых-женщин нескольких поколений наиболее распространенным именем является Наталья (более 34 % рано защитивших докторские диссертации и занимающих посты руководителей в системе науки). «Высокая достоверность различий по исследуемым признакам профессиональной успешности в связи с именем, на уровне $p < 0,01–0,001$, позволяет получить подтверждение о существовании взаимосвязи между именем и успешной реализацией человека в профессии…» [Иванова, 2001]. Еще одно наблюдение последних лет:

Женщины без высшего образования	Мужчины без высшего образования	Женщины с высшим образованием	Мужчины с высшим образованием
Ум – 53 % Целеустремленность – 47 % Симпатичность – 33 % Коммуникабельность – 33 % Чувство юмора – 27 % Эрудиция – 27 % Интеллект – 20 % Образованность – 20 % Одиночество – 20 %	Ум – 47 % Коммуникабельность – 43 % Целеустремленность – 40 % Красота – 20 % Жесткость – 20 % Невнимание к своей внешности –17 % Способность доказать –17 % «Хорошая хозяйка» – 17 %	Педантичность – 40 % Ум – 37 % Деловитость – 30 % Независимость – 27 % Сдержанность – 27 % Коммуникабельность – 23 % Целеустремленность – 23 % «Старая дева» – 23 % Дисциплинированность – 23 % Смелость – 23 %	Компетентность – 60 % Образованность – 53 % Коммуникабельность – 43 % Деловитость – 33 % Доброта – 30 % Ум – 27 % Неумение одеваться – 27 % Воспитанность – 27 % Одиночество – 27 % Вежливость – 27 %

«Если говорить о гендерной принадлежности “способного молодого человека”, мечтающего о научной карьере, то, по мнению значительного числа респондентов (43 %), на способность к научной работе она не влияет (в этом убеждены прежде всего люди с высшим образованием – 53 %). Почти столько же респондентов (41%) полагают, что к научной работе более способны мужчины, и лишь немногие (6 %) – что женщины; 10 % затруднились ответить на этот вопрос…» [Шмерлина, 2008].

В то же время мужчины без высшего образования обратили в 2 раза большее внимание на личностные черты, стиль общения, особенности внешности ученых дам (25 %), полагая априори, что деятельницы науки, как правило, некрасивы (мужчины с высшим образованием таких обобщений не делают), неухоженны, не следят за собой. Здесь трудно не вспомнить бытующий уже несколько веков подход к женщинам-ученым как к «синим чулкам» – неухоженным, немодно одетым, внешне непривлекательным очкарикам:

> «С женщинами-учеными не так радостно – кроссовки-джинсы-футболка, стрижка – “чтобнепричесыватьсяутром”, косметика – последний раз на выпускном балу…» [Астронавтка, 2006].

Как тут не вспомнить бессмертные строки А. П. Чехова:

> «”Что хорошего быть синим чулком! Синий чулок… Черт знает что! Не женщина и не мужчина, а так, середка на половине, ни то, ни се! Ненавижу синих чулков! Никогда бы не женился на ученой… Бог с ними, с этими умными и учеными женщинами! С простенькими лучше и спокойнее живется”, – думает он, принимая от Лидочки тарелку с цыпленком…»… [Чехов, 1976. С. 260–263].

Воспитанные в духе традиционных стереотипов российские ученые мужи XXI века мысленно «допускают» женщин только – фигурально выражаясь – мыть пробирки, т. е. обслуживать их самих в науке:

– Девушка, у вас такие длинные пальцы… Вы на пианино играете?
– Нет, пробирки в институте мою… [Из шуток команды КВН Донецкого университета, осень 2003].

В социологии это явление именуют ролевой инкапсуляцией – невозможностью вырваться за пределы предписанной роли, в данном случае роли гендерной. А для женщин это роль обслуживающая [Золотов, 1992. С. 170].

Сами женщины – научные работницы, стремящиеся к достижению успеха и избеганию неудач, не обнаружили значимых различий в мотивации выбора ценностных ориентаций. Чаще всего они упоминали «интересность» работы, среди инструментальных ценностей – честность труда, эмоциональную вовлеченность в него, ориентацию на будущее. В целом представление о женщинах – научных работницах у большинства социальных групп достаточно позитивное, за исключением признания непрестижности научного труда в экономике постсоветского периода.

Как женщины, так и мужчины привыкли к независимости женщин, посвятивших себя научной деятельности. Можно сделать вывод, что такое положение вещей позволяет научным работницам не чувствовать предвзятого к себе отношения, вести себя естественно, реже жертвовать своей женственностью и сексуальной привлекательностью. Конфликт между призванием к научной работе и ощущением, что это повлечет за собой отказ от женственности, редок. Здесь точно высказалась одна женщина-драматург: «Больше отравляет мысль о возможностях, которых у меня *не хватило ума упустить*. Сколько времени потрачено на бессмыслицу, на пустейшее желание нравиться, на чужих, чуждых, ненужных людей!» [Смирнова]. При этом большинство опрошенных женщин (72 %) считают, что мужчины-ученые, по сравнению с женщинами, достигают более высокого профессионального статуса в науке благодаря тому, что имеют для этого больше времени и возможностей. Мужчины-ученые (56 %) объяснили свой высокий профессиональный статус большей природной одаренностью [Скворцова, 2008. С. 22].

Подход этот явно присутствует в современном интернет-сообществе и его обсуждениях. Тема отношения к женщине – научному работнику как к «странной женщине» и неполноценному ученому («Женщины-ученые подобны морским свинкам… Как морские свинки – не морские и не свинки, так и женщины-ученые – не ученые и не женщины» [http://cash4you.narod.ru/anekdot/1656.html]), к сожалению, не устаревает.

> «Женщина-ученый – [это] не шизоид, скорее параноид (не путать с шизофреником и параноиком), – рассуждает один из блогеров. – Шизоидам все равно, что о них думают другие, они просто очень замкнутые. А у параноидов мания величия, подозрительность (“мне завидуют”) ну и фантазии насчет своей значимости в глазах окружающих (“все меня уважают, все меня хотят”). Это не болезнь, так… расстройство личности» [Аноним, 2008].

Другой ему вторит, не стесняясь в выражениях:

> «Женщины практичнее устроены. На кой хрен загружать себя некими абстракциями, когда нужно кормить/выращивать детей? По этой же причине все женщины-“ученые” – ни х… не ученые по своей сущности, а банальные карьеристки, которые ставят цели не открыть нечто, а добиться положения и матблаг» [Компрачикос (Comprachikos), 2007].

О досадных смещениях и расстройствах личности у женщин-ученых не прочь поговорить те, у кого есть время «зависать» на форумах и обсуждениях и кто в свое время был не настолько самоотвержен, чтобы остаться работать в академических институтах за мизерную зарплату. «Ваше отношение к женщинам-ученым… Как вы относитесь к женщинам-ученым… Какие стереотипы о женщинах-ученых вы знаете?» – набрасывает вопросы модератор (2012 г.), получая в ответ:

> «… И не женщина. И не ученый. Так и есть. Смотреть противно…»; «Они за наукой мужиков не замечают»; «Редкое явление! Основная часть формально одипломленных женщин не умны, как правило. Полные пробки да еще и с гонором!» и, наконец, безапелляционное: «Никогда не слышал о женщинах-ученых. От Архимеда до Ньютона и от Аристотеля до Эйнштейна ничего женщины не принесли науке. Ну разве что в их постелях валялись и деньги вытягивали…» [Общество, 2007].

На другом форуме этой сентенции нашлась достойная стихотворная антитеза, сформулированная молодой (1985 года рождения) авторшей по имени Ирина с ником «Девушка-без-комплексов»:

> Могла бы сразить вас внушительным списком // прославивших Женщину женских ученых; // они были в юбках и были в погонах, // но делали дело без лишнего писка! // Ведь что характерно для женщины? – Скромность! // Сидел бы мужчина без женщины в луже, // но мысли, внедренные женщиной в мужа, // в науке вводили его в неуемность. // Прошу оппонента: не будьте пижоном – // пусть имя мужское у многих открытий, // какие открытия Вы ни возьмите, // у ног их стояли пытливые жены! // Жена нащебечет герою дивана, // а дальше процессом командует Случай – // мужчина открытие нагло озвучит // и славу пригубит один из стакана… // Не с целью мужчину за пояс засунуть // скажу, положив на алтарь свою руку, // что женщины больше вложили в науку, // чем наши мужчины могли бы подумать!
>
> [Девушка-без-комплексов, 2008].

На защиту научной чести мужчин тут же встали оппоненты автора этих стихов, но получили обоснованный отпор:

> – Излишен спор, кто больше или меньше, // Пока мужчины вкладывают в женщин (Павел Лукьяненко, 16.05.2008).
>
> – Как будто, Павел, правды Вы не знаете, // что, чуть вложив, поспешно вынимаете? [Девушка-без-комплексов, 2008].

«Девушка-без-комплексов» Ирина отметила, что именно мужчины изобрели дыбу, гильотину, испанский сапог и другие кошмарные орудия, но их почему-то сжигали как *ученых*-еретиков, а женщин – как простых ведьм. Не стоит забывать и того, что образ «сумасшедшего ученого» – это всегда образ ученого-мужчины, не женщины! [Mad scientist]. В конечном счете, наиболее примирительным может считаться высказывание:

> «Говорить, что женщина не может быть ученым – это настоящее дискриминационное заявление (и неправда). Говорить, что, возможно, женщины в среднем менее склонны к занятию научной деятельностью – на мой взгляд, не дискриминация (как, например, утверждать, что женщины более усидчивы и более собранны, чем мужчины)». «Женщины могут заниматься наукой, но сами они ничего кардинально нового не придумывают, отлично растят детей и наводят уют»; «Женщины-ученые долго живут, хотя, к сожалению, их научные результаты менее значительные, чем у мужчин. Так что не бойтесь идти в науку…»; «Мечтательными их не назовешь, потому как все мысли у них о конкретных вещах, а вот задумчивые – это о них. Не случайно у женщин-ученых часто встречается такая походка. Ну а если это просто жена, то мысли ее больше всего будет занимать новый рецепт борща…» [Компрачикос (Comprachikos), 2007; Vokabula, 2005; Когда невеста задом крутит, 2007].

Но и оно (утверждение, что женщины *не способны* делать открытия и что-то самостоятельное) все же изначально дискриминационно, так как из него может следовать и такой вывод: «Женщина-ученый – попугай в науке. Подлинное любопытство знакомо лишь мужчинам» [Афоризмы].

Сами женщины, стремящиеся добиться успеха в науке, сталкиваются, по их словам, с серьезными проблемами: их стремление к достижениям, поглощенность исследовательской работой часто расцениваются как способ компенсации неудач в личной жизни; женщинам труднее вписаться в сеть неформальных коммуникаций. Факты дискриминации женщин-ученых при выдвижении на должность, при отборе работ для премирования отпугивают женщин от участия в амбициозных научных исследованиях, искусственно тормозя развитие их творческих способностей. Но достаточно один раз решиться – и… если повезет!.. страхи оказываются компенсированными. Екатерина Шишацкая, обладательница премии для молодых женщин-ученых 2009 года, призналась, что получение этой премии изменило ее жизнь, доказало ей, что женщины могут работать в науке не хуже мужчин. После этого знаменательного события она перестала отказываться от тех возможностей и предложений, которые ей поступали, – поверила в себя и решила подать документы на соискание премии Президента РФ в области науки и инноваций по итогам 2009 года. Теперь присуждение ей премии «Л'Ореаль»–ЮНЕСКО и премии Президента – основные вехи в ее жизни [Смирнов, 2012].

А если не везет? В реальном межличностном взаимодействии и в чисто личностном плане, как доказывают опросы, «компетентность» – скорее отрицательное, нежели положительное качество для женщин. Высококомпетентные женщины – профессионалы в науке не пользуются расположением ни мужчин (они таким женщинам завидуют, соревнуются с ними), ни женщин (для которых они становятся чужими).

О том, что женщинам в НИИ РАН труднее вписаться в научное общество, говорит и тот факт, что им – по словам респонденток – лишь во вторую очередь дают сложную современную аппаратуру, а с ней и возможность использовать новейшие методы исследования. В обществе, где главенствуют мужчины и где господствуют чисто мужские установки и эталоны, женщина должна приложить особые усилия (иногда как раз опираясь на свои гендерные преимущества – сексуальность, внешние данные), чтобы добиться своего. Чем мотивируют женщины-ученые неудачи в своем стремлении к научным вершинам? Здесь, как убеждают данные биографических интервью, у женщин есть множество замещений, позволяющих успокоить саму себя в случае неудачи. Они находят поддержку в размышлениях о том, что у них «есть помимо науки» – и в этом случае наличие семьи и детей является компенсацией огромной значимости [Пушкарева, 2012а. С. 161–173]. Хотя все же они по привычке жалуются на отношение к себе как к неполноценным:

> «Женщинам-аспирантам совсем тяжко – со всех сторон смотрят на нас как на идиоток: мол, замуж надо, детей рожать-кормить-воспитывать да борщи варить. Мол, какой из женщины ученый – так, фикция… Говорят это, конечно, те, кто уже мало на что способен, потому что мозги не свежие, быт заел…» [Форум аспирантов и соискателей, 2008].

Какой же в итоге представляют нашу современницу, женщину-ученого? Она, чаще всего, человек среднего и даже предпенсионного возраста, работающая в коллективе, во главе которого – мужчина-ровесник или даже младше ее. Она происходит из семьи служащих или ученых, чаще замужем, имеет одного, реже двоих детей, совсем редко (среди опрошенных нами респонденток таковых всего две) троих детей. Когда-то отлично отучившись в вузе, получив красный диплом, она либо стремилась получить дополнительное образование, либо поступила в аспирантуру. Подготовила кандидатскую диссертацию за 3–5 лет после института, не слишком рано, в 30–32 года (часто после беременности), защитила диссертацию. Докторами наук из той плеяды выпускниц аспирантуры в каждом поколении стали немногие, от силы 10 % поступавших в докторантуру или вообще бравшихся за это дело, на подготовку докторской диссертации у них ушло от 10 до 20 и более лет. По сей день они самоотверженны в своей будничной научной деятельности – чаще ездят «в поле», ставят эксперименты, работают в стационарах, безропотно ведут наблюдения и занимаются лабораторной деятельностью, составляют базы данных, картотеки в библиотеках и архивах. И уже в силу такой самоотверженности крайне редко ставят вопрос о повышении зарплаты, меньше публикуются, чем мужчины, и чаще, чем мужчины, готовы печататься в соавторстве [Сычева, 2006].

К ним – как показали исследования, обобщенные в данной статье, – относятся предвзято, считают менее способными, чем мужчины, в научной профессиональной деятельности, заранее обрекают на выполнение обслуживающих функций (как в научных учреждениях, так и за их пределами), считают непривлекательными внешне и несамостоятельными в теоретических построениях, зависимыми от сильных руководителей-мужчин. И все же они остаются в науке, не уходят. И считают себя, по словам одной из респонденток 1927 года рождения, известного ученого-латиноамериканиста, «счастливыми, хотя бы иногда и ненадолго…» [Былинкина, 2006].

Источники и литература

Аноним. «Он сказал: „Все женщины – ДУРЫ, потому что не знают ни математики, ни физики и вообще элементарных вещей“ // Вуман-ру (Woman.ru). 1.10.2008–01.12.2012. URL: http://www.woman.ru/relations/men/thread/3853701/26/?filter=all (дата обращения: 05.05.2013).

Астронавтка. Заберите меня отсюда! // Живой журнал. 7 сент. 2006. URL: http://astronatka.livejournal.com/3615.html (дата обращения: 05.05.2013).

Афоризмы. Пятая тетрадь. № 248 // Так говорил Камасутра // URL: http://www.flesh.r52.ru/text3.5.3.php (дата обращения: 05.05.2013).

Былинкина М. Всего один век. Хроника моей жизни. М., 2006.

Девушка-без-комплексов. Женщины-ученые // Хохмодром. Май 2008. URL: http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=49200 (дата обращения: 05.05.2013).

Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 128 с.

Емельянова Т. П., Щавелева М. А. Социальные представления о женщине – научном работнике // URL: http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html (дата обращения: 05.05.2013).

Золотов Л. К. Проблемы участия женщин в научной деятельности // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований (Файнбургские чтения). Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1992. 203 с.

Иванова В. В. Имя собственное: имя как знак // Иванова В. В. Общие вопросы самосознания личности. Киев, 2001. URL: http://psylib.org.ua/books/ivanv01/txt09.htm (дата обращения: 05.05.2013).

Когда невеста задом крутит, покоя в браке с ней не будет // Вечерняя Казань. 7 марта. 2007. URL: http://www.evening-kazan.ru/article.asp?from=number&num_dt=07.03.2007&id=24887 (дата обращения: 05.05.2013).

Компрачикос (*Comprachikos*). Провокационное // Живой журнал. 10 сент. 2007. URL: http://chva.livejournal.com/242473.html (дата обращения: 05.05.2013).

Кто самый молодой академик РАН? // Экивок. 14.10.2012. URL: http://ecivoq.wordpress.com/2012/10/14/kto-samyj-molodoj-akademik-ran/ (дата обращения: 05.05.2013).

В РАН более 40% – женщины // Наука и технологии. 10.03.2009. URL: http://strf.ru/organization.aspx?CatalogId=221&d_no=18168 (дата обращения: 05.05.2013).

Мирская Е. З. Вот мы какие. Изменение самосознания академических ученых // URL: http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm (дата обращения: 05.05.2013).

Мирская Е. З. Современные российские ученые в зеркале социологии // Независимая газета (НГ – Наука). 2000б. № 5 (30).

Мирская Е. З. Ученые Академии наук в 90-х годах // Вестник РАН. 2000а. № 11. С. 965–973.

Нугаев Р. М. Женщины-ученые в структуре татарстанского научного сообщества // Науч. Татарстан. 2003. № 3–4.

Общество гендерного потребления // 17 сент. 2007. URL: http://voffka.com/archives/2007/09/17/038502.html (дата обращения: 05.05.2013).

Полюшкевич О. А. Основы анализа гендерной специфики социальных представлений. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.

Пушкарева Н. Л. «Да зачем мне это нужно?» Почему российские женщины-ученые не «рвутся спесиво» к научной славе? // Жизнь в женском свете. Тверь: ТверГУ, 2012а. С. 161–173.

Пушкарева Н. Л. «Новые нищие»: российская наука на рубеже тысячелетий и ее женские кадры // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы психологии и образования / Ред. Л. В. Тычинина. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2012б. С. 5–23.

Пушкарева Н. Л. Libido academica (гендерный аспект просопографии академической жизни) // Антропологический форум. 2011. Вып. 14. С. 168–192.

Пушкарева Н. Л. Женщины-ученые в постсоветском фольклоре // Этнографическое обозрение. 2006а. № 4. С. 39–59; Вестник РГНФ. № 1 (46). 2007. С. 30–40.

Пушкарева Н. Л. Наука – не женское дело? К истории феминизации российской науки в начале XXI века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012в. № 14. Вып. 2. С. 105–121;

Пушкарева Н. Л. Образованные женщины и женщины-ученые в исторических судьбах России X–XX вв. // Lomonosow. 2002. N 3. S. 5–26.

Пушкарева Н. Л. Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании / Отв. ред. А. И. Евстратова. Кострома, 1997. С. 3–8.

Пушкарева Н. Л. Умные, но бедные. Повседневный быт женщин-ученых в советской и постсоветской России // VI Конгресс этнологов и антропологов России. СПб.: ИЭА РАН, 2005. С. 290–291.

Пушкарева Н. Л. Этнография современной российской науки: гендерный аспект // Российское общество. Гендерное измерение / Отв. ред. Л. С. Егорова и др. Иваново: Изд-во ИвановГУ, 2006б. С. 5–32.

Синцова Г. Обыкновенный сексизм (Одиночество – цена статуса. Ради работы приходится приносить личные жертвы) // Огонек. 2005. Сент. URL: http://www.ogoniok.com/archive/2005/4888/09-22-23 (дата обращения: 05.05.2013).

Скворцова Л. А. Управление гендерной асимметрией в науке (на материалах Забайкальского края). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Чита, 2008. 22 с.

Смирнов С. Названы лучшие российские женщины-ученые // Наука и жизнь. 19.11.2012 URL: http://www.nkj.ru/news/21380/ (дата обращения: 05.05.2013).

Смирнова А. С мороза // URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269083673 (дата обращения: 05.05.2013).

Сычева С. А. Портрет и статус женщины-ученого // Независимая газета. 2006. 22 нояб.

Форум аспирантов и соискателей. № 54. 17 сент. 2008. URL: http://www.aspirantov.net/forum/index.php?action=recent;start=50 (дата обращения: 05.05.2013).

Харламенкова Н. Е. Психологический аспект проблемы самоутверждения личности // Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 186–187.

Чехов А. П. Розовый чулок // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1976. Т. 5. С. 260–263.

Щавелева М. А. Синдром эмоционального выгорания в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 3. С. 68–69.

Щавелева М. А. Выявление зависимости структурных элементов социального представления о женщине – научном работнике от результатов анализа интервью, касающегося осведомленности об историческом аспекте научной деятельности женщин // URL: http://geniemarina.narod.ru/stat/stat1.html (дата обращения: 12.01.2013).

Шмерлина И. О науке и ученых. Опрос населения 12.06.2008 // Фонд общественного мнения. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/sci_sci/d082324 (дата обращения: 12.01.2013).

Lerner Gerda. The Creation of Feminist Consciousness. Oxford Univ. Press, 1993. P. 14.

Mad scientist // URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Mad_scientist (дата обращения: 05.05.2013).

Oertzen von Christine "Was ist Diskriminierung?" – Professorinnen ringen um ein hochschulpolitisches Konzept (1949–1989) // Julia Paulus, Eva-Maria Silies, Kerstin Wolff (Hg.) Zeitgeschichte als Geschlechtergeschichte / Neue Perspektiven auf die Bundesrepublik. Franfurt-New York: Campus Verlag, 2012. S. 103–119.

Vokabula. Настроение траурное. Наука // Живой журнал. 2005. 6 дек. URL: http://vokabula.livejournal.com/11007.html (дата обращения: 12.01.2013).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пушкарева Наталья Львовна
зав. сектором этногендерных исследований,
главный научный сотрудник, д. и. н., проф.
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, Россия, 119991
эл. почта: pushkarev@mail.ru
тел.: (495) 9548078

Pushkareva, Natalia
N. N. Mikluho-Maklai
Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academi of Sciences
32a, Leninski avenue, 119991 Moscow, Russia
e-mail: pushkarev@mail.ru
tel.: (495) 9548078

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 99–106

УДК 930

ЧТО ЗНАЧИЛО БЫТЬ ИСТОРИКОМ В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

С. Г. Мустяцэ

Государственный педагогический университет им. И. Крянгэ (Кишинев, Молдова)

Проанализированы особенности формирования, положения и профессиональной деятельности историка в Советской Молдавии на основании интервью ряда историков, которые учились и работали при советской власти. Представлены несколько аспектов труда историка – деятельность в составе государственных научных и образовательных учреждений, создание программ учебных дисциплин, подготовка коллективных работ по истории. Отражена кадровая политика в области изучения истории. Автор делает вывод, что профессионально заниматься историей в СССР было очень непросто, и в то же время исторические факультеты были весьма популярными, поскольку создавали карьерные возможности, открывали двери в государственные и партийные организации, включая органы КГБ. Более глубокое понимание профессии историка в советское время возможно в рамках проектов по истории карьер.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историк, научная карьера, Советская Молдавия.

S. G. Musteata. BEING A HISTORIAN IN THE SOVIET MOLDAVIA

The distinctive features of the formation, status and professional activities of a historian in the Soviet Moldavia are analysed. Relying mostly on interviews with many historians trained and activated during the Soviet regime, the paper presents a range of aspects – organization of the public historical educational and research institutions, training programs and curricula, writing of papers on the national history, human resources policy, etc. The author's conclusion is that being a historian in the USSR was not easy, but history departments at universities were still very popular because they opened many job opportunities in state/party organizations, including in KGB. For better understanding of the historian career during the Soviet time we have to develop projects on the history of academic careers.

K e y w o r d s : historian, academic career, Soviet Moldavia.

В советское время профессия историка была одной из самых престижных, исторические факультеты были среди наиболее востребованных молодежью. Их выпускники имели возможность продолжить свою деятельность в научных и учебных учреждениях или сделать завидную политическую карьеру в комсомольских, партийных, профсоюзных организациях, в органах милиции, КГБ и др. В обоих случаях область истории находилась под строгим контролем идеологических органов советского государства.

Целью исследования является изучение карьер историков советского времени, именно поэтому предпочтение отдано методу устной истории. В поисках ответа на вопрос: «Что значило быть историком в Советской Молдавии?» обратимся к текстам интервью, записанных в 2004–2006 и 2011 годах.

Высшие учебные и исследовательские учреждения исторического профиля

На территории между Прутом и Днестром (с 1806 по 1917 гг. – Бессарабия, а в периоды с 1940 по 1941 г. и с 1944 г. по 1991 г. – Молдавская ССР) традиции высшего образования имеют советское происхождение. В XIX в. в Бессарабии не существовало ни одного высшего учебного заведения. Лишь в 1915 году в Кишиневе был создан Учительский институт с трехлетним сроком обучения для обеспечения школ педагогическими кадрами [Universitatea..., 2000. P. 5].

В период между двумя войнами (1918–1940) с целью облегчения доступа молодым бессарабцам к высшему образованию были открыты филиалы ряда румынских университетов [Universitatea..., 2000. P. 6]. Это начинание было прекращено в 1940 году, одновременно с присоединением Бессарабии к СССР. Большевистские власти пренебрегли большинством предыдущих достижений и создали новые высшие учебные заведения советского типа [подробнее о советской системе образования см.: Musteață, Negură, 2011].

Так, 16 августа 1940 года решением Совета Народных Комиссаров МССР был открыт Молдавский государственный педагогический институт с четырехгодичным сроком обучения. 12 кафедр, включая историческую, вели подготовку учителей для начальных классов и для средних школ. В 1940 году из Тирасполя в Кишинев переведен Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, созданный в 1939 году при Совете Народных Комиссаров МАССР. В годы Второй мировой войны, когда вузы Молдавии были эвакуированы вглубь СССР, принимается решение о слиянии Тираспольского педагогического института и Кишиневского молдавского государственного педагогического института. В 1942 году Решением Совета Комиссаров МССР Тираспольский педагогический институт объединили с Кишиневским молдавским педагогическим институтом.

После Второй мировой войны открылись другие исследовательские учреждения и высшие учебные заведения. Еще в 1944 году рассматривается вопрос о необходимости открытия университета в Кишиневе. По различным причинам Кишиневский государственный университет был создан самостоятельно, а не на основе Педагогического института, как это предполагалось ранее [подробнее об истории Молдавского госуниверситета см.: Cozma, Rusnac, 1996].

В первом учебном году (1946/47) в университет было принято 320 студентов. Учебный процесс обеспечивался 35 преподавателями, работавшими на 12 кафедрах. Факультет истории и философии начал свою деятельность с первых дней создания университета. В 1962 году он был реорганизован в факультет истории и права, а в 1964 году – в исторический факультет [Cozma, Rusnac, 1996. P. 217–256].

Большое значение для подготовки кадров высшей квалификации имело создание в 1946 году при Кишиневском педагогическом институте аспирантуры – первой в МССР. В том же году была создана будущая Академия наук Молдовы. Составной частью АНМ был Научно-исследовательский институт в области истории, экономики, языка и литературы, насчитывавший первоначально 15 сотрудников. В 1947 году решается вопрос о создании Института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) при АНМ с тремя секциями [Dragnev, Parasca, 2011. P. 686–687]. В таком формате учреждение просуществовало до 1957 года, когда, путем разделения, был открыт Институт истории как самостоятельная единица в составе АНМ. Деятельность Института истории находилась под сильным влиянием партийных органов, изменение направлений исследований произошло только в 1991 году [Nicolaev, 1992]. В 1947 году в Москве было принято Постановление Министерства высшего образования СССР «О серьезных недостатках, ошибках и искажениях в преподавании курса истории Молдавии в Кишиневском государственном педагогическом институте и о мерах, предпринятых для улучшения деятельности кафедры истории СССР в рамках данного института» [Universitatea..., 2000. P. 46]. Вследствие многочисленных проверок целый ряд преподавателей истории и истории партии подверглись серьезной критике, многие были уволены. 17 декабря 1951 года министр народного образования МССР издал приказ о реорганизации факультетов Кишиневского государственного педагогического института. Историко-филологический факультет должен был включать три отделения: истории, молдавского языка и литературы, русского языка и литературы.

Эпоха оттепели нашла свое отражение в высшем образовании, в том числе в преподавании истории. В 1956 году профессора С. Афтенюк, И. Койфман, А. Репида, К. Стратиевский, И. Шлаен впервые в республике издали программу курса «История Молдавии» для высших учебных заведений. Киши-

невский педагогический институт начал подготовку специалистов широкого профиля для средних школ. Например, историко-филологический факультет предлагал следующие специальности: «молдавская история и литература», «молдавский язык и литература и русский язык и литература», «молдавский язык и литература и один иностранный язык» и др. Таким образом, начиная с середины 50-х годов XX века в высших учебных заведениях МССР стали уделять большее внимание национальной (молдавской) истории и литературе. В учебные планы исторических факультетов был введен полный курс «История Молдавии» в объеме 72 часов, который завершался экзаменом.

Начиная с 1960 года, вследствие слияния Кишиневского государственного педагогического института имени Иона Крянгэ с Молдавским государственным университетом, в МССР остался только один исторический факультет. В 1967 году ЦК КПМ принял решение «О восстановлении Кишиневского государственного педагогического института имени Иона Крянгэ» с целью дальнейшего развития высшего образования в республике и создания «благоприятных условий для подготовки высококвалифицированных специалистов». В период 1967–1970 гг. шло восстановление и консолидация коллективов кафедр педагогического института, включая кафедры исторического профиля. Параллельно в 1969 году на историческом факультете Молдавского государственного университета была создана кафедра истории МССР.

В 1970-х годах советские власти сталкиваются в МССР с рядом манифестаций антисоветского характера. В. Б. Резун, сотрудник КГБ, эмигрировавший в 1978 году в Великобританию, писал в одной из своих книг о том, что «уровень национализма» в Кишиневском государственном педагогическом институте имени Иона Крянгэ очень высок, а попытки искоренить этот феномен не дали результатов [Суворов, 1996. С. 337–338; подробнее о политических оппонентах в МССР – в исследовании-синтезе, проведенном И. Кашу: Caşu, 2011]. Данная ситуация сохранялась и в 1980-е годы, когда студенты исторических факультетов Кишинева протестовали против коммунистического режима, а позже в контексте движения национальной эмансипации студенты-историки были одними из самых активных участников. Преподаватель Павел Параска таким образом описывает события: «Факультет стал очагом новых направлений по раскрытию белых пятен, борьбы против имевших место фальсификаций, возвращению к истории румын. Мы все высказывались, по крайней мере публично, в одном ключе…» [Интервью с док. хабилитат, проф. П. Параска в Кишиневе 24.09.2011].

Возвращаясь к 60-м годам, профессор Борис Визер отмечал, что Педагогический институт имени И. Крянгэ был закрыт именно по «национальным причинам».

> И в 60-х годах Педагогический институт был ликвидирован. Именно ликвидирован, потому что он превратился в оазис национальной идеологии, чего не имеем даже в настоящее время, к сожалению, нет у нас национальной идеологии. И поэтому его закрыли, чтобы оставить без работы самых преданных национальной идее специалистов, какими были Лугина и еще некоторые. Таким образом, ликвидировали, чтобы избавиться именно от этих людей [Интервью с док. хаб., проф. Б. Визером в Кишиневе 17.09.2011].

По утверждению профессора Александра Мошану, в МССР имели место ряд «кампаний по борьбе с “национализмом” (1970–1971, 1982–1983, 1988–1989 гг.)». Вследствие этого пострадало много людей, среди них и интеллигенты, обвиненные в национализме, «который считался в то время серьезным отклонением от советских норм поведения» [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu prof. univ. dr. hab. Alexandru Moşanu – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с проф., док. хаб. истории Александру Мошану // InfoHis. Buletin informativ ANTIM. 2004. nr. 3 (23). P. 16–19].

В конце 1980-х годов исторические кафедры Молдавского государственного университета и Государственного педагогического института имени И. Крянгэ претерпели ряд организационных изменений, соответствовавших духу времени. Факультет истории и педагогики Кишиневского государственного педагогического института им. И. Крянгэ первым в Молдове исключил курс истории КПСС из учебных программ. Эти изменения стали возможны в 1989 г. благодаря заместителю декана факультета Г. Постикэ и ректору института И. Боршевичу. В других институтах это произошло на год позже. Так, в университете в 1990 году кафедру истории КПСС реорганизовали в кафедру политической истории XX века, а кафедру научного коммунизма – в кафедру политологии и теории социализма.

В 1991 году факультет истории и педагогики Кишиневского педагогического института переименован в факультет истории и этнопедагогики, получив название насколько интригующее, настолько же двусмысленное.

Программы, учебные дисциплины и коллективные работы по истории

Учебные программы на всех факультетах контролировались партийными органами, которые не только управляли учебным процессом, но и активно вмешивались в его содержание. [О структуре исторического образования в СССР см.: Cozma, Dolghi, 2009]. После Второй мировой войны на исторических факультетах изучалась, в частности, история СССР и всемирная история, но постепенно расширялась информация об истории Молдавии, а затем был введен и специальный курс. Содержание данного курса подвергалось серьезной критике со стороны партийных органов. Лежавшие в основе курса «Очерки по истории Молдавии» были написаны еще в 1941–1943 гг. группой авторов в составе Н. В. Березняков, И. Г. Сенкевича, Н. Нарцова (только последний знал румынский язык). [Подробнее о том, как придумывали национальную историю советские историографы, см.: Dragnev, Jarcuțchi, 2006; Dragnev, Parasca, 2011]. В 1945 году Бюро ЦК КПМ инициировало дебаты по проекту курса истории Молдавии, разработанного Н. Нарцовым, заведующим кафедрой истории Государственного педагогического института имени И. Крянгэ [подробнее о первом синтезе истории Молдовы см.: Cozma, Dolghi, 2007].

В 1946 году рукопись Н. Нарцова по истории Молдавии, подготовленная к печати, получила отрицательные рецензии от исследователей В. Пичеты, А. Удальцова и М. Левченко. Они считали, что в исследовании недостаточно подчеркнута роль славян в создании молдавского народа, а история молдавского княжества представлена в духе румынской историографии. На Пленуме ЦК КПМ 1947 года работа Н. Нарцова вновь была вынесена на обсуждение, а И. С. Зиров подверг критике Институт истории, языка и литературы за то, что не была подготовлена еще одна планировавшаяся фундаментальная работа по истории Молдавии [Universitatea..., 2000. P. 46–47]. В том же духе выступал И. Д. Бактов, главный редактор газеты «Советская Молдавия», который критиковал Н. Нарцова за его лекции и подчеркивал необходимость создания коллектива, который разработал бы «марксистско-ленинский курс» истории Молдавии. Для допуска к работам коммунистических идеологов был необходим их перевод на «молдавский» язык. В этом смысле заслуживает внимания случай, когда кишиневский историк М. Брухис «перевел» труды В. Ленина, взяв за основу вариант, изданный в Бухаресте.

К 1947 году, когда в СССР широко отмечалось 30-летие Октябрьской революции, ожидалось издание «новой» истории Молдавии для университетской среды. Однако ожидания не оправдались. Для решения этой проблемы под руководством Секции по пропаганде и агитации ЦК КПМ была организована специальная комиссия. К очередной юбилейной дате 1949 года (в связи с 25-летием создания МССР, преемницы МАССР, созданной в 1924 году) предусматривалось подготовить макет курса истории Молдавии. Два года спустя был издан первый том «Истории Молдавии» на русском языке, который перевели на «молдавский» язык только в 1954 году. В 1958 году вышел в свет второй том этого коллективного труда. Программа университетского курса «История Молдавии» была опубликована только к 1957/58 учебному году. Если в Кишиневском государственном педагогическом институте история Молдавии уже преподавалась некоторое время, то в Государственном университете соответствующий курс стал читаться с 1 сентября 1957 года [Universitatea..., 2000. P. 47].

В период хрущевской оттепели в библиотеки Кишинева поступают исторические работы, изданные в Румынии, но некоторые из них остались недоступными для историков. Для получения доступа к этим исследованиям требовалось специальное разрешение. А начиная с 1965 года, после ухудшения румыно-советских отношений, доступ к румынской литературе стал еще сложнее. В 1966 году была создана Комиссия по контролю над специальным фондом библиотеки АНМ.

В том же году появилась директива ЦК КПМ, адресованная Институту истории и касавшаяся определения некоторых вопросов советско-румынских отношений. В 1967 году при ЦК КПМ был создан Сектор общественно-политических и информационных исследований, который изучал «молдавский аспект за рубежом». В 1973 году начальник Секции информации и внешних отношений ЦК КПМ подвергает критике работу «История румын», авторами которой были К. К. Джюреску и Д. К. Джюреску, характеризуя ее как антиславянскую, антирусскую и антисоветскую. На протяжении 1970-х годов в Кишиневе издается ряд работ, призванных установить этногенез молдаван и молдавской государственности. Таковыми можно считать работы А. Лазарева, который в 1974 году издает монографию «Советская молдавская государственность и бессарабская проблема», в 1977 году – «Молдаване», а в 1978 году – работу «Формирование буржуазной молдавской нации» [Лазарев, 1974, 1977, 1978].

В 1950-х годах увидел свет первый выпуск коллективного труда «История МССР», а в начале 1960-х годов началась работа над ее новым изданием. Борис Визер, бывший сотрудник Института истории, вспоминает о том, как работали над созданием данного труда:

> …Знаю, что были допущены большие ошибки, политические, идеологические, но по-другому нельзя было. Так получилось, что я был назначен редактором. Вместе с Трапезниковым (Сергей Павлович Трапезников (1912–1984) – советский партийный деятель и историк. – *С. М.*) из Москвы мы были ответственными редакторами. Естественно, появились проблемы с Руссевым (Евгений Михайлович Руссев (1915–1982) – молдавский историк. – *С. М.*). Я отредактировал последний текст работы, и была написана моя фамилия – *«История Молдавской ССР» под редакцией Трапезникова и Визера* – когда появился так называемый «сигнальный номер»… Когда появился тираж, я был вписан как рядовой член редакционной коллегии. Я спросил Громова (И. В. Громов – советский историк, в то время был одним из редакторов работ по истории народного хозяйства. – *С. М.*): «Что случилось?» – «Руссев так сказал». «Но, хорошо, ты почему не сказал мне? Ты был обязан. Происходят такие метаморфозы. Сейчас, конечно, ничего не исправят, если тираж вышел в свет…» [Интервью с док. хаб., проф. Б. Визером в Кишиневе 17.09.2011].

В 1982 году началось создание нового труда по истории МССР, первый том был опубликован в 1987 году.

Рассматривая некоторые аспекты преподавания и разработки курсов по истории Молдавии, можно заметить, что коммунистическая партия держала под контролем как их форму, так и содержание. Местная историография была ограничена рамками тем и направлений, которые были определены центром. Среди наиболее «исследованных» проблем выделяются коллективизация и индустриализация МССР, история рабочего движения в МССР и др. Взаимосвязь с всеобщей историей оставалась довольно скромной из-за ограниченного доступа к западным изданиям. В МССР изучалась, скорее всего, региональная история в соотношении с историей СССР, при этом преувеличивалось значение славян и русского народа в истории расположенной в восточной части Карпат территории. Одновременно с движением национальной эмансипации в МССР, в Кишиневе произошли изменения и в курсах историографии.

Историки и кадровая политика в области истории

Зачисление во все высшие учебные заведения МССР производилось по плану, который согласовывался с партийными органами и Министерством образования. Они очень внимательно следили за образовательным процессом и активно вмешивались в него. По существу, в МССР была импортирована советская модель исторического образования и соответствующие профили профессии историка (учитель, научный сотрудник/исследователь, преподаватель вуза). Качество образования зависело от университетских программ, доступа к литературе, а также от квалификации и общественной позиции конкретного преподавателя. Сразу же после войны в университетах МССР работали преподаватели, получившие образование в высших учебных заведениях СССР, среди них было очень много евреев. Профессор Павел Параска вспоминает о некоторых преподавателях исторического факультета:

> Вспоминаю нашего преподавателя Шлаена Иосифа Моисеевича, который был настоящим доктором наук, хотя не имел научного звания, говорил на чистейшем румынском языке, знал в совершенстве материю. Это все убедило меня в том, что я не ошибся, выбрав историю. У нас были и другие хорошие преподаватели. Вот и господин Драхенберг, которому сейчас 80 лет. Конечно же, были преподаватели, которые употребляли и русские слова. Но это было не так заметно, потому что и литература [историческая] была переведена, было достаточно много переведенной литературы, и, таким образом, у нас была возможность для самообучения. Хочется отметить, что хуже всего владели [молдавским] языком преподаватели, которые читали нам историю СССР и историю КПСС. [Интервью с док. хаб., проф. П. Параска в Кишиневе 24.09.2011].

В первые послевоенные годы в высшие учебные заведения принималось очень мало представителей местного населения. Профессор Борис Визер утверждает, что в 1948 году, когда он был зачислен на исторический факультет, на 1 курсе было всего пятеро молдаван:

> На исторический был конкурс. Но тут контингент был больше. Было много заявлений от русских, евреев и не было от молдаван. В действительности был я, Сытник, Платон и Рошка. Вот, пришли четыре молдаванина. Нет, был и пятый – Новак. И больше не было. [Интервью с док. хаб., проф. Б. Визером в Кишиневе 17.09.2011].

Большинство опрошенных утверждают, что решение учиться на историческом факультете было продиктовано интересом к прошлому, который появился у них еще в детские годы. Так, профессор Георге Паладе утверждает, что «…первый вклад был сделан моим отцом и учителями Иваном Георгиевичем и Анной Матвеевной Чакир» [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu conf. univ. dr. Gheorghe Palade – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с док. конф. Георге Паладе // InfoHis. Buletin

informativ ANTIM. nr. 1 (29). 2006. P. 4–6]. Профессор Ион Еремия говорит о том, что первые знания получил у отца еще до школы [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu dl profesor I. Eremia – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с проф. И. Еремия // InfoHis. Buletin informativ ANTIM. nr. 4 (28). 2005. P. 5–7]. Но все же главная роль в привитии интереса к истории отводится школьному учителю, и по этому поводу профессор Митру Гициу замечает: «…когда мы слышим, что кого-то не интересует история, нам остается только сожалеть, что ему не посчастливилось иметь настоящего учителя истории в школе» [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu dl profesor Mitru Ghițiu – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с проф. Митру Гициу // InfoHis. Buletin informativ ANTIM. nr. 3 (27). 2005. P. 9–12].

Основное значение в начальном формировании профессионального историка придается университету и университетским преподавателям, способствовавшим появлению той плеяды историков, которые в 1987–1990 годах создали новую национальную историческую школу в Республике Молдова. Профессор Георге Постикэ утверждает, что, хотя он и сформировался в советское время, ему посчастливилось пройти школу, ядро которой составляли преподаватели с высокими моральными и профессиональными качествами, такие как В. Потлог, И. Никулицэ, И. Шлаен, П. Кокырлэ, К. Драхенберг, Р. Энгельгардт, М. Володарский, М. Старожук, А. Мошану и др.

Большая роль в становлении историка отводится процессу совершенствования и полученному в академическом учреждении опыту. Академик Андрей Ешану подчеркивает:

> ...В Институте истории Академии наук Молдавии я многому научился у таких ученых, как ...Павел Димитриу, Ион Хынку, Павел Советов и др. Наш институт часто посещали известные русские и украинские историки по Средневековью, которые участвовали с интересными докладами и отчетами на наших ученых сессиях. Особенно вспоминаю историков В. Королюка, Г. Литаврина, Л. Черепнина, Я. Исаевича, А. Рогова и др., которые впечатляли своей культурой, эрудицией и широким научным кругозором, что заставило меня прочитать многие их работы... [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu dr. hab. Andrei Eşanu – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с док. хаб. Андреем Ешану // InfoHis. Buletin informativ ANTIM. nr. 1 (25). 2005. P. 14–17].

После окончания университета выпускники централизованно распределялись комиссией на работу в МССР. Профессор Павел Параска, говоря об этой системе, вспоминает: «Если тебя распределяли на определенное рабочее место, ты был обязан поехать туда и работать. Самые хорошие студенты имели право выбора (из списка предложенных мест). Но на работу распределялись все, все получали рабочее место». Профессор Борис Визер на вопрос: «Какой была перспектива устроиться на работу после окончания университета?» дает следующий ответ: «Было очень просто. В селах не было учителей. И как только ты оканчивал университет, тебя отправляли в село». Б. Визер подчеркивает, что профессиональные перспективы выпускника-историка были весьма ограниченными:

> Не было больших перспектив. Многие студенты учились до последнего курса и писали заявление об отчислении из института, потому что на последнем курсе их должны были распределить на работу по селам. И они уходили, шли в город на работу. Работали год-два и после этого восстанавливались на заочное отделение. Получали диплом и могли остаться в городе. Если же ты был упрямым, если хотел продвинуться, тогда... ты мог заняться наукой. Или, если твоя биография была незапятнанна, ты мог найти себе место в комсомоле, даже в партии, в партийных органах. Была определенная перспектива. Молдаване, примерно 50 %, шли работать в школу. А из русских только где-то 27–29 % устраивались в школы, но, главным образом, в городские школы, а не в сельские. Потому что города были русифицированы. [Интервью с док. хаб., проф. Б. Визером в Кишиневе 17.09.2011].

По тому же принципу распределялись специалисты и в университеты, включая исторические факультеты. Зачастую выпускников направляли против их воли и желания даже в научную сферу, как случилось с профессором Александру Мошану, который утверждает:

> Я получил распределение, без моего согласия, в научное учреждение – область, для которой я был менее подготовлен. Начал осваивать профессию научного исследователя. Однако в советский период этот труд не приносил мне удовлетворения. Не мог исследовать темы, представляющие особый интерес. Наиболее сложным было то, что администрация, по указанию коммунистического руководства, требовала от сотрудников Института истории АНМ исследовать работы ученых Румынии и установить, руководствовались ли они шаблонами советской историографии, которые считались «старшим братом» и образцом исторического исследования марксистско-ленинского учения и так называемого принципа пролетарского интернационализма... [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu prof. univ. dr. hab. Alexandru Moşanu – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с док. хаб., проф. Александру Мошану // InfoHis. Buletin informativ ANTIM. 2004. nr. 3 (23). P. 16–19].

Кадровая политика в учреждениях АНМ и в университетах определялась партийными органами. Сразу после Второй мировой войны большинство специалистов прибыли по распределению из различных областей СССР. Постепенно, в

период 1950–1960 годов в Кишиневе образовалась и местная элита, которая, заняв руководящие посты, стала продвигать местных специалистов. Учитывая престижность карьеры ученого, конкурс в аспирантуру (докторантуру) был очень большим. Борис Визер подчеркивает, что в 1956 году в докторантуру АНМ на историю было 11 кандидатов на 2 места. Доказательством того, насколько престижным было оказаться частью советской интеллектуальной элиты, можно считать и его восклицание: «После защиты докторской диссертации мы стали новыми учеными!».

При упоминании о советском периоде в оправдание конформизму часто используется аргумент, что «историку нужно было на что-то жить». Профессор Павел Параска говорит об этом:

> Я стал кандидатом в члены партии будучи в армии, и это было ультиматумом. Мне было сказано: напиши заявление о поступлении в партию, и мы подпишем твое заявление о посещении подготовительных курсов в университет. Я написал заявление и был принят в кандидаты в члены партии. Исключение из партии приравнивалось к ликвидации твоих перспектив… Я вышел из партии в 1990 году, без деклараций, без шума, без ничего… [Интервью с док. хаб., проф. П. Параска в Кишиневе 24.09.2011].

Историки, которые не выполняли партийные установки, освобождались от занимаемых должностей или переводились в другие учреждения. Иногда имел место «дисциплинарный» перевод из научно-исследовательских учреждений АНМ в университеты, потому что в советское время намного престижнее было работать научным исследователем, чем университетским преподавателем. В других случаях переводили в иной, менее значимый с идеологической точки зрения институт в рамках Академии. Так было с Ионом Хынку, которого обвинили в национализме и в 1977 году перевели из Института истории в Секцию этнографии АНМ. Спасение профессионализма для советского историка оказалось трудно решаемой проблемой. О случае с Хынку профессор Павел Параска вспоминает:

> …организовали Совет, который должен был доказать этнические корни молдавского народа, у которого нет ничего общего с этническими корнями румынского народа, что-то в этом роде. Мне предложили стать ученым секретарем, и я согласился. На заседании Совета Иван Хынку представил доклад, из которого следовало, что существуют элементы преемственности романизированного населения на территории романизированного государства Молдова, что данные элементы были обнаружены и в археологических раскопках и в других документах […], что других исторических сведений нет. С тех пор стали преследовать Хынку. Тогда же я стал на сторону Хынку. Поэтому, без предупреждения, я не был больше секретарем Совета… [Там же].

Выводы

Насколько «услуги историка» могут соответствовать разумности своей эпохи, настолько историческая наука будет соответствовать реальности прошлого и настоящего. Знания о прошлом в значительной степени влияют на представления каждого из нас о настоящем и будущем. Воссоздание некоторых аспектов недавней истории на основе личной памяти актуально и важно, но сделать это на основе устной истории, тем более воспоминаний интеллигенции, очень сложно, потому что ее представители были напрямую вовлечены в события того времени или пострадали от советского режима. Часто лица, дающие интервью, осознают себя в качестве жертвы, утверждая, что они (их карьера) пострадали от режима из-за собственных идей или определенной позиции. Сложно документально подтвердить такие ситуации, особенно в том, что касается отношений интеллигенции с партийными органами и органами безопасности. Даже лица, дающие интервью, не желают открыто говорить о подобных ситуациях.

В советский период в МССР для многих людей науки профессия историка была сопряжена с большими проблемами. Но она не стала легче и после 1991 года. Профессор Ион Еремия утверждает, что сегодня достаточно сложно быть историком в Республике Молдова, когда практически все считают себя историками. В Республике Молдова проявляется синдром, который можно назвать «новый историк» – невоспитанный, агрессивный, некультурный, но с претензиями ментора [A fi istoric în Republica Moldova. Interviu cu dl profesor I. Eremia – Быть историком в Республике Молдова. Интервью с проф. И. Еремия // InfoHis. Buletin informativ ANTIM. nr. 4 (28). 2005. P. 5–7]. Многие проблемы коллективной памяти и идентичности в современной Республике Молдова, с которыми сталкиваются историки, берут свое начало в советском периоде. Решение этих проблем связано как с изменением коллективного менталитета, так и с ростом влияния общественной истории на граждан. В итоге – быть историком означает быть видимым в историографии и оставить след в истории.

Источники и литература

Лазарев А. Советская молдавская государственность и бессарабская проблема. Кишинев, 1974.

Лазарев А. Молдаване. Кишинев, 1977.

Лазарев А. Формирование буржуазной молдавской нации. Кишинев, 1978.

Суворов В. Освободитель. Аквариум. Москва: АСТ, 1996.

Caşu I. Opozanți politici în RSSM după 1956: spre o tipologizare bazată pe dosare din arhiva KGB / Eds. S. Musteață, I. Caşu // Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa. Chişinău: Editura Cartier, 2011. P. 512–562.

Cozma V., Dolghi A. Primul manual universitar – prima sinteză de istorie a Moldovei // Revista de istorie a Moldovei. 3 (71). 2007. P. 52–62.

Cozma V., Dolghi A. Aservirea învățământului istoric superior din URSS intereselor politice // Revista de istorie a Moldovei. 2/3 (78/79). 2009. P. 207–216.

V. Cozma, G. Rusnac. Istoria Universității de Stat din Moldova (1946–1996). Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 1996.

Dragnev D., Jarcuțchi I. Ştiința istorică din Moldova în anii 1946–2006 // Revista de istorie a Moldovei. 1–2. 2006.

Dragnev D., Parasca P. Cum a fost inventat «punctul de vedere al istoriografiei sovietice asupra istoriei naționale» / Eds. S. Musteață, I. Caşu. // Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa, Chişinău: Editura Cartier, 2011. P. 676–716.

Jenkins K. Refiguring History. New thoughts on an old discipline. London, New York: Routledge, 2003.

Mischevca V., Şandru O. Vocația unei profesii sau ce înseamnă a fi istoric? // InfoHis. Buletin informativ ANTIM 2. 26. 2005. P. 10–13.

Musteață S., Negură P. Îndoctrinare, sovietizare şi rusificare prin învățământ în RSSM / Eds. S. Musteață, I. Caşu // Fără termen de prescripție. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa. Chişinău: Editura Cartier, 2011. P. 646–675.

Nicolaev G. Institutul de Istorie la început de cale nouă // Revista de istorie a Moldovei. 2. 1992. P. 79–80.

Şarov I., Cuşco A. О роли профессиональных историков в Республике Молдова // Civilization Research 8. 2010. P. 60–76.

Universitatea Pedagogică de Stat «Ion Creangă» din Chişinău (1940–2000) / Eds. N. Banuh, B. Vizer. Chişinău: Universitatea Pedagogică de Stat «Ion Creangă» din Chişinău, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мустяцэ Сержиу Георгевич
декан факультета истории и этнопедагогики
Государственный педагогический университет
им. И. Крянгэ
ул. И. Крянгэ, 1, оф. 407
Кишинев, 2069, Республика Молдова
эл. почта: sergiu_musteata@yahoo.com
тел.: 00373 22 358305

Musteata, Sergiu
Ion Creanga State Pedagogical University
1, Ion Creanga str., of. 407
2069 Chisinau, Republic of Moldova
e-mail: sergiu_musteata@yahoo.com
tel.: 00373 22 358305

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 107–112

УДК 94(47):930.1

«ВАГОН В ГАЛСТУКЕ» ИЛИ «ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРСТВЕННИК»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. Ч. Реут[1], Т. П. Тетеревлева[2]

[1]Петрозаводский государственный университет
[2]Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Изучение конструирования, трансляции, оценки, трансформации образов исторических деятелей находится в фокусе современных историографических исследований, при этом в поле зрения исследователей попадают не только научный, но и другие дискурсы, и прежде всего политический. В статье на основе материалов, отражающих многообразие жанрового пространства российского политического дискурса (при опоре на прецедентные тексты), характеризуется специфика репрезентации и интерпретации образа П. А. Столыпина в официальном дискурсе, а также в дискурсах «системной», «несистемной» и «новой» оппозиции. Основное внимание сосредоточено на способах формирования и соотношении отдельных структурных элементов образа Столыпина, при этом в качестве ключевого выделен вопрос о том, каким образом в современном политическом дискурсе преломляется научный историко-биографический нарратив.

К л ю ч е в ы е с л о в а : репрезентация, историография, П. А. Столыпин, политический дискурс.

O. Ch. Reut, T. P. Teterevleva. THE “RAILCAR IN A NECKTIE” OR A “GREAT STATESMAN”: REPRESENTATIONS OF THE HISTORICAL FIGURE IN MODERN RUSSIAN POLITICAL DISCOURCE

The processes of construction, representation and transformation of images of historical figures are in the focus of the contemporary historiographical research. The field of study includes not just academic, but other discourses as well, and, above all, the political one. The paper provides an outline of the ways of representation and interpretation of P.A. Stolypin’s image in the official discourse, as well as in the discourse of the “system”, “non-system” and “new” opposition, based on the analisys of texts reflecting the genre diversity of the Russian political discourse (especially “precedent” texts). By defining the main structural elements of the image of P.A. Stolypin, the authors examine how the academic historical-biographical narrative is currently refracted in the national political discourse.

K e y w o r d s : representation, historiography, P. A. Stolypin, political discourse.

Изучение восприятия и репрезентации человека в истории является одним из наиболее актуальных направлений современной гуманитаристики. В данном контексте востребованным предметом комплексного исследования становится категория «образ исторического деяте-

ля», оказавшаяся на пересечении важнейших тенденций развития социально-гуманитарного знания, которые сформировались под воздействием «поворотов» и интеллектуальных вызовов последних десятилетий, в частности, антропологизации социальных наук и движения к кросс- и постдисциплинарности. Изучение конструирования, трансляции, оценки, трансформации образов исторических деятелей оказывается в фокусе историографических исследований, проблематика которых отнюдь не сводится к изучению различных трактовок персоналий сугубо академической историографией. В поле зрения исследователей исторического знания попадают не только научный, но и другие дискурсы, и прежде всего политический.

Это новое измерение «историографии биографий» обретает особую актуальность в современной ситуации активного обращения участников российского общественно-политического процесса к ключевым событиям и знаковым фигурам отечественной истории, что обусловлено, с одной стороны, превращением исторического знания в важнейший символический капитал социума, находящегося в интенсивном поиске новой коллективной идентичности, а с другой стороны, наблюдаемым смещением политической жизни в символическое пространство – в поле «политики памяти».

Что касается предмета исследования, то «прочтение» совокупности репрезентаций исторической личности, по существу, синтезирует ситуационно взаимосвязанные позиции, присущие политическому, академическому и медийному комплексам в современной России. В этом смысле целесообразно говорить о различающихся между собой политическом, академическом (научно-академическом) и медийном дискурсах. В классификационном плане можно выделить еще художественный дискурс, но в данной статье он не рассматривается.

Под дискурсом здесь понимается такой способ интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой способ видения мира, способ упорядочения действительности [Михалева, 2002], в данном случае – действительности исторической. В контексте данного исследования стоит обратить особое внимание на соотношение политического и научного/академического дискурсов.

Критериями разграничения дискурсов выступают цели и стратегии обращения к прошлому, способы формулирования дискутируемых вопросов, отбор задействованных понятий и категорий. Среди существенных признаков политического дискурса, в отличие от научного/академического, можно упомянуть: «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием», тенденция к смысловой неопределенности, наличие «самореферентных» знаков, апелляция к иррациональному [Шейгал, 2004].

Вместе с тем принципиально важным является взаимодействие дискурсов. В современном обществе все акторы политического пространства вынуждены проводить символическую политику, в том числе производить и транслировать определенные (в высокой степени персонифицированные) модели исторического прошлого страны. В этой ситуации образ исторического деятеля «превращается в некий артефакт и обретается в виртуальной реальности» [Шестопал, 2000. С. 219] и воспринимается прежде всего как продукт современной эпохи. Наиболее востребованы при этом оказываются образы государственных, общественных и политических деятелей переломных эпох, кардинально изменивших (либо пытавшихся изменить) ход отечественной истории. К числу таких деятелей, безусловно, следует отнести П. А. Столыпина, 150-летний юбилей которого был заявлен как один из весомых аргументов для объявления 2012 года Годом российской истории. Следует отметить, что официальное объявление Года истории привело, во-первых, к неизбежному перемещению в политическую сферу целого ряда сюжетов и персонажей отечественной истории и, во-вторых, еще раз со всей отчетливостью выявило тот факт, что именно политический, а не научный дискурс оказывает определяющее влияние на формирование характера этих сюжетов и образа персонажей в общественном сознании.

С другой стороны, в научной среде не являются редкостью утверждения такого рода: «политические оценки от имени историков – не превышение полномочий историка, а моральный долг» – отражающие то, что французский исследователь А. Блюм назвал «российским парадоксом»: «Российские историки очень хотят участвовать в конструировании национальной идентичности. Но, вообще-то, это не работа историков, это политика» [Материалы..., 2010].

Кроме того, в современной ситуации взаимодействия и последовательного усложнения дискурсивных практик важнейшим нивелирующим средством выступает Интернет, размывающий прежние институциональные границы между специальным и «профанным» историческим знанием [Ермаченко, 2004]. Переход к «Исто-

рии 2.0» породил целый ряд проблем, связанных с превращением исторического знания в один из элементов новой, дигитально организованной медийной культуры [Тетеревлева, Реут, 2011]. Медиатизация обусловила серьезные качественные изменения, прежде всего, в способах репрезентации научного исторического знания, а также в подходах и принципах определения его достоверности. Во многом это связано с нарушенной иерархизацией текстов, при которой серьезные научные работы размещаются «на равных» с явно маргинальными, а зачастую и псевдонаучными текстами, что создает характерную для ситуации медиатизации иллюзию «равенства мнений» академических историков и непрофессионалов [Teterevleva, Reut, 2012].

Каким же образом в современном политическом дискурсе преломляется научный историко-биографический нарратив? В чем состоит и какими факторами определяется специфика трансформации исторических образов в дискурсивных практиках, испытывающих воздействие различных акторов российского политического поля? Для решения данной проблемы перспективным выглядит анализ т. н. «прецедентных текстов» как своего рода «коммуникативных событий», обладающих высокой значимостью для конкретного сообщества и непосредственно задающих направление процессам конструирования и репрезентации образа исторического деятеля. Это даст возможность выявить способы формирования его отдельных структурных компонентов (как описательных, так и оценочных), степень и характер привлечения научно-исторического знания, а также проследить взаимосвязь между характером репрезентации образа и социально-политическими процессами, т. е. выявить их воздействие на выдвижение на первый план одних компонентов образа исторического деятеля и уход на периферию других [Шестопал, 2002. С. 29].

Как отмечалось выше, П. А. Столыпин стал одной из центральных фигур объявленного в 2012 г. Года российской истории, что активизировало включение сюжетов, связанных с его жизнью и деятельностью, в арсенал общественно-политической полемики. В официальном дискурсе (в том числе и «партии власти»), дискурсах «системной» и «несистемной» оппозиции оценки П. А. Столыпина и, более широко, интерпретация его образа стали инструментом для выражения политической идентичности через противопоставление по-разному определяемых «мы» и «другие».

Специфика репрезентации образа П. А. Столыпина в официальных правилах высказывания связана с попытками государственного конструирования желаемого – унифицированного и консолидирующего – образа исторического прошлого страны в целом. Она определяется, с одной стороны, активизацией механизмов ретроспективной легитимации существующего политического режима через поиск истоков и исторических основ нынешней государственности, который ведется, в первую очередь, в направлении синтеза советских и имперских институтов. С другой стороны, важную роль играет тезис о превращении историко-культурного наследия в поле внешнеполитического противостояния: «Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства – это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии» [Стенографический отчет, 2012].

В данном контексте пристальное внимание к истории и ее интерпретациям становится не только существенной составляющей российского политического поля, но и неотъемлемой частью той символической политики государства, что и представляет собой «работу по производству и внушению смыслов» [Бурдье, 1993. С. 66]. Важнейшими коммуникативными событиями в этом плане стали конференции, организованные при участии или поддержке представителей государственной власти (в частности, серия «Столыпинских чтений», конференция «Столыпин и современная Россия»), а также открытие памятника Столыпину у Дома правительства в Москве. В числе решающих аргументов для их организации выступала заявленная необходимость восстановления исторической памяти о «незаслуженно забытом» государственном деятеле и придание нового стимула изучению его политико-государственного наследия. Вместе с тем важнейшей характеристикой обращений к образу П. А. Столыпина в официальном дискурсе стало проведение прямых параллелей между его политическим курсом и деятельностью нынешних первых лиц государства.

Следует отметить, что одно из первых сравнений В. В. Путина и П. А. Столыпина прозвучало еще в 2001 г. Однако тогда контекст сопоставления был другим, и выводы из него делались иные. Ключевыми характеристиками репрезентации Столыпина в период 2000–2004 гг. были акцент на его стремлении отказаться от геополитических притязаний, от активного вмешательства в мировую политику (апелляция к действиям Столыпина во время

Боснийского кризиса 1909 г., «когда он был категорически против втягивания страны в войну на Балканах»), близость «к спецслужбам», равноудаленность от правых и левых, «консервативный либерализм» и патриотизм, но главное – его политическое одиночество, непонятость как реформатора.

Анализ современных интерпретаций деятельности П. А. Столыпина показывает, что структура его образа в официальном дискурсе существенно поменялась. На первый план вышли такие характеристики, как «великий государственник», «жесткий премьер, которого побаивался сам император», «выдающийся государственный деятель», «реформатор, на десятилетие остановивший революцию». Главными чертами Столыпина стали «политическая воля» и «стремление к стабильности», обеспечившие экономический рост страны; в ядро образа постепенно входит ранее не фигурировавшая (или находившаяся на периферии) характеристика «глубоко верующий человек», патриотизм приобретает более выраженную антизападническую направленность («Он говорил, что наш орел – двуглавый, …что нельзя использовать чужие кальки»), подчеркивается наличие внутренних помех и раздражение «геополитических конкурентов» [Мединский, 2012]. Показательны в этом плане перипетии знаменитого высказывания П. А. Столыпина из «Речи об устройстве быта крестьян и о праве собственности», бытующего в политическом дискурсе (не слишком озабоченном, в отличие от научного, точностью цитирования) в двух последовательно сменяющих друг друга вариантах: «*Вам*, господа, нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» и «*Им* нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

В целом избранная при представлении образа Столыпина стратегия «игры на повышение» при акцентировании скорее стабилизирующего характера его государственной деятельности, нежели ее положительных итогов, привела к утверждению позитивной (и даже апологетической) репрезентации этого исторического деятеля в пространстве публичных властно-общественных взаимодействий. Следует отметить, что существенную роль в складывании подобной репрезентации сыграли и контекстуальные факторы, в частности, апелляция к стереотипам массового сознания, к представлениям о смысле и назначении «публичной истории»: «Вы наивно считаете, что факты в истории – главное. Откройте глаза: на них уже давно никто не обращает внимания! Главное – их трактовка, угол зрения и массовая пропаганда» [Живой Журнал awas 1952, 2011]; «Мы видим, что сама личность П. А. Столыпина волнует общество в гораздо меньшей степени, чем политический миф о Столыпине. Положительный миф о Столыпине сегодня крайне необходим нашему обществу, которое насквозь поражено метастазами большевизма или новообразованиями неолиберализма» [Мультатули, 2011].

Говоря о репрезентации П. А. Столыпина в структуре высказываний «системной оппозиции», в качестве исходного коммуникативного события можно отметить дискуссии в рамках проекта «Имя России» [Имя России, 2008]. В первую очередь следует указать на внешне противоречивое отношение к образу Столыпина, которое обусловлено, с одной стороны, привлекательностью (в том числе и в плане неявной самопрезентации) связываемых с ним идей сильного государства и антилиберализма, с другой стороны – тем, что этот образ в настоящее время все более активно используется действующей властью.

В связи с этим важной отправной точкой в интерпретациях становится тезис о том, что образ Столыпина был «приватизирован», с одной стороны, «либеральными интеллигентами», с другой – политиками, которым нужно «оправдать сотворенное в 1990-х годах». При этом репрезентация «подлинного Столыпина» остается безусловно позитивной: «храбрый, мужественный человек», «сильная личность», «великолепный премьер-министр» (показательно, что ЛДПР предлагала еще 2011 г. объявить годом Столыпина), притом что проводившаяся им земельная реформа получает максимально уклончивые оценки. Сущностными для интерпретации деятельности Столыпина становятся, прежде всего, ассоциируемые с его именем проекты неосуществленных реформ («попытался наложить руку на банковскую систему» [Зюганов, 2008]). Однако ключевой характеристикой именно этого «условия употребления» становится акцент на противостоянии премьер-министра и полицейско-бюрократического аппарата государства. Центральным эпизодом, к которому обращаются носители данного дискурса, становится гибель Столыпина, в качестве причины которой прямо указывается неприязнь со стороны «придворной камарильи» при обязательной ссылке на то, что Столыпин был убит агентом царской охранки (и одновременно – представителем радикальной интеллигенции).

Несомненно, интерпретации «подлинного Столыпина» в рамках данного дискурса могут иметь определенные структурные различия. Употребление ценностно и идеологически значимых отсылок относительно предсказуемо сталкивается с естественными ограничениями, при которых: а) респондент (автор, читатель и

комментатор) попадает в специфичную коммуникативную ситуацию, провоцирующую его на клишированные высказывания – обычно ему предоставлены клише, между которыми он может выбирать, но не может конструировать их сам; б) словоупотребление как политическая категория фактически отрывается от описания событий при формировании дискурса. Теоретически это обосновывается тем, что медиатизированная политическая субъектность в значительной мере сплетается из сетевой коммуникации, предполагающей систему взаимных отсылок, «пульсирующих» ключевых текстов и порождаемых ими нитей взаимодействия. Медиатизация российской истории и российской политики, развитие новых медиа и связанной с ними сложно организуемой интерактивной коммуникации формирует качественно иные условия актуализации вопросов трансформации образов исторических деятелей. При этом нередко в структуре образа происходит выдвижение на первый план ранее периферийных компонентов («русскость» Столыпина, неприязнь и недоверие к нему со стороны интеллигенции, борьба с внутренними и внешними «антирусскими настроениями»), которые наделяются безусловно позитивными коннотациями.

Наибольшие трансформации образ П. А. Столыпина претерпел, пожалуй, в либеральном дискурсе. Среди российских реформаторов 1990-х годов Столыпин был одним из самых востребованных исторических персонажей. Сравнение «двух крупнейших приватизаций XX века» – столыпинской земельной реформы и постсоветских преобразований в сфере отношений собственности – проводилось не только политиками и рассматривалось в контексте движения страны не исключительно к рыночной экономике, но и к социально-политической либерализации. Еще одним основанием для уподобления двух периодов реформ в либеральном дискурсе конца XX века стала критика преобразователей и крайняя их непопулярность. В одном из интервью один из руководителей экономических реформ 1990-х А. Б. Чубайс, в частности, отметил: «Реформаторы всегда тяжело жили в этой стране» [Гентелев, 2011]. Ключевой репрезентацией Столыпина становится образ «непонятого/одинокого реформатора» (с которого, попутно напомним, начиналось «освоение» образа Столыпина и в официальном дискурсе).

Тем не менее уже в начале 2000-х гг. подобные сравнения начали вызывать сомнения и критику как у противников либеральных реформ 1990-х годов, так и – что более любопытно – у их защитников. Споры, развернувшиеся в 2005 г. вокруг опубликованного на сайте газеты «Известия» письма «Два рыцаря, разделенные веком» [Трубников, 2005], выявили первые черты трансформации образа Столыпина в либеральном дискурсе, которая в ходе дискуссий 2008, 2011 и 2012 гг. проявилась со всей определенностью и выразилась, в частности, в представлении о том, что «сравнение Столыпина с Чубайсом унижает не Столыпина, а как раз Чубайса».

По мере того как действующая власть «присваивала» Столыпина, в дискурсе либеральной оппозиции интерпретация его образа претерпевала качественные изменения, носившие большей частью реактивный характер и основанные на избрании такой стратегии репрезентации, как «игра на понижение». Ее актуализация привела к выдвижению на первый план интерпретаций характера и результатов политической деятельности Столыпина на посту министра внутренних дел и премьер-министра, среди которых преобладали негативные оценки: «неудачливый и поверхностный политик, который ничего не добился из задуманного», «несостоявшийся спаситель Великой России». Ядро образа составляют представления о бесплодности политической деятельности Столыпина и, как следствие, о неоправданности применявшихся им жестких и насильственных мер. При этом носители данного дискурса все чаще апеллируют к советской историографии (в то время как в других дискурсах активно используется риторика пореволюционного Русского Зарубежья) – от использования риторических приемов: «Столыпин был в моде у престарелых барынь, которые продавали имения и уезжали за границу, опасаясь грядущего хама. Когда барыни поразъехались, мода на покойного Петра Аркадьевича сошла на нет. В народной памяти остались лишь столыпинский галстук (виселица по приговору военно-полевого суда) и столыпинский вагон (для перевозки заключенных)» [Драгунский, 2012] до отсылок к работам советских историков.

Определяющими чертами современного либерального дискурса выступает скептическое отношение к создаваемому властью на основе «советско-имперского синтеза» историческому нарративу (который в итоге воспринимается как симулякр, репрезентация несуществующего оригинала [Герасимов, 2010]), нередко сочетающееся, с одной стороны, с критикой ретроспективной легитимации власти как таковой, и с другой – с изменением отношения к социальным функциям исторического знания, отказом от восприятия истории как «склада поучительных примеров».

Таким образом, в российском политическом дискурсе 2000–2012 гг. сформировалось несколько различных, зачастую взаимоисключающих, интерпретаций образа П. А. Столыпи-

на, формирование каждой из которых было обусловлено не столько влиянием современного академического (научно-биографического) нарратива, сколько соответствующими контекстуальными и ситуационными факторами политического, экономического и социокультурного характера. Современная репрезентация образа Столыпина основана, в первую очередь, на отождествлении его с имперской государственностью (в этом главное отличие от периода 1990-х годов, когда Столыпин олицетворял собой, прежде всего, идею реформ) и находится в тесной корреляции с восприятием современной власти.

Источники и литература

Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Герасимов И. Как делается другая Россия: модернизация и ее симулякры // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74).

Гентелев А., 2011. URL: http:// www.youtube.com/watch?v=b4HxySz9-Sw (дата обращения: 01.02.2013).

Драгунский Д. Вагон в галстуке // Новая газета. 2012. 15 апр.

Ермаченко И. О. Исторический дискурс русскоязычных интернет-форумов (на примере истории русско-японских и русско-китайских отношений) // Материалы Круглого стола «Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации», ИВИ РАН, 28 февраля 2004 г. URL: http://igh.ru/OLD/conf/tesis2/ermachenko.html (дата обращения: 01.02.2013).

Живой Журнал awas1952, 2011, комментарий В. Мединского // URL: http://awas1952.livejournal.com/469702.html?thread=43291334#t43291334 (дата обращения: 01.02.2013).

Зюганов Г. А., 2008. URL: http://www.nameofrussia.ru/video.html?id=4084 (дата обращения: 01.02.2013).

Трубников Г. Два рыцаря, разделенные веком // Известия. 2005. 28 марта. URL: http:// www.izvestia.ru/news/301024 (дата обращения: 01.02.2013).

Имя России, 2008: П. А. Столыпин // URL: http://www.nameofrussia.ru/person.html?id=100 (дата обращения: 01.02.2013).

Материалы Круглого стола «История, историки и власть», Франко-российский центр социальных исследований, Отделение исторических и филологических наук РАН, 2 февраля 2010 г. URL: http://www.urokiistorii.ru/current/2010/18/istoriya-istoriki-i-vlast (дата обращения: 01.02.2013).

Мединский В. 2012. Столыпин, Путин и политическое правительство // URL: http://www.echo.msk.ru/blog/medinski/862225-echo/ (дата обращения: 01.02.2013).

Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества: материалы междунар. гуманитарн. конгресса «Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания». Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. Ч. 3. С. 96–105.

Мультатули П., 2011. «Рад умереть за Царя...» // URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/rad_umeret_za_cara_2011-10-06.htm (дата обращения: 01.02.2013).

Стенографический отчет о встрече В. В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 г. URL: http://news.kremlin.ru/news/16470 (дата обращения: 01.11.2012).

Тетеревлева Т. П., Реут О. Ч. История в российском сегменте Интернета: репрезентация и достоверность // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 20: Осень 2011. С. 63–69.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.

Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. 431 с.

Шестопал Е. Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти. М.: Социально-политическая мысль, 2002. С. 14–31.

Teterevleva T., Reut O. History on the Russian Internet: Representation and Reliability // Social Sciences: A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences. Vol. 43. N 2, 2012. P. 20–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Реут Олег Чеславович
доцент кафедры истории стран Северной Европы
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: olegreut@psu.karelia.ru
тел.: +79052991775

Тетеревлева Татьяна Павловна
доцент кафедры отечественной истории
Институт социально-гуманитарных и политических наук
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
Набережная Северной Двины, 17, Архангельск,
Россия, 163002
эл. почта: tat.tet2010@gmail.com
тел.: +79522580945

Reut, Oleg
Petrozavodsk State University
33 Lenin Avenue, 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: olegreut@psu.karelia.ru
tel.: +79052991775

Teterevleva, Tatiana
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences,
M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
17 Severnaya Dvina Emb, 163002 Arkhangelsk, Russia
e-mail: tat.tet2010@gmail.com
tel.: +79522580945

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 113–123

УДК 903:312.2 (470.21)

ГЕРОИ – ВИНОВНИКИ – ЖЕРТВЫ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ СМЕРТИ И ЗАХОРОНЕНИЯ В СЛУЧАЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ*

О. В. Змеева, И. А. Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Статья выполнена на материале исследования случая коллективной гибели рабочих на руднике в г. Кировске Мурманской области в 2008 г. Рассматриваются вопросы статуса смерти и определения роли погибших как героев, виновников или жертв. Случай выявляет актуальные проблемы жизнедеятельности и социального самочувствия населения северных монопрофильных городов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : статус смерти, коллективная гибель, захоронение, профессия группы риска, моногород, исследование случая.

O. V. Zmeyeva, I. A. Razumova. HEROES – PERPETRATORS – VICTIMS: THE PROBLEMATIZATION OF THE DEATH AND BURIAL IN THE CASE OF COLLECTIVE DEATH

The article is based on a case study. It concerns the collective death of workers at a mine in the Town of Kirovsk, Murmansk Region, in 2008. Some questions related to the status of death are considered, and the division of the dead into heroes, perpetrators or victims is discussed. The case reveals some pressing problems of life and social well-being of people in Northern mono-industrial communities.

K e y w o r d s : status of death, collective death, burial, mono-industrial community, group of risk, case study.

Речь пойдет о трагическом событии, которое произошло в городе Кировске Мурманской области в декабре 2008 года. Анализ этого события позволяет, с одной стороны, обратиться к «вечным» вопросам осмысления смерти человека в контексте той или иной культуры и общественного устройства, с другой стороны – выявить актуальные проблемы жизни людей, принадлежащих к конкретной общности, в определенное время и определенном месте.

Кировск (до 1934 г. Хибиногорск) – город, с которого началась промышленная урбанизация центральной части Кольского полуострова. В образе города аккумулировались основные смыслы «мифа о покорении Севера» и героизме его покорителей. «Поскольку инициатива всех нововведений приписывается культурному герою, миф о нем – это в то же время своеобразная летопись побед человека над природой, летопись достижений в области технического прогресса, – писал Е. М. Мелетинский. – Иначе говоря, мифы о культурном герое по-своему «историчны», в них отразились воспоминания о реально имевшихся открытиях и изобретениях, огромный производ-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Погребально-мемориальная культура «советских» городов в XX – начале XXI в.»

Рис 1. Вид на рудник на г. Расвумчорр (Хибины, Кольский п-ов, Россия). Фото В. Левицкого. URL: http://geo.web.ru/druza/L-Rasvumchorr.htm (дата обращения: 23.01.2013)

ственный и исторический опыт человечества» [Мелетинский, 1998. С. 339]. В истории Кольского Заполярья, художественных и публицистических текстах, в сознании северян Кировск стал символом «освоения земных недр», а люди, участвовавшие в этом процессе, воплощением собирательного образа культурного героя, который «вырвал богатства у гор». Город расположен в специфическом горном ландшафте, суровом климате, имеет драматическую историю, связан с опасными профессиями и видами спорта. Коллективный портрет кировчанина представляет человека, для которого жизнь в «экстремальных» условиях – обыденность [Разумова, 2009. С. 36–38].

Одним из самых ярких топосов-символов Кировска является Расвумчорр. Наименование горы и плато было перенесено на обнаруженное там месторождение и рудник, на котором добывают апатит (рис. 1). Экзотическое саамское название стало культурным знаком благодаря популярной песне Ю. Визбора:

> На плато Расвумчорр не приходит весна,
> На плато Расвумчорр все снега да снега,
> Все зима да зима, все ветров кутерьма,
> Восемнадцать ребят, три недели пурга…
> и т. д. [Визбор, 1989. С. 20–21].

В поэтическом тексте, написанном в 1961 году, романтизация мужского труда происходит, в первую очередь, за счет метеорологических образов: «проклятье пурги», «жестокий циклон», «идем через вьюгу» и т. п. Коллективный лирический герой предстает в собственном смысле героем, так как ему приходится «биться с плато Расвумчорр», то есть с суровой природой Севера. Спустя почти полвека это стихотворение окажется пугающе провидческим: именно восемнадцать молодых мужчин зимним декабрьским вечером попадут в беду на Расвумчорре. Но это будет совсем другое испытание.

Кировск называют городом горняков. Он обязан своим происхождением открытию апатито-нефелиновых руд, масштабным горным разработкам и строительству горно-обогатительного комбината. Сейчас это широко известное объединение ОАО «Апатит», крупнейшее в мире предприятие по производству высококачественного апатитового концентрата и единственный в России производитель нефелинового концентрата. В эксплуатации находятся шесть месторождений: Кукисвумчоррское, Юкспорское, Апатитовый Цирк, Плато Расвумчорр, Коашвинское и Ньоркпахкское. Отработка месторождений ведется четырьмя рудниками (Кировский, Расвумчоррский, Цен-

тральный и Восточный). Руда перерабатывается на двух апатит-нефелиновых обогатительных фабриках АНОФ-2 и АНОФ-3 [ОАО «Апатит»]. Специфика технологии горных разработок на рудниках г. Кировска отличает его от других шахтерских регионов, например, Донбасса или Кузбасса. Основное различие касается степени опасности работы «в горе»: применяемые при добыче апатита вещества сами по себе не являются взрывоопасными. Это обстоятельство (если судить по утверждениям жителей) всегда положительно сказывалось на психологическом состоянии рабочих и их близких. Вместе с тем профессия горняка относится к категории опасных. Исследований о профессиях группы риска пока недостаточно, но в соответствующих рейтингах обозначения «шахтер», «горняк» занимают первые строки [Александрова, 2000; Малевич].

На Кольском Севере немало профессиональных общностей, которые могут быть отнесены к «группе риска»: различные категории военнослужащих, специалистов, работающих в море (гражданские моряки, рыбаки, нефтяники и др.), под землей (горняки). По роду занятий они связаны, прежде всего, с потенциально опасными пространствами. Трудовую деятельность в рамках этих профессий принято характеризовать как «повседневный героизм», а среди личностных качеств работников обычно отмечается постоянная готовность к риску, или в усиленном варианте – «готовность умереть». Такое отношение предоставляет большие возможности для социально-философских и религиозных размышлений. Например, о военных моряках православный историк игумен Митрофан (Баданин) пишет: «Всякий, кто выбрал себе путь профессионального военного служения, без колебаний должен принять в свое сердце и обязательное условие этого выбора – постоянную готовность умереть; <…> если нет этого «согласия на смерть», то человек не состоялся как воин, как защитник и, более того, он не родился для вечной жизни» [Игумен Митрофан, 2010. С. 19]. Вместе с тем, с точки зрения традиционных воззрений, любая смерть на производстве, как и на войне, даже при постоянной к ней готовности, является «неестественной». Это означает, что у нее есть определенные причины и виновники. «Смерть от несчастного случая завораживает своей искусственностью – как смерть техническая, не-естественная, то есть преднамеренная (быть может, даже со стороны самого погибшего) и потому вновь ставшая интересной: ведь преднамеренная смерть имеет смысл» [Бодрийяр, 2011. С. 293]. Изучая социальные аспекты смерти и погребения, исследователи характеризуют современное общество как «общество риска» [Beck, 1992] и обращают внимание на связь между стратегией минимизации рисков, концептуализацией смерти и динамикой практик захоронения [Walter, 2012]. Условием понимания этого глобального процесса являются исследования на микроуровнях.

Каждый конкретный случай гибели человека и тем более группы обращает к вопросу о статусе смерти, а его определение, в свою очередь, создает комплекс проблем. Они касаются правовой и нравственной оценки факта, его социальной значимости, а также действий по погребению, идеологической презентации, сохранению памяти о погибших и т. д. Вопрос о статусе и типах смерти рассматривался и в «классической» русской этнографии (прежде всего в известных трудах Д. К. Зеленина об умерших неестественной смертью и «заложных») [Зеленин, 1995], и в европейской антропологии – в рамках исторической типологии отношения к смерти [Арьес, 1992. С. 341–493]. Что касается пропавших без вести и умерших, погребение которых оказалось невозможным («неокончательная смерть»), Ю. Пентикяйнен предложил обозначение «смерть без статуса» [Пентикяйнен, 1994]. Народные бинарные определения смерти (правильная – неправильная, хорошая – плохая, легкая – тяжелая и т. д.) обосновываются местом и временем смерти, возрастом умершего, степенью страданий и прочими признаками [Смирнов, 1920. С. 26–33; Виноградова, 1998; Носова, 1993. С. 71–72; и др.]. Вопрос о причинах соотносится со «смыслом» смерти и уместен лишь в случае ее «неестественности». Тип смерти определяет процедуру, способ захоронения и посмертную судьбу умершего.

Коллективная смерть касается ситуаций, когда группа людей умирает (погибает) не столько при одних и тех же обстоятельствах, как, например, во время массовых эпидемий, сколько совместно. В мирное время она чаще всего является результатом «несчастного случая» (техногенной аварии, природного катаклизма, непредумышленного злодеяния), насильственных действий или группового самоубийства. Нас интересуют, в первую очередь, не юридические, а социокультурные нормы, в соответствии с которыми квалифицируется та или иная ситуация. При определении статуса смерти и способа захоронения часто конфликтуют интересы, представления, ценности различных социальных субъектов: институтов, организаций, конфессий, родственных и профессиональных общностей, индивидов и пр. [Разумова, Барабанова, 2012], тем более это относится к случаям не самым ординарным.

Исследования некрополя военного города – ЗАТО Полярный Мурманской области – в 2009 г. подтвердили, что население неоднозначно относится к коллективным захоронениям. Многие родственники моряков, погибших вместе с товарищами (в военное или мирное время), несмотря на общественную значимость и коллективность их гибели, возражают против братских могил. Чаще это женщины, поскольку они придают большее значение родственным связям и, соответственно, семейным захоронениям. Положительное отношение части военнослужащих к братским могилам мотивируется тем, что при таком способе погребения мемориально сохраняется и утверждается воинский коллективизм. По другому мнению, братские могилы имеют право на существование только в том случае, если тело погибшего не было опознано и его невозможно переправить родственникам. Отрицательное отношение к коллективному погребению мотивируется «потерей индивидуальности» умершего, затрудненным доступом родственников к могиле и плохим уходом за общественными захоронениями [Агамирзоева, Разумова, 2009. С. 41]. Примиряют эти позиции идея и практика пространственного разъединения могилы и общественного памятника – кенотафа. Кенотаф имитирует могилу, как это делается в случаях воинских мемориалов и на местах гибели людей, например, в автомобильных авариях [Соколова, Юдкина, 2012]. Реальная могила при этом располагается там, где удобнее родственникам. В данном случае четко разграничиваются утилитарная и культовая функции погребения, а также общественная и приватная (семейная) сферы коллективной памяти. Статусные и мемориальные аспекты окончания жизни человека особенно явственны, когда предметом осмысления выступает «неестественная» (по Д. К. Зеленину), «не своя» (по традиционному русскому обозначению) или «чужая» (по Ф. Арьесу) смерть.

*

Вечером 11 декабря 2008 года на одном из участков Расвумчоррского рудника в г. Кировске произошел незапланированный взрыв. Это случилось в процессе подготовки к плановому производственному взрыву в тот момент, когда осуществлялась закладка взрывчатого вещества на одном из участков рудника: *«взрывчатка – около 58 тонн (ею подрывают пустую породу, чтобы добраться до руды) – рванула в погрузочно-доставочной машине МЗКС-160 на глубине 614 метров. Вообще подрыв породы планировали на 15 декабря (в это время людей рядом не должно было быть). Рвануло почему-то 11-го…»* [Грушко, Андреев, 2008]. В результате взрыва и его последствий (возникшего пожара и задымленности) погибли 12 человек. В месте закладки взрывчатых веществ находилось большее число работников, всего их было 18 человек, шестерым удалось спастись.

Обстоятельства смерти сказались на процедуре погребения: ритуал разделился на два этапа. Погибшие горняки были похоронены на одном кладбище, но с интервалом более чем в полгода. Семь человек – Антон Мандров, Николай Исаков, Максим Лебедев, Вячеслав Соловьев, Дмитрий Черняев, Даниил Соломатин и Виталий Лукашенец – были преданы земле 16 декабря 2008 г. (рис. 2), а остальные пятеро – Александр Крестовский, Роман Иванов, Роман Иванов (тезки и однофамильцы. – *Авт.*), Александр Власов и Павел Семенов – 21 мая 2009 г. Такой длительный промежуток времени между двумя захоронениями объяснялся невозможностью опознания тел погибших.

Воссоздать картину события и оценить общественный отклик на него позволяют печатные и интернет-публикации регионального уровня (областные и городские), комментарии к статьям, форумы, странички сетевых социальных групп и обсуждения в социальных сетях. Дополнительными источниками информации являются спонтанные устные высказывания жителей городов Кировск и Апатиты, беседы с ними, наблюдения во время поминальных мероприятий. Местные СМИ отреагировали очень быстро. Пресса определила статус события как *«беда», «трагедия»,* «*катастрофа*», которой «*не было за всю послевоенную историю освоения апатитовых месторождений в Хибинах*» [Кабыш, 2008; Андреев, Пермина, 2008 и др.]. Характер освещения в СМИ и документальные источники дают основание отнести происшедшее к событиям скорее областного масштаба, несмотря на то что в расследовании участвовали представители центра. День первых похорон, 16 декабря, был объявлен днем траура в области, а дни с 12 по 21 декабря 2008 г. – днями Памяти и Скорби в городах Кировск и Апатиты [Постановление, 2008]. В погребении участвовали официальные лица области, а также моряки из Видяева – поселка-ЗАТО подводников Северного флота. Отпевание всех двенадцати погибших возглавил архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон.

Событие широко обсуждалось в обоих городах людьми и связанными, и не связанными с производством. Одной из основных стала тема о возможных причинах взрыва. К объективным причинам относится все, что связано с производственным процессом, то есть с техникой, которая перестала слушаться человека: «*что-*

Рис 2. Начало панихиды перед захоронением семи горняков. Дворец культуры, г. Кировск. Фото Т. Мининой. 2008 г. URL: http://photopolygon.com/posts/6428 (дата обращения: 23.01.2013)

то произошло нестандартное, нештатное» (высказывание губернатора области), «*что-то вышло из-под контроля*», «*произошел несанкционированный (незапланированный) взрыв*», *«то, чего быть не должно*». Выделялись две основные технологические причины: неисправность горной техники и качество взрывчатки. Обе они категорически отвергались специалистами-технологами и вызывали недоумение участников стихийных обсуждений, которые в большей или меньшей степени знакомы с производством. Типовое утверждение, касающееся и взрывчатки, и машины, в которую она закладывалась: «*Взрываться там нечему*».

К другой категории относятся причины, связанные с людьми, организациями и прочими социальными субъектами: их интересами, преднамеренными и непреднамеренными действиями, специфическими свойствами и т. д. В СМИ излагались, в частности, весьма яркие версии события: самоубийство, любовный треугольник, происки конкурентов изготовителей взрывчатки: «*мол, чтобы подумали, что АС-8 – некачественная взрывчатка, и стали приобретать вещество у другой компании*» [Барсова, 2009б]. Вначале официально не исключалась и версия теракта. Объяснения полностью соответствовали «логике повседневности» [А. Шюц], когда проблемная ситуация сводится к привычному и понятному: чьим-то корыстным намерениям, психической неадекватности, «проискам врагов» или «личной драме». Все предположения такого рода вызвали крайнее неодобрение жителей. Они были восприняты как неподобающее освещение трагедии представителями прессы. Журналистам приписывались недостойные мотивы: они манипулируют общественным мнением с целью сокрытия «истинных причин», выполняют социально-экономический или политический заказ либо стараются повысить свой профессиональный рейтинг за счет «сенсации», которая тем значительнее, чем интереснее сюжет.

Основная причина субъективного свойства, которая присутствовала и в формулировке следственного дела, – нарушение правил безопасности при проведении горных работ. Точка зрения чиновников ясна и выражена достаточно жестко (если не цинично): «*Кто же добровольно скажет, что он нарушает технологию, тем более при производстве работ со взрывчаткой? – говорит заместитель руководителя СУ СКП* (Следственное Управление Следственного Комитета при Прокуратуре. – *Авт.*) *России по Мурманской области Вячеслав Монастырский. – Я не имею в виду руководителей. Говорю о тех, кто работает в штреке. В основном нарушения идут от них, ведь из руководства добро на нарушения никто не даст. Те, кто мог бы пролить свет на это дело, погиб-*

ли» [Барсова, 2009б]. Такую позицию предвидели. Сразу после случившегося родственница одного из погибших написала в сети: «*Остается один вопрос: а кто виноват?? Неудивительно, если всю вину положат на плечи горняков!!! Но стоит задуматься??? Легче всего обвинить уже умерших людей... будьте бдительней!*» [Жизнь как по нотам, 2010]. Разумеется, даже намек на то, что в нарушении техники безопасности могли быть виноваты сами рабочие, вызвал негативную реакцию, прежде всего членов семей горняков. Не заботиться о самосохранении, работая под землей, означает неоправданно рисковать своей и другими жизнями. Жена одного из рабочих высказалась так: «*Страшно каждый день, когда муж на работу уходит. А как теперь они трудятся, ведь мысль о погибших друзьях и что это может произойти с каждым из них не покидает их ни на минуту! По технике безопасности и по всем санитарным нормам – вообще в гору заходить нельзя!*» [Андреев, 2009]. Таким образом, горняки оказываются потенциальными жертвами, заложниками предлагаемых условий труда, что очень характерно для моногородов, особенно в периоды нестабильной экономики.

Справедливости ради отметим, что собственно обвинительных утверждений в адрес самих рабочих тексты СМИ содержат мало, в основном в виде отдельных цитат и риторических вопросов в заголовках. Обвинительные мотивы чаще присутствовали в устных высказываниях горожан: «*Они сами виноваты*», «*Там* (в зарядной машине. – *Авт.*) *нечему взрываться, конечно, несоблюдение правил техники безопасности. Сами они...*» и т. п. В ходе обсуждения причин трагедии определялась роль погибших и пострадавших. Кем они являются: виновными – в случае несоблюдения техники безопасности, жертвами – в случае халатности руководства или героями – в случае, если они предотвратили более серьезные последствия или более мощный взрыв? Последняя позиция если и наличествовала, то весьма скрыто. Понятия «герои», «героизм» практически не использовались в опубликованных материалах. В устных высказываниях они звучали в адрес только одного горняка, Антона Мандрова, который вернулся в район задымления, чтобы спасти оставшихся там товарищей, но в результате погиб сам. О нем говорили: «*настоящий герой*», «*молодец*», «*не пожалел своей жизни*» и т. д. Героическое поведение отличается «храбростью, доблестью, самоотверженностью» [Ожегов, 1984. С. 112], особенно если цена за него – жизнь.

С одной стороны, А. Мандров может быть оценен как единственный герой коллектива. Во-первых, он мог спастись, но пожертвовал жизнью (коннотации со святыми – героями мартириев очевидны). Во-вторых, среди попавших в беду горняков он был самым старшим по должности как горный мастер и одним из самых младших по возрасту (23 года), что является дополнительным основанием для героизации личности. С другой стороны, его индивидуальность растворяется под «давлением коллективной смерти». Поведение молодого горного мастера, которое, например, в прессе вполне могло быть представлено и описано как подвиг, не выделяется из общей судьбы. По интервью с теми, кто выжил после взрыва, можно заключить, что так, как А. Мандров, вели себя и другие горняки, которые оказывали друг другу помощь, рискуя жизнью. Некоторые возвращались за товарищами, вновь спускаясь в «преисподнюю». «*Меня спас шланг с оборванный кислородом* (в цитатах сохранена грамматика оригинала. – *Авт.*), – рассказывал корреспонденту горняк Михаил Котлячков. – *Я услышал его шипение и вышел на его звук, где встретился с Антоном Кругловым. Он меня взял за руку и вывел из задымленного пространства. Затем он спустился и сообщил об аварии диспетчеру. Когда он вернулся, мы включились в самоспасатели* (самоспасатель – респиратор с баллоном, который перерабатывает выдыхаемый углекислый газ в кислород. – *Авт.*) *и пошли обратно к месту взрыва искать других горняков <...>. В это время <...> на 614-й горизонт к месту взрыва, пытаясь найти живых, на машине пробивался Василий Бобков, еще один выживший. <...>. Затем я дважды возвращался обратно на 614-й горизонт, где произошел взрыв, поискать, есть ли еще живые товарищи. Второй раз поднялся с Анатолием Копченковым. Мы нашли еще одного пострадавшего*» [Андреев, 2008]. Мать одного из выживших рассказала: «*Андрей говорит, спасибо мальчику, который сначала побежал к выходу, а потом вернулся и подобрал их с товарищем и вывел без фонариков, с одним самоспасателем <...>. По очереди дышали вот и выбрались. А то, может быть, и их бы не было*» [Выживший при взрыве, 2008].

Корреспондент передает слова руководителя следственного отдела: «*Особенность расследования таких уголовных дел заключается в том, что у нас нет ни одного очевидца, который бы мог достоверно сказать, что именно произошло*» [Барсова, 2009б]. Состояние тех, кто спасся, очевидно, не позволяет рассматривать их как объективных свидетелей. Интервью, которые дали выжившие, восстанавливают общую реальную картину и детали события глазами «выходцев с того света». Они теряли сознание, задыхались от гари, слепли от задымленности, утрачивали счет времени (интервью с А. Ковалевым, М. Котлячко-

вым, А. Кругловым [Андреев, 2008]). В их словах звучат мотивы вины перед мертвыми, их родителями («*Почему меня оставили жить?»* и т. п.). Спасение воспринимается как чудо, столь же непостижимое, как и вся «несанкционированная» ситуация. Еще одно драматическое обстоятельство заключается в том, что многие из тех, кто был в роковой час в шахте, являются потомственными горняками. Они пришли на комбинат по стопам отцов, которые не испытали подобного: «*Когда только начал трудиться, умер отец, который 28 лет отдал тому же руднику. Словно дело свое передал. Только вот таких ЧП с отцом никогда не случалось*...» – это слова матери погибшего 23-летнего апатитчанина Дмитрия Черняева [Выживший при взрыве, 2008]. Несколько матерей не могут смириться с тем, что сами настояли, чтобы сыновья работали на горном производстве: «*Ездила в отдел кадров сама, уговорила сына взять, напоминала о том, что отец Андрея работал много лет на «Апатите». А в этом году на День шахтера даже благодарность сыну вынесли. <…> А теперь говорит: «Я к этой взрывчатке близко не подойду! Если еще раз пошлют, не пойду, вплоть до увольнения*» [там же]. Не один Андрей не захотел возвращаться работать в шахту, и это понятно. Но дело в том, что в городе горняков на другую работу рассчитывать сложно. Трудоустройство на ОАО «Апатит» рассматривается значительной частью населения Кировска и Апатитов как большая удача, несмотря на то что высоких доходов оно не приносит. Сделав скидку на журналистскую риторику, можно сказать, что экономическую и социально-психологическую ситуацию в заполярном моногороде в 2008–2009 гг. корреспондент передал верно: «*Жители Кировска и Апатитов подавлены. И так на производстве работалось несладко. Помимо тяжелых условий работы на руднике копеечные зарплаты. Например, горнорабочий получает около 12 тысяч рублей. Плюс в последние месяцы тревожили слухи о мировом кризисе, из-за которого могло остановиться производство и не осталось бы даже этой тяжелой горняцкой работы. А тут еще и взрыв. Таких крупных ЧП в Хибинах не было десятки лет. Люди боятся выходить в горные выработки. Многие с тревогой смотрят в сторону Расвумчоррского рудника. Уже который день прямо над ним восходит из-за горных гребней зловещая, с багровым отливом полная луна...»* [Выживший при взрыве, 2008].

Отметим, что жители Кировска и Апатитов представляются единой общностью, неотделимой от производства. Кризисная ситуация высветила базовые социальные отношения и их культурные смыслы. Прежде всего это касается семьи и родственников, которые вместе с погибшими и пострадавшими рассматриваются как «коллективная жертва». Об этом свидетельствует внимание, которое уделяли СМИ родным и близким, заверения в помощи семьям, обязательство опекать детей погибших, которое взял на себя комбинат, и т. д. Обостренно воспринимаются и другие близкие отношения, в том числе дружеские. Друзья погибших создали несколько сообществ памяти в Интернете. «*Многие друзья, любимые могли оказаться на месте тех 12 погибших,* – сказано на заглавной странице. – *Неужели только подобные случаи заставляют задуматься, что каждый день, проведенный с близким человеком, – это счастье и нужно беречь его?»* [Расвумчорр]. Настойчиво повторяется в текстах разного рода, что такое «*могло произойти с каждым».* «Каждый» – это прежде всего член профессиональной горняцкой общности, но также и общности местной, двух малых городов-спутников, все жители которых непосредственно или опосредованно связаны друг с другом. Тем самым все и каждый оказываются и потенциальными героями, готовыми в критическую минуту рисковать для ближнего, и вероятными виновниками, не соблюдающими правила самосохранения, а более всего – жертвами, заложниками места, времени и непредсказуемых обстоятельств.

*

Через несколько месяцев после события СМИ представили официально утвержденную технологическую причину взрыва: «*Причина взрыва на руднике установлена. Это наличие статики в бункере зарядной машины. Проскочившая искра привела к возгоранию пылевоздушной смеси алюминиевой пудры и дальнейшей детонации*» [Деменева, 2009]. Несмотря на то что «невзрывоопасная» взрывчатка не была признана прямой виновницей аварии, «*комиссия по расследованию причин взрыва рекомендовала акционерному обществу «Апатит» все же отказаться от используемой взрывчатки АС-8 и перейти на более безопасную. А в ближайшие годы начать использовать и новую технологию зарядки взрывчатых веществ, которая позволит избежать самопроизвольной детонации»* [Барсова, 2009а]. Вердикт правительственной комиссии вызвал новую волну обсуждения на городских сайтах. Дискутировались преимущественно технологические вопросы, участвовали те, кто хоть как-то разбирался в производстве, «химии и физике». Авторы комментариев нередко сопровождали тексты веселыми смайликами, употребляли не согласующуюся с ситуацией лексику, не считали нужным использовать формулы скорби и соболезнования. Все это отлича-

Рис. 3. Общий вид захоронения. Городское кладбище г. Кировска, Аллея славы. Фото О. Змеевой. 2012

Рис. 4. Фрагмент ограды. Городское кладбище г. Кировска, Аллея славы. Фото О. Змеевой. 2012

лось от первой реакции на событие, когда восприятие было более эмоциональным и формы выражения соответствовали поминальному периоду. Еще не все погибшие были похоронены, но переживание уже утрачивало остроту для всех, кроме близких. Коллективная смерть превращалась в событие локальной истории.

Общественный резонанс по поводу трагедии на Расвумчоррском руднике проявился в идее создания мемориала жертвам взрыва. Администрация Кировска поддержала и вскоре реализовала инициативу горожан. Выбор места захоронения был сделан не сразу. Предлагались варианты:

Рис. 5. Мемориальный комплекс памяти горняков, погибших на Расвумчоррском руднике. Городское кладбище г. Кировска, Аллея славы. Фото О. Змеевой. 2012

- индивидуальное захоронение по усмотрению родственников; при этом погибшие, среди которых были жители Кировска и Апатитов, оказываются похороненными на разных кладбищах, но рядом с близкими и по месту жительства семей;
- могила по типу братского захоронения, как при коллективной гибели военнослужащих или жертв массовых репрессий;
- персональные захоронения, но в одном, общем месте; при таком способе сочетаются принципы индивидуального и братского захоронений, сохраняется символический смысл посмертного единения погибших и одновременно обеспечивается возможность их индивидуального поминовения родственниками.

Члены семей приняли третий вариант, и все погибшие были погребены на «Аллее воинской славы» на городском кладбище г. Кировска. Формирование и полуофициальное название этой части кладбища связано с тем, что на нем находятся могилы жителей Кировска и Апатитов, служивших в Афганистане или погибших при исполнении служебного долга в «горячих точках». В этой части кладбища установлен памятный знак. Выбор места указывал на высокий посмертный статус умерших. «Аллея воинской славы» в прессе и в устной речи после этого стала называться просто «Аллеей славы». Погибших в результате несчастного случая рабочих «приравняли» к воинам, с которыми связаны идеи национальной доблести и высшего гражданского долга, независимо от того, погибли они в боевых действиях или умерли в мирное время. Решение захоронить рядом с ними горняков вызвало неодобрительное отношение многих горожан. Между тем в нем есть известный смысл. Участие в локальной войне и гибель на ней по существу равнозначны работе и гибели на опасном производстве. В обоих случаях смерть «не своя», и отличающийся от обычного способ захоронения свидетельствует о признании обществом (или отдельными его субъектами) своей социальной вины.

Летом 2010 г. на месте погребения горняков был оформлен мемориальный комплекс, который состоит из двенадцати надгробий, выполненных в одном стиле (рис. 3). Ограда сделана таким образом, что одновременно разделяет индивидуальные захоронения и подчеркивает их целостность. Калитка каждой могилы «цепляется» за оградку следующей при помощи крючка (рис. 4). В мемориал входит общий памятник с надписью: «Вечная память горнякам, погибшим на Расвумчоррском руднике 11 декабря 2008 г.» (рис. 5). У памятника проводят коллективные поминовения, у могил – индивидуальные.

Через некоторое время на том же участке были похоронены представители администрации города Кировска. Это полностью деформировало идею «Аллеи славы» и стало поводом для недоумения, недовольства и разногласий – вопреки, казалось бы, признаваемому большинством утверждению, что в смерти все равны.

Источники и литература

Агамирзоева А., Разумова И. «Город мертвых» в городе воинской славы // Наука и бизнес на Мурмане. Научно-практический альманах. Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. Мурманское книжное изд-во, 2009. С. 37– 41.

Александрова А. Наша служба и опасна, и трудна // Карьера. 2000, № 8. URL: http://www.kariera.orc.ru/0708-00/Reitp040.html (дата обращения: 20.12. 2012).

Андреев С. Во взрыве в Кировске виноват самоубийца? // Комсомольская правда. 2009. 19 января. URL: http://www.kp.ru/daily/24228.5/429787/ (дата обращения: 20.12. 2012).

Андреев С. Как спаслись выжившие после трагедии в Мурманской области горняки // Комсомольская правда. 2008. 16 декабря. URL: http://www.kp.ru/daily/24214.5/417470/ (дата обращения: 16.12. 2012).

Андреев С., Пермина Н. Горняки Кировска: «Мы поджигали взрывчатку, а она даже не горела» // Комсомольская правда. 2008. 13 декабря. URL: http://www.kp.ru/daily/24214/417182/ (дата обращения: 16.12. 2012).

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. / Общ. ред. С. В. Оболенской. Предисл. А. Я. Гуревича. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.

Барсова Е. Во взрыве на руднике в Хибинах виновата искра // Комсомольская правда. 2009а. 4 февраля. URL: http://www.kp.ru/online/news/196651/?geo=61 (дата обращения: 16.12.2012).

Барсова Е. В гибели 12 человек на Расвумчорре виновата лампа? // Комсомольская правда. 2009б. 22 октября. URL: http://murmansk.kp.ru/daily/24382.4/562013/ (дата обращения: 21.12.2012).

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2011.

Визбор Ю. На плато Расвумчорр // Песни. М., Советский композитор, 1989. С. 20–21.

Виноградова Л. Н. Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М.: Ин-т славяноведения РАН. 1998. С. 48–56.

Выживший при взрыве на руднике в Хибинах Андрей Ковалев: «Я к взрывчатке больше и близко не подойду» // Комсомольская правда. 2008. 14 декабря. URL: http://www.kp.ru/daily/24214/417172/ (дата обращения 16.12.2012).

Грушко О., Андреев С. Шахта в Кировске взорвалась «досрочно» // Комсомольская правда. 2008. 15 декабря. URL: http://www.kp.ru/daily/24214/417116/ (дата обращения: 16.12.2012).

Деменева С. В Кировске хоронили горняков, погибших в конце прошлого года при взрыве на Расвумчоррском руднике // Хибины. com / Новости. 2009. 22 мая. URL: http://www.hibiny.com/news/archive/13691 (дата обращения: 16.12.2012).

Жизнь как по нотам – на плато Расвумчорр не приходит весна. В память моего брата Черняева Дмитрия // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/club6204601 (дата обращения: 20.01.2010)

Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.

Игумен Митрофан (Баданин). Неугасимая лампада «Курска». К десятилетию событий 12 августа 2000 года. СПб.; Мурманск: Ладан, 2010.

Кабыш З. Трагедия на Расвумчоррском руднике // Мурманский вестник. 2008. 13 декабря. URL: http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=200812132628 (дата обращения: 16.12.2012).

Малевич С. Рейтинг экстремальных профессий. URL: http://smoking-room.ru/data/pnp/extr_prov.html (дата обращения: 11.11.2012).

Мелетинский Е. М. Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 334–357.

Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИЭА РАН, 1993.

ОАО «Апатит». Официальный сайт. URL: http://www.phosagro.ru/about/actives/production/apatit (дата обращения: 16.12.2012).

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984.

Пентикяйнен Ю. Смерть без статуса в народных представлениях финнов // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994. С. 154–158.

Постановление Главы администрации города Кировска от 12.12.2008 № 460. URL: http://www.hibiny.com/news/archive/11757 (дата обращения: 03.09.2013).

Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. СПб.: Гамас, 2009.

Разумова И. А., Барабанова Л. А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. Вып. 3. С. 42–60.

Расвумчорр // Социальная сеть «ВКонтакте». URL: http://vk.com/club6149089 (дата обращения: 15.01.2013).

Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае. Отдельный оттиск из XV вып. «Трудов Костромского научного о-ва по изучению местного края». Кострома: тип. «Сев. рабочий», 1920.

Соколова А. Д., Юдкина А. Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150–164.

Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity, London: Sage, 1992.

Walter T. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // The British Journal of Sociology. 2012 № 63. P. 123–145.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Змеева Ольга Васильевна
научный сотрудник, к. и. н.
Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН
Академгородок, 40а, г. Апатиты, Мурманская обл.,
Россия, 184209
эл. почта: zmeyeva@rambler.ru

Zmeyeva, Olga
Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences
40a Academgorodok, 184209 Apatity,
Murmansk Region, Russia
e-mail: zmeyeva@rambler.ru

Разумова Ирина Алексеевна
главный научный сотрудник, д. и. н.
Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН
Академгородок, 40а, г. Апатиты, Мурманская обл.,
Россия, 184209
эл. почта: irinarazumova@yandex.ru

Razumova, Irina
Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre,
Russian Academy of Sciences
40a Academgorodok, 184209 Apatity,
Murmansk Region, Russia
e-mail: irinarazumova@yandex.ru

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 124–128

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

УДК 94(470)"19/..."

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА В РОССИЙСКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ТЕЛЕПРОЕКТАХ: ГЕРОИ И ОБЫВАТЕЛИ

Д. В. Блышко

Петрозаводский государственный университет

В настоящей статье сравниваются три разных способа репрезентации истории развитого социализма в отечественных телепроектах 1990–2000-х гг. («XX век. Русские тайны»; «Намедни: 1961–1991. Наша эра»; «Исторические хроники с Николаем Сванидзе»). Сравниваемые нарративы отличаются друг от друга тем, как авторы представляют социальную структуру репрезентируемого общества, и тем, с какой степенью подробности они освещают выделенные категории. Способы категоризации и репрезентации социальной структуры определяют суть исторического процесса в сравниваемых версиях истории.

К л ю ч е в ы е с л о в а : документальное кино, поздний социализм, социальная структура, репрезентация.

D. V. Blyshko. SOCIAL STRUCTURE OF THE LATE SOCIALIST SOCIETY AS RENDERED BY RUSSIAN DOCUMENTARIES: WORTHIES AND EVERYMEN

This article compares the three different ways in which post-soviet TV projects ("20th century. Russian Secrets"; "Recently: 1961–1991. Our Era"; "Historical Chronicles with Nikolai Svanidze") represented the Late Soviet Era. Differences between the authors' narratives are due to the three approaches to categorizing the society and to uneven coverage of each category in the video narratives. These patterns of structuring the narration in the projects in question have caused three divergent versions of the Late Soviet Era history to appear.

K e y w o r d s : documentary, Late Soviet Era, social structure, representation.

В своей статье «Художественное кино: область памяти» С. де Леув сравнивает исторические телепроекты с банками коллективной памяти, обосновывая сравнение тем, что телевидение в современном мире играет ведущую роль в распространении исторической информации и формировании мест национальной памяти [de Leeuw, 2010]. Это под-

тверждается и результатами социологических исследований, проведенных в России [Савельева, Полетаев, 2004].

Постсоветское документальное историческое кино, призванное стать таким банком коллективной памяти, переживает небывалый подъем по сравнению с предыдущими периодами [Прожико, 2004] как по количеству реализованных проектов, так и по разнообразию интерпретаций советского прошлого, которое и является основным объектом внимания авторов картин. Рост исторического компонента в национальной идентичности россиян [Дубин, 2009] связан с ностальгией о советском прошлом, особенно о т. н. позднем социализме (период с середины 1950-х до середины 1980-х) [Юрчак, 2007]. Поэтому, несмотря на то что сталинский период истории пока остается наиболее популярным объектом документального исторического кино, рассмотрение репрезентации позднего социализма представляется не менее важным.

Материалом для данной статьи послужили три документальных сериала («XX век. Русские тайны», «Намедни: 1961–1991. Наша эра», «Исторические хроники с Николаем Сванидзе»), видеонарративы которых построены по одному принципу: авторский рассказ об истории одного года или одного события в истории СССР сопровождается видеорядом, составленным из кадров кинохроники и советских фильмов, дополненных современными съемками. В поле зрения авторов попадает схожий набор исторических событий. Стоит отметить, что авторы исторических документальных проектов зачастую используют для создания видеоряда одни и те же документальные кадры, введенные ранее в широкий оборот в других фильмах [Прожико, 2004]. Такая форма репрезентации истории делает эти три проекта удобным материалом для сравнительного анализа.

Документальный видеонарратив в данной работе понимается как поле дискурсивной борьбы [Anderson, 2001], в котором автор обладает некоторой свободой в выборе того, каким образом привносить порядок в «беспрерывность и хаос» исторических событий [White, 1978]. Это не отрицает наличия определенного «сухого остатка» [Eco, 1992] – привязанности авторов к общему фактологическому ряду, изменение структуры которого, однако, остается в их власти.

В создании авторской концепции исторической реальности большое значение имеет общая система образов, или картина мира. Так, Г. С. Прожико в работе «Концепция реальности в экранном документе» использует этот термин для характеристики особенностей выделенных им этапов развития документального кино в СССР и России, ссылаясь на то, что «главный вклад в процесс построения образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом» [Баксанский, Кучер, 2002]. Это означает, что семиотическая нагруженность того или иного сюжета в документальном видеонарративе зависит от его отношения к авторской картине мира. Поэтому анализ репрезентации советской истории в телепроектах стоит начинать с выделения структур этого повествования.

В основе внутренней структуры общества позднего социализма во всех трех проектах лежат отношения власти-подчинения. Авторы обозначают это деление населения по признаку причастности к власти как «рабочие и власть» («XX век. Русские тайны. Расстрел на площади, 1962 год»), «толпа и власть» (Намедни: 1961), «власть и люди» (Исторические хроники: 1980) и т. д. Помимо обозначенных двух групп на уровне построения повествования во всех трех проектах присутствует еще одна категория населения, занимающая серединное положение между двумя полюсами на шкале власти – исполнители властных решений. Конкретные границы выделяемых групп разнятся во всех трех проектах.

Помимо разделения общества на группы по признаку отношения к власти авторы используют различную оптику для освещения групп в своем повествовании. Под оптикой видеонарратива здесь понимается как наполнение пространства кадров хроники, отобранных авторами, так и степень детализации образов на уровне авторского повествования. Можно выделить два основных фокуса, используемых авторами для освещения категории населения позднего социализма.

Первый тип оптики – группа и отдельные ее представители выступают самостоятельными героями повествования и рассматриваются с разных позиций. Автора интересуют конкретные действия акторов, их мотивировки, детали образа: психология, биография, индивидуальные черты образа. Группа выступает как активный актор истории – может принимать решения и активно влиять на происходящее в стране.

Второй тип оптики подразумевает описание группы в фоновом режиме, без выделения нескольких ракурсов рассмотрения. Описываемый образ попадает в поле зрения автора настолько, насколько это необходимо для построения связного повествования.

Действия таких «обывателей» истории позиционируются как заданные извне, факультативные для развития сюжета в целом.

Такая грубая категоризация не может охватить всех тонкостей построения художественного образа социального мира в рассматриваемых проектах, но она отвечает цели исследования – поиску различий в структурах, организующих исторические нарративы, обращенные к массовому зрителю. Именно то, с какой степенью «резкости» авторы высвечивают те или иные группы населения, превращает набор категорий в структуру, задавая их внутреннюю иерархию.

Проект **«XX век. Русские тайны»** транслировался на канале НТВ в 1996–1997 гг. Авторы, в традиции перестроечного и постперестроечного документального кино, предлагают взглянуть на историю СССР, построенную в жанре детектива, рассказывающего о трагических страницах судьбы «красной империи». В раннем постсоветском документальном кино основной драматургической формой становится кинорасследование, где сюжетной пружиной оказывается путь от заявленного тезиса «что случилось?» до конечного итога «почему?» [Прожико, 2004]. Выбранный жанр во многом задает особенность оптики. Можно обратить внимание, что освещение кризисных явлений чаще всего подразумевает героизацию всех акторов повествования.

Правители государства, составляющие первую категорию, представлены не только как политические акторы, но и как личности, обладающие собственными моральными идеалами, представлениями и свободой воли. Так, Н. С. Хрущев «…искренне верил в молочные реки с кисельными берегами и что именно ему выпала эта великая миссия: создать для людей коммунистический рай на земле…», что обусловило его решение о подавлении митинга в Новочеркасске («XX век. Русские тайны. Расстрел на площади, 1962 год») и т. д.

Уровень простых граждан представлен как в коллективных образах («рабочие», «горожане»), так и на примере отдельных представителей группы (например, Сергей Сотников, Тоня Зверева и др.). Представители группы играют важную роль в повествовании, их действия представляются не как запрограммированная реакция на изменение внешних условий, а как результат осмысленного принятия решений. Так, Сергей Сотников несколько раз меняет свое решение относительно участия в митинге («XX век. Русские тайны. Расстрел на площади, 1962 год»). Биографические вставки, бытовые и психологические детали придают объем и многогранность образу группы.

В проекте «XX век. Русские тайны» героическая оптика применяется, в отличие от двух других проектов, по отношению ко всем группам акторов. Это обусловлено, видимо, избранным жанром повествования – детективом, цель которого – показать процесс принятия (преступного) решения властью. Поэтому в данном нарративе подробно освещена и та властная категория, которая в гораздо меньшей степени освещена в двух других проектах: власть местного уровня, люди, не обладающие всей полнотой власти, но несущие ответственность за происходящее в стране. Представители этой категории обладают если не свободой действия, то свободой совести как минимум. Так, генерал М. К. Шапошников возмущался отданным ему приказом – открывать огонь на поражение по демонстрантам («XX век. Русские тайны. Расстрел на площади, 1962 год»). Вообще, исполнители властных решений привлекают заостренное внимание авторов проекта: особо подчеркивается, что фамилии снайперов, стрелявших по толпе, узнать не удалось.

Проект Л. Г. Парфенова **«Намедни 1961–2003. Наша эра»** представляет собой цикл документальных телевизионных передач по истории СССР и России во второй половине XX века, транслировавшийся на телеканале НТВ с 1997 по декабрь 2003 года. Каждая серия проекта рассказывает об одном из годов описываемой эпохи, о главных политических, экономических, спортивных событиях в жизни страны, тенденциях моды – всем том, что должно было попадать в поле зрения обывателей, на систематизацию и визуализацию опыта которых проект и нацелен.

Репрезентация народа в проекте Л. Г. Парфенова как раз попадает в поле исключений, которые нельзя точно описать с помощью разделения авторской оптики на героическую и обыденную. С одной стороны, именно рядовой потребитель занимает центральное место в пространстве кадра. «Народ» обладает свободой выбора и возможностью произвольно реагировать на предлагаемые государством решения и спускаемые продукты. Подробное описание быта и повседневности «простых людей» формирует объемный образ жизни этой категории населения. С другой стороны, в отличие от проекта «XX век…», в повествовании крайне редко встречаются психологические и бытовые портреты отдельных личностей. Так, главным героем повествования

оказывается действительно категория населения, а не ее представители.

Правители, «власть», попадают в поле зрения автора лишь настолько, насколько они, по его мнению, должны были интересовать обывателя. Образы правителей отличаются некоторой шаблонностью: они конструируются из клише общественного мнения, цитат и шуток. В качестве источника властных решений правители выступают в основном в моменты описания кризисных ситуаций (войны, политические скандалы). В остальном повествовании образ данной группы смещается на периферию зрения.

На периферии оказывается и средний уровень власти, который вводится в основном безличными конструкциями. Часто события в стране не исходят от определенного актора, а просто происходят: так, описание причин событий в Новочеркасске в 1962 г. не включает указаний на субъекта действия: «…повышение цен на мясо, масло и молоко всколыхнуло страну…» (Намедни: 1962).

«Исторические хроники с Николаем Сванидзе» – цикл документальных телевизионных передач на телеканале «Россия», транслировавшийся с 2003 года. Каждая серия посвящена одному году XX века в России. В центре повествования основные события политической жизни страны, личности деятелей политики, науки и культуры тех лет. Героями повествования автора становятся Ю. В. Никулин, Ю. В. Андропов, А. Н. Косыгин, А. Д. Сахаров – т. е. представители политической, творческой и интеллектуальной элиты. Они являются основными персонажами, вокруг которых структурируется все повествование. Но они не обладают всей полнотой свободы действия, их ограничивают внешние обстоятельства.

Образ народа оттесняется на периферию зрения и представляет собой фон основного повествования. Инициатива от народных масс не исходит, они выступают попеременно как жертвы власти и как послушные подданные, солидарные с правителями.

Между уровнями правителей и народных масс в повествовании присутствуют неперсонифицированные силы. В разных сериях эти силы «режут» рукописи, «сажают», «угрожают» и т. д. В какие-то моменты ими могут быть сотрудники КГБ или сопровождающие лидера страны «лица». Этот образ, размытый и периодически сливающийся с верховным руководством страны в образ власти, выступает обычно как антагонист главного героя серии.

В целом структура советского общества, определяемая по отношению групп населения к власти, во всех трех проектах совпадает: два эксплицитно определяемых уровня (власть и народ) дополняются уровнем власти среднего уровня. Представление среднего уровня в структуре общества наиболее серьезно различается в представленных проектах. В детективном проекте «XX век. Русские тайны» представители среднего уровня власти четко отделены от власти и народа и персонифицированы. В случае проекта «Намедни: 1961–1991» срединный уровень или сводится до уровня неперсонифицированной функции, или предстает в виде неясного коллективного образа, сливающегося с «народом». В проекте Н. К. Сванидзе показаны не совсем определенные «они», сливающиеся с образом верховной власти и периодически воплощенные в конкретные исторические фигуры.

Структура общества, организующая повествование в трех документальных исторических телепроектах, посвященных истории позднего социализма, представлена схоже. Тем значительнее для построения нарратива оказывается выбор фокусировки на одной из социальных групп. Он, создавая внутреннюю иерархию категорий, во многом определяет содержание повествования, понимание автором сути исторического процесса, т. к. семиотическая нагруженность одного элемента конкретного повествования заставляет увидеть в данной перспективе… события как связанные друг с другом (при том, что ранее они могли и не осмысляться таким образом). (…) Прошлое при этом организуется как текст, прочитываемый в перспективе настоящего» [Савельева, Полетаев, 1997].

Если постараться определить, как категоризация населения влияет на представление истории позднего социализма, то можно заметить: в первом проекте история совершается, потому что все три группы ведут борьбу за лидерство между собой; во втором она происходит благодаря тому, что обыватели потребляют товары, и процесс истории заключается в смене одних товаров другими; а в третьем – исторический процесс заключается в противостоянии исторических личностей деперсонифицированной системе.

Источники и литература

Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 52–69

Дубин Б. В. Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшней России // Вестник общественного мнения. 2009. № 2. С. 55–65

Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе. М.: ВГИК, 2004. 454 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 800 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07 (М.: ГУ ВШЭ, 2004). 56 с.

Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). С. 81–97.

Anderson S. History TV and Popular Memory // Television Histories: Shaping Collective Memory in the Media Age, edited by Gary R. Edgerton and Peter C. Rollins. Lexington: University Press of Kentucky, 2001. P. 19–37.

de Leeuw S. Television fiction: a Domain of Memory: Retelling the Past on Dutch Television // Televising History: Mediating the Past in Postwar Europe, edited by Erin Bell and Ann Gray. Palgrave Macmillan, 2010. P. 139–152.

Eco U. Interpretation and overinterpretation. Cambridge University Press, 1992. 164 p.

White H. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1978. 287 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Блышко Дмитрий Валерьевич
аспирант кафедры отечественной истории,
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, д. 33, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: dblyshko@gmail.com
тел.: 89095670837

Blyshko, Dmitry
Faculty of History
(the Branch of Modern Russian History)
Petrozavodsk State University
33 Lenin St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: dblyshko@gmail.com
tel.: 89095670837

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 129–135

УДК 654.19(091)(470.22)

РАДИОВЕЩАНИЕ В КАРЕЛИИ В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1930-х ГОДОВ

С. В. Ваничев

Карельская государственная педагогическая академия

В статье анализируются материалы карельской периодической печати 1930-х годов, затрагивающие тематику радиовещания. Местная пресса вела активную популяризацию идеи радио в республике. Она стала связующим звеном между радиослушателями и редакциями радиовещания, обеспечив «обратную связь» с аудиторией.

К л ю ч е в ы е с л о в а : радиовещание, пропаганда, история радио, СМИ.

S. V. Vanichev. RADIO BROADCASTING IN KARELIA AS REPORTED BY LOCAL PRINTED MEDIA IN THE 1930s

The paper analyses materials dealing with radio broadcasting from Karelian printed media. The Karelian press of the 1930s was actively working to promote radio broadcasting in the republic through the propaganda of the idea among people of Karelia, linked the radio audience and broadcasters by encouraging and facilitating feedback.

K e y w o r d s : radio broadcasting, propaganda, history of the radio, mass media.

В условиях современного информационного общества представляется актуальным изучение исторического, в том числе советского, опыта взаимодействия рядового человека, гражданина и средств массовой информации, основу которых до наступления эры телевидения составляли периодическая печать и радиовещание. Специфика данного взаимодействия в советский период определялась предельной идеологизацией и сверхцентрализацией управления СМИ. Следствием этого стало активное участие сотрудников газет и журналов в деятельности радиовещания. Журналисты и газетчики участвовали в подготовке радиопередач, поставляя для них материалы, а на страницах печатных изданий активно пропагандировалась идея радио. Анализ материалов прессы дает возможность определить роль советской печати в развитии радио, что необходимо для понимания процессов работы всего механизма советской пропаганды.

Радиовещание – передача по радио звуковых программ для одновременного приема их большим числом слушателей. Информация транслируется через передающие радиоцентры и принимается на радиовещательные приемники [Шилинский, 2000. С. 435]. Кроме того, радиовещание является одним из основных средств оперативной информации, которое в советское время широко использовалось в качестве эффек-

тивного канала массовой агитации и пропаганды, просвещения населения [БСЭ, 1975].

В СССР радиовещание прошло сложный путь, прежде чем стало одним из главных средств государственной пропаганды. Лидеры большевиков, придя к власти, быстро оценили потенциал радио как «газеты без бумаги», и уже 21 июля 1918 года был издан декрет Совнаркома СССР «О централизации радиотехнического дела в стране» [Ленин, 1969. Т. 36. С. 564]. В 1922 году в письмах И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин сформулировал положения программы сплошной радиофикации страны [Ленин, 1970. Т. 45. С. 194–96]. В 1919 году из новгородской радиолаборатории в эфир выходят первые советские радиопередачи. В 1922 году открывается московская радиостанция имени Коминтерна, выходят первые радиоконцерты. В 1920-е годы начинается бурное развитие радиолюбительского дела в СССР, чему в немалой степени способствует создание обществ «друзей радио» и акционерного общества «Радиопередача». В 1924 году выходит первый номер радиогазеты. Печать активно участвует в формировании содержания радиопередач. В 1925 году организована Радиокомиссия ЦК РКП(б) для общего руководства радиовещанием и Радиосовет при Главполитпросвете Наркомпроса РСФСР для разработки основных направлений вещания. В это же время формируются основные жанры радиовещания. В 1930-е годы усиливается контроль за радиовещанием и пропагандистская составляющая самого радиовещания. В 1931 г. при Наркомпочтеле образован Всесоюзный комитет по Радиовещанию, в 1932-м – 12 местных радиокомитетов в республиках и областях [БСЭ, 1975].

Таким образом, в 1920–1930-е годы сформировались как сеть радиовещания, так и система управления им, определились цели и задачи. Особое место радио в системе советских СМИ было обусловлено его идеологической составляющей, а пропагандистский характер вещания всячески подчеркивался. В начальный период истории советского государства радио преподносилось как всемогущий инструмент, позволяющий «преодолеть вековые противоречия» и разрешить актуальные идеологические, политические и социальные конфликты и проблемы [Мурашов, 2006. С. 18].

Исследованием истории радиовещания в СССР занимались как советские [Меньшикова, 1966; Гуревич, Ружников, 1976; Шилов, 1989], так и современные российские исследователи [Шерель, 2004; Мурашов, 2006; Горяева, 2009]. В советский период основное внимание историков было приковано к проблемам роста и развития радиовещательной сети в стране. Отличие исследований постсоветского периода заключается в использовании большего числа источников, в том числе иностранных, и рассмотрении радио как средства пропагандистской работы советской власти. Однако историки уделяют недостаточное внимание советской прессе и созданному ею образу радио.

В Карелии проблематика местного радиовещания изучена крайне недостаточно. В основном историки касались этой темы в обзорных публикациях, приуроченных к юбилейным датам [Иванов, 1968. № 1. С. 98; Петричева, 2001а. № 47. С. 25; Винокуров, 2006. № 46. С. 5; На любимой…, 2006. № 47. С. 4], привлекая материалы периодики соответствующего периода [Петричева, 2001б. № 44. С. 8]. Проблема взаимодействия радио и печати в исследованиях практически не затронута.

Основными источниками в данном исследовании выступают печатные СМИ Карелии 1930-х годов: привлечены материалы официальной партийной газеты «Красная Карелия», молодежной газеты «Комсомолец Карелии», районных изданий «Кандалакшский коммунист» (до 27 мая 1938 года г. Кандалакша входил в состав КАССР), «Красная Пряжа», газеты профсоюзной организации «Карельский связист». Всего было выявлено и использовано для исследования около 70 статей, имеющих отношение к теме. Их сравнительный анализ показал, что материалы разных изданий имеют общие содержательные, стилистические и пропагандистские элементы.

В результате процесса централизации управления пропагандой к середине 1930-х годов в СССР сложилась «разветвленная сеть государственных учреждений, которые параллельно по отношению друг к другу выполняли функции политической цензуры» [Горяева, 2009. С. 270]. Также в этот период в стране была создана самостоятельная радиотехническая промышленность, которая могла обеспечить условия для охвата радиовещанием практически всей территории Союза. Как следствие, у прессы появилось значительное число информационных поводов, которые были использованы в целях пропаганды радио. Все это, вместе взятое, определило содержание публикаций СМИ в 1930-е годы.

История собственного радиовещания в Карелии началась в 1926 году с открытия в Петрозаводске широковещательной радиостанции [История…, 2001]. Специфика Карельской АССР как

автономной, пограничной и многоязычной территории наложила отпечаток на работу радио и его роль в пропаганде среди населения. Одной из особенностей карельского радио с первых дней работы стало вещание на нескольких языках, сначала – на русском и финском, позднее были добавлены передачи на карельском и вепсском языках. Другую особенность диктовал фактор пограничного положения, вызвавший необходимость борьбы с радиостанциями, вещавшими с территории Финляндии.

В 1937 году Н. И. Ежов докладывал И. В. Сталину: «За последнее время всё чаще имеют место антисоветские передачи по радио, практикуемые фашистскими радиостанциями… Финское вещание, передающее на финском и карельском языках информацию реакционной финской печати, явно рассчитано на Карелию и Ингерманландию. Характерно, что в небольшом финском городе Лахти, недалеко от советской границы, при содействии германцев построена широковещательная станция мощностью в 220 киловатт… Дело борьбы с радиоинтервенцией, в силу недостаточной мощности нашей вещательной сети, поставлено неудовлетворительно и не гарантирует подавления антисоветского радиовещания» [Ежов, 1999. С. 111].

В результате активного развития радио к 1933 году в Карелии насчитывалось 23 радиоузла, около 10 тысяч радиоточек и сотни радиоприемников коллективного и личного пользования, а к 1935 году их число возросло до 70 радиоузлов, 18 тысяч радиоточек и 700 приемников коллективного пользования [Сорокалетие…, 1935. № 62. С. 2]. Радиофицировались сельские клубы, предприятия, школы, дома и квартиры советских руководителей и ударников труда.

Произошли изменения и в характере освещения в периодической печати вопросов развития радио. Если в 1920-е годы радио интересовало прессу как перспективный, но далекий от насущных проблем населения вопрос, то в 1930-е оно пришло к массовому слушателю и, как следствие, вызвало интерес карельской периодики. На страницах карельских газет в этот период был создан пропагандистский образ радио. Он оказал решающее воздействие на отношение населения к новому для него виду массовой информации и, таким образом, повлиял на процесс становления радиовещания в целом.

Содержание газет контролировалось и цензурировалось партийными органами, следовательно, присутствие или отсутствие той или иной проблематики в газете определялось редакцией в соответствии с партийным заданием. Очевидно, что радиовещание на всем протяжении 1930-х годов оставалось одной из приоритетных тем, которой уделялось не меньше внимания, чем вопросам покорения Арктики, беспосадочным перелетам советских самолетов, судам над «врагами народа» и т. д.

Темы, связанные с радио, разнообразны и часто переплетены с другими важными на тот момент проблемами. Условно газетные публикации можно разделить на несколько крупных тем, таких как пропаганда советской науки и техники среди молодежи, расширение сети вещания, новости о предстоящих радиопередачах. При этом были отражены как несомненные достижения радиовещания в Карелии, так и трудности на пути его развития. Большая часть публикаций кроме основного информационного ядра несла в себе очевидную «нагрузку» в виде идеологических, научно-просветительских, агитационных посылов.

О достижениях радио в Карелии можно узнать из кратких заметок, посвященных расширению радиовещательной сети в республике. Одна из них, «Алло, алло, говорит леспромхоз!…» [Алло…, 1933. № 16 (115). С. 3], посвящена радиофикации Ковдинского леспромхоза; заметка «Заговорило радио» [Заговорило…, 1935. № 81 (625). С. 4] информирует об установке приемника в красном уголке деревни Паданаволок; статья «Колхозный радиоузел» [Колхозный…, 1935а. № 35 (579). С. 4] рассказывает о первом в Медвежьегорском районе колхозном радиоузле, сообщение «Радиоузел в доме крестьянина» [Радиоузел…, 1935. № 149 (693). С. 4] – о появлении радио в Центральном доме крестьянина, «Радиофицированный сельсовет» [Радиофицированный…, 1935. № 73 (617). С. 4] – о радиофикации села Шокша, «Школьный радиоузел» [Школьный…, 1936. № 162 (885). С. 4] – о радиофикации средней школы № 1 г. Петрозаводска. Эти заметки фиксируют одиночные факты, в совокупности передающие картину «победного шествия» радио по республике.

Примерами пропаганды достижений советской промышленности служат заметки «Автомат-радиола» [Автомат…, 1935. № 51 (595). С. 4], «Усовершенствованный радиоприемник» [Усовершенствованный…, 1935. № 1 (545). С. 4] и «Радиоприемник ЦРЛ-9» [Радиоприемник…, 1935. № 55 (599). С. 4]. Они посвящены новой продукции советской промышленности, предназначенной, что характерно, для массового личного пользования. В заметке «Колхозный радиоприемник ЭП-4» [Колхозный…, 1935б. № 12 (556). С. 4] упомянуты несколько моделей изготовляемых на Ростовском радио-

заводе приемников, в том числе – приемник ЭП-4 с питанием от батарей, предназначенный для использования в сельской местности.

Каждое новое изделие преподносится в прессе, во-первых, как очевидное достижение не только радиостроения, но и советского строя в целом; во-вторых, пропагандируется идея массового домашнего радио; в-третьих, само появление статей о домашних радиоприемниках – факт, говорящий о вхождении таковых в быт советских граждан.

Связанные с темой радио статьи также популяризировали научные знания среди молодежи. Пример – заметки из газеты «Комсомолец Карелии» за 1937 год: «О радио и о себе» [О радио..., 1937. № 1. С. 3] и «Радиоконструктор» [Радиоконструктор, 1937. № 147. С. 3].

В обеих публикациях речь идет о советских пионерах. Первая статья посвящена А. Сизову, семикласснику 14-й средней школы Петрозаводска. Мальчик рассказывает об использовании радио в будущем, словно предвидя войну и свое в ней участие: «Передо мной большой экран. Мощные телевизоры показывают движение неприятельской эскадры. Командование соединенными силами всех европейских и азиатских советских республик приказало уничтожить эту последнюю вражескую эскадру, вырвавшуюся в море под фашистским флагом. Приказано уничтожить эскадру без человеческих жертв – ценою малой крови. Радио сообщает, что дивизионы подводных лодок построены на рейде – в открытом море, приемники установлены и опробованы, корабли готовы. Включаю передатчики и усилители. Передаю сигнал движения. Корабли пошли в открытое море. Через полтора часа дал сигнал погружения: могут заметить. Спустя 20 минут первая торпеда была выпущена нашей крайней левой лодкой. Вторая торпеда пошла от крайней правой лодки! Наблюдаю за экраном. Никаких результатов! Разворачиваю строй на 15 градусов. Еще торпеда. Один фашистский миноносец покрылся дымом, накренился набок. Началось! Пускаю в ход торпедные аппараты на других судах. Бой в разгаре. Три неприятельских крейсера затонули... Флагманский корабль поднял сигнал: “сдаюсь”. Приказано бой закончить». Этот рассказ-мечта завершается выводом о выборе жизненного пути: его автор хочет быть радиоконструктором.

Вторая публикация – «Радиоконструктор» – рассказывает о 15-летнем Леше Накропине, который создает собственный радиоприемник в школьной радиолаборатории. Радиоделом Леша заинтересовался в 8-летнем возрасте. Так же, как и в первой статье, описаны мечты пионера. «Радио – это будущее, – говорит Леша, – ведь по радио уже управляют самолетами, пароходами. Что только не делает радио!». Вскользь затронута популярная тематика освоения Арктики: друзьями Леши из радиолаборатории был пойман сигнал с Северного полюса.

Таким образом, в обеих публикациях присутствует увлеченный техникой пионер, его мечты о будущем и радио как символ этого будущего. Публикации пропагандируют науку, технические знания среди молодежи в стране, где совсем недавно крестьяне составляли подавляющую часть населения и которая, встав на путь социалистической модернизации, нуждалась в научных кадрах. Здесь мы видим ученика, пионера, как бы говорящего со страницы молодежной газеты: «Моя мечта станет явью!».

Карельская печать служила не только площадкой для пропаганды радио, но и «мостом», связывающим радиовещание и слушателей. Например, в статье, посвященной конференции петрозаводских радиослушателей [Конференция..., 1935. № 13 (557). С. 4], были озвучены вопросы сотрудничества между ними и карельским радио. «Что хочет услышать по радио молодой радиолюбитель?» – спрашивал у читателей автор заметки, подчеркивая, что «каждый молодой радиолюбитель, комсомолец должен принять участие в работе конференции».

Кроме этого, на страницах карельской прессы печатались объявления о предстоящих радиопередачах, концертах, выступлениях партийных и государственных работников и радиофестивалях. Характерно, что эту информацию слушатели получали из газетных публикаций. Таким образом, газеты донесли до нас информацию о совершенно забытых ныне формах радиовещания, основными действующими лицами которых были сами радиослушатели.

Одним из примеров таких передач служила т. н. «радиоперекличка». По сути, это было соревнование, где радио играло роль связи между соревнующимися колхозниками, рабочими, служащими предприятий и организаций, выступавшими по радио. Например, заметка «Радиоперекличка пахарей» [Радиоперекличка..., 1935. № 80 (624). С. 4] повествовала о соревновании между пахарями и трактористами, которые выступали по радио, говоря о результатах и будущем своего труда. В другой заметке объявлялось о всекарельской перекличке на звание «лучшей сберкассы и выполнении плана мобилизации средств» [Слушайте..., 1933. № 135 (234). С. 4]. В передачах участвовало до ста человек и более, и контролировать содержание каждой речи было практически невозможно, что в итоге привело к запрету в 1937 году данного жанра [Горяева, 2009. С. 262].

Механизм проведения радиофестивалей был схож с радиоперекличками. Во время первого карельского радиофестиваля в 1937 году народные коллективы из девяти районов республики выступали у себя в районных центрах, а их выступление передавалось по линиям связи в петрозаводскую радиостанцию и через неё – по радио всей республике. В фестивале принимали участие не только профессиональные артисты, но и самодеятельные рабочие и колхозные хоры, оркестры, ансамбли [Первый..., 1937. № 120 (1023). С. 4]. Так радио связывало жителей самых разных районов Карелии, показывало достижения «народного хозяйства» и «народного творчества» республики.

На страницах периодики можно найти упоминание ещё об одной форме радиовещания. Ей посвящено объявление о проведении 21 сентября 1935 года «Пионерского костра по радио» [Пионерский..., 1935. № 128 (672). С. 4], организованного пионерами первой средней школы г. Петрозаводска. Фактически речь идет о концерте учащихся вокруг воображаемого костра. Передача предназначалась для пионерских отрядов других школ, специально собранных у ближайших радиоприемников.

Общая черта, присущая и «радиоперекличкам», и «пионерским кострам», и радиофестивалям, и радиоконференциям, заключалась в активном вовлечении в создание радиопередач рядовых радиослушателей, которые при этом переставали быть адресатом, объектом радиовещания, а становились его полноправными участниками, причем связующим звеном здесь выступала периодика. Это говорит о том, что карельская печать сыграла большую, нежели простая агитация, роль в развитии местного радиовещания.

В карельской прессе встречаются и материалы другого характера. В них описываются организационные, технические и кадровые проблемы радио в Карелии, факты воровства радиоаппаратуры и открытого вредительства. Тут стоит оговориться, что советская печать 1930-х годов ставила своей задачей добиваться «обратной связи» населения с властью, стимулируя корреспондентскую активность читателей. На газетных полосах размещались полученные с мест сведения о том или ином правонарушении со стороны местных органов власти, попустительстве и самоуправстве начальства. Редакции размещали материал, часто с собственными комментариями, и отправляли его в органы власти или правопорядка.

Не стали исключением и статьи, связанные с радиовещанием. В заметке «Приемники попрежнему молчат» [Приемники..., 1935. № 66 (610). С. 3] сообщалось о том, что рабочие одного лесопункта близ Петрозаводска не могут слушать радиопередачи из-за отсутствия батарей, при том что в городе они продаются. В том же 1935 году, как сообщал корреспондент «Комсомольца» [Ни красных..., 1935. № 57 (601). С. 3], еще большие проблемы с радио были у сплавщиков леса Прионежского района: «Радиовещание на сплаве под угрозой срыва. Радиоприемники в Шуе, Педасельге не установлены, в Ладве оба приемника неисправны. Радиопитания рабочком имеет шесть комплектов, а должно работать пятнадцать приемников». «Повторяется старая история, – резюмирует корреспондент, – Карпотребсоюз снабжает «только индивидуального потребителя», радиоотдел связи – «только свои радиоузлы», а в магазинах управления рабочего снабжения Карелеса радиопитания нет, как не было его зимой».

Проблема снабжения радиооборудования запасными деталями обозначена в статье «На волне самотека» [На волне..., 1935. № 2 (546). С. 3]: несмотря на то что карельский Совнарком постановил в 1934 году «снабжение радиоустановок на лесозаготовках возложить на управление рабочего снабжения Карелии», в лесу «из 400 радиоустановок работает на сегодня (январь 1935 года) только 168».

Карельское радиовещание также страдало от непрофессионализма рабочих кадров. В заметке газеты «Кандалакшский коммунист» [Горе-радист, 1934. № 6 (176). С. 2] ее авторы сетуют на то, что установленный на Княжегубском лесопункте аппарат «из-за неумелого обращения с ним не работает, а имеющийся радист только спит и напрасно получает деньги». С той же проблемой некомпетентности кадров столкнулись на Киндасовском лесопункте, писала газета «Красная Пряжа» [Когда..., 1934. № 16 (132). С. 1], и на Лехтинском радиоузле, о чем сообщали рабкоры «Комсомольца Карелии» [Радио-путаник..., 1937. № 25 (928). С. 3].

Как об открытом злоупотреблении своими полномочиями в корыстных целях рассказывает статья «Кандалакшского коммуниста» [Радио..., 1934. № 14 (184). С. 1] об отсутствии на Ковдском лесопромышленном пункте (ЛПХ) радиоприемников – из-за того, что «Рабочком раздал радиоаппараты по квартирам», причем один из приемников оказался в «квартире секретаря рабочкома».

Таким образом, как показывает анализ прессы Карелии 1930-х годов, ее внимание было сосредоточено на отдельных проблемах развития радио: фактах злоупотреблений, непрофессионализме, трудностях со снабжением, которые не связывались друг с другом и со сложившейся системой управления радиове-

щанием. При этом центральная тема всех публикаций – необходимость обеспечения качественной радиосвязью в первую очередь «простых слушателей», которые и писали в газеты. Этот факт подчеркивается особо: идея радиосвязи как необходимой составляющей жизни граждан советской Карелии преподносилась от лица самих граждан. Таким образом, через газеты слушатели получали ощущение возможности участвовать в опосредованном контроле над деятельностью радио.

Карельская периодическая печать внесла определенный вклад в развитие радиовещания в Карелии, не ограничиваясь простым информированием населения. Пресса выполняла функцию пропаганды идеи радио среди жителей республики, была связующим звеном между радиослушателями и радиовещанием, обеспечивая «обратную связь» с населением.

Источники и литература

Автомат-радиола // Комсомолец Карелии. 1935. № 51 (595). С. 4.

«*Алло*, алло, говорит леспромхоз»: радио связало район с участком // Комсомолец Карелии. 1933. № 16 (115).

Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 21. М.: Сов. энциклопедия, 1975. 628 с. (В тексте – БСЭ).

Винокуров В. Миром правит связь: 80 лет назад в Петрозаводске была введена в строй первая широковещательная радиостанция с радиусом действия 600 км // ТВР-Панорама. 2006. № 46.

Горе-радист // Кандалакшский коммунист. 1934. № 6 (176).

Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 407 с.

Гуревич П. С., Ружников В. Н. Советское радиовещание: страницы истории. М.: Искусство, 1976. 382 с.

Ежов Н. И. Дело борьбы с радиоинтервенцией // Документы Русской истории. 1999. № 1.

Заговорило радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 81 (625).

Иванов А. Карельскому радио – пятьдесят лет // Север. 1968. № 1.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Когда заговорит радио // Красная Пряжа. 1934. № 16 (132).

Колхозный радиоприемник ЭП-4 // Комсомолец Карелии. 1935б. № 12 (556).

Колхозный радиоузел // Комсомолец Карелии. 1935а. № 35 (579).

Конференция радиослушателей Петрозаводска // Комсомолец Карелии. 1935. № 13 (557).

Культурное строительство в Советской Карелии, 1926–1941. Народное образование и просвещение: документы и материалы / Сост. С. В. Бархатова и др. Петрозаводск: Карелия, 1986. 174 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 36. 757 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. 755 с.

Меньшикова А. А. Радио – детям. М.: Комитет по радиовещанию и телевидению, 1966 . 99 с.

Мурашов Ю. Электрифицированное слово: радио в советской литературе и культуре 1920–30-х годов // Советская власть и медиа: сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтер и С. Хэнсген. СПб.: Академ. проект, 2006. С. 17–38.

На волне самотека // Комсомолец Карелии. 1935. № 2 (546).

На любимой волне Радио Карелии: 21 ноября коллектив Радио Карелии праздновал свое 80-летие // ТВР-Панорама. 2006. № 47.

Ни красных уголков, ни радиоточек // Комсомолец Карелии. 1935. № 57 (601).

О радио и о себе // Комсомолец Карелии. 1937. № 1.

Первый карельский радиофестиваль // Комсомолец Карелии. 1937. № 120 (1023).

Петричева А. С. «Сегодня, 22 июня 1941 года…»: карельское радио в годы войны // ТВР-Панорама. 2001а. № 47.

Петричева А. С. «Слушайте!»: с этого призыва 75 лет назад начиналось Радио Карелии // ТВР-Панорама. 2001б. № 44.

Приемники по-прежнему молчат // Комсомолец Карелии. 1935. № 66 (610).

Пионерский костер по радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 128 (672).

Радиоузел в доме крестьянина // Комсомолец Карелии. 1935. № 149 (693).

Радиофицированный сельсовет // Комсомолец Карелии. 1935. № 73 (617).

Радиоприемник ЦРЛ-9 // Комсомолец Карелии. 1935. № 55 (599).

Радио-путаник Соболев // Комсомолец Карелии. 1937. № 25 (928).

Радио говорит у Кузнецовой, а не в лесу // Кандалакшский коммунист. 1934. № 14 (184).

Радиоперекличка пахарей // Комсомолец Карелии. 1935. № 80 (624).

Радиоконструктор // Комсомолец Карелии. 1937. № 147.

Слушайте радиоперекличку // Комсомолец Карелии. 1933. № 135 (234).

Сорокалетие радио // Комсомолец Карелии. 1935. № 62.

Усовершенствованный радиоприемник // Комсомолец Карелии. 1935. № 1 (545).

Шерель А. А. Аудиокультура XX века: история, эстетические закономерности, особенности влияния на аудитории: очерки. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 575 с.

Шилинский А. Ю. Новый политехнический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 671 с.

Шилов Л. А. Я слышал по радио голос Толстого…: Очерки звучащей литературы. М.: Искусство, 1989. 224 с.

Школьный радиоузел // Комсомолец Карелии. 1936. № 162 (885).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ваничев Станислав Владимирович
аспирант
Карельская государственная педагогическая академия
ул. Пушкинская, 17, Петрозаводск, 185910,
Республика Карелия, Россия
эл. почта: stavan2009@mail.ru

Vanichev, Stanislav
Karelian State Pedagogical Academy
17 Pushkinskaya St., 185910, Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: stavan2009@mail.ru

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 136–142

УДК 903.024:550.84(470.22/23)«10/15»

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ICP-MS АНАЛИЗ ОБРАЗЦОВ КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ ДРЕВНЕКАРЕЛЬСКИХ ГОРОДИЩ

И. М. Поташева[1], С. А. Светов[2]

[1]Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
[2]Институт геологии Карельского научного центра РАН

В современной исследовательской практике междисциплинарный подход к решению различных научных задач занимает все более значимое место. В настоящей статье предпринимается попытка привлечения методов прецизионного геохимического анализа к изучению средневековой гончарной керамики, происходящей с древнекарельских памятников Северо-Западного Приладожья. Проведено масс-спектрометрическое (ICP-MS) изучение глин из 48 образцов керамической массы и четырех месторождений глины в пределах Северо-Западного Приладожья с целью определения возможного ареала происхождения гончарных изделий. По химическому составу образцы распадаются на три группы сосудов, глина для изготовления которых добывалась из трех разных источников: сосуды местного производства из красножгущейся глины, белоглиняные горшки и импортные изделия. Результаты геохимического анализа показали эффективность применения и перспективность дальнейшей разработки данного метода в археологическом исследовании древней посуды.

К л ю ч е в ы е с л о в а : масс-спектрометрия, ICP-MS, гончарная керамика, древнекарельские городища, Северо-Западное Приладожье, Средневековье.

I. M. Potasheva, S. A. Svetov. GEOCHEMICAL RESEARCH IN ARCHAEOLOGY: ICP-MS ANALYSIS OF WHEEL-THROWN POTTERY SAMPLES FROM ANCIENT KARELIAN HILLFORTS

Interdisciplinary approach is becoming more and more essential in tackling different scientific problems in modern research practice. The paper describes an attempt to apply precise geochemical analysis techniques to the study of medieval wheel-thrown pottery unearthed during the excavations in North-Western Priladozhje. Mass-spectrometric (ICP-MS) analysis of ceramic shards' clay from 48 pottery-ware samples and four specimens of clay from deposits in Southern Karelia and the Leningrad region was carried out to determine the possible provenance of the pottery. According to the chemical composition, the samples form three groups of vessels made of clay obtained from three different sources: local pottery made of red-burning clay, white-burning clay ceramics and imported ware. The results proved geochemical research is an effective method with good potential for further development in archaeological ceramics studies.

K e y w o r d s : mass-spectrometry, ICP-MS, wheel-thrown pottery, ancient Karelian hillforts, North-Western Priladozhje, Middle Ages.

В эпоху Средневековья на территориях, расположенных на северо-западном побережье Ладоги, проживала летописная корела. Укрепленные древнекарельские поселения размещались вблизи современных населенных пунктов (г. Приозерск Ленинградской области, поселки Куркиеки и Терву Лахденпохского района, г. Сортавала Сортавальского района Республики Карелия). Основной археологический материал памятников свидетельствует об их функционировании в XII–XIV вв. [Кочкуркина, 2010. С. 49, 87, 94, 107, 126].

Объектом детального геохимического исследования стала коллекция гончарной керамики городищ Тиверск, Хямеенлахти-Линнавуори, Соскуа-Линнамяки, Терву-Линнасаари и Паасо. В общей сложности это 4098 фрагментов посуды, изготовленной с применением гончарного круга из красножгущейся (3781 обломок сосудов, ≈92,3 % от общего количества) и, в меньшей степени, беложгущейся (317 фрагментов, ≈7,7 %) глины. Также отметим, что при раскопках Паасо и Тиверска в небольшом количестве встречались обломки лепной глиняной посуды (204 фрагмента), случайно попавшие в культурные слои памятников из более древних горизонтов и не использованные в геохимическом анализе. Распределение фрагментов гончарной посуды по памятникам неравномерно. Самая объемная коллекция городища Тиверск составляет 2756 фрагментов керамики, Хямеенлахти-Линнавуори – 320, Соскуа-Линнамяки – 83, Терву-Линнасаари – 154, Паасо – 785 фрагментов круговой посуды.

Археологически восстановить удалось 152 сосуда, выделенные по сохранившейся как минимум на одну треть высоты верхней части. Абсолютное большинство изделий относится к категории кухонных горшков (150 экземпляров), использовавшихся для приготовления пищи, что установлено по наличию нагара на поверхности 82 % сосудов.

Основным материалом для изготовления гончарной керамики служила глина с добавлением дресвы, позволявшей значительно снизить усадку изделий при обжиге. Результаты петрографического анализа гончарной посуды из Тиверска, осуществленного в лаборатории Института археологии АН СССР, дали основания для выделения двух групп керамики в коллекции. В первую группу вошли образцы, состоящие из тонкочешуйчатой пластинчатой бурой глины с грубой примесью биотитового гранита. Вторая группа представлена образцами, отличающимися от первой наличием алевритовой кварцевой примеси в формовочной массе [Кочкуркина, 1982. С. 127]. В ходе исследования установлено, что в качестве отощителя для керамического теста древние карелы использовали широко распространенные в районе современного Приозерска материалы, что в определенной мере оправдывает предположение о существовании местного гончарного производства, но вопрос о его объемах еще предстоит решить [Кочкуркина, 2010. С. 148].

Авторами в данной статье при выборе методики геохимического исследования сделан акцент на определении редких и редкоземельных элементов (REE) в образцах глины прецизионным масс-спектрометрическим (ICP-MS) методом (табл.). Важно отметить, что классифицировать глины по петрогенным элементам

Химический состав глин и образцов формовочной массы гончарной керамики древнекарельских городищ Северо-Западного Приладожья (ppm (г/т).

Элемент (ppm)	Эталонные пробы				**Группа I.** Сосуды местного производства		**Группа II.** Сосуды из беложгущейся глины		**Группа III.** Импортные сосуды	
	Образцы сырья (глина)				Образцы формовочной массы сосудов					
	Т-49	**50** (Лахденпохский р-н)	**51**	**52** (Олонец)	**Т-27**	**Т-36**	**П-10**	**Т-20**	**Х-9**	**Т-32**
Be	2,10	1,98	3,04	2,00	2,98	2,65	6,26	4,34	4,00	4,43
Ti	3841,87	3179,87	4625,07	4817,07	4553,07	4441,07	13645,07	10981,07	4305,07	4609,07
V	65,12	85,92	122,16	144,64	104,84	109,44	256,72	218,00	108,60	86,20
Cr	73,05	70,13	94,13	121,57	84,21	95,13	260,57	225,65	88,33	85,53
Mn	230,94	290,26	230,78	133,78	152,46	183,46	121,14	92,90	387,30	468,66
Ni	24,78	33,31	49,65	70,89	37,38	36,76	150,97	109,17	45,25	42,09
Y	18,83	18,84	28,78	22,13	22,35	21,04	25,78	34,34	38,24	53,71
La	37,95	22,98	36,23	36,61	37,34	32,01	67,30	71,42	47,22	78,70
Ce	91,85	59,41	96,21	86,33	90,05	89,29	183,49	164,65	112,57	226,45
Sm	6,88	5,13	7,64	6,52	6,98	6,56	11,92	12,84	9,01	22,15
Eu	1,24	1,18	1,59	1,34	1,48	1,37	2,54	2,67	1,57	4,41
Pb	18,65	15,29	20,97	18,26	18,31	16,62	39,18	50,48	21,47	20,69
Th	12,70	8,01	11,86	10,66	12,23	10,81	21,18	20,72	16,14	16,22
U	2,02	2,27	2,69	2,67	3,60	3,76	8,42	5,90	6,98	2,66
Σ REE	203,12	137,47	215,35	194,35	202,47	191,44	372,47	370,58	257,22	527,87

Примечание. В таблице приведены частичные, наиболее репрезентативные данные

(таким как SiO_2, Al_2O_3, TiO_2 и др.) затруднительно в связи с близкими концентрациями данных компонентов в глинах различных месторождений. Корректнее провести классификацию глинистого материала, используя редкие и редкоземельные элементы, что позволит получить более достоверную информацию о генетической близости (или отличии) изучаемых объектов. Аналитические исследования выполнялись на квад-рупольном масс-спектрометре X-SERIES 2 (Thermo scientific) в аккредитованном «Испытательном центре анализа вещества» в Институте геологии КарНЦ РАН на образцах гончарной керамики (глинистая фракция) древнекарельских городищ, прошедших стандартную процедуру подготовки проб, используемую для указанного метода. Ранее химические анализы керамики (силикатный, спектральный, рентгенофазовый и др.) проводились Т. А. Хорошун на образцах глиняной посуды развитого неолита – энеолита Карелии при содействии Института геологии КарНЦ РАН [Хорошун, 2009. С. 98–110]. Применение масс-спектрометрической методики анализа керамических объектов в Карелии проводится впервые, однако при изучении условий формирования осадочных пород (глин, аркоз, песчаников и др.) она активно используется уже несколько десятилетий, давая прекрасные результаты [Летникова, 2001. С. 102].

Вопрос о наличии предметов импорта среди кухонной посуды, находившейся в обиходе у населения городищ Северо-Западного Приладожья, имеет для авторов первостепенную значимость. Основная задача работы состоит в том, чтобы выяснить, являлась ли круговая керамика древних карелов продуктом местного гончарного производства, если таковое имелось, или какая-то часть сосудов попала к жителям городищ из соседних областей в ходе торговых или обменных операций. Эта проблема вызывает обоснованный интерес, учитывая близость городищ Северо-Западного Приладожья к главным путям сообщения, торговли и городским центрам Средневековья, как и наличие активных торговых связей древних карелов с близлежащими территориями. Мы также преследовали цель определить эффективность применения результатов геохимических анализов керамики к систематизации керамического материала и разработке типологических построений, так как в настоящее время основными инструментами для создания археологических классификаций гончарной керамики являются методы морфологического и технологического анализа посуды [Станкевич, 1951; Смирнова, 1956; Малыгин и др., 2001; Кильдюшевский, 2002; Носов и др., 2005].

Для геохимического анализа керамики отобрано 48 образцов, непосредственно являющихся фрагментами восстановленных гончарных горшков, принадлежащих к морфологически дифференцируемым группам сосудов. В качестве двух эталонных образцов для керамики с городищ Хямеенлахти-Линнавуори, Терву-Линнасаари и Соскуа-Линнамяки были взяты пробы глин из пос. Куркиеки Лахденпохского района. В роли эталона для образцов посуды из Тиверска выступил фрагмент глиняной обмазки (обмазывание фундамента жилища глиной – типичный прием домостроения жителей Тиверска). Для эксперимента один эталонный образец был взят из современной гончарной мастерской Р. Леонтьева в Олонце.

На первый взгляд может возникнуть сомнение в корректности такой выборки, связанное с тем, что образцы гончарной керамики представляют собой уже высушенную и обожженную глиняную массу, а эталонные образцы – сырую глину, прошедшую только стадию естественного высыхания. Однако для химического анализа здесь нет никаких препятствующих факторов. Считается, что в Средневековье для обжига посуды использовалась температура 700–800 °С, и только сосуды из беложгущейся глины могли обжигаться при температуре, достигающей 950 °С [Кильдюшевский, 2002. С. 9]. Посуда не подвергалась воздействию чрезмерно высоких температур, способному повлечь за собой плавку керамического теста и изменение его химического состава. Более того, при подготовке образцов к химическому анализу пробы проходят близкую к обжигу процедуру прокаливания при температуре 1000 °С, позволяющую избавить материал от воды и органических примесей.

В результате исследования проведено изучение 52 образцов (48 – посуда, 4 – глина). Каждая проба имеет шифр, составленный из первых букв названия памятника (П – Паасо, С – Соскуа-Линнамяки, Т – Тиверск, Тер – Терву-Линнасаари, Х – Хямеенлахти-Линнавуори) и цифр, соответствующих порядковому номеру образца в таблице данных. Важно подчеркнуть, что отбор экземпляров для аналитического исследования производился с учетом морфологии и технологии изготовления керамики (в выборку попало несколько типологически схожих сосудов). 42 образца представлены фрагментами сосудов из красножгущихся глин, остальные шесть – обломки белоглиняной утвари. Изучение форм посуды и сопоставление типологически однообразных групп сосудов городищ Северо-Западного Приладожья с датированными типо-хронологическими шкалами керамики средневековых

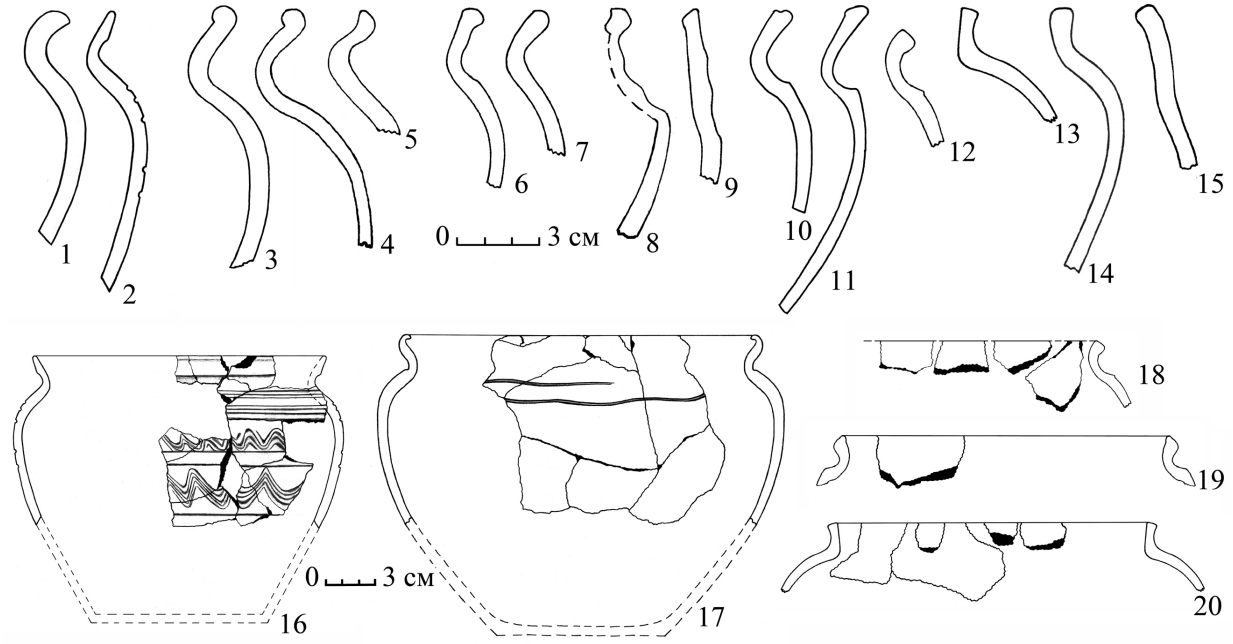


Рис. 1. Гончарная керамика городищ Северо-Западного Приладожья:
1–15 – профили горшков местного производства, 16–20 – импортные сосуды

городов Северо-Запада Руси, главным образом Новгорода, показало, что период бытования глиняной посуды у жителей древнекарельских городищ ограничивается серединой X – XV в. (рис. 1: 1–15). Самые ранние формы X–XI вв. нашли отражение в горшках S-видной профилировки с округлым плечом и коротким отогнутым наружу венчиком, украшенных широким поясом многорядовой волны или линейно-волнистого орнамента (см. рис. 1: 1, 2). В середине XII в. распространяется керамика с валиком на внутренней части венчика, которая просуществует как минимум до конца XIV в. (см. рис. 1: 3, 4). В Средневековье данный тип посуды был крайне популярен не только в Карелии, но и в Тверской [Лапшин, 2009. С. 128], Псковской [Кильдюшевский, 2002. С. 12], Владимирской [Лапшин, 1992. С. 97] и Ленинградской областях [Кирпичников, 1979. С. 72]. В период с середины XII по XV в. бытуют сосуды с венчиком, имеющим выемку для крышки (см. рис. 1: 5). Разнообразные по форме и деталям оформления верхней части горшки употреблялись на протяжении XII и особенно XIII в. (см. рис. 1: 6, 7). В XIII–XIV вв. в керамическом наборе городищ имеются изделия с удлиненным гофрированным венчиком, утратившие S-видный изгиб профиля (см. рис. 1: 8, 9). С конца XIII, вероятнее с XIV в. обнаруживаются сосуды с выраженным плечиком – «ребром» и отогнутым наружу, часто утолщенным краем венчика, сохраняющиеся и в XV в. (см. рис. 1: 10–12) [тип VIII Новгорода, по Г. П. Смирновой, 1956. С. 246; Малыгин и др., 2001. С. 97]. Неорнаментированные крутобокие горшки с коротким венчиком и раздутым туловом следует относить к XV–XVI вв. [Кирпичников, 1980. С. 98, рис. 31]. В материалах древнекарельских памятников имеются два слабопрофилированных сосуда, аналогии которым пока не найдены (см. рис. 1: 15); с обоих горшков взяты образцы теста для анализа.

В результате аналитических исследований определена концентрация в пробах следующих элементов: Li, Be, P, Sc, Ti, V, Cr, Mn, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, Rb, Sr, Y, Zr, Nb, Mo, Ag, Cd, In, Sn, Sb, Te, Cs, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu, Hf, Ta, Tl, Pb, Bi, Th, U. Установлено, что наибольшее различие в глинах, используемых для изготовления керамики, отмечается для Ti, V, Cr, Y, REE (La, Ce, Pr, Nd, Sm, Eu, Gd, Tb, Dy, Ho, Er, Tm, Yb, Lu). Графический анализ полученных результатов приводится на бинарных диаграммах, построенных для элементов, имеющих контрастное поведение в природных процессах. В бинарных системах Ti-V, Ti-Y, La-Th, Ti-ΣREE (в ppm [1 грамм на тонну = 0,0001 %], рис. 2) фигуративные точки образцов формируют три области с разными концентрациями элементов. Они могут интерпретироваться как свидетельство существования трех групп керамики, материал для изготовления которой несомненно имел различные геохимические характеристики, что может быть следствием использования в гончарном деле сырья различных по минералого-геохимическому составу и генетическому типу месторождений.

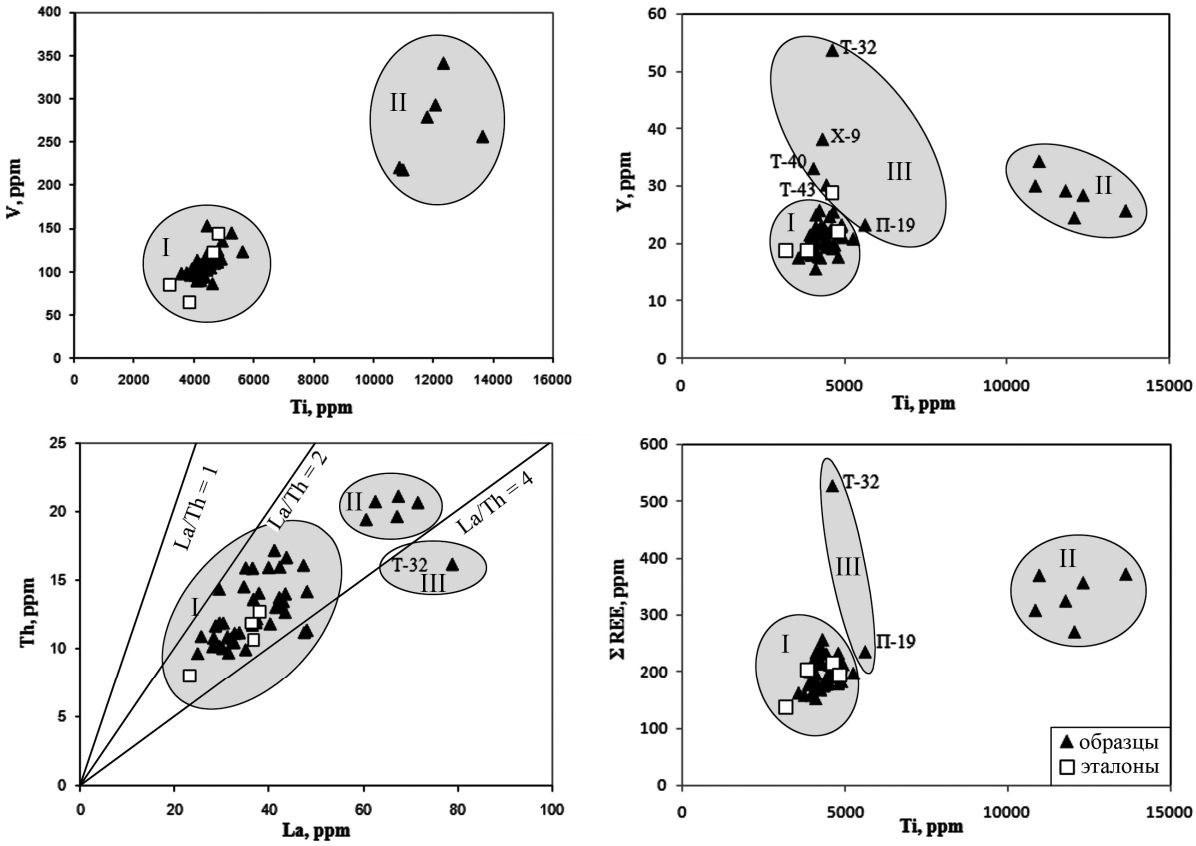


Рис. 2. Бинарные диаграммы Ti-V, Ti-Y, La-Th, Ti–ΣREE (ppm).

Группа I – сосуды местного производства из красножгущейся глины, группа II – горшки из беложгущейся глины, группа III – импортные сосуды. Отношения La / Th = 1, 2, 4 используются для разделения геодинамической приуроченности осадочных пород [Летникова 2001: 132]

Сначала обратимся к группе I (на диаграмме Ti-V (ppm) в группу I входят образцы С-1, Тер-2, 3, Х-5-9, П-11-19, Т-24-49, эталоны – 50-52; для Ti-Y: С-1, Тер-2, 3, Х-5-8, П-11-18, Т-24-31, Т-33-39, Т-41, Т-42, Т-44-49, эталоны – 50-52; для La-Th (ppm): С-1, Тер-2, 3, Х-5-9, П-11-19, Т-22, Т-24-31, Т-33-49, эталоны – 50-52; для Ti-ΣREE (ppm): С-1, Тер-2, 3, Х-5-9, П-11-18, Т-24-31, Т-33-49, эталоны – 50-52), представленной образцами керамики из красножгущейся глины, в которую попали эталонные образцы (см. рис. 2). Близость расположения фигуративных точек и приуроченность к одной зоне свидетельствует о схожести их химического состава. Материал для этих сосудов добывался из одного источника, который по праву может быть отнесен к местным выходам глины. Маловероятно, что какие-либо из сосудов данной группы могли быть импортированы на городища. За неимением в нашем распоряжении эталонов из близлежащих городских центров с развитым гончарством (например, Новгород, Старая Ладога) невозможно с полной уверенностью утверждать, что керамика группы I является продукцией местного производства. Сбор проб глины и образцов гончарной керамики средневековых городов с собственным гончарным производством – задача будущей работы в данном направлении.

Теперь обратим внимание на группу II (на диаграмме Ti-V, Ti-Y, Ti-ΣREE (ppm) в группу II входят образцы Тер-4, П-10, Т-20–23; для La-Th (ppm): Тер-4, П-10, Т-20, Т-21, Т-23) – это шесть сосудов из беложгущейся глины, происходящие с городищ Паасо и Тиверск (см. рис. 2). Керамика из пластичной беложгущейся каолиновой глины хорошо идентифицируется визуально, что фактически не требовало проведения столь специального анализа. Тем не менее может возникнуть трудность с определением места белоглиняной керамики в классификационных построениях. При создании типологии керамика из беложгущейся глины нередко выделяется в отдельный тип на основании не только морфологического, но и технологического различия, обусловленного выбором сорта глины [тип Х по В. И. Кильдюшевскому, 2002. С. 14; типы 4–6 по А. Н. Кирпичникову, 1979. С. 72–73]. Разрабатывая типологию гончарных сосудов Северо-Западного Приладожья, мы, в свою очередь, не сочли нужным выделить

белоглиняные горшки в отдельный тип и строили типо-хронологическую шкалу посуды, руководствуясь исключительно морфологическими различиями емкостей [Поташева, 2012]. Однако упомянутая типология носила рабочий характер, ввиду чего в настоящее время настала необходимость ее пересмотра, учитывая пополнение коллекции на 99 горшков. Более того, полагаясь на результаты геохимического исследования, мы пришли к выводу, что наиболее логичным кажется обособление керамики из беложгущейся глины в самостоятельную группу, которую предстоит разделить на типы, как это сделано А. М. Спиридоновым на примере коллекций Южного Заонежья [Спиридонов и др., 2012. С. 74–78]. Анализ химического состава образцов круговой посуды позволил нам получить надежное обоснование для методики классификации керамики.

Оставшаяся группа III (на диаграмме Ti-Y (ppm) в группу III входят образцы Х-9, П-19, Т-32, Т-40, Т-43; для La-Th (ppm): Т-32; для Ti-ΣREE (ppm): П-19, Т-32) – самая привлекательная (см. рис. 2). Сюда вошли образцы керамики из красножгущейся глины с радикально отличающимся от эталонов химическим составом. Вероятно, эти сосуды не были изготовлены на городищах, они попали к древним карелам из других областей. Количество их невелико (пять горшков разной формы), что не способствует установлению обстоятельств, при которых сосуды оказались на городищах. Другими словами, горшки группы III могли быть предметом импорта, выступать в качестве сопутствующего предмета – тары при транспортировке продуктов или принадлежать «проезжим» людям, недолго пребывавшим в стенах карельской крепости. Образцы под номерами П-19, Т-32, Т-40, Т-43, Х-9 представлены горшками, превосходящими оставшиеся сосуды из выборки по уровню сложности профилировки и часто по качеству выделки изделий. Горшок, датированный нами X–XI вв., украшенный линейно-волнистым орнаментом почти на всю высоту, отличается небольшой толщиной стенок, хорошим обжигом и изящно оформленным венчиком (рис. 1: 16). Сосуд с резким изгибом шейки и удивительно тонким венчиком, напоминающим завиток, не находит аналогий среди керамики древнекарельских городищ (рис. 1: 17). Два горшка с ребристым профилем также выделяются сложностью формы: первый – наличием рубчика на плечике и равномерным обжигом, второй – искусно формованным венчиком (рис. 1: 18, 19). Подобные изделия, вероятно, бытовали в XIV или даже XV в. [тип VIII Новгорода, по Г. П. Смирновой, 1956. С. 246]. Последний горшок – тонкостенный и неорнаментированный – отличается качественным обжигом и плотным черепком (рис. 1: 20).

При визуальном осмотре описанных сосудов возникало предположение об их импортном происхождении. Тем не менее в коллекции керамики городищ присутствуют другие горшки, внешне не уступающие привозным изделиям по качеству. Они также могли бы быть приняты за импортные, однако по химическому составу теста соответствуют гончарной продукции местного производства в отличие от рассмотренных выше пяти красноглиняных горшков. Таким образом, именно проведенное геохимическое исследование подтверждает предположение об импортном характере сосудов группы III.

Для анализа результатов авторами также использовались мультиэлементные диаграммы [см.: Летникова, 2001. С. 131], при построении которых применялась процедура нормализации к стандарту. Диаграммы отражают отношение концентраций элементов (Rb, Ba, Th, U, Nb, La, Ce, Sr, Nd, P, Hf, Zr, Sm, Ti, Tb, Y) в образцах круговой посуды к концентрации в хондритовом метеорите [Sun, McDonough, 1989. P. 318]. Данные графики оказались менее иллюстративными и фактически дублировали выводы, сделанные на основании бинарных диаграмм.

Проведенное исследование образцов химического состава гончарной посуды древнекарельских городищ показало наличие в коллекции трех разнородных групп керамики, выделенных по источникам сырья. Установлено, что в керамической коллекции присутствуют сосуды, являющиеся продуктами импорта. Очевидно, что выбранный авторами метод эффективен для решения археологических задач, однако он требует доработки. Приведем простой пример: керамическое тесто содержит не только глину в чистом виде, но и включения крупных фракций дресвы, отделить которые затруднительно. Один из этапов подготовки образцов заключается в измельчении фрагментов керамики до тонкодисперсного состояния. В итоге мы имеем смесь глины и минерального компонента дресвы, что непосредственно отражается на химическом составе проб (присутствует антропогенная контаминация глины материалом дресвы) и в дальнейшем способно дать «смазанный» геохимический результат, в том числе на диаграммах. Таким образом, видится перспективным привлечение метода прецизионного пробоотбора материала для масс-спектрометрии с помощью лазерной абляции (испарение вещества лазерным лучом из глинистой части керамики на площади 20–100 мкм), что поможет обеспечить наибольшую продуктивность исследований в области геохимической археологии.

Авторы статьи выражают глубокую признательность сотрудникам аналитической лаборатории ИГ КарНЦ РАН В. Л. Утицыной и А. С. Парамонову за помощь в проведении исследования и благодарность д. и. н. С. И. Кочкуркиной (ИЯЛИ КарНЦ РАН) и д. г.-м. н. А. И. Слабунову (ИГ КарНЦ РАН) за конструктивные замечания и обсуждение материалов в ходе выполненной работы.

Источники и литература

Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII–XVII века // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 5–33.

Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.») // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52–74.

Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука, 1980. 124 с.

Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск; СПб.: Взлет, 2010. 262 с.

Кочкуркина С. И. Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 216 с.

Лапшин В. А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: Изд-во ИА РАН, 1992. С. 90–102.

Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

Летникова Е. Ф. Использование геохимических данных при изучении осадочных пород // Интерпретация геохимических данных: учеб. пособие / Е. В. Скляров и др.; Под ред. Е. В. Склярова. М.: Интермет Инжиниринг, 2001. С. 102–134.

Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. 2001. Вып. 15. С. 82–97.

Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья // Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XVIII. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. 404 с.

Поташева И. М. Гончарная посуда населения Северо-Западного Приладожья в конце XI – начале XV в. // Труды КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 170–178.

Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. Труды новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1956. С. 228–248.

Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 165 с.

Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // Советская археология. Т. XV. Л., 1951. С. 219–246.

Хорошун Т. А. К вопросу использования местных ресурсов для изготовления древней глиняной посуды (развитый неолит – энеолит) // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009. С. 98–110.

Sun S.-s., McDonough W. F. Chemical and isotopic systematic of oceanic basalts: implications for mantle composition and process // Magmatism in the ocean basins. Geological Society Special Publication, 1989. № 42. P. 313–345.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Поташева Ирина Михайловна
аспирантка
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: irina.potasheva@mail.ru
тел.: (8142) 781886

Светов Сергей Анатольевич
д. г.-м. н., зам. директора по НИР, зав. лаб. геохимии и моделирования природных и техногенных процессов ИГ КарНЦ РАН,
проф. кафедры геологии и геофизики ПетрГУ
Институт геологии Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: ssvetov@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 782753

Potasheva, Irina
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: irina.potasheva@mail.ru
tel.: (8142) 781886

Svetov, Sergey
Institute of Geology, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: ssvetov@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 782753

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 143–145

ЮБИЛЕИ И ДАТЫ

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ЖЕРБИН
(к 90-летию со дня рождения)

Среди карельских исследователей, внесших крупный вклад в разработку проблем истории Карелии и Финляндии, весьма заметное место принадлежит Алексею Степановичу Жербину, который в течение многих лет возглавлял сектор истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР (ныне Карельского научного центра РАН).

Алексей Степанович родился 19 марта 1923 года в дер. Нурмолица Олонецкого района Карелии в семье карельского крестьянина. Получил среднее образование. После окончания в 1946 году Карело-Финского (ныне Петрозаводского) государственного университета пришел на работу в Институт языка, литературы и истории Карело-Финской научной базы АН СССР. В 1949–1951 годах проходил аспирантскую подготовку при Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН).

Учеба в аспирантуре под руководством известных ученых, докторов исторических наук И. И. Смирнова и И. П. Шаскольского стала важным этапом в становлении и формировании историка-исследователя А. С. Жербина. Как следует из его подробного отчета за 1950 год, «…проработал всю имеющуюся и непосредственно относящуюся к моей теме литературу…, собрал значительное количество нужного для диссертации [документального] материала. Работая в архивах, мною обнаружено много документов, характеризующих ход переселения карел из захваченного в результате интервенции шведами Корельского уезда, причины переселения, а также устройство переселенцев-карел на новом месте в пределах Русского государства». По мнению крупного специалиста по истории Карелии Р. Б. Мюллер, у которой А. С. Жербин проходил специальную археографическую подготовку, эти материалы представляли большой научный интерес, значительная их часть была открыта впервые. Сделанные им копии уникальных исторических материалов по средневековой истории Карелии из центральных архивов страны ныне хранятся в Научном архиве Карельского научного центра РАН.

В 1952 году А. С. Жербин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Переселение карел в Россию в XVII веке», в которой впервые комплексно были рассмотрены такие важные вопросы, как отечественная и зарубежная историография данной проблемы; шведская интервенция в начале XVII века в Карелии и Столбовский мирный договор; положение Корельского (Кексгольмского) уезда под властью шве-

дов в 1617–1660 гг.; первый этап переселения карелов на русские земли в 1617–1630 гг.; шведско-русская война 1656–1658 гг. и переселение основной массы карельского населения в Россию; районы карельского переселения и обустройство карелов на русских землях.

Начало работы А. С. Жербина в секторе истории Института ЯЛИ совпало с подготовкой «Очерков истории Карелии» – первого обобщающего труда о прошлом нашего края. Монографических исследований по истории Карелии тогда почти не было, и авторам, в большинстве своем молодым ученым, нелегко давалось преодоление научной целины. Как вспоминает А. С. Жербин, работа над «Очерками» под руководством опытных и взыскательных научных редакторов, крупных ученых-историков Я. А. Балагурова, В. Н. Бернадского и И. И. Смирнова стала для него большой школой исследовательской деятельности. В «Очерках» Алексей Степанович написал главы о таких сложных этапах в жизни карельского края, как Смутное время начала XVII столетия и переломная пореформенная эпоха XIX века.

Для научного творчества А. С. Жербина характерна широта исследовательских интересов. Он проводил плодотворные изыскания в самых различных направлениях исторической науки. Так, на основе кандидатской диссертации он подготовил и в 1956 году опубликовал содержательную монографию о переселении карелов из-под шведского владычества на русские земли в XVII веке. Эта монография, основанная на тщательном изучении документальных материалов и раскрывающая исторические корни многовековых тесных связей карельского и русского народов, успешно выдержала проверку временем. Основной авторский тезис заключается в том, что переселение карелов на территорию Русского государства в XVII веке явилось важнейшим событием в истории карельского народа. Захват шведами в результате интервенции начала XVII века Корельского уезда грозил прервать веками сложившиеся экономические, политические, религиозные и культурные связи карелов с Россией. Карелы, относившиеся к шведским феодалам как к своим недругам, вторжения которых не раз приносили им бедствия и страдания, не пожелали оставаться под шведским гнетом и путем переселения навеки связали свою судьбу с Россией.

Высокую оценку научной общественности получила и книга А. С. Жербина «Формирование промышленного пролетариата Финляндии во второй половине XIX века», вышедшая в 1963 году и ставшая первым крупным отечественным исследованием по данной проблеме.

На рубеже 1960–1970-х годов А. С. Жербин подготовил новую монографию, посвященную уже проблемам послевоенного возрождения и развития нашей республики, – «Промышленные рабочие Карелии. 1946–1958 гг.», вышедшую из печати в 1971 году. Как справедливо написала об этой работе в своей историографической статье О. П. Илюха (ныне доктор исторических наук), «книга дает достаточно полное представление о составе рабочего класса и формах его пополнения, развитии трудовой и творческой активности... В книге показывается, что главными источниками восстановления трудовых ресурсов в послевоенные годы были реэвакуация населения и массовая демобилизация военнослужащих. Автор подробно характеризует такие формы пополнения кадров рабочих, как оргнабор, вовлечение рабочих самими предприятиями и добровольное переселение в республику... В монографии раскрывается процесс восстановления и дальнейшего развития системы подготовки кадров, что в условиях непрерывного притока в промышленность неквалифицированной рабочей силы приобрело особую значимость...».

В конце 1970-х – начале 1980-х годов А. С. Жербин выступил одним из руководителей первого комплексного труда о карелах, проживающих на территории современной Республики Карелия, – «Карелы Карельской АССР», который увидел свет в 1983 году. Одновременно он активно занимался вопросами историографии, в частности, подготовил ряд статей об основных этапах изучения истории Карелии финляндскими исследователями, о научном творчестве видного карельского историка Я. А. Балагурова и других. Содержательные статьи А. С. Жербина публиковались на страницах ведущих органов исторической периодики Советского Союза: журналов «Вопросы истории», «История СССР», «Скандинавского сборника», выходившего в Таллине.

С 1972 по 1986 годы Алексей Степанович возглавлял сектор истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Находясь на этом посту, он много сделал для подготовки молодой научной смены, формирования и развития новых перспективных направлений научных исследований. Именно в тот период в секторе прошли аспирантскую подготовку и затем стали специалистами с учеными степенями Л. И. Вавулинская, Г. М. Коваленко, Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Л. А. Сидорова, Н. К. Тинькова, которые внесли заметный вклад в развитие академической исторической науки Карелии.

Важно отметить, что А. С. Жербин стоял у истоков научного сотрудничества историков Карелии и соседней Финляндии. Он неизменно принимал участие в работе совместных советско-финляндских семинаров, симпозиумов и конференций. Особенно прочные не только деловые, но и дружеские связи сложились у него с крупнейшим финляндским исследователем истории Карелии профессором Хейкки Киркkиненом. Вместе с профессором Киркkиненом А. С. Жербин выступил одним из инициаторов и координаторов первой совместной советско-финляндской публикации источников по истории Карелии. Итогом реализации задуманного ими проекта стало издание в 1987–1993 годах трех томов, содержащих уникальные документы писцового делопроизводства XVI–XVII веков по Корельскому уезду, Лопским и Заонежским погостам (участниками проекта с российской стороны выступали также Г. М. Коваленко, Л. В. Суни, И. А. Чернякова, с финской – К. Катаяла, А. Лайне, В. Салохеймо).

Для своих молодых коллег по сектору истории Алексей Степанович являлся авторитетным старшим товарищем, мудрым и добрым советчиком. Он из тех людей, к кому всегда можно было обратиться за помощью и консультацией в решении сложных научных вопросов, а также возникавших у кого-либо житейских проблемных ситуаций, доброжелательно делился с сотрудниками своим богатым жизненным опытом и исследовательскими знаниями.

В 1988 году А. С. Жербин ушел на заслуженный отдых, в последнее время он живет в Финляндии, но не теряет связи с коллегами по Институту языка, литературы и истории, живо интересуется проблемами и достижениями карельских историков.

Многим коллегам и друзьям Алексея Степановича хорошо известно и его давнее, еще с детских лет, увлечение живописью. Он владеет кистью почти так же уверенно, как и пером летописца. Ему удаются и сочные колоритные натюрморты, и сложные полотна на исторические сюжеты, как, например, «Оборона крепости Корела в 1610-1611 гг.», где он выступает и в роли живописца, и в роли исследователя. Когда-то Алексей Степанович мечтал и собирался стать профессиональным художником, но Великая Отечественная война и эвакуация побудили избрать другую жизненную стезю, на которой ему так же ярко удалось проявить свои способности.

За большой вклад в изучение истории Карелии и Финляндии и развитие российско-финляндского научного сотрудничества А. С. Жербин удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Карельской АССР» и избран Почетным доктором университета финляндского города Йоэнсуу. Он также награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КАССР.

Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 146–148

АФАНАСИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТУРУБАНОВ
(к 75-летию со дня рождения)

26 января 2013 года отметил 75-летие главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор Афанасий Николаевич Турубанов.

Профессор А. Н. Турубанов известен на Российском Европейском Севере как один из ведущих специалистов по истории индустриального развития и рабочего класса региона. Важными областями его научных интересов являются также региональные особенности социальной политики, история национально-государственного строительства, проблемы истории фабрик и заводов, городов и сел Республики Коми, история развития исторической науки Коми края, а также репрессивная политика советского государства на северной территории.

Афанасий Николаевич родился в коми семье колхозников в селе Кобра Койгородского района Коми АССР. После окончания средней школы в селе Койгородок один год проработал в Комском лесопункте Кажимского леспромхоза, а с 1957 по 1962 гг. учился на историко-филологическом факультете Коми государственного педагогического института, окончив который, полгода работал учителем истории Слудской средней школы Прилузского района Коми АССР. В январе 1963 г. А. Н. Турубанов был призван в ряды Советской Армии, где прослужил до ноября 1964 г., в последующие два года работал в общественных организациях города Сыктывкара и Коми АССР. В сентябре 1966 г. перешел в Коми филиал АН СССР на должность младшего научного сотрудника сектора истории советского периода, в 1979 г. был избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника, в 1981 г. – на должность заведующего сектором истории советского периода (отдел отечественной истории), в 2008 г. – на должность главного научного сотрудника сектора отечественной истории.

С самого начала трудовой деятельности А. Н. Турубанова в академической системе СССР и Российской Федерации определилось одно из важнейших научных направлений его исследований – это проблемы социально-экономической истории Республики Коми XX века. Изучение этой научной проблемы началось с разработки коллективной плановой темы «Формирование и развитие советского рабочего класса в Коми АССР (1918–1965 гг.), далее был персональный научный проект «История рабочего класса и индустриального развития Коми АССР (1959–1980 гг.)», на основе которых в 1990 г. в Институте истории СССР Академии наук СССР А. Н. Турубанов успешно защитил докторскую диссертацию.

До этого, в 1974 г. А. Н. Турубанов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Создание Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в Коми АССР (1959–1972 гг.)» в Петрозаводском государственном университете. Кстати, с тех пор между карельскими и коми историками установились прочные творческие контакты: с одной стороны – М. И. Шумилов, М. А. Мишенев, В. Г. Макуров, Е. И. Клементь-

ев, Н. А. Кораблев, Л. И. Вавулинская и др., с другой – А. Н. Турубанов, В. И. Чупров, А. Ф. Сметанин, А. А. Попов, И. Л. Жеребцов, М. А. Мацук и др. Это были и совместные конференции и симпозиумы разного уровня, и рецензии на научные труды, а главное, постоянный обмен опытом, информацией о планах и итогах текущей работы, что, безусловно, способствовало успешным результатам деятельности наших исследователей в изучении проблем отечественной истории, прежде всего Севера России, республик Карелии и Коми.

В дальнейшем научные интересы Афанасия Николаевича были направлены на изучение истории формирования и функционирования новых территориальных и ресурсных баз страны, результатом чего явился выход в свет монографий «Строительный комплекс Республики Коми в XX веке», «Топливный комплекс Республики Коми в XX веке», «Лесной комплекс Республики Коми в XX веке» (в соавторстве) и других публикаций.

Как отмечалось выше, еще одним направлением исследований А. Н. Турубанова является изучение проблем социальной истории, и в частности, истории национально-государственного строительства и межнациональных отношений в Республике Коми, социально-политических процессов в северном регионе в целом. Он автор обобщающей монографии «Потребительская кооперация Республики Коми. Очерки истории» (2000 г.), а также обобщающих статей и карт в «Энциклопедии Республики Коми» в 3-х томах (1997, 1999, 2000 гг.), Атласов Республики Коми (2001, 2011 гг.), признанный лидер в изучении такой научной проблемы, как история фабрик и заводов, городов и сел Республики Коми («История Сыктывкара», «Первенец индустрии республики. Страницы истории Сыктывкарского лесопильно-деревообрабатывающего комбината», «Профессия – строитель (очерки истории ордена Трудового Красного Знамени «Главкомистроя»)» и др.). К этому же направлению исследований примыкают сборники научных статей, подготовленные под редакцией А. Н. Турубанова («Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Республики Коми» // Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 56. Сыктывкар, 1993; «Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века» // Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 61. Сыктывкар, 1996 и др.).

Под научным руководством А. Н. Турубанова была создана серия книг по результатам историографических изысканий ученых Республики Коми, а также несколько документальных сборников: «Историография Коми (Материалы по истории Коми, вып. 2)»; «Экономико-экологический фактор в развитии многонациональных отношений на Европейском Северо-Востоке России. XX век»; «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». 2-е изд., доп. и перераб.; «Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг.». Кн. 1, 2; «Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг.» и другие.

А. Н. Турубанов является научным редактором, автором или соавтором целого ряда книг для учащихся общеобразовательных школ, студентов среднего специального и высшего образования: «Наш край в истории СССР» (1980), «История родного края» (1994), «История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Часть II. Советский период» (1995).

Значительный вклад внес Афанасий Николаевич в подготовку и создание двухтомной «Истории Коми с древнейших времен до конца XX века» (первое издание опубликовано в 2004 г., второе – исправленное и дополненное – в 2011 г.). Афанасий Николаевич является не только ответственным редактором второго тома, но и автором многих глав и разделов этого труда. В данном исследовании им был проведен сквозной анализ важнейших вопросов функционирования индустриальных отраслей народного хозяйства Республики Коми, показана роль края в деле создания военно-промышленного комплекса в СССР как в 20–30-е, так и в последующие годы прошлого столетия. В частности, изучен ход создания одной из северных баз крупной промышленности страны, особенно развития ее добывающих производств; исследованы проблемы создания производственно-технической базы всех индустриальных отраслей народного хозяйства Республики Коми; выявлены особенности функционирования индустрии региона в специфических условиях Российского Севера, научно-технического прогресса, решения сложных кадровых проблем, повышения уровня жизненных условий работников Европейского Севера Российской Федерации.

Результаты своих изысканий А. Н. Турубанов опубликовал в более чем 150 научных работах общим объемом свыше 260 п. л., среди которых 19 монографий и научно-популярных работ (часть из них в соавторстве).

Афанасий Николаевич щедро делится знаниями и опытом со своими коллегами и учениками. С 1981 по 2007 гг. в секторе отечественной истории (нынешнее название отдела) было подготовлено 30 кандидатов и докторов

исторических наук, из них у шести соискателей научным руководителем или консультантом был А. Н. Турубанов. За подготовку специалистов высокой квалификации Высшая аттестационная комиссия Российской Федерации в 2002 г. присвоила А. Н. Турубанову ученое звание профессора по специальности «Отечественная история».

Четверть века А. Н. Турубанов осуществляет координацию научных исследований с другими научными подразделениями Республики Коми, Европейского Севера (Архангельской, Вологодской областей, Республики Карелия) и других регионов Российской Федерации, являясь организатором и участником целого ряда форумов ученых как в нашей стране, так и за рубежом. Почти полвека трудится Афанасий Николаевич на поприще отечественной исторической науки, но и сейчас, будучи зрелым человеком и ученым, он так же энергичен и целеустремлен, отдает все свои силы любимому делу. На очереди – подготовка в соавторстве текста рукописи монографии «Аграрный комплекс Республики Коми в 20 веке» (по линии Российского гуманитарного научного фонда), а также ряда других работ.

Афанасий Николаевич пользуется заслуженным авторитетом в Республике Коми и за ее пределами, является ученым секретарем Коми регионального экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда «Русский Север: история, современность, перспективы», членом коллегии Архивного агентства Республики Коми, членом научного совета Национального архива Республики Коми. В течение ряда лет А. Н. Турубанов являлся членом Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом институте, заместителем председателя Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Сыктывкарском государственном университете. Афанасия Николаевича хорошо знают и высоко ценят коллеги-историки Москвы, Екатеринбурга, Петрозаводска, Вологды, Архангельска и других городов нашей страны. Его заслуги отмечены медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», Почетным знаком ЦК ВЛКСМ, грамотами Президиума АН СССР, Президиума Верховного Совета Коми АССР и рядом других. Он – заслуженный деятель науки Республики Коми, лауреат премии правительства Республики Коми в области науки.

В. Г. Макуров

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 149–153

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА СОЙНИ
(к 60-летию со дня рождения)

Елена Григорьевна Сойни родилась 13 апреля 1953 года в г. Петрозаводске. Литературовед, переводчик, поэтесса; доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературы и фольклора. В 1977 году окончила Петрозаводский госуниверситет, в 1980-м – аспирантуру Карельского филиала АН СССР. В 1983 году защитила кандидатскую диссертацию, в 2006-м – докторскую. В Институте языка, литературы и истории работает с 1980 года. Основные направления исследований – русско-финские литературные и художественные связи, компаративистика, литература Финляндии. Участвовала в выполнении проектов по Программам фундаментальных исследований Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук РАН. Основные публикации: «Русская поэзия первой половины XX века и Финляндия» (Петрозаводск, 2011), «Солоневичи и Север» (Петрозаводск, 2010), «Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда» (М., 2009), «Kultainen kuherruskausi» (Helsinki, 2005), «Северный лик Николая Рериха» (Самара, 2001), «Русско-финские литературные связи начала XX века» (Петрозаводск, 1998). Автор нескольких поэтических книг и пьес, по которым поставлены спектакли. Член диссертационных советов Петрозаводского госуниверситета по специальностям «Русская литература» и «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)». Член Союза писателей России. Лауреат года г. Петрозаводска (2006). Заслуженный работник культуры Республики Карелия. Награждена Почетной грамотой Республики Карелия.

Источник: Ученые Карельского научного центра Российской академии наук: биогр. словарь, 2012.

Библиография

1980

1. Праздник книги: заметки с Московской книжной выставки-ярмарки // Север. № 1. С. 111.
2. Н. К. Рерих в Финляндии / В. Г. Бондаренко, Е. Г. Сойни // Рериховские чтения. Новосибирск. С. 308–310.
3. Nikolai Rörich ja Suomi // Punalippu. N 10. S. 93–99.

1981

4. Переписка Н. К. Рериха с современниками // Север. № 4. С. 107–114.

1982

5. On finnish neoromanticism and the literary heritage of N.K. Rörich // Suomalai–neuvostoliittolainen itämerensuomalaisen filologian symposiumi, 30.8.–2.9.1982. – Jyväskylä. P. 143–144.

1983

6. Проблемы финского неоромантизма и литературно-эстетическое наследие Н. К. Рериха (вопросы финско-русских литературных связей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. 24 с.

7. Проблемы финского неоромантизма и литературно-эстетическое наследие Н. К. Рериха: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: КФ АН СССР. 180 с.

8. Вступительная статья, публикация и примечание к пьесе Н. Рериха «Милосердие» // Современная драматургия. № 1. С. 205–207.

9. "Iskeä aikansa sydämeen" (Suomalaisten uusromantikkojen ja venäläisten symbolistien esteettisia katsomuksia) // Punalippu. N 5. S. 119–121.

1985

10. Поэзия Катри Вала и важнейшие тенденции финской лирики 1920–1930-х годов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 44, № 6. С. 481–494.

1986

11. Сказка Н. Рериха «Гримр-викинг» и ее скандинавские источники // Скандинавика: сб. тр. ЛГУ. Вып. IV. С. 156–161.

1987

12. Николай Рерих и Север. Петрозаводск: Карелия. 144 с.

1988

13. Профессор Гельсингфорсского университета И. Е. Мандельштам и его роль в развитии русско-финских литературных связей рубежа XIX–XX веков // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск: КФ АН СССР. С. 83–95.

14. Сказки Финляндии / Публ. и пер. с фин. // Сказки народов мира: в 10-ти т. Т. IV. М.: Дет. лит. С. 622–634.

1989

15. Рафаэль Линдквист – интерпретатор русской поэзии в Финляндии // XI Всесоюзная конференция по изуч. истории, эконом., лит. и яз. скандинавских стран и Финляндии. Вып. 2. М. С. 317–319.

1990

16. Предисловие, публикация / З. Шаховская. Отражения: главы из книги // Север. № 3. С. 90–119.

17. Runoperinteet Katri Valan (1901–1944) tuotannossa // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов: в 2-х т. Т. 2. М.: Наука. С. 529–531.

1991

18. Русская поэзия начала XX века и Финляндия: препринт доклада на заседании Ученого совета Института ЯЛИ. Петрозаводск: КНЦ РАН. 24 с.

19. Русская поэзия начала XX века в Финляндии // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 69–90.

1993

20. «Сказка Севера глубока и пленительна...» // Утренняя звезда: науч.-худож. альманах. № 1. С. 98–114.

1994

21. Карелия в литературном наследии писателей Выговской пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры: тез. докл. междунар. науч. конф., 13–17 сент. 1994 г. Петрозаводск. С. 93–95.

22. Из истории отечественной культуры: ушедшие в град небесный (писатели-старообрядцы Выговской пустыни) // Наука и религия. № 9.

23. Заметки о финноязычной поэзии Карелии 1920–1930-х гг. (С. Мякеля, Г. Лаукканен, М. Рутанен, Л. Косонен) // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 3–27.

24. Роль «Финляндии» (сборника и одноименного журнала) в развитии русско-финских литературных связей начала XX века // Там же. С. 130–137.

25. Вступительная статья, публикация / Bessonov J. 26 vankilaa eli pako Solovetskista // Carelia. N 11. S. 41–65.

26. "Pohjolan satu on syvällinen ja lumoava..." // Carelia. N 5. S. 94–106.

1995

27. Послесловие к роману, публикация архивных материалов / Bessonov J. 26 vankilaa eli pako Solovetskista // Carelia. N 3. S. 101–107.

28. Восприятие русской литературы начала XX века в Финляндии // VIII Congressus Octavus internationalis. Fenno-Ugristarum. Jyväskylä.

29. Venäjän 1900-luvun alun runous ja Suomi // Carelia. N 7. S. 80–87.

30. Fennougristien värikäs maailma // Carelia. N 12. S. 83–84.

31. Venäläinen proosa Suomessa 1900-luvun alussa // Carelia. N 11. S. 84–88.

1996

32. Venäläinen proosa Suomessa 1900-luvun alussa // Congressus Octavus internationalis. Fenno-Ugristarum. Pars VII Literatura, archaeologia, antropologia. Jyväskylä. S. 182–184.

33. Эйно Лейно и Николай Рерих. Вопросы типологических взаимосвязей // Проблемы литературы Карелии и Финляндии: сб. ст. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 74–95.

1997

34. Тенденциозность или дионисийство? Два взгляда на русскую литературу в Финляндии // XIII конференция по изуч. истории, эконом., лит. скандинав. стран и Финляндии. М.; Петрозаводск. С. 302–303.

35. Николай Рерих и Эйно Лейно. Н. К. Рерих и мировая культура // Утренняя звезда: науч.-худож. альманах. № 2/3. С. 54–68.

1998

36. Русско-финские литературные связи начала XX в. Петрозаводск: КНЦ РАН. 136 с.

37. «Лучик веселого солнца...»: [О поэзии А. Авдышева] // Север. № 5. С. 153–154.

38. Вступительная статья и публикация повести И. Солоневича «Морские волчицы» // Север. № 8. С. 78.

1999

39. Образы финской природы в русской поэзии 1910-х годов // Этнос, ландшафт, культура: материалы конференции. СПб.: Европ. Дом. С. 135–137.

40. Ландшафт как культура, культура как ландшафт // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра РАН: тез. докл. юбил. науч. конф. КНЦ РАН. Петрозаводск. С. 152.

2000

41. Иван Солоневич и Финляндия // Гуманитарные исследования в Карелии: сб. ст. к 70-летию Института яз., лит. и истории. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 138–143.

42. Нет Соловков, не видно России // Север. № 7. С. 142–155.

43. Писатели-старообрядцы Выговской пустыни // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 19–25.

44. Die Landschaft als Kultur, die Kultur als Landschaft (bilderdes Finnischen Natur in der Russischen Dichtung der 1910-er Jahre) // Congressus nonus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars III. Tartu. P. 298–299.

2001

45. Забывая о себе, служить людям // Непрерывное восхождение: сб., посвящ. 90-летию со дня рожд. П. Ф. Беликова: в 2-х т. Т. 1. М.: МЦР. С. 78.

46. Великая сказка истории // Взор. № 2. С. 44–51.

47. Образ Финляндии в русской литературе 1920–1930-х гг. // Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVII–XX веках: сб. ст. Самара. С. 220–225.

48. Северная страница в творческой биографии Н. К. Рериха // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества. М: Ин-т востоковедения РАН. С. 54–63.

49. Русские сны и финская явь в творчестве Катри Вала // Север. № 3. С. 87–94.

50. Русский символизм, не известный в Финляндии, финский неоромантизм, не известный в России // Север. № 3. С. 62–69.

51. Эдит Седергран: [Переводы] // Север. № 3. С. 96–98.

52. Северный лик Николая Рериха. Самара: Издат. дом «Агни». 250 с.

53. Russisch–finnische literarische Beziehungen in den Jahren 1920–1930 // Finnougrier und indo europäer: Kontakte der Spachen Kontakte der literaturen. Internationales symposium, 22–24 november 2001. Groningen. С. 64.

2002

54. Пылающие сердца: [электрон. публ.]. Режим доступа к ст.: http://www/senator.net.ru/avtor

55. Северная сага Николая Рериха // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: тр. конф. Том 1. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 403–413.

56. Иван Солоневич и Финляндия: [электрон. публ.]. Режим доступа к ст.: http://www.solonevich.narod.ru/konf

57. Russian-Finnish Literary Relations in the 1920s–1930s. // Finno-Ugrians and Indo-Europeans: Linguistic and Literary Contacts. Studia Fenno-Ugrica Groningana 2. Maastriht. С. 360–363.

2003

58. Tieteelle omistettu elämä // Carelia. N:o 11. С. 114–116.

59. Suomen ja suomalaisen kulttuurin kuva venäläisessä taiteessa // Carelia. N 12. S. 89–98: 9 с. ил.

60. Доктор Эйно Карху в канун юбилея // Север. № 9/10. С. 154–161.

61. Laatokka Nikolai Roerichin tuotannossa // Väestö ja perhe Karjalassa. Historian tutkimuksia Stadies in History. 23. Joensuu. С. 193–204.

2004

62. «Жизнь моя – это живопись...»: Михаил Петрович Цыбасов (1904–1967) [Каталог выставки]. СПб.: Гос. Рус. музей. С. 7–24.

63. К 100-летию со дня рождения М. П. Цыбасова. «Жизнь моя – это живопись...» // Север. № 11/12. С. 222–236.

64. Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX – первой трети XX в. // Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России: сб. ст. (Серия: «Научные доклады». Вып. 1). Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого. С. 192–238.

65. The Image of Finland and Finnish Culture in the Russian Art of the 19th and the first third of the 20th centuries // Papers of the II international conference on political and cultural relations between Russia and the Baltic Region States. Narva. P. 225–234.

66. Vuosisadan vaihteen venäläisen taiteen Suomi–Kuva // Carelia. N 8. S. 55–80: 3 л. ил.; N 9. S. 74–96: 3 л. ил.

2005

67. Русско-финские литературные связи 1890–1930-х годов: дис. … докт. филол. наук. Петрозаводск. 350 с.

68. Русско-финские литературные связи 1890–1930-х годов: автореф. дис. … докт. филол. наук. М. 48 с.

69. Образ Финляндии в поэзии русской эмиграции 1920–1930-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 259–270.

70. Образ Финляндии и проблема самоидентификации в поэзии Вадима Гарднера // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Ин-та яз., лит. и истории КНЦ РАН. Петрозаводск. С. 216–224.

71. А. Галлен-Каллела в истории русской культуры: северный модерн: Диалог культур // Сб. материалов конференции. Извара. СПб.: Европейский Дом. С. 40–56.

72. На Севере Ладоги (Н. К. Рерих в Сортавале) // Сортавальский исторический сборник: материалы I междунар. науч.-просвет. краевед. конф. «370 лет Сортавале». Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 126–137.

73. Ilja Repin ja Suomi: [электрон. публ.]. Режим доступа к ст.: http://www.lappeenranta.fi/museot/verkkonayttelyt/

74. Kultainen kuherruskausi. Ajatuskirjat sarja. Helsinki: Gummerus. 128 s.

75. Kuva Suomesta Venäjän runoudessa vuosina 1910–1930 // Carelia. N 6. S. 76–96.

76. Venäläisen proosan ja lehtikirjoitelun Suomi-kuva // Carelia. N 8. S. 32–47.

77. Venäläisten pakolaskirjailijöiden Suomi-kuva 1920- ja 1930-luvuilla // Carelia. N 10. S. 113–132.

78. Образ Финляндии в поэзии русской эмиграции 1920–1930-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 259–270.

2008

79. Финноязычная поэзия Карелии 1920–1930-х годов // Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития: материалы междунар. конф., посвящ. 90-летию Г. И. Ломидзе. М.: ИМЛИ РАН. С. 167–175.

80. Иван Солоневич и финская критика 1990–1930-х годов о русской литературе: [электрон. публ.]. Режим доступа к ст.: http://www.solonevich.narod.ru/soini 2008.htm1

2009

81. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М.: Наука. 223 с.

82. Поэзия – утопия финской иммиграции в России 1920–1930-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН. С. 208–231.

83. Побег в Финляндию // Север. № 3. С. 80–83.

84. Публикация романа Ю. Бессонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» // Север. № 3/4. С. 84–160.

85. «Калевала» и мастера аналитического искусства // АРТ. № 3. С. 148–158.

86. Suomen kuva venäläisessä hopeakauden kirjallisuudessa // Monikasvoinen Suomi: venäläisten mielikuvia Suomesta ja Suomalaisista. Helsinki: Edita. S. 221–245.

87. Suomen kuva venäläisessä taiteessa 1800-luvun lopissa ja 1900-luvun alussa // Ibid. S. 195–220.

88. Ilja Repin ja Suomi // Ilja Repin. Penätyssä oli onnemme / Toim. Olli Immonen. Helsinki: Gummerus. S. 120–138. Текст англ., фин., рус.

89. Иван Солоневич и финская критика 1990–1930-х гг. о русской литературе // Материалы VI научно-практической конференции «Иван Солоневич – идеолог народной монархии». СПб. С. 36–40.

90. Финляндия в творчестве Василия Кандинского // Россия и Финляндия в многополярном мире, 1809–2009: материалы междунар. российско-финляндской науч. конф., 19–22.10.09. Петрозаводск. С. 100–101.

2010

91. Солоневичи и Север: финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 244 с.

92. «Калевала» и мастера аналитического искусства // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН. С. 427–436.

93. «Калевала» в интерпретации художников филоновской школы // Краеведческие чтения: материалы III науч. конф. (20 февр. 2009 г.). Петрозаводск, 2010. Интернет-публикация: Издания национальной библиотеки Республики Карелия.

94. Карелия в творчестве Юрия Солоневича // Краеведческие чтения: материалы IV науч. конф. (16–17 февр. 2010 г.). Петрозаводск. Интернет-публикация: Издания Национальной библиотеки Республики Карелия.

95. Взгляд на Восток в публицистике Финляндии 1930-х годов // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus. Piliscsaba. P. 252–253.

96. Российские финны в публицистике Ивана и Бориса Солоневичей // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010.

97. Повесть Ю. И. Солоневича. «Утопический проект» Юрия Солоневича // Иван Солоневич – идеолог народной монархии: материалы VII науч.-практ. конф. СПб. С. 25–29.

98. «…Finnostanin rannoilla». Kalevalaiset myytit ja venäläisen kirjallisuuden avantgarde // Myytti - kuva – mielikuva / Kalevala granaina. Jyväskylä: Mäntykustannus. S. 79–92.

2011

99. Русская поэзия первой половины XX века и Финляндия. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 116 с.

100. Утопический проект Юрия Солоневича // Север. № 1/2. С. 82–85.

101. Публикация, подготовка к печати, редактура повести Ю. И. Солоневича «Повесть о 22-х несчастьях» // Север. № 1/2. С. 86–123; № 3/4, № 5/6.

102. Финляндия в творчестве Василия Кандинского // Интернет-журнал «Лицей», февраль, 2011.

103. Нельзя спасти Россию извне // Парус. № 4.

104. Образная параллель «Россия-Финляндия» в русской эмигрантской литературе Финляндии 1920-х–1940-х годов // Тр. КарНЦ РАН. № 6. С. 37–44.

105. Взгляд на Восток в публицистике Финляндии 1930-х годов // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Dissertationes sectionum Literatura. Arheologica et historica. Piliscsaba. C. 135–139.

106. Сроки работ: [Послесловие] // Д. Свинцов. Chelovek.Ру. СПб. С. 110.

107. Рерих Николай Константинович // Карелия: энциклопедия: в 3-х т. Т. 3. Р-Я. Петрозаводск: ПетроПресс. С. 21–22.

2012

108. Исследователь литературы Русского Севера (к 75-летию со дня рождения Ю. И. Дюжева) // Тр. КарНЦ РАН. № 7. С. 206–208.

109. Mitä uutta suomalaisessa runoudessa // Carelia. N 2. S. 104–111.

110. Suomen 1930-luvun esseistikan pääpiirteet // Carelia. N 6. S. 88–96.

111. Слово о юбиляре (к 75-летию со дня рождения Ю. И. Дюжева) // Дюжев Юрий Иванович: биобиблиогр. словарь-справочник. Серия «Ученые Ин-та яз., лит. и истории Карельск. науч. центра РАН». Петрозаводск: КарНЦ РАН. С. 8–17.

2013

112. Побег в Финляндию Юрия Бессонова // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь. С. 446–450.

113. Theatre and theatre life in the Barents region / With T. Berg et al. // Barents Encyclopedia, edited by Dr. Mats-Olov Olsson, Umeå University, Sweden. The encyclopedia is to be published by Pax forlag, Oslo.

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 154–157

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

«Уведи меня, дорога»: сборник статей памяти Т. А. Бернштам / Под ред. Н. Е. Мазаловой, И. Ю. Винокуровой, В. А. Лапина, О. М. Фишман. СПб.: МАЭ РАН, 2010. 458 с.; ил.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН выпустил в свет сборник научных статей с необычным для такого рода изданий названием: «Уведи меня, дорога...». Эта книга посвящена памяти Татьяны Александровны Бернштам, издание приурочено к 75-летию со дня ее рождения. Портрет известного этнографа расположен на фоне страницы полевого дневника, исписанного ее почерком. Содержание сборника также необычно: помимо научных статей он содержит поэзию, принадлежащую перу Татьяны Александровны, и воспоминания людей, которые ее близко знали. Оформление книги создает ту самую атмосферу, которую задумали составители: Т. А. Бернштам предстает как полевой исследователь, неутомимый собиратель, воплотивший результаты многолетней экспедиционной деятельности в своих научных трудах, и в то же время как поэтесса.

Открывает сборник вступительное слово редколлегии, в котором дается толкование названия: дорога символизирует огромный интеллектуальный и духовный труд исследователя, не искавшего проторенных путей, а добывавшего колоссальным трудом материал для своих изысканий и достигшего высочайшего профессионализма в своем деле. Справедливо отмечена ее большая экспедиционная деятельность, благодаря которой были подготовлены фундаментальные труды. Более тридцати авторов – ученики, коллеги, сотрудничавшие с ней в течение многих лет, близкие друзья – подготовили свои статьи для этого издания.

Сборник включает несколько разделов, соответствующих направлениям исследовательской работы Т. А. Бернштам: это культура Поморья, проблемы возраста и гендера, обряды и мифология, православие и «народное христианство» и, наконец, раздел о семантике предметов материальной культуры.

Вводная часть сборника открывается статьей Т. Б. Щепанской о поморском дневнике Т. А. Бернштам. Автор поднимает вопрос о необходимости изучения методов полевой этнографии на материале работ ярких представителей отечественной науки. Ссылаясь на работы западных коллег, Т. Б. Щепанская отмечает, что полевые практики ими давно критически переосмыслены и используются в подготовке специалистов. На конкретном материале – дневнике экспедиции Т. А. Бернштам 1963 г. на Зимний берег Белого моря – автор рассматривает приемы полевой работы, логику поиска информации, а также рефлексию самого процесса исследования. Данная статья Т. Б. Щепанской полезна каждому исследователю, соприкасающемуся со сбором материала в поле, тем более что в большинстве случаев опыт экспедиционной работы исследователями набирается самостоятельно, далеко не все из них проходят соответствующую практику во время обучения в вузах. Надо ли говорить, насколько важны для отечественной науки вопросы, поднятые автором этой статьи.

Статья Т. Г. Ивановой о П. А. Иванове, являвшемся корреспондентом П. С. Ефименко, – это продолжение огромной работы по изучению биографий собирателей фольклора. Восстанавливаются страницы жизни людей, посвятивших себя служению собирательскому, краеведческому делу. П. А. Иванов был известен современникам как выходец из крестьянской среды, самоучка, который благодаря собственному трудолюбию смог много сделать для Архангельского края. Помимо сведений о жизни П. А. Иванова автор уделяет внимание и теме, перекликающейся со статьей Т. Б. Щепанской, – о методах собирательской работы, вошедших в практику российской науки благодаря таким предшественникам, как П. А. Иванов.

Музыковедческому анализу песенного поморского материала посвящена статья В. А. Лапина, проводившего экспедиционные

работы в селах Поморья, в том числе совместно с Т. А. Бернштам. Автором привлечен обширный материал: это публикации XIX–XX вв. и звуковые записи, хранящиеся в архивах РИИИ, МАЭ РАН, КарНЦ РАН. Разработанная автором методика позволила определить музыкально-диалектное членение русских свадебных песен Белого моря.

Музыковедческую тематику продолжает статья Е. Б. Резниченко о свадебных причитаниях восточного Поморья. Автор сопоставляет этот вид народной поэзии с западной традицией и говорит об их главных отличиях: это исключительно групповое исполнение в западном Поморье и сольное исполнение в восточном. Достоинством статьи является определение локальных признаков плачевой традиции восточного Поморья.

Статьи музыковедов о свадебной обрядовой поэзии дополняют представление об особенностях поморской свадьбы, если рассматривать их в контексте исследований Т. А. Бернштам.

Тематике морского рыболовного промысла посвящена статья К. К. Логинова о рыболовстве поморского села Нюхча. Это локальная традиция, которую автор показал довольно полно. Он знает в деталях практику рыболовства, подробно описывает рыбацкие снасти, способы лова, промысловый календарь, рыбацкие карбасы, боты и т. д. К. К. Логинов приводит интереснейший полевой материал, хотя и несколько невнимателен к датам праздников.

Раздел сборника, посвященный вопросам традиционной поморской культуры, завершает статья Йенса Петера Нильсена о зверобойном промысле поморов в сопоставлении с такой же традицией норвежцев. В отличие от К. К. Логинова, который приводит массу эмпирического материала, автор рассматривает свой вопрос в историческом ракурсе, что также представляет большой интерес для российского читателя.

Раздел, посвященный половозрастному аспекту традиционной культуры, открывает статья М. В. Пулькина «Социальный контроль и традиционная культура в XIX – начале XX в.». Автор раскрывает общественные, церковные, административные механизмы реагирования на проблемы девиантности. С. Б. Адоньева и Л. Олсон-Остерман посвятили свое исследование интимным практикам женской иерархии, связанным с материнством. На большом материале, собранном в последние годы в северных деревнях, они рассматривают различные стереотипы поведения, инициирующие родительский опыт. Теме возраста в вепсской традиции посвящена статья первой ученицы Т. А. Бернштам И. Ю. Винокуровой. Предметом изучения стал социовозрастной статус молодых. Автор широко привлекает вепсскую терминологию в сопоставлении с русской, карельской, финской, а также этнографический материал по вепсским обрядам посвящения новобрачных, и особенно молодухи, в новый социальный статус. Задаче изучения детского отходничества в Олонецкой и Архангельской Карелии конца XIX – начала XX в. посвящена статья О. П. Илюха. В ней приводится редкий материал, касающийся географии подростковой миграции, ее возрастной нормы, профессиональной специализации и других особенностей детского отходничества.

Теме детства посвящена и статья Т. И. Дроновой о традиционном воспитании детей в старообрядческой среде Усть-Цильмы. Автору удалось собрать на Печоре самобытный материал по самым разным аспектам детства и концепту «греха», имевшему важное значение в мировоззрении представителей старообрядческой общины, в том числе и для сферы воспитания детей. Но не только для изучения детства служит данная статья: если учесть, что на Русском Севере старообрядчество исчезло уже давно и по нему очень мало этнографического материала, то трудно переоценить работу исследователей по Усть-Цильме, которую они проводят уже в течение многих лет.

Другая ситуация у народа коми, сохранившего три староверческие группы, как свидетельствует В. В. Власова в своей статье о половозрастном составе старообрядческих общин коми-зырян. Автор прослеживает процессы, происходящие в старообрядческих общинах коми вплоть до конца XX века.

Раздел «Феноменология традиционной культуры» открывается статьей С. М. Толстой о мотиве расставания с волей/красотой в севернорусских свадебных причитаниях. Автор справедливо отмечает, что в научной литературе довольно подробно рассматривалась предметная символика воли/красоты, географическое распространение терминов и весь сюжет ее утраты в причитаниях. Так, семантика воли/красоты, мифологический контекст севернорусских свадебных причитаний уже проанализирован в монографии автора данной рецензии и в работах А. К. Байбурина.

Не очень понятен смысл названия статьи П. Л. Белкова «Игровой/свадебный фольклор и волшебная сказка». Косая черта наводит читателя на мысль, что автор подразумевает очень близкую параллель игрового и свадебного фольклора, что это почти одно и то же.

Тема достаточно разработана, и нет смысла в полемике, но возможно, необходимо было растолкование названия. Статья содержит много интересных наблюдений, сопоставление мотивов свадебного фольклора и волшебной сказки вызывает большой интерес и надежду на появление новых обстоятельных работ по этой теме.

Мифологеме блуждания в свете переходных обрядов посвятила свою статью Н. А. Кринична. Автор выдвигает положение, согласно которому болото в севернорусских мифологических рассказах рассматривается как «природно-экзистенциональное пространство», а мотив блуждания по нему приравнивается в мифологическом сознании к переживанию лиминального состояния.

Смеху в магической практике русского колдуна посвящена статья Н. Е. Мазаловой. На широком материале автор рассматривает различные ситуации, в которых колдун применяет свои способности вызывать смех, отмечает, что эта эмоциональная категория составляет оппозицию другой эмоции – страху. Колдун – один из авторов ритуального смеха. Особенный интерес вызывают функции колдуна в свадебном обряде, известны многочисленные факты «шуток», выводивших участников свадьбы из культурного пространства. Колдун обеспечивал пребывание вне культурного пространства с соответствующими изменениями (болезнь, обморок, «превращение» в животных и т. п.) и затем возвращал человеческие качества (новое рождение уже в другом социальном статусе). Тема, обозначенная автором данной статьи, чрезвычайно интересна, ее изучение можно было бы продолжить.

Экзотическому, по выражению автора, персонажу русского фольклорного театра Змиулану посвящено исследование А. Ф. Некрыловой. В статье рассматриваются фольклорные образы, заимствования из литературы, народного изобразительного искусства, из которых формировался сценический персонаж Змиулана.

Раздел сборника «Церковная археология и этнография» открывается статьей Ю. Ю. Шевченко о христианских святынях Восточной Европы эпохи великого переселения народов. Автор отмечает значение работ Т. А. Бернштам, применившей «феноменологический подход к изучению христианства и его артефактов (с позиций мироощущения, сформированного рядом апокрифических источников)». В русле направления работы Т. А. Бернштам последних лет, посвященной народному православию, представлены и статьи П. Ф. Лимерова о св. Стефане Пермском в коми фольклорной традиции, А. Ю. Жукова о церковно-приходской системе Карелии в XV – первой половине XVIII в., К. Е. Кореповой о нижегородских священниках – собирателях фольклорно-этнографических материалов, А. А. Чувьюрова о финно-угорских и восточнославянских параллелях коми легенды о сотворении мира, рукопись которой хранится в материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева (РЭМ). Малоизвестный материал о календарных праздниках ижоры анализируется в статье О. И. Коньковой.

В разделе «Вещественный мир культуры» опубликованы статьи петербургских исследователей Л. С. Лаврентьевой, Е. Л. Мадлевской, А. К. Салмина. Л. С. Лаврентьева посвятила свою статью о «Божьих полотенцах» теме переходно-символических функций вышивания, разрабатывавшейся в работах Т. А. Бернштам. Автор освещает недостаточно изученные функции русских орнаментированных вышивкой полотенец, хранящихся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Е. Л. Мадлевская изучила историю такого элемента мужской одежды, как штаны. Автор опирается не только на этнографический, но и на фольклорный материал, приводит многочисленные сведения о типах этого вида одежды, обычаях, связанных с ношением, о локальных особенностях тканей и покроя штанов, а также роли этого предмета мужской одежды в обрядах. Чрезвычайно интересны замечания автора об использовании поясной портообразной одежды в женском костюме. А. К. Салмин в своей статье привел материал об использовании колокольчика в чувашских ритуалах, он проводит параллели с соседними народами. В то же время возникает впечатление, что при более тщательной систематизации и дополнении этого материала автор мог бы сделать более обстоятельные выводы.

В сборнике публикуются две рецензии Е. Е. Васильевой на монографии Т. А. Бернштам, представляющие интерес для читателя, поскольку обычно они доступны только самим авторам и членам Ученого совета, утверждающего рукопись в печать.

В целом необходимо отметить новизну статей, помещенных в сборник, в то же время все они находятся в поле научных интересов Т. А. Бернштам, работы которой распахнули многие неизведанные страницы традиционной культуры. Незначительные погрешности – отсутствие указаний на источник в пристатей-

ных списках при наличии отсылок в текстах, неполные выходные данные – не умаляют достоинств сборника, хотя могли бы быть устранены четырьмя опытными редакторами.

Заключительная часть книги открывает читателям неизвестный дотоле поэтический талант Т. А. Бернштам. Подборка стихов подготовлена ее сыном А. О. Овсянниковым. Стихи, фотографии из семейного архива, воспоминания друзей позволяют нам приоткрыть внутренний мир Татьяны Александровны. Очень точно выразил суть этого мира ее сын: «Ее стихия, ее космос всегда являли окружающим обильные семена, взошедшие на поле культуры, науки, веры или простого человеческого общения. Она оставила после себя звуки, приведенные в гармонию. Признаки этой гармонии – внятность, философская глубина, неравнодушие».

В. П. Кузнецова

Труды Карельского научного центра РАН
№ 4. 2013. С. 158–160

Борисов С. Б. Русское детство XIX–XX вв.: культурно-антропологический словарь: в 2-х т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. Т. 1. А–М. 832 с.; т. 2. Н–Я. 832 с.

Доктор культурологии, профессор кафедры литературы и культурологии Шадринского государственного педагогического института С. Б. Борисов широко известен прежде всего трудами в области антропологии российского девичества. Его статьи о девичьей культуре появились еще в 1990-е годы [Борисов, 1990]. В 1992 г. впервые состоялась публикация до того почти неизвестного жанра [Тридцать девичьих рукописных рассказов, 1992], изучение которого в 2000-е годы обрело новый уровень и дважды увидело свет в московском издательстве [Рукописный девичий рассказ, 2002, 2004]. Итогом работы, осуществлявшейся в рамках научного семинара «Фольклор и постфольклор: структура, типология и семиотика» в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, руководимого известным ученым, доктором филологических наук, профессором С. Ю. Неклюдовым, явилась докторская диссертация и вышедшая на ее основе монография С. Б. Борисова «Мир русского девичества 70–90-х годов XX века» [Борисов, 2002]. В контексте научного сотрудничества с названным семинаром накопленный С. Б. Борисовым материал по детской и девичьей культуре, культурной коммуникации и ритуалам вылился в первое издание «Энциклопедического словаря русского детства» [Борисов, 2006]. Это был однотомник, основанный на 400 цитируемых источниках. Работа над словарем продолжалась, и спустя два года «Энциклопедический словарь русского детства» вышел в двух томах, число цитируемых источников в которых составило уже 1780; в несколько раз увеличился объем информации по периодическим изданиям для детей, с 2–3 до 380 возросло число рукописных работ [Борисов, 2008]. Несмотря на мизерный тираж (100 экземпляров), словарь приобрел известность и вызвал большой резонанс: в мониторинге научной жизни за 2008 год, проведенном журналом «Антропологический форум», «Энциклопедический словарь русского детства» занял одно из первых мест среди словарей и справочных изданий; появились рецензии в журналах «Живая старина», «Новое литературное обозрение», «Этнографическое обозрение», «Новый мир», «Урал», «Знамя», газетах «Первое сентября», «Независимая газета». И хотя в них прозвучало немало критических замечаний, единодушным было мнение о необходимости достойного переиздания. Кстати, несколько высказываний рецензентов (например, «…перед нами уникальное справочное издание и своего рода компендиум по истории русского детства» М. В. Ахметова) вынесены на отдельную страницу, предваряющую содержание нового, третьего издания с названием «Русское детство XIX–XX вв.; культурно-антропологический словарь». Именно так предъявляет читателям дополненный, доработанный, отредактированный, учитывающий критику труд С. Б. Борисова одно из наиболее авторитетных научных издательств России – петербургское издательство «Дмитрий Буланин».

Эпиграфом к своей работе Борисов взял слова выдающегося этнографа детства И. С. Кона (приведу конец цитаты): «Монографий по истории русского детства ... до сих пор нет». Это было сказано ученым в 1998 году и повторено в 2003-м. Несколько позже, в 2006 году, вышла подготовленная сотрудниками Российского этнографического музея энциклопедия «Русские дети», охватывающая лишь один аспект русского детства – историко-культурную жизнь и традиционное воспитание деревенских детей XIX – первой четверти XX века: обряды, народные и религиозные праздники, детский фольклор [Русские дети, 2006]. Одному периоду в истории российского детства посвящена монография Аллы Сальниковой «Русское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» [Сальникова, 2007].

Изучая русское детство от рождения, младенческого возраста до совершеннолетия в его исторической двухвековой протяженности и изменчивости – детство дореволюционное, советское и постсоветское, охватывая все его разноплановые и разнородные явления и факты, С. Б. Борисов представил единое культурное пространство детства с его этнографией, антропологией, психологией, его фольклором и повседневной практикой. Отдельные «единицы», «атомы», «элементы», как называет эти термины сам автор, составлявшие в прошлом и составляющие в настоящем социально-культурную и культурно-антропологическую среду русского детства XIX–XX веков,

создают ее и в рецензируемом словаре. Комментируя и обосновывая в предисловии концепцию словаря, С. Б. Борисов говорит: «Если описывать детство как период социализации и использовать принятые термины, то эти элементы следовало бы именовать «агентами» и «институтами» социализации < ...> поскольку в словаре речь идет не о механизмах абстрактно-всечеловеческой социализации, а о механизмах ранней социализации в русском социально-культурно-антропологическом континууме, то точнее было бы использовать пока мало распространенный в отечественной научной среде термин «инкультурация». Таким образом, можно сказать, что настоящий словарь представляет собой описание механизмов ранней <...> инкультурации в пределах «русского хронотопа» (т. 1, с. 5–6).

Расположенные в алфавитном порядке «атомы», «элементы» и есть тот огромный спектр реалий, которые составляют детство и создают картину бытования каждого поколения на протяжении, повторяю, более двух веков.

Трудно просто перечислить тематические группы реалий, которые являются сферами жизни детства и которым посвящены статьи словаря: одежда, пища, учебные заведения, их персонал, предметы учебы, внешкольная жизнь, праздники, игры, книги, круг чтения, любимые герои, кинофильмы, детская периодика, детские телепередачи и радиопередачи, жанры детского фольклора, детские болезни, детские мифологемы, жаргонизмы и детские идиомы, официальные и неофициальные средства коммуникации, поведенческие стереотипы детей, явления взрослой жизни, перешедшие в детскую среду, и т. д.

Преобладающая структура статей словаря: толкование реалии в существующих словарных изданиях; информация, которая фиксирует время существования реалии, конкретизируя, с какого времени, где и как она функционирует; информация о субъективном восприятии ребенком. Цитаты из различных источников создают всеохватный комплексный социокультурный контекст – жизнь той или иной реалии во времени и пространстве. Так, например, популярная в детской среде игра «Горелки» (т. 1, с. 222) после толкования в Словаре русского языка Императорской Академии наук 1892 года обретает документированную «биографию» в цитированных, главным образом художественных, источниках, относящихся к 1880-м, 1905–1906, 1920-м, 1930-м, 1944–1945, 1962, 1980-м годам. Разумеется, далеко не каждая единица получает такое обстоятельное сопровождение, но всегда она присутствует как «атом» единого культурного целого, который оказывается то безвозвратно утраченным, то воспоминанием, как, например, большой пласт ушедших из быта и обихода понятий: «бонна», «вакации», «дортуар», «обожание», «пансион», «прогимназия», «синявка», «бильбоке». Имеющаяся в словарных статьях хронологическая документированность отражает историческую жизнь реалии, явления, эволюцию или деградацию, изменение отношения к ним, переосмысление их обществом. Это особенно касается культурных явлений и факторов, определяющих жизнь и сознание ребенка XX века. Так, огромное, в несколько десятков «атомов» словарное гнездо «пионер» (пионерская организация им. В. И. Ленина, дружина, сбор, линейка, значок, галстук, клуб, лагерь, салют, слет, звено, форма, рейд, поручение, собрание, актив, инструктор, комната, газета, киножурнал, зорька, клуб, герои и др.) передает насыщенное одновременно и романтикой, и официозом с его базовыми идеологемами пространство советского детства. А статья «Павлик Морозов» об одном из культовых героев этого времени констатирует цитированными источниками его канонизацию в 1930-е годы и начало дегероизации в 1980-е годы.

Стремясь во всей полноте воспроизвести концентрированный «всеобщий опыт», авторсоставитель словаря, воссоздавая, к примеру, детство периода Великой Отечественной войны, придает статус статьи не санкционированным словарями явлениям и обстоятельствам: «жизнь детей на оккупированной территории», «жизнь во время ленинградской блокады», «бежать на фронт», «дети в партизанском отряде».

Новое издание словаря репрезентативно отражает текущую историю детства, вплоть до реалий конца XX – начала XXI века, на отсутствие которых указывали рецензенты второго издания. Это и новые детские игры (например, интерактивная игра «Позвоните Кузе», электронная игра «Тетрис» или пазлы), и телепузики, и кукла Барби, и сникерсы, и «Макдоналдс», и компьютерная «аська», и новые литературные герои (как Гарри Поттер), и предметы одежды (леггинсы, лосины), и современный детский и подростковый лексикон («клевый», «отпад», «прикол», «прикид» и др.).

Поражает и впечатляет источниковедческая база словаря, которая включает около 3500 единиц, занимая почти 80 страниц текста (т. 2, с. 751–830). Это огромный материал в виде художественных произведений разных жанров о детстве и для детей, многочисленные воспоминания, официальные документы, пресспубликации, труды по этнографии и фолькло-

ру. Более 1000 единиц – документированные и цитируемые рукописные работы студентов по антропологии детства, работы, которые могли состояться только под руководством преподавателя-мастера. Такой опыт С. Б. Борисова и его учеников запечатлен ранее отдельным сборником очерков [Культурантропология Шадринска, 2004].

Признаюсь: рецензируя труд С. Б. Борисова, могла бы назвать отдельные огрехи, они есть, но здесь важнее сказать другое. Около 20 лет знаю С. Б. Борисова – ученого, писателя, редактора «Шадринского альманаха», – по работам, по участию в научных бдениях разного уровня, обмениваемся книгами, мнениями. Была свидетелем всего процесса создания словаря. И всегда дивилась его не просто преданности делу, а настоящей одержимости и колоссальной работоспособности. Благодаря этим качествам ученый из провинции – со всеми вытекающими из этого трудностями (но отнюдь не провинциальный ученый, потому что наука не делится на столичную и провинциальную) – стал по-своему первопроходцем, создав уникальный, пока единственный в своем роде словарь по истории и культуре русского детства. И это значимое событие нашей отечественной научной жизни.

С. М. Лойтер

Литература

Борисов С. Б. Девичий альбом в рукописной культуре // Наука и мы. 1990. № 3. С. 16–17.

Борисов С. Б. Мир русского девичества 70–90-х годов XX века. М.: Ладомир, 2002. 343 с.

Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск: изд-во ПО «Исеть», 2006. 548 с.

Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: в 2-х т. Изд. второе, переработанное и дополненное. Шадринск: изд-во Шадринского пединститута, 2008. Т. 1. А–Н. 520 с.; Т. 2. О–Я. 520 с.

Культурантропология Шадринска: сб. очерков / Сост. и отв. ред. С. Б. Борисов. Шадринск: ШГПИ, 2004. 44 с.

Рукописный девичий рассказ / Сост. С. Б. Борисов. М.: ОГИ, 2002. 512 с.

Рукописный девичий рассказ / Сост. С. Б. Борисов. М.: ОГИ, 2004. 510 с.

Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Авт. Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др.; науч. ред., автор вступ. ст. И. И. Шангина. СПб.: Искусство-СПб, 2006. 566 с.

Сальникова А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 255 с.

Тридцать девичьих рукописных рассказов о любви / Сост., автор статей и комментария С. Б. Борисов. Обнинск, 1992. 112 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

http://transactions.krc.karelia.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(требования к работам, представляемым к публикации
в «Трудах Карельского научного центра Российской академии наук»)

«Труды Карельского научного центра Российской академии наук» (далее – Труды КарНЦ РАН) публикуют результаты завершенных оригинальных исследований в различных областях современной науки: теоретические и обзорные статьи, сообщения, материалы о научных мероприятиях (симпозиумах, конференциях и др.), персоналии (юбилеи и даты, потери науки), статьи по истории науки. Представляемые работы должны содержать новые, ранее не публиковавшиеся данные.

Статьи проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией серии или тематического выпуска Трудов КарНЦ РАН после рецензирования, с учетом научной значимости и актуальности представленных материалов. Редколлегии серий и отдельных выпусков Трудов КарНЦ РАН оставляют за собой право возвращать без регистрации рукописи, не отвечающие настоящим правилам.

При получении редакцией рукопись регистрируется (в случае выполнения авторами основных правил ее оформления) и направляется на отзыв рецензентам. Отзыв состоит из ответов на типовые вопросы «Анкеты» и может содержать дополнительные расширенные комментарии. Кроме того, рецензент может вносить замечания и правки в текст рукописи. Авторам высылается электронная версия «Анкеты» и комментарии рецензентов. Доработанный экземпляр автор должен вернуть в редакцию вместе с первоначальным экземпляром и ответом на все вопросы рецензента не позднее чем через месяц после получения рецензии. Перед сдачей в печать авторам высылается распечатанная версия статьи, которая вычитывается, подписывается авторами и возвращается в редакцию.

Почтовый адрес редакции: 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11, КарНЦ РАН, редакция Трудов КарНЦ РАН. Телефон (8142) 762018.

Содержание номеров Трудов КарНЦ РАН и другая полезная информация, включая настоящие Правила, доступна на сайте http://transactions.krc.karelia.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Статьи публикуются на русском или английском языке. Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статьи должны быть подписаны всеми авторами.

Объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам, рисунки) не должен превышать: для обзорных статей – 30 страниц, для оригинальных – 25, для сообщений – 15, для хроники и рецензий – 5–6. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Рукописи большего объема (в исключительных случаях) принимаются при достаточном обосновании по согласованию с ответственным редактором.

Рукописи присылаются в электронном виде, а также в двух экземплярах, напечатанных на одной стороне листа формата А4 в одну колонку через 1,5 интервала (12 пунктов шрифта типа Times New Roman). Размер полей: сверху, снизу – 2,5 см, справа, слева – 2,5 см. Все страницы, включая список литературы и подписи к рисункам, должны иметь сплошную нумерацию в нижнем правом углу. Страницы с рисунками не нумеруются.

ОБЩИЙ ПОРЯДОК РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ СТАТЬИ

Элементы статьи должны располагаться в следующем порядке: *УДК* курсивом на первой странице, в левом верхнем углу; заглавие статьи на русском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; инициалы, фамилии всех авторов на русском языке полужирным шрифтом; полное название организации - место работы каждого автора в именительном падеже на русском языке курсивом (если авторов несколько и работают они в разных учреждениях, то следует отметить арабскими цифрами соответствие фамилий авторов учреждениям, в которых они работают; если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно); аннотация на русском языке; ключевые слова на русском языке; инициалы, фамилии всех авторов на английском языке полужирным шрифтом; название статьи на английском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; аннотация на английском языке; ключевые слова на английском языке; текст статьи (статьи экспериментального характера, как правило, должны иметь разделы: ВВЕДЕНИЕ. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. ВЫВОДЫ. ЛИТЕРАТУРА); благодарности; литература (с новой страницы); таблицы (на отдельном листе); рисунки (на отдельном листе); подписи к рисункам (на отдельном листе).

На отдельном листе дополнительные сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью на русском и английском языках; полный почтовый адрес каждой организации (страна, город) на русском и английском языках; должности авторов; адрес электронной почты для каждого автора; телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ должно точно отражать содержание статьи* и содержать не более 8-10 значащих слов.

АННОТАЦИЯ должна быть лишена вводных фраз, содержать только главную информацию статьи, не превышать объем 15 строк.

Отдельной строкой приводится перечень КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга запятой, в конце фразы ставится точка.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ должны содержать сведения об объекте исследования с обязательным указанием латинских названий и сводок, по которым они приводятся, авторов классификаций и пр. Транскрипция географических названий должна соответствовать атласу последнего года издания. Единицы физических величин приводятся по Международной системе СИ. Желательна статистическая обработка всех количественных дан ных. Необходимо возможно точнее обозначать местонахождения (в идеале – с точным указанием географических координат).

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ должно заключаться не в пересказе содержания таблиц и графиков, а в выявлении следующих из них закономерностей. Автор должен сравнить полученную им информацию с имеющейся в литературе и показать, в чем заключается ее новизна. Для фаунистических и флористических работ следует указывать место хранения коллекционных образцов. Если в статье приводятся сведения о новых для исследованной территории таксонах, то желательно и процитировать этикетку. Следует ссылаться на табличный и иллюстративный материал так: на рисунки, фотографии и таблицы в тексте (рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2 и т. д.), фотографии, помещаемые на вклейках (рис. I, рис. II). Обсуждение завершается формулировкой основного вывода, которая должна содержать конкретный ответ на вопрос, поставленный во Введении. Ссылки на литературу в тексте даются фамилиями, например: Карху, 1990 (один автор); Раменская, Андреева, 1982 (два автора); Крутов и др., 2008 (три автора или более), и заключаются в квадратные скобки. При перечислении нескольких источников работы располагаются в хронологическом порядке, например: [Иванов, Топоров, 1965; Успенский, 1982; Erwin et al., 1989; Рыбаков, 1994; Longman, 2001].

ТАБЛИЦЫ нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица имеет свой заголовок. На полях рукописи (слева) карандашом указываются места расположения таблиц при первом упоминании их в тексте. Диаграммы и графики не должны дублировать таблицы. Материал таблиц должен быть понятен без дополнительного обращения к тексту. Все сокращения, использованные в таблице, должны быть пояснены в Примечании, расположенном под ней. При повторении цифр в столбцах нужно их повторять, при повторении слов - в столбцах ставить кавычки. Таблицы могут быть книжной или альбомной ориентации (при соблюдении вышеуказанных параметров страницы).

РИСУНКИ представляются отдельными файлами с расширением TIFF (*.TIF) или JPG (не встраивать в Word). Графические материалы должны быть снабжены распечатками с указанием желательного размера рисунка в книге, пожеланий и требований к конкретным иллюстрациям. На каждый рисунок должна быть как минимум одна ссылка в тексте. Иллюстрации объектов, исследованных с помощью фотосъемки, микроскопа (оптического, электронного трансмиссионного и сканирующего), должны сопровождаться масштабными линейками, причем в подрисуночных подписях надо указать длину линейки. Приводить данные о кратности увеличения необязательно, поскольку при публикации рисунков размеры изменятся. Крупномасштабные карты желательно приводить с координатной сеткой, обозначениями населенных пунктов и/или названиями физикогеографических объектов и разной фактурой для воды и суши. В углу карты желательна врезка с мелкомасштабной картой, где был бы указан участок, увеличенный в крупном масштабе в виде основной карты.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ должны содержать достаточно полную информацию, для того чтобы приводимые данные могли быть понятны без обращения к тексту (если эта информация не дана в другой иллюстрации). Аббревиации расшифровываются в подрисуночных подписях.

ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ. В расширенных латинских названиях таксонов не ставится запятая между фамилией авторов и годом, чтобы была понятна разница между полным названием таксона и ссылкой на публикацию в списке литературы. Названия таксонов рода и вида печатаются курсивом. Вписывать латинские названия в текст от руки недопустимо. Для флористических, фаунистических и таксономических работ при первом упоминании в тексте и таблицах приводится русское название вида (если такое название имеется) и полностью – латинское, с автором и, желательно, с годом, например: водяной ослик (*Asellus aquaticus* (L. 1758). В дальнейшем можно употреблять только русское название или сокращенное латинское без фамилии автора и года опубликования, например, для брюхоногого моллюска *Margarites groenlandicus* (Gmelin 1790) – *M. groenlandicus* или для подвида *M. g. umbilicalis*.

СОКРАЩЕНИЯ. Разрешаются лишь общепринятые сокращения – названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеупотребительных.

---

* **Названия видов приводятся на латинском языке КУРСИВОМ**, в скобках указываются высшие таксоны (семейства), к которым относятся объекты исследования.

БЛАГОДАРНОСТИ. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования работы.

ЛИТЕРАТУРА. Пристатейные ссылкии/или списки пристатейной литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.52008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (http://www.bookchamber.rU/GOST_P_7.0.5.2008). Список работ представляется в алфавитном порядке. Все ссылки даются на языке оригинала (названия на японском, китайском и других языках, использующих нелатинский шрифт, пишутся в русской транскрипции). Сначала приводится список работ на русском языке и на языках с близким алфавитом (украинский, болгарский и др.), а затем – работы на языках с латинским алфавитом. В списке литературы между инициалами ставится пробел.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ 1-Й СТРАНИЦЫ

УДК 631.53.027.32:635.63

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ ПРЕДПОСЕВНОГО ЗАКАЛИВАНИЯ СЕМЯН НА ХОЛОДОУСТОЙЧИВОСТЬ РАСТЕНИЙ ОГУРЦА

Е. Г. Шерудило[1], М. И. Сысоева[1], Е. Ф. Марковская[2]

[1] *Институт биологии Карельского научного центра РАН*
[2] *Петрозаводский государственный университет*

Аннотация на русском языке

Ключевые слова: *Cucumis sativus* L., кратковременное снижение температуры, устойчивость.

E. G. Sherudilo, M. I. Sysoeva, E. F. Markovskaya. EFFECTS OF DIFFERENT REGIMES OF SEED HARDENING ON COLD RESISTANCE IN CUCUMBER PLANTS

Аннотация на английском языке

Key words: *Cucumis sativus* L., temperature drop, resistance.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 2. Частота встречаемости видов нематод в исследованных биотопах

Биотоп (площадка)	Кол-во видов	Встречаемость видов нематод в 5 повторностях				
		100 %	80 %	60 %	40 %	20 %
1Н	26	8	4	1	5	8
2Н	13	2	1	1	0	9
3Н	34	13	6	3	6	6
4Н	28	10	5	2	2	9
5Н	37	4	10	4	7	12

Примечание. Здесь и в табл. 3–4: биотоп 1Н – территория, заливаемая в сильные приливы; 2Н – постоянно заливаемый луг; 3Н – редко заливаемый луг; 4Н – незаливаемая территория; 5Н – периодически заливаемый луг.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. 1. Северный точильщик *(Hadrobregmus confuses* Kraaz.)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Ссылки на книги

Вольф Г. Н. Дисперсия оптического вращения и круговой дихроизм в органической химии / Ред. Г. Снатцке. М.: Мир, 1970. С. 348–350.

Илиел Э. Стереохимия соединений углерода / Пер. с англ. М.: Мир, 1965. 210 с.

Несис К. Н. Океанические головоногие моллюски: распространение, жизненные формы, эволюция. М.: Наука, 1985. 285 с.

Knorre D. G., Laric O. L. Theory and practice in affinity techniques / Eds. P. V. Sundaram, F. L. Eckstein. N. Y, San Francisco: Acad. Press, 1978. P. 169–188.

Ссылки на статьи

Викторов Г. А. Межвидовая конкуренция и сосуществование экологических гомологов у паразитических перепончатокрылых // Журн. общ. биол. 1970. Т. 31, № 2. С. 247–255.

Grove D. J., Loisides L., Nott J. Satiation amount, frequency of feeding and emptying rate in *Salmo gairdneri* // J. Fish. Biol. 1978. Vol. 12, N 4. P. 507–516.

Ссылки на материалы конференций

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 125–128.

Ссылки на авторефераты диссертаций

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственновременных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1985. 23 с.

Ссылки на диссертации

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственновременных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: дис. ... канд. биол. наук. М., 1985. С. 21–46.

Ссылки на патенты

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Серегин А. Г. Оптикоэлектронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Ссылки на архивные материалы

Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

Ссылки на интернет-ресурсы

Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайновых сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/ (дата обращения: 25.11.2006).

Ссылки на электронные ресурсы на CD-ROM

Государственная Дума, 1999-2003 [Электронный ресурс]: электронная энциклопедия / Аппарат Гос. Думы Федер. Собрания Рос. Федерации. М., 2004. 1 CD-ROM.

CONTENTS

N. V. Lobanova. ANTHROPOMORPHIC IMAGES IN THE ROCK ART OF NORTHERN FENNOSCANDIA 3

I. I. Mullonen, O. V. Panchenko. KARELIAN-RUSSIAN LEXICAL NOTES OF ARCHIMANDRITE THEOPHANES OF ATHOS WRITTEN IN THE SOLOVKI PRISON (1666–1668) 16

V. A. Bakhtina. THE COLLECTOR AS AN INTERPRETER OF THE FOLKLORE TEXT (OBSERVATIONS ON THE ARCHIVAL MATERIALS FROM THE EXPEDITION BY B. M. AND YU. M. SOKOLOVS "IN THE FOOTSTEPS OF RYBNIKOV AND HILFERDING" 1926–1928) 31

N. E. Mazalova. RUSSIAN WIZARD: THE HERO, THE VILLAIN 41

A. V. Peregudov. THE EARLY 20TH CENTURY RUSSIAN GENDARME: A PERCEPTION (BASED ON MEMOIRS OF OFFICERS OF THE INDEPENDENT GENDARME CORPS) 50

M. S. Kostyukhina. MILITARY TABLETOP GAMES IN THE LEISURE AND EDUCATIONAL TRADITIONS OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES 56

I. V. Sinova. EVERYDAY LIFE OF PUPILS OF CRAFTS WORKSHOPS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES 68

H. G. Soini. THE HARMONY OF THE TRAGIC IN UUNO KAILAS' POETRY 74

L. I. Vavulinskaya. EVERYDAY LIFE IN CAPTIVITY: FOREIGN PRISONERS OF WAR IN KARELIA (1944–1949) 82

N. L. Pushkareva. "NEEDS NO BRAINS": SOCIAL IDEAS ABOUT WOMEN IN SCIENCE IN THE POST-SOVIET SOCIETY 89

S. G. Musteata. BEING A HISTORIAN IN THE SOVIET MOLDAVIA 99

O. Ch. Reut, T. P. Teterevleva. THE "RAILCAR IN A NECKTIE" OR A "GREAT STATESMAN": REPRESENTATIONS OF THE HISTORICAL FIGURE IN MODERN RUSSIAN POLITICAL DISCOURCE 107

O. V. Zmeyeva, I. A. Razumova. HEROES – PERPETRATORS – VICTIMS: THE PROBLEMATIZATION OF THE DEATH AND BURIAL IN THE CASE OF COLLECTIVE DEATH 113

DOCTORAL STUDENT NOTEBOOKS

D. V. Blyshko. SOCIAL STRUCTURE OF THE LATE SOCIALIST SOCIETY AS RENDERED BY RUSSIAN DOCUMENTARIES: WORTHIES AND EVERYMEN 124

S. V. Vanichev. RADIO BROADCASTING IN KARELIA AS REPORTED BY LOCAL PRINTED MEDIA IN THE 1930s 129

I. M. Potasheva, S. A. Svetov. GEOCHEMICAL RESEARCH IN ARCHAEOLOGY: ICP-MS ANALYSIS OF WHEEL-THROWN POTTERY SAMPLES FROM ANCIENT KARELIAN HILLFORTS 136

DATES AND ANNIVERSARIES

N. A. Korablyov, V. G. Makurov. Alexey S. Zherbin (on the 90th anniversary) 143

V. G. Makurov. Afanasiy N. Turubanov (on the 75th anniversary) 146

Helena G. Soini (on the 60th anniversary) 149

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

V. P. Kuznetsova. "Do Lead Me Away, the Road": Collected papers in memory of T. A. Bernstam / N. E. Mazalova, I. Yu. Vinokurova, V. A. Lapin, O. M. Fischman, Eds. St. Petersburg: MAE RAN, 2010. 458 p.; fig. 154

S. M. Loyter. Borisov S. B. Russian Childhood in the 19th-20th Cent.: a cultural-anthropological glossary: 2 volumes. St. Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 2012. 158

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS 161

Научное издание

Труды Карельского научного центра
Российской академии наук
№ 4, 2013

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вып. 4

Печатается по решению
Президиума Карельского научного центра РАН

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-48848 от 02.03.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Редактор А. И. Мокеева
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Подписано в печать 27.08.2013. Формат 60x84 1/8.
Гарнитура Pragmatica. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,2. Усл. печ. л. 19,3.
Тираж 500 экз. Изд. № 395. Заказ 144.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50